ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ ТУРАНА

№ 1

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМ. Я.ГУЛЯМОВА
КАРАКАЛПАКСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
КАРАКАЛПАКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ БЕРДАХА

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ ТУРАНА

№ 1

В ЧЕСТЬ ГАЙРАТА ХОДЖАНИЯЗОВА

Самарканд - 2013

История и археология Турана. №1. 2013 г. 220 с.

Ответственный редактор
А.Э. Бердимурадов

Рецензенты
к.и.н. К. Абдуллаев
к.и.н., Д.К. Мирзаахмедов

Редакционная коллегия:
А.А. Анарбаев, А.Д. Искандерова, М.А. Карлыбаев,
М-Ш. Кдырниязов, М.Х. Пардаев, А.А. Раимкулов,
М.Т. Торебеков, Ж. Хакимниязов, Г.Х. Хожаниязов, В.Н. Ягодин

Составитель
Айсулу Искандерова

Печатается по решению Ученого Совета Института археологии АН РУз.

В сборнике освещаются результаты археологических исследований, проведенных на территории Приаральского региона и сопредельных регионов. Хронологически охватывается широкий диапазон — от памятников эпохи палеолита до средневековья; освещается планировка и топография городищ, история архитектуры, ремесло и ремесленная технология, а также вопросы развития идеологических воззрений и результаты антропологических исследований.

Сборник предназначен для археологов, историков и студентов исторических факультетов вузов и всех, интересующихся прошлым Средней Азии.

ISBN 978-9943-11-207-0

©Институт археологии АН РУз, 2013

Содержание

От редакционной коллегии 7

Ягодин В.Н., Кдырниязов М-Ш., Искандерова А.
Г.Х. Хожаниязов известный историк-археолог Приаралья 8

Литература о Г.Х. Хожаниязове 12

Библиография научные и научно-популярные работы Хожаниязова Г.Х. 13

Alison Betts
Ghairatdin Khozhaniyazov 25

Васильев С.В., Ходжайов Т.К.
Антропологические исследования палеолитических находок из Средней Азии: факты и интерпретации 27

Elizabeth Baker Brite
Materials Analysis of the Wall Paintings from Kazakly-Yatkan, Uzbekistan 35

C. Daly, F. Kidd
The Documentation of *in Sity* Wall Paintings At Kazakly-Yatkan/Akcha-Khan Kala 42

Мамбетуллаев М.М.
К изучению раннекердерских амулетов (VI-VIII вв.) (по материалам Куюк-калы) 47

Ходжайов Т.К., Косекеев Б.Ж., Утепбергенов Ф.Ж.
Краниологический материал VII-VIII вв. из Миздахкана 58

Ходжаниязов Г.Х.
Фортификация Хорезма в эпоху Мамунидов и Ануштегинидов (конец X – нач.XIII вв) 69

Смагулов Е.А.
Древний Сауран: история изучения в ранние этапы развития 82

Ходжайов Т.К., Туребеков М.
Краниологический материал из мавзолея Кырк-шопан 98

Хакимниязов Ж.Х.
Мемориальные сооружения в эпоху Хорезмшахов 104

Қдырниязов М.-Ш., Бекниязов Б.
Хоразмшохлар давлатининг савдо алоқалари (XI-XIII асрлар) 110

Доспанов О.Т.
Кават-кала – уникальный памятник Средневековья 119

Yusupov O.
Nomads in the Steppes of Eurasia and Ethno-Culture of the Aral Sea Basin 123

Алимбетов А.
Архитектурные детали декора с мавзолея городища Бограхан 127

Кдырниязов М.-Ш., Кдырниязов О.-Ш.
Религия и культово-мемориальные памятники Хорезма в эпоху Золотой Орды 136

Акимниязова Г.А.
Великий шелковый путь и торгово-ремесленные города Северного Хорезма 140

Абдуллаев Т.П.
Ўрта асрдаги хоразмнинг кулолчилик хунармандчилиги (XII-XIV асрлар) 149

Туребеков М.
Исследование квартала №3 городища Миздахкан 159

Юсупов Н.Ю.
История горного дела Хорезма в трудах М.Е. Массона 162

Искандерова А.Д.
Виды орнаментальных мотивов на глазурованной керамике Хорезма XII-XIII вв. и их архитектурные параллели 177

Турганов Б.Қ.
Хоразмнинг ўрта асрлар дурадгорлик асбоблари (VIII-XIV асрлар) 185

Юсупов Ш.Х.
Темурийлар давридаги Жанубий Хорезм 193

G.F.M. Fray, A.D. Iskanderova
Prelevement et Restauration des Peintures Antiques du Khorezm Ancien de Kazakl'i Yatkan / Akcha-Khan Kala. Du Travail sur Fouille a la Presentation Museographique 197

Ш. Амиров
О возможности использовании САПР Autocad в определении объема сосудов 208

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

В предлагаемом читателю сборнике «История и археология Турана» помещены новые публикации, посвященные древней и средневековой истории и археологии Хорезма и Южного Приаралья.

В Приаральском регионе переплетались интересы оседло-земледельческого населения Центральной Азии, финно-угров, кочевых племен Арало-Каспия. Район служил в коммуникационных связях Востока с Западом, с древних времен был соединен ветвями Великого Шелкового пути. На протяжении веков здесь развивались этногенетические процессы, осуществлялся синтез оседлых и кочевых культур.

В череде статей сборника представлены новые материалы из древней столицы Хорезма Акшахан-кала, средневекового Миздахкана, Кердера, данные по истории керамического производства, религии, архитектуре, общественно-культовым сооружениям, ремеслу и торговле региона. Получению материалов публикаций во многом способствовали работы совместной Каракалпакско-Австралийской археологической экспедиции (Сиднейский университет), археологических отрядов Каракалпакского государственного университета и Нукусского педагогического института. Освещены новые данные Туркестанской археологической экспедиции, проводившиеся на городище древнего Саурана. Новыми являются краниологические данные из мавзолеев Миздахкана, подготовленные учеными Института антропологии и этнологии АН России. Большинство статей носят обобщающий характер, и послужат интересам отечественной исторической науки.

Выпуск сборника посвящен 60-летнему юбилею заведующего отделом археологии Каракалпакского Научно-исследовательского института ККО АН РУ Хожаниязова Г.Х., который много отдал археологической науке, общественной работе, получил всенародное признание и ряд государственных наград нашей страны.

Надеемся, что материалы сборника, будут интересны для археологов, историков, краеведов и всех интересующихся вехами прошлого Приаральского и сопредельных регионов.

Г.Х.ХОЖАНИЯЗОВ — ИЗВЕСТНЫЙ ИСТОРИК-АРХЕОЛОГ ПРИАРАЛЬЯ

Хорезм - страна нехоженых дорог. Таковой она остается до сих пор. Потому что, здесь исследователей всегда ждут неожиданные находки, а может быть, и разочарования. На эту дорогу однажды вступил и наш юбиляр. Дорогу, которая привела его к открытиям мирового значения.

Гайратдин Хожаниязов родился 11 июля 1948 г. в поселке Караузяк Караузякского района Республики Каракалпакстан. После окончания исторического факультета Каракалпакского Государственного педагогического института с августа 1972 г. по настоящее время работает в отделе археологии Каракалпакского научно-исследовательского института гуманитарных наук. Начинал он с должности лаборанта, проходил научную стажировку (1974-1978 гг.) на кафедре археологии МГУ имени М.В. Ломоносова под руководством профессора Г. А. Федорова-Давыдова и в секторе античной археологии Института археологии АН Российской Федерации под руководством профессора И.Т.Кругликовой. В 1980-1983 гг. учился в аспирантуре, защитил кандидатскую диссертацию по теме “История фортификации древнего Хорезма” (1996 г.). Он участвовал в археологических экспедициях МГУ им. М.В. Ломоносова и Института археологии АН РФ (1975-1977 гг.) в Херсонесе (Крым, Украина), Нижнем Поволжье (Кривая Лука, Сарай Бату, Сарай Берке) и Ставропольском крае РФ.

С первого года поступления в академию начал принимать активное участие в полевых археологических исследованиях отдела археологии и работал вместе со старшим поколением археологов Каракалпакстана (В.Н. Ягодин, М.М. Мамбетуллаев, Е.Б. Бижанов и др.). В этих полевых исследованиях проводил первые самостоятельные изыскания, составлял научные отчеты, писал статьи, тогда же его особенно привлекли методы раскопок античных и средневековых памятников края. Начиная с начала 80-х гг. прошлого столетия, начал самостоятельные полевые исследовательские работы, организовал Северо-Каракалпакский, Южно-Каракалпакский, Кзылкалинский, Джампыккалинский, Миздахканский и др. археологические отряды.

Опытный полевой археолог Хожаниязов Г. в течение 40 лет выезжал в экспедиции по родному краю, не пропуская ни одного сезона.

Он непосредственный участник археологических работ по определению возраста города Хивы - 2500 лет (1984-1990 гг.), международной экспедиции ЮНЕСКО «Великий шелковый путь. Путь диалога» (1989, 1991 гг.), с 1995 г. по настоящее время участвует в международной археологической экспедиции «Каракалпакстан-Австралия», где его партнерами-исследователями являются А. Бетс, С.У. Хелмс, Ф.Ж. Кидд и др.

Во время археологических изысканий в составе этих экспедиции были впервые разведаны и открыты новые археологические объекты, памятники культуры древнего и средневекового Приаралья. Среди них отметим городище Акчунгуль (1978 г., Кунградский район), городище Кетменчи-баба (2000 г., Ходжейлинский район), Дали-кала (2003 г., Берунийский район), длинная – оазисная стена Акшахан-калы (Казаклы-яткан) (1982 г., Берунийский район), комплекс Белое ханако Сулаймана Хаддадии Мусевий в Миздахкане (1989 г., Ходжейлинский район), зороастрийский некрополь Крантау (1999 г., Нукусский район) и др. При его участии найден уникальный клад тимуридской эпохи в Хиве (1984 г.), который состоял из 248 серебряных монет (мири и тангача), выпущенных в конце XIV – начале XV вв.; отчеканены в 20 монетных дворах государства Амира Темура и Темуридов.

Результаты его исследований изложены в книгах, монографиях, 130 научных статьях, изданных в Узбекистане, Таджикистане, Кыргызстане, Туркменистане, России, Франции, Англии, Австралии, Германии, США. Среди них наиболее весомыми являются монографии: «Городище Дэвкескен-Вазир», «The military architecture of ancient Chorasmia (6th century B.C.-4th century A.D.), «Қадимги Хорезм мудофаа иншоотлари», «Әййемги Окс дарьясының төмениндеги зардуштлик дининин излери» (совместно с Ж. Базарбаевым), «Каракалпакстаннын әжайып жети естелиги», (совместно с Ж.Хакимниязовым), статьи «История развития фортификации античного Хорезма», «Les fortifications karakalpakes aux XVII-XIX -e siecles». Cahiers d'Asie Centrale. Karakalpaks et autres gens de L'Aral: Entre rivfges et Deserts, «Five seasons of excavations in the Tash-K'irman oasis of ancient Chorasmia, 1996-2000. An interim report» (Helms S.W., Yagodin V.N., Betts A.V.G., Kidd F), «The Karakalpak-Australian Excavations in Ancient Chorasmia: the Northern Frontier of the "Civilised "' Ancient World» (Helms S.W., Yagodin V.N., Betts A.V.G., Negus M.) и другие работы.

Тема его научных исследований не только археология, история фортификации античного и средневекового Хорезма, но и религия, общественно-культовые памятники края, этноархеология. В монографиях «The military architecture of ancient Chorasmia (6th century B.C. - 4th century A.D.)», «Қадимги Хорезм мудофаа иншоотлари», «Городище Дэвкескен-Вазир» впервые систематизированы и обобщены все известные ранее и полученные за последние годы материалы; выявлены особенности укреплений разных типов (укрепленные поселения городского типа, крепости, укрепленные культовые сооружения, укрепленные здания или казармы, длинные стены); рассмотрены некоторые вопросы генезиса отдельных приемов и элементов фортификации; выявлены основные линии развития древнехорезмийской фортификации и её особенности на различных этапах; а также роль и место Хорезма в истории древней фортификации Средней Азии и окружающей кочевой степи. Установлено, что в античный период фортификационное искусство древнего Хорезма было на уровне фортификационного искусства Центральной Азии, существовала школа возведения укрепленных сооружений.

Юбиляр Г. Хожаниязов является талантливым краеведом и популизатором старины, благодаря его исследованиям началось системное изучение культовых памятников Каракалпакстана. По его инициативе составлен каталог малоизвестных и популярных культово-общественных мест, результате опубликованы научно-популярные издания «Қарақалпакстанның мухаддес орынлары» (соавтор О. Юсупов); «Назархан», (совместно с Ж. Оразымбетовым); «Имам ийшан-қарақалпақ халқының уллы уламасы ҳәм ағартыўшы тулғасы» (совместно с К. Наимовым); «Қарақалпақстандағы естелик қәбирстанлар»; «Қарақалпақстанның әжайып жети естелиги» (совместно с Ж. Хакимниязовым); «Амударьё» (совместно с К. Нуржановым). Подготовлены и изданы карты памятников Каракалпакстана с древнейших времен до наших дней, а также буклеты «Кзыл-кала», «Кой-крылган-кала», «Миздахкан» и др. Г.Х. Хожаниязов входил в авторский коллектив и был автором сборников «Археологические исследования в Каракалпакии»; «Археология Приаралья». Вып. 1-4, 6; «Материалы к своду памятников истории и культуры Каракалпакской АССР»; «История и материальная культура Каракалпакстана». Выступал с докладами на конференциях и симпозиумах, которые проходили в Москве, Душанбе, Бишкеке, Ташкенте, Самарканде, Хиве, Нукусе, Бустоне.

Произведенные юбиляром исследовательские работы позволили восстановить место погребения известных людей, деятелей культуры и литературы Каракалпакстана, установить надгробные памятники на месте их захоронения: в 1991 г. Жийен жырау, Өтеш шайыр (Караузякский район); в 1992 г. Ережеп тентек Қулшы улы (Чимбай), Мурат шайық (Караузяк); в 1993 г., Әжинияз Қосыбай улы (Муйнак).

Он являлся членом Республиканский комиссии по координации вопросов присвоения топонимическим объектам имен известных людей (1994-2000); по присвоению государственной премии имени Бердаха (1995-2000 гг.).

Участвует в общественной жизни Республики Каракалпакстан, в качестве Председателя Общества охраны памятников истории и культуры Республики Каракалпакстан (с декабря 1990-1994 гг.), принимает активное участие в общественно-культурных мероприятиях РК, он автор научно-теоретической конференции “Ходжейли-древнейший город Республики Каракалпакстан” (25 января 1995 г., Ходжейли), член комиссии при СМ РК по госпремии «Зульфия» и член редсовета и редколлегии журналов «Археология Узбекистана», «Әмиўдәрья», «Санийат/Art/ Искусство» и «Qarli’gash», а также журналов «Арал кызлары», «Санийат/Art/ Искусство». Активно участвует в работе культурно-просветительских учреждений. Г.Х. Хожаниязов долгие годы сотрудничал с основателем музея искусств РК И.В. Савицким и провел совместные раскопки в Кзыл-кале, Джанпык-кале и других античных и средневековых памятниках края, собирал коллекции для музея. Почти три десятка лет сотрудничает с Государственным краеведческим музеем РК и принимал непосредственное участие в создании экспозиций по археологии Каракалпакстана, также в проведении 75- и 80-летнего юбилея музея в городах Турткуле и в Нукусе (2003), в организации выставок, посвященных 1000-летию Академии Мамуна (2005), 220-летию Имама Кайпназар бия (2004), профессору К. Аимбетову (2008), краеведа Смета Мадиярова, Атагуллы Худайбергенова и др.

Г.Х. Хожаниязов является автором и консультантом нескольких документальных фильмов по памятникам истории и культуры Приаралья, среди них «По дорогам Амира Темура в Приаралье», (Ташкент-Нукус, 1996); «Миздахкан», «Прикосновение к вечности» (Режиссер С.Б. Эгай, Ташкент, 2006 г.). «Золотое насле-

дие» (Режиссер Т. Калимбетов, 2006 г.), «Гульдурсун» (2009 г.), «Акшахан кала. Поиск древней столицы (Узтелефильм, 2009)» и другие.

Юбиляр также ведет преподавательскую работу. В 1994 г. впервые организовал практику для студентов-историков НГПИ. В настоящее время читает спецкурсы студентам и магистрантам исторического факультета КГУ им. Бердаха. Им написаны учебно-методические пособия «Археологиялык хэм этнографиялык дала окыу амелияты (окыу методикалык колланба, 2004 г); «Тарийхый үлкетаныў» (оқыў методикалық қолланба, 2001 г.).

За научную и педагогическую деятельность и активное участие в общественной жизни удостоен государственной награды Республики Узбекистан - ордена «Меҳнат Шухрати» (2003 г.), в 2008 г. ему присвоено высокое звание «Герой Узбекистана».

Ягодин В.Н.,
Кдырниязов М-Ш.,
Искандерова А.

ЛИТЕРАТУРА О Г.Х. ХОЖАНИЯЗОВЕ

Юсупов Н. Г. Хожаниязову 50 лет // Вестник КК ФАН РУз., 1998.

Мамбетуллаев М., Кдырниязов М.Ш., Искандерова А. Археология илиминин пидайысы // Еркин Каракалпакстан. 23-VIII-2008, №102 (18628).

Абибуллаев Д. Илимге берилген жоқары баҳа // Еркин Каракалпакстан. 30-VIII-2008, №105 (18632).

Ибрагимов С. «Спеши делать добро…» // Вести Каракалпакстана. 6-IX- 2008, №72 (17332).

Ахмедов Хидоят. Аждодлар меросини эъзозлаш бахти // Халк сузи. 2008 йил 4-IX, №174 (45584).

Кучкаров Я. Улуғ Ватан фарзандимиз // XXI ASR. 18-IX-2008, №40 (252).

Тажетдийинова Г. Дала алымы // Устаз жолы. 27-IX, 2008, №40 (533).

Мамбетуллаев М., Кдырниязов М.Ш., Юсупов Н., Искандерова А. Археологу и историку Г.Х. Хожаниязову 60 лет // Вестник ККО АН РУ, №3, 2008.

Кдырниязов М.Ш. Илим пидайысы. Археолог алымнын мартебеси // Еркин Қарақалпақстан. 13-XII, 2008, №150 (18676).

Хакимниязов Ж., Юсупов О., Нурабуллаева С. Миллий мәдениятымыздың пидайысы - қаҳарман // Әмиўдәрья, 2009, №1.

Ражабов Ж. Археология: Бугин ва эртага // Xalq minbari. 30-IX-2008.

Мухаммед Хошан. Жайҳун ҳәм Сайҳунның аралығында // Әмиўдәрья. 2009, №3.

Қаландаров У. Мустақиллик йилларида Қорақалпоғистон археологиясиниң ривожланиши // Илим ҳәм билим. Нукус, 2009, №1-2.

Юсупов О., Аметов Т., Каландаров У. Ўзбекистон археологиясининг ривожланишида Қорақалпоқ олимларининг қўшган ҳиссаси // «Ўзбекистонда моддий маданият ва этномаданий жараёнлар». Республика илмий-амалий анжуманни мақолалар туплами. Термиз-2010.

Хакимниязов Ж., Юсупов О. Жануби Орол буйи (Қорақалпоғистон) археологияси илмининг шакилланиш ва равожланиш босқишлори // Маркази Осиё тарихи: манбашунослик ва тарихнавислик изланишлари. II илми туплом. Тошкент, 2010.

БИБЛИОГРАФИЯ

НАУЧНЫЕ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЕ РАБОТЫ Г.Х. ХОЖАНИЯЗОВА

1975

1. Исследования в Хорезмской области //АО - 1974 года. М. (соавтор М. Мамбетуллаев).

1978

2. Раскопки городища Большая Айбуйир кала // АО-1977. М. (соавтор М. Мамбетуллаев).

1979

3. Античные памятники северо-западного Хорезма // Античная культура Средней Азии и Казахстана. ТД. Ташкент (соавтор Е. Бижанов).
4. Работы Есенского отряда // АО-1978. М. (соавторы Е. Бижанов, Н. Юсупов).
5. Исследования в Хорезмской области // АО-1978. М. (соавторы М. Мамбетуллаев, Н. Юсупов)
6. Тарийхый естеликлер халық байлығы // Совет Қарақалпақстаны. 17/IV. (соавторы Б. Сайпанов, М.-Ш. Кдырниязов).
7. Жампық қала изертленип атыр // Коммунизм жеңиси, 31/V.

1980

8. Раскопки раннеантичного Хорезмского городища Топрак кала (Шаватская) // Вестник КК ФАН УзССР. №4 (соавторы М. Мамбетуллаев, Н. Юсупов).
9. Жаңа илим кандидаты // Совет Қарақалпақстаны. 6//V.
10. Раскопки в Топрак-кале // Советская Каракалпакия. 10/IX.

1981

11. История развития фортификации античного Хорезма // СА. №2. М.
12. Городище Аяз-кала и Бурлы кала (К изучению фортификации древнего Хорезма // Археологические исследования в Каракалпакии. Ташкент (соавтор Ю. Манылов).
13. Алебастровая статуэтка с городища Большая Айбуйир кала // Вестник КК ФАН УзССР. № 4.
14. Әйиемги Хорезмниң ҳасылдарлық кудайлары // Жас лененши. 28//VII (соавтор М.-Ш. Кдырниязов).

1982

15. Акчунгуль - новый памятник эпохи античности северо-западного Хорезма // Археология Приаралья. Вып. I.. Ташкент.

1983

16. Археологические исследования в Южном Хорезме // АО-1982. М.
17. Киет-кухна Хоразм пайтахты. Кизил қалъа топилмалари // Пахтакор. 4/IX.
18. Алебастровая статуэтка // Советская Каракалпакия. 7/VII.
19. Кизил калъа топилмалари // Совет Узбекистони. 7/X.
20. Новое о Кзыл кале // Советская Каракалпакия. 22/X.
21. Новое о Кзыл кале // Нукусский Университет. 6/XI.
22. Новые находки археологов // Советская Каракалпакия. 18/XI.
23. Естеликлер ҳаққында жаңа мағлыўматлар // Жас ленинши. 25/I.
24. Джанпик калъа топилмалари // Пахтакор. 7/IX.

1984

25. Новые данные к истории фортификации древнего Хорезма // Тезисы докладов 1-ой конференции молодых историков Средней Азии и Казахстана. Душанбе.
26. Оборонительные сооружения городища Кургашин-кала // Археология Приаралья. Вып.2. Ташкент.
27. Форум молодых ученых // Вестник КК ФАН УзССР. №4.
28. 50-лет Н. Юсупову // Вестник КК ФАН УзССР. №4.
29. Жампық қаланың ғазийне-сандығы // Совет Қарақалпақстаны. 4/IV.
30. Конференция молодых ученых // Советская Каракалпакия. 5/V.
31. Тайны древнего города // Советская Каракалпакия. 31/X. (соавторы М. Мамбетуллаев, Н. Юсупов).
32. Әйемги Хорезм мадениятының изи менен // Совет Қарақалпақстаны. 2/XI.

1985

33. Работы на Джанпык-кале // АО-1984. М.
34. К изучению оборонительных сооружений Малый Кырккыз-кала // Вестник КК ФАН УзССР. №1.
35. Хива по итогам исследования 1984 года // Вестник КК ФАН УзССР, №3. (соавтор М. Мамбетуллаев)
36. Топрак кала — уникальный памятник // Советская Каракалпакия. 14/II.
37. Орта асирдеги Жампык кала моншасы // Совет Қарақалпақстаны. 11/VI.
38. Открой свои тайны, земля // Комсомолец Узбекистана. 1/X.
39. Сколько лет Хиве // Советская Каракалпакия. 2/XII. (соавтор М. Мамбетуллаев).
40. Топрак кала уникальный памятник. (Критика и библиография) // Нукусский университет, 13/V.

1986

41. Ангка-кала позднеантичная крепость древнего Хорезма // Вестник КК ФАН УзССР. №1.
42. Работы Хивинского отряда // АО-1985. М. (соавтор М. Мамбетуллаев)
43. Кзыл-кала (работы 1981-1982 гг.) // Археология Приаралья. Вып.3. Ташкент.
44. Хива по итогам исследований 1985 года (Сообщение второе) // Вестник КК ФАН УзССР. №2. (соавторы М. Мамбетуллаев, Н. Юсупов, Ш. Матрасулов)
45. Пятидесятилетие Е. Бижанова // Вестник КК ФАН УзССР. №2.
46. Вал Дэвкескенский (К вопросу о функции и хронологии) // Вестник КК ФАН УзССР. №3 (соавтор В.Н. Ягодин).

47. Материалы к своду памятников истории и культуры ККАССР. Вып.2. Нукус.
48. Археологические исследования в городе Хиве // Великий Октябрь. Некоторые вопросы исторической науки. Тезисы докладов. Фрунзе (соавтор М. Мамбетуллаев).
49. Илимпазлар анықлады // Совет Қарақалпақстаны. 04/I.
50. Загадки древней крепости // Советская Каракалпакия. 25/III
51. Археологические исследования в Хиве // Хорезмская правда. 20/II (соавтор М. Мамбетуллаев).
52. Искусство древнего Хорезма // Советская Каракалпакия. 17/II.
53. Үстүрттеги әйиемги қашының сыры // Совет Қарақалпақстаны. 17/ X.
54. Древний город раскрывает // Хорезмская правда. 30/X, 1/XI (соавтор М. Мамбетуллаев).

1987

55. Исследователь древней истории Приаралья // Вестник КК ФАН УзССР. №2. (соавтор Н. Юсупов).
56. Новые данные об оборонительных сооружениях Аяз-кала № 3 // Вестник КК ФАН УзССР. №4.
57. Әйиемги Хорезм мадениятының энциклопедисти // Совет Каракалпакстаны. 24/I.
58. Исследователь древних культур // Советская Каракалпакия. 19/II.

1988

59. Академику Я.Г. Гулямову 80 лет // Вестник КК ФАН УзССР. №2 (соавтор Н. Юсупов).
60. Үлке таныў музейниң тарийхынан // Жас лининши. 17/V (соавтор О.Юсупов).
61. Дороги зовут туриста // Советская Каракалпакия. 22/VII.
62. Тағыда Султан баба қойымшылығы ҳаққында // Совет Қарақалпақстаны. 22/IX.
63. Караматлы төбешиктиң сыры // Совет Қарақалпақстаны. 11/XI.

1989

64. Археологические исследования в некрополе Миздахкан // Вестник КК ФАН УзССР. №3 (соавторы Н. Юсупов, М.-Ш. Кдырниязов, М. Туребеков).
65. Поливная импортная посуда из Кзыл-калы // Материалы XII НТК профессорско-преподавательского состава КГУ. Нукус (соавтор М.-Ш. Кдырниязов).
66. Уникальный чайник // Памятники Туркменистана. Ашхабад. №2.
67. Ески калардын бири // Коммунизм жолы. 25/IV.
68. «Миздакхан» дыхание из глубины веков // Советская Каракалпакия. 26/IX.
69. Тарийхый жол бойлап саяхат // Совет Қарақалпақстаны. 26/IX.
70. Ценное исследование // Нукусский университет. 8/XII.
71. Караматлы мавзолей сыры // Совет Қарақалпақстаны. 15/XII.

1990

72. Городище Малый Кырккыз кала памятник - раннеантичного Хорезма //Археология Приаралья. Вып.IV. Ташкент.
73. Раскопки жилого квартала XII-XIV вв. в северо-западной части Джанпык калы // Археология Приаралья. Вып.IV. Ташкент (соавторы М.-Ш. Кдырниязов, О. Доспанов).
74. Коллекция поливной посуды из Кзыл-калы // Культура Среднего Востока (с древ-

нейших времен до наших дней). Изобразительное и прикладное искусство. Ташкент (соавтор М.-Ш. Кдырниязов).
75. Мурат шейх ҳәм оның махбарасы ҳаққында // Әмўдәрья. №5 (соавтор О. Юсупов).
76. Археологические работы в городище Миздахкан в 1989 год // Вестник КК ФАН Уз ССР. №4. (соавторы Н. Юсупов, Б. Сайпанов).
77. Раскопки оборонительных сооружений городища Большая Айбуйир кала // Вопросы истории, археологии и этнографии Каракалпакской АССР. Нукус (соавторы М. Мамбетуллаев, М.-Ш. Кдырниязов).
78. Певец Хорезма - Агахи // Советская Каракалпакия. 22/II (соавтор Н. Юсупов).
79. Загадки Миздакхана // Сельская правда. 24/III (соавтор Н. Юсупов).

1991

80. Раскопки Восточного комплекса на Миздахкане в 1987-1991 гг. // Актуальные проблемы истории Каракалпакстана. Нукус.
81. Қарақалпақстандағы естелик қәбирстанлар. Нөкис.
82. Жийен жыраў заманы ҳәм мийраслары // Мийнет байрағы. 6/IV.
83. «Уллы Жипек жолы» энциклопедиясы // Совет Қарақалпақстаны. 27/IV.
84. Қойқрылған қала // Жеткиншек. 15/III.
85. Уллы жипек жолы менен // Жеткиншек. 14VIII.
86. Жийен жыраў // Жеткиншек. 2/IV.
87. Аўыл аксақалын ким атқан? // Арал. №4 (соавтор О. Юсупов).
88. Великий путешественник // Советская Каракалпакия. 26/XII (соавтор Н. Юсупов).
89. Жийен жыраў толғаўлары // Ленин байрагы. 6/IV.

1992

90. Назлымхан сулыў //Арал қызлары. №2.
91. Силы духовные храня (прошлое для будущего) // Советская Каракалпакия. 13/VIII.
92. Кизилкальа кургони // Халк минбари. 21/X.

1993

93. Қарақалпақстанның әйемги даўирлерден XX әсирлерге шекемги естеликлери (карта из 4 частей). Нөкис.
94. Қойқрылған қала. Буклет.
95. Кзыл кала Буклет. Нөкис.
96. Миздахкан. Буклет. Нөкис.
97. Беречь как зеницу ока // Вести Каракалпакстана, 17/IV.
98. Халқымыздың естеликлерин сақлайлық (интервью) // Жеткиншек. 24/II.

1994

99. Культово-погребальные сооружения II-XIV вв. на некрополе древнего Миздахкана. Новые исследования // Ходжейли - древнейший город Республики Каракалпакстана. Тезисы докладов. Ходжейли.

1995

100. Тарийхый, мадений ҳәм рухый мийрасларымыздың экологиясы // Арал кызлары, № 1.
101. К изучению античных памятников Ташкырманского оазиса // Генезис и пути раз-

вития процессов урбанизации Центральной Азии. Тезисы докладов. Самарканд.
102. Кой-крылган кала. Буклет. Нукус.
103. Кзыл кала Буклет. Нукус.
104. Миздахкан. Буклет. Нукус.
105. Хожелиниң жасы нешеде? // Еркин Қарақалпақстаны. 26/I.
106. Мухаддес орынлар рухый мийрасымыз // Қарақалпақстан ҳаўазы. 19/IV.
107. Әсирлер сырлас болған // Еркин Қарақалпақстан. 22/IV.
108. Әжинияз ахун қайсы медреседе оқыған // Еркин Қарақалпақстан. 4/XI. (соавтор У. Хамидов).

1996

109. К изучению комплекса Эрес калы (Арыс калы) // Вестник КК ФАН УзССР. № 1.
110. Фортификация древнего Хорезма (VI в. до н.э.-IV в.н.э.) // Автореферат. Нукус.
111. О работах Ташкырманской международной археологической экспедиций 1995 года // Вестник ККО АН РУз. №3 (соавторы В.Н. Ягодин, С.У. Хелмс)
112. Қубла Арал бойындағы Амир Тимур болған жерлер // Еркин Қарақалпақстан. 21/V (соавтор М. Мамбетуллаев).

1997

113. Большой Кырккыз кала (К вопросу о функции и хронологии) // Вестник ККО АН РУз. №3.
114. Городище Дэвкескен-Вазир (источники, топография и хронология). Нукус (соавтор Ж. Хакимниязов).
115. Новые данные о комплексе Шамун наби // Вестник ККО АН РУз. №4.
116. Тағыда Нөкис қаласының тарийхы ҳаққында // Арал қызлары. №1.
117. Средневековый комплекс Белая ханака в Миздахкане // Тарих фанининг долзарб муоммолари. Тезисы докладов. Самарканд (соавтор Ж. Хакимниязов)
118. Қарақалпақстандағы археологиялық изертлеўлер ҳәм оның нәтийжелери // Еркин Қарақалпақстан. 07/VII (соавтор С.К. Камалов).

1998

119. Об одной уникальной находке с холма Джумард кассаб // Вестник ККО АН РУз. №6 (соавтор Л. Додхудаева)
120. Акчахон яки тарихда минг йил жумбок булиб келган намаълум қалъа // Жайхун. №1.
121. О вечном поиске // Вести Каракалпакстана. 28/III.
122. За строкой легенды древней // Вести Каракалпакстана. 14/IV.
123. Алтын мийрасымыздың жан күйери еди // Еркин Қарақалпақстан. 28/IV.
124. Беруни заманындағы үлкемиз естеликлери-Бағдат қала, Шылпық // Нокис хақыйқаты. 19/V.
125. Берунидиң туўылған қаласы Қыят ҳаққында жазба дереклер // Еркин Қарақалпақстан. 18/VI.
126. Археологические памятники Южного Приаралья // Вести Каракалпакстана. 20/VI.
127. Халифа Ережеп // Нөкис ҳақыйқаты. 14/VII.
128. Ақшахан ямаса тарийхта мың жыл жумбақ болып келген қала ҳаққында // Устаз. 3/IX.
129. Алтын мийрасымыз рухыйлықтың тийкарғы дереги // Жеткиншек. 3/XII.

1999

130. Новые данные по истории фортификации древнего Хорезма по материалам раскопок городища Акшахан кала // МУС ИИАЭ ККО АН РУз, посвященной итогам научно-исследовательских работ 1998 года. Нукус.
131. Наринджан - уникальный памятник средневековья // Вестник ККО АН РУз. № 3.
132. Алан кала // Вестник ККО АН РУз. № 4-5. (соавтор Е. Бижанов).
133. Поливная чаша с изображением павлина // Вестник ККО АН РУз. № 4-5 (соавтор А. Искандерова).
134. Өзлигимизди аңлаў тарийхтан басланады // Жаслар газетасы. 13/V.
135. Ол қарақалпақ мәдениятының пидайысы еди // Еркин Қарақалпақстан. 18/V.
136. Последний хорезмшах // Вести Каракалпакстана. 13/VII.

2000

137. Буддийская терракота из Южного Приаралья // Вестник ККО АН РУз. № 2. (соавторы С.У. Хелмс, В.Н. Ягодин).
138. Новые археологические данные о крепости Гяур кала Султануиздагская // Вестник ККО АН РУз. № 2.
139. Халық хожалығының баҳалы резерви // Қарақалпақстан. № 1.
140. «Великая» Хорезмская стена // Цивилизация древнего Хорезма в контексте истории мировой культуры. Тезисы докладов. Нукус-Бустон (соавторы А. Беттс, В.Н. Ягодин).
141. Международный форум ученых // Вестник ККО АН РУз. №5 (соавтор Ш. Амиров).
142. Светлой памяти ученого // Вестник ККО АН РУз. №6. (соавторы Э. Ртвеладзе, М.-Ш. Кдырниязов, А.Э. Бердимурадов)
143. Өтмиши зор келешеги бийик макан // Еркин Қарақалпақстан. 20/I (соавтор С.К. Камалов).
144. Пидайы үлкетаныўшы инсан еди // Қарақалпақстан жаслары. 04/V.
145. Историк с большой буквы // Вести Каракалпакстана. 29/VII. (соавтор А. Жумашев).
146. Мухаммад ибн Муса ибн Давуд Абдуллах Норинжон калъасининг Х асрдаги Шайхул Исломи // Давр кузгиси. 10/Х,17/Х.
147. Қойқрылған қала // Устаз. 19/Х.
148. Сюрпризы Акшахан калы // Вести Каракалпакстана. 28/Х.
149. Соприкоснувшись с вечностью (интервью) // Вести Каракалпакстана. 19/XII.

2001

150. Тарийхый үлкетаныў (оқыў методикалық қолланба). Нөкис (соавтор Е. Бижанов).
151. Международный форум ученых // Эхо истории. №1 (соавтор Ш. Амиров)
152. Крантау—новый памятник зороастризма // Тарих ва филология фанларининг далзарб муаммолари. Хива.
153. Раскопки Акшаханкалы // Археологические исследования в Узбекистане-2000 год. Самарканд (соавторы В.Н. Ягодин, С.У. Хелмс).
154. Открытие древнего некрополя на возвышенности Крантау // Археологические исследования в Узбекистане-2000 год. Самарканд. (соавторы Н. Юсупов, Ш. Амиров).
155. Джумард кассаб-памятник зороастризма // Авесто» -Урта Осиё халклари мадания-

ти тарихида. МРК. Нукус-Хива.
156. Оссуарный некрополь на возвышенности Крантау // Авесто» - Урта Осиё халклари маданияти тарихида. МРК. Нукус-Хива. (соавтор с Ш. Амировым).
157. Крантау в свете новейших исследований // МНС УС ИИАЭ ККО АН РУз, посвященной итогам научно-исследовательских работ 2000 год. Нукус.
158. Новые археологические материалы с возвышенности Крантау // Вестник ККО АН РУз. №3 (соавторы Н. Юсупов, Ш. Амиров).
159. Городище Саксаулсай // Вестник ККО АН РУз. №3 (соавтор Е. Бижанов).
160. Едиге дәстанындағы тарийхый – археологиялық орынлар // Вопросы изучения каракалпакского народного дастана Едиге. Тезисы докладов. Нукус.
161. «Авесто» в истории культуры народов Средней Азии // Вестник ККО АН РУз. № 3.
162. Научная сессия археологов Узбекистана // Вестник ККО АН РУз. № 3.
163. Fwe seasons of Excavations the Tash-Kirman ousis of ancient Chorasmia, 1996-2000. An interim report. // Iran. 39. London (соавторы Helms S.W., Yagodin V.N., Betts A.V. G.)
164. Великая Хорезмская стена // Авесто ворислари. Нукус (соавтор А. Беттс)
165. Қрантаўдағы муқаддес орынларда жаңа изертлеўлер // Кердер мәденияты ҳәм оның тарийхтағы орны. Тезисы докладов. Вып. I. Нөкис.
166. Use of monymenfs in Karakalpakstan for international tourist // Кердер мәденияты ҳәм оның тарийхтағы орны. Тезисы докладов. Вып. I. Нөкис.
167. «Среднеазиатский Египет» нуждается в защите // Вести Каракалпакстана, 17/IV.

2002

170. Археологические исследования на городище Акшахан кала в 2001 год // Археологические исследования в Узбекистане 2001 год. Ташкент (соавторы С.У. Хелмс, Э. Снеддон)
171. Кетменчи – новый памятник древнего Хорезма // IX-XIII асрлар Шаркнинг илмий ва маданий ривожланишида Хоразм Маъмун Ака-нинг роли. Тезисы докладов. Хива.
172. Известный исследователь Приаралья В.Н.Ягодин // Вестник ККО АН РУз. № 1-2 (соавтор Е. Бижанов).
173. Les fortifications karakalpakes aux XVII-XIX-e siecles // Cahiers d'Asie Centrale. Karakalpaks et autres gens de L'Aral: Entre rivages et deserts, N 10.
174. Научное заключение о возрасте и истории Хазараспа // Хазарасп. Нукус (соавторы Т.Ш. Ширинов, М. Мамбетуллаев, Ю.Ф. Буряков и др.).
175. Коракалпагистон Республикаси поитахти Нукус: кадимии ва навкирон шахар. Тошкент (соавторы Х. Есбергенов, С. Нуржанов, В.Н. Ягодин).
176. Оборонительные сооружения Бескалы Приаралья эпохи Хаким аты (на примере Кунграда) // Сулайман Бақырғаний ҳәм оның дәўири. МК. Нөкис-Қоңырат.
177. Археологические исследования на возвышенности Крантау в 2002 году //Вестник ККО АН РУз. № 5-6. (соавторы В.Н. Ягодин, Ш. Амиров).
178. Нью-Иорк академиясының академиги қарақалпақ археолог алымы В.Н.Ягодин 70 жаста // Қарақалпақстан. № 5-6 (соавтор С.К. Камалов).
179. Новые археологические материалы по истории города Нукуса и его окрестностей // Қарақалпақстан Республикасының пайтахты Нөкис қаласына 70 жыл. МК. Нөкис (соавтор Ж. Хакимниязов).

180. Акшахан // Хива—жемчужина Востока. № 2-3.
181. Исследователь древней культуры // Вести Каракалпакстана. 26/III.
182. Қарақалпақ мәмлекетшилиги тарийхы // Қарақалпақстан жаслары. 3/X.
183. Исследователь археологии Приаралья // Вести Каракалпакстана. 1/X.
184. Уллы Жипек жолы // Жипек жолы. № 46.

2003

185. Археологические исследования на возвышенности Крантау //Археологические исследования в Узбекистане 2002 год. Ташкент. (соавторы В.Н. Ягодин, Ш. Амиров).
186. The Karakalpak-Australian Excavations in Ancient Chorasmia: the Northern Frontier of the "Civilized" Ancient World //Ancient near eastern studies. V.XXXIX, Louvain (соавторы S.W. Helms, V.N. Yagodin, A.V.G. Betts)
187. Тахтакөпир ғәзийнеси //Арал қызлары. № 1-2.
188. Известный исследователь археологии Приаралья В.Н. Ягодин // Археология Приаралья. Вып.VI. Нукус (соавторы Т.Б. Ещанов, С.К. Камалов).
189. Нөкис - Бес кала үлкесиниң сар кенти уллы карўан жолдың дәрбенти // Қарақалпақстан, №1-3.
190. Археологический комплекс Бутентау //Археология Приаралья. Вып.VI. Нукус (соавтор Е. Бижанов).
191. Нөкис әйемги ҳәм жас қала // Нөкис ҳақыйқаты. 25/II.
192. Здесь шли караваны (к международному дню охраны памятников истории) // Вести Каракалпакстана. 19/IV.
193. Этнография илиминиң пидайысы // Еркин Қарақалпақстан. 18/XII.
194. Миздахкандағы тас қазанлар // Жипек жолы. 26/IV.
195. Үшмың жыллық жүзик // Жипек жолы. 17/V.
196. Арал онда жоқ еди // Жипек жолы. 31/V.
197. Қулаған қорған ямаса алдаған қыз ҳаққында әпсана // Жипек жолы. 19/VII.
198. Мустье басқышы //Жипек жолы. 23/VIII.
199. Гәуир қала туўаралы. Султан Уайс ким болған. Қыят қаласы ҳаққында // Жипек жолы. 11/X.
200. Шылпық қорғаны туўаралы // Жипек жолы. 18/X.
201. Төктиң таўы. Жумарт қассаб // Жипек жолы. 22XI.
202. Тарийхый әпсаналар // Жипек жолы. 20XII.

2004

203. Амударё. Тошкент, 2004 (соавтор К. Нуржонов).
204. Хивинский клад //Вестник ККО АН РУз. №1-2 (соавтор М. Мамбетуллаев).
205. Археологиялық ҳәм этнографиялық дала оқыў әмелияты (оқыў методикалық қолланба). Нөкис (соавтор Е. Бижанов).
206. Белгили этнограф Х. Есбергенов 70-жаста // Вестник ККО АН РУз. №5-6 (соавтор А. Кудияров).
207. А. Отемисов 70-жаста // Вестник ККО АН РУз. №5-6.
208. Исследования в южном Каракалпакстане //Археологические исследования в Узбекистане 2003 год. Ташкент (соавторы С.У. Хелмс, Т.Д. Колин).
209. Арба камал-курень—укрепленный лагерь каракалпаков // История Каракалпакстана в годы независимости. Материалы РК КГУ. Нукус.

210. Аральско-Кунградское владение // Вестник ККО АН РУз. №7.
211. Үлкетаныў музейиниң дүзилиў тарийхынан // Үлкемиз тарийхының ғазийне ханасы үлкетаныў музейине 75 жыл. Нөкис (соавтор О. Юсупов).
212. Қарақалпақстанның әжайып жети естелиги. Нокис (соавтор Ж. Хакимниязов). Нөкис.
213. Кегейли каналы // Жипек жолы. 28/II.
214. Кетенлер қаласы // Жипек жолы. 28/II.
215. ЮНЕСКО уәкиллери Қубла Арал бойында // Еркин Қарақалпақстан. 13/V.
216. Үлкетаныў музейиниң тарийхынан // Еркин Қарақалпақстан. 18/V.
217. Из истории краеведческого музея // Вести Каракалпакстана. 18/V.
218. Имам ийшан ҳәм Қырантаў ҳаққында // Еркин Қарақалпақстан. 20/V.
219. Бийбаҳа байлықлар аяғыңыз астында (интервью) // Устаз жолы. 13/II.
220. Қыят жап (аңыз) // Жипек жолы. 24/VII.
221. Гербимиздеги қорған тарийхы // Еркин Қарақалпақстан. 21/VIII (соавтор Ж. Базарбаев).

2005

222. Тамғалар тарийхый дереклердиң бири // Қарақалпақ халқының этногенези ҳәм этник тарийхы. Материалы РК КГУ. Нөкис.
223. Имам ийшан-қарақалпақ халқының уллы уламасы ҳәм ағартыўшы тулғасы. Нөкис (соавтор К. Наймов).
224. Внешняя стена Казаклы-яткан калы // История Узбекистана в археологических и письменных источниках. Ташкент. (соавторы В.Н. Ягодин, В.А. Статов).
225. Археологические изыскания 2004 г. в древнем Ташкырманском оазисе // Вестник ККО АН РУз. №5 (соавторы А. Беттс, В.Н. Ягодин).
226. Порлытау. Новые материалы // Вестник ККО АН РУз. №5 (соавтор Ш. Амиров).
227. Культово-погребальные памятники каракалпаков XVII-XIX веков по материалам могильника Крантау // Рабочие документы ИФЕАК. №13.
228. Кирпичные часы еще идут (интервью) // Итоги. М. 13/I.
229. Затерянный Хорезм (интервью) // Итоги. М. 17/I.
230. Халқын жүрегинен сүйетуғын тарийхшы // Еркин Қарақалпақстан. 11/XI.
231. Мәдений мийрасларымызға дыққат-итибар зарүр, ямаса естеликлердиң экологиялық машқалалары // Еркин Қарақалпақстан. 29/XII.

2006

232. Караванные пути северной периферии Хорезма // Великий Шелковый путь. Культура и традиции. Прошлое и настоящее: Материалы научно-теоретической конференции. Ташкент.
233. Профессор М. Мамбетуллаев 70-жаста // Вестник ККО АН РУз. №1 (соавтор М.-Ш. Кдырниязов).
234. Үлкемиздиң тас дәўирин изертлеўши алым // Вестник ККО АН РУз. №2.
235. Назархан. Нөкис.
236. Үстирттиң тас дәўири тарихының жаңа бетлерин ашқан алым // Алым ҳәм устаз профессор Е. Бижанов. Нөкис.
237. Археологические изыскания 2004 года в древнем Ташкырманском оазисе // Археологические исследования в Узбекистане в 2004-2005 годы. Ташкент (соавторы А. Беттс, В.Н. Ягодин).

238. Археологические исследования на городище Казаклы-Яткан в 2005 году // Археологические исследования в Узбекистане в 2004-2005 годы. Ташкент (соавторы В.Н. Ягодин, А. Беттс и др.).
239. Вильчатый наконечник стрел из Миздахкана // История и материальная культура Каракалпакстана. Нукус.
240. The military architecture of ancient Chorasmia (6th century B.C.-4th century A.D.). Editions de Boccard, Persika 7. Paris.
241. Сигнальные башни в нижней дельте Амударьи в эпоху Мамунидов // Хорезм Маъмун Академиясынын 1000 жыллыгына багышланган Республикалык илимий анжуман материаллары. Нөкис.
242. Тарийхшы-археолог алым // Еркин Қарақалпақстан. 8/IV.
243. Восстановить историю прошлого (интервью) // Вести Каракалпакстана. 25/IV.

2007

244. Әййемги Окс дарьясының төмениндеги зардуштийлик дининиң излери. Нөкис (соавтор Ж. Базарбаев).
245. Фортификация древнего Хорезма (на примере Акшахан калы) // Приаралье на перекрестке культур и второй полевой семинар «Археологи древнего Ташкырманского оазиса. Нукус-Бустон-Беруни. Тезисы докладов международного симпозиума
246. Қадимги Хоразм мудофаа иншоотлари (мил. авв. VI асрдан мил.IV асрларгача). Тошкент.
247. Общественно-культовые памятники Миздахкана в XVII-XIX вв. // Қарақалпақстан тарийхының машқалалары. Конференция материаллары. Нөкис (соавтор Ж. Хакимниязов).
248. Қарақалпақлардың XVII-XIX әсирлердеги этно-археологилық естеликлериниң типологиясы // Ерназар Алакөздиң Қарақалпақстан тарийхындағы роли. Нөкис.
249. Кухна ва гуллаб яшнаётган Элликкальа // Нафосат Бустоним меним. Тошкент.
250. Ноъёб топилма // Даракчи/ 16/VIII (интервью).

2008

251. Караванные пути северной периферии Хорезма. Новые исследования // Вестник Каракалпакского государственного университета им. Бердаха. №1 (соавтор Ж. Хакимниязов).
252. Средневековый гончарный центр // Археология Приаралья. Вып.VII. Комплекс археологических объектов на возвышенности Крантау. Отв. ред. проф. В.Н. Ягодин. Ташкент.
253. Калмак кала - центр каракалпаков (XVII-XIX вв.) // Археология Приаралья. Вып.VII. Комплекс археологических объектов на возвышенности Крантау. Отв. ред. проф. В.Н. Ягодин. Ташкент.
254. Каракалпаки в Приаральском микрорайоне в XVI-XVII вв. // Археология Приаралья. Вып.VII. Комплекс археологических объектов на возвышенности Крантау. Отв. ред. проф. В.Н. Ягодин. Ташкент.

2009

255. Амударё (второе издание). Тошкент (соавтор К. Нуржанов).
256. Kara-tepe Complex. Республиканская научно-практическая конференция «Наука

Каракалпакстана: вчера, сегодня, завтра», посвященная 50-летию Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистана. ТД. Нукус (соавтор E. Baker Brite).

257. Hadal minet etiw, hadal jasw ham perzentlerimdi hadalliqqa tarbiylaw //Jetkinchek. 1/I.
258. Қойкрылган қала өтмишимиз айнасы // Тынышлық айнасы. 24/I.
259. Karakalpak-Australian Excavations in Ancient Chorasmia. An Interim Report on the Kazakly-yatkan Wall Paintings: the "Portrait" Gallery // Journal of Inner Asian Art and Archaeology, 4\2009, New York, c.7-41 (соавторы V.N. Yagodin, A. Betts, F. Kidd, E.B. Brite, Sh. Amirov, V.V. Yagodin, G. Fray).
260. Karakalpak-Australian excavations in Ancient Chorasmia, 2001-2005; Interim Report on the Fortifications Kazakly-yatkan and Regional Survery. Iran. 47. London, 2009, pp.33-55 (соавторы A.V.G. Betts, V.N. Yagodin, S.W. Helms, Sh. Amirov, M. Negus-Cleary).

2010

261. Археологические исследования Каратепинского отряда в 2008-2009 гг. // Материалы научной сессии ученого совета ИИАЭ ККО АН РУз посвященной итогам научно-исследовательских работ 2009 года. Нукус (соавтор Э.Б. Брайт).
262. Жаслар ҳәм мәдений мийрас // Журнал: Билим булағы. №3.
263. Археологические исследования столичных районов древнего и раннесредневекового Хорезма в годы независимости // Қарақалпақстан республикасы аймағындағы археологиялық қазылмалар ҳәм олардың ҳәзирги заман илим-пәниниң раўажланыўындағы әҳмийети. Республикалық илимий конференция. Нөкис, 2010.
264. Городище Шурахан // Қарақалпақстан республикасы аймағындағы археологиялық қазылмалар ҳәм олардың ҳәзирги заман илим-пәниниң раўажланыўындағы әҳмийети. Республикалық илимий конференция. Нөкис, 2010.
265. Археология - ғәрезсизлик жылларында» // Еркин Қарақалпақстан. 12-09-№96 (18934).
266. «Орол тақдири - миллион – миллион инсонлар тақдири…» // ADOLAT. №41 (796) 2010, 8 октябрь, жума.
267. Президентимиз бенен ушырасыўдан соңғы ойлар. Үлкен тәсир қалдырды // Еркин Қарақалпақстан. №120 (18958) 9-октябарь, шемби.

2011

268. О культурных связях средневековой Средней Азии с Китаем (по материалам Южного Приаралья) // Материалы международной научно-теоретической конференции "Вопросы археологии, этнографии и истории Южного Приаралья". Нукус.
269. Средневековое поселение Охунлар // Материалы международной научно-теоретической конференции "Вопросы археологии, этнографии и истории Южного Приаралья". Нукус. (соавтор Б.П. Садуллаев).
270. Қорақалпоғистон худудидаги наёб археологик обидаларни давлат кадастирига киритиш муаммолари // Материалы международной научно-теоретической конференции "Вопросы археологии, этнографии и истории Южного Приаралья". Нукус. (соавторы Юсупов О., Каландаров У).
271. Некоторые результаты археологических исследований в Ташкырманском оазисе в годы независимости (1995-12010 гг.) // Антик давр цивилизацияси тараққиётида

Хорезмнинг ўрни республика илмий анжумани материаллари. 2011 йил 20 май, Урганч-Хазарасп. Хива.
272. Средневековые оборонительные сооружения Хорезма в письменных источниках // Марказий Осиё тарихи: манбашунослик ва тарихнаваслик изланишлари. 3-илмий тўплам. Тошкент.
273. Ученый, педагог М.Ш. Кдырниязов // Вестник ККО АН РУз. №1 (соавторы М. Мамбетуллаев и др.).
274. Проблемы исторической географии археологических памятников зороастризма в Среднеазиатском междуречье (на археологическом материале Южного Приаралья) // Ғәрезсизлик жылларында тарийх илиминиң раўажланыўы. Илимий конференция материаллары. Нукус.
275. Новые археологические материалы о комплексе Султан Увайс бобо // Ғәрезсизлик жылларында тарийх илиминиң раўажланыўы. Илимий конференция материаллары. Нукус, 2011 (соавтор Хакимниязов Ж.) .
276. Археологические исследования в 2009-2010 гг. в городище Зарлык ишан бобо // Ғәрезсизлик жылларында тарийх илиминиң раўажланыўы. Илимий конференция материаллары. Нукус, 2011 (соавтор Б. Садуллаев).
277. Средневековое поселение Охунлар // Материалы международной научно-теоретической конференции “Вопросы археологии, этнографии и истории Южного Приаралья”. Нукус. (соавтор Б. Садуллаев).
278. Коракалпогистон худудидаги наёб археологик обидаларни давлат кадастирига киритиш муаммолари // Материалы международной научно-теоретической конференции “Вопросы археологии, этнографии и истории Южного Приаралья”. Нукус, 2011 (соавторы О. Юсупов, У. Каландаров).
279. Археологические материалы к истории города Нукуса // Вестник КГУ. №2.

Alison Betts
University of Sydney, (Australia)

GHAIRATDIN KHOZHANIYAZOV

The archaeology of ancient Chorasmia is dominated by the monumental work of the Soviet era Chorasmian Expedition initiated and led by S.P. Tolstov. The extensive fieldwork and prolific publications of the wide array of highly skilled scholars who explored and documented this then largely deserted region has left a magnificent legacy on which later scholars may build. However, Chorasmia was in antiquity a remote land, as it was when the Chorasmian Expedition climbed into their trucks and bi-planes or mounted their camels to uncover its lost past. Even today the modern semi-autonomous Republic of Karakalpakstan that encompasses much of that ancient land is most easily accessible by air, with the land routes traversing long lonely desert roads. Following the end of the Soviet Union, when Uzbekistan became independent, continued study of the ancient history of Chorasmia became focused in Nukus, with scholars from the Institute of History, Archaeology and Ethnography upholding the legacy. Gairatdin Khozhaniyazov was Head of the Department of Archaeology. As a highly skilled field archaeologist he was involved in a number of important excavations, but it is his primary research specialization that has been his most important contribution to international scholarship. His fascination with fortifications is one that could easily be satisfied in a region with arguably one of the greatest collections of ancient standing fortified sites in Asia. His doctoral thesis, *Fortifications of ancient Chorasmia (VI cent. B.C. IV cent. A.D)* was a masterpiece of detailed analytical scholarship. The work was then translated and emended for a Western readership by Svend Helms, a volume that heralded a new post-Soviet era of publication where Chorasmian archaeology began to find its rightful place in the wider field of ancient history. Helms gives reference to two quotations published by Quentin Hughes in the preface to his *Military Architecture* (1974). It is worth repeating them here. “Military architecture is a business beyond our strength; it embraces too many things for a man to be able to make himself perfectly master of it’, by the brilliant 17th century Marshal Vauban, the French bane of proponents of static defence; and on military architecture as the most difficult of arts ‘since it does not afford to men of ordinary capacity the convenience of the application of certain fixed rules, but demands at every moment the natural and improved parts of a lofty genius’, by Bernard le Bovierde Fontenelle“. Khozhaniyazov has risen up to meet the challenge of these cautions.

Since 1995 Khozhaniyazov has lent his wisdom to the work of the Karakalpak-Australian Expedition in its excavations, particularly at the fortified sites of Akchakhan-kala (Kazakly-Yatkan) and Kara-tepe. Fortifications require work on a large scale. While the Soviet era excavations were conducted on a grand scale, the practices of modern archaeology, with emphasis on the fine detail of stratigraphic relationships and careful documentation of every excavated context, has reduced the size of excavations. Khozhaniyazov, however, has overcome these constraints. His trenches, at 80 meters or more, laid authoritatively across the walls from the interior of the enclosure to the lower reaches

of the ditch, are feats of archaeological craftsmanship limited only by the rising water table. The smooth walls of his sections outline the complex stories of the sites and lay the first foundations for the chronology of the settlements as a whole. For foreign archaeologists, facing for the first time the peculiar conditions afforded by the archaeology of ancient Chorasmia, he has been a most generous and sympathetic teacher, offering advice and leading by example.

Gairatdin Khozhaniyazov is a remarkable scholar and a highly skilled archaeologist but he is also a figure of quiet authority in the community. The ebbs and flows of daily life in a rural district are smoothed and calmed, and the respect in which he is held much enhances the work of the Karakalpak Australian Expedition. I have had the good fortune to work with Gairatdin Khozhaniyazov as a colleague and a friend now for almost two decades. It is with great pleasure that I offer this contribution to a volume honouring his achievements.

BIBLIOGRAPHY

Hughes, Q. 1974. *Military Architecture*. London: Evelyn.

С.В. Васильев, Т.К. Ходжайов
ИЭА РАН, (Москва)

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ НАХОДОК ИЗ СРЕДНЕЙ АЗИИ: ФАКТЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Территория Среднеазиатского Междуречья, давшая большое число палеолитических памятников, наряду с другими тропическими и субтропическими областями Старого Света, была заселена человеком в глубокой древности. По мнению многих исследователей, это произошло в ашельское время, хотя не исключается и более ранняя дата. Значительно лучше исследованы в Средней Азии находки мустьерской эпохи, к которой принадлежит большая группа опорных памятников. Это Тешик-Таш в Южном Узбекистане, где найдены останки человека неандертальского типа; Ходжикент и Обирахмат, Кульбулак в Ташкентской области, Кутурбулак под Самаркандом, Карабура в Таджикистане и ряд других памятников. В эпоху мустье более отчетливо видны те культурные различия, которые стали проявляться еще в предшествующие эпохи.

В то же время верхнепалеолитическая культура изучена в Средней Азии значительно хуже, чем предшествовавшая ей мустьерская. Относящиеся к этому периоду стоянки находятся в равнинных районах Узбекистана — Самаркандская [Джуракулов и др., 1980] и Кульбулак [Касымов, 1972], а также в Таджикистане – Шугноу [Ранов, 1973]. Культурные традиции верхнепалеолитического населения Средней Азии, вероятно, восходят к культуре мустьерского населения.

Однако, несмотря на достаточно полное и подробное исследование палеолитической эпохи среднеазиатского региона, на сегодняшний день, остается еще ряд нерешенных вопросов. Очевидно, это связано с развитием за последние четверть века мировой науки об эволюции человека. Современная антропология практически отказалась от ароморфозной гипотезы формирования человека, которая подразумевает стадиальное развитие человека по пути: архантроп, палеоантроп, неоантроп, где каждая стадия характеризуется определенным физическим обликом и материальной культурой. Уже 25 лет назад эта гипотеза начала подвергаться пересмотру. Появились находки, которые стало невозможно отнести к той или иной стадии развития, например: Нгандонг, Брокен Хилл, Бодо, Петралона, Араго XXI и т.д. Очевидным стало несоответствие материальной культуры и физического типа внутри стадий, чему яркий пример экземпляр из Сен Сезер.

В связи с этим мировая антропология все более склоняется к **кладогенетическому** происхождению человека с постоянными миграциями и метисацией. Вопросы, связанные с происхождением человека вообще и человека разумного в частности, все больше решаются в пользу моноцентризма. Так, на сегодняшний день считаются в большинстве признанными следующие положения:

Все эректоидные формы принято делить на 3 вида: Homo erectus – азиатские формы (питекантропы и синантропы), Homo ergaster – как правило, более древние исходно африканские формы, Homo heidelbergensis – африканские и в большей части европейские прогрессивные формы.

Неандертальский человек вернул себе видовой таксон Homo neanderthalensis. Как вид неандерталец прослеживается только в приледниковой зоне Западной Европы в интервале 70-30 тыс. лет назад.

Анализ митохондриальной ДНК неандертальцев показал, что общий предок Homo sapiens и Homo neanderthalensis, вероятнее всего, существовал около 500-600 тыс. лет назад. В соответствии с этим неандертальцы, скорее всего, не принимали прямого участия в эволюции современного человека.

По современным данным, Homo sapiens как вид сформировался на африканском континенте или проходил там начальные этапы формирования. Ряд находок останков человека, анатомически сходного с современным, на африканском континенте датируется 150-130 тыс. лет. Возможно, как сформировавшийся вид с определенным комплексом апоморфных признаков Homo sapiens окажется древнее неандертальца.

Общим предком Homo sapiens и Homo neanderthalensis на сегодня принято считать представителей полиморфного вида Homo heidelbergensis.

Основываясь на вышеизложенных посылках, попытаемся рассмотреть формирование палеолитического населения Средней Азии.

Появление наиболее ранних находок палеолитического времени в Средней Азии – типа Сельунгур (датировка «плавает» у различных авторов от 1,1 млн. до 400 тыс.) можно объяснить общей миграцией эректоидных форм из Африки в Европу и Азию. Восточный сухопутный путь миграции из африканского континента, видимо, начал использоваться в районе 2 млн. лет назад. О результате подобных перемещений говорят и кавказские находки из Дманиси. Продвигаясь на восток Homo habilis - Homo ergaster заходил и в более северные регионы. Можно отметить, что заселению территории Средней Азии способствовал более влажный климат в первой половине четвертичного периода, содействовавший обильному развитию растительности и животного мира.

Пещерная многослойная стоянка Сельунгур расположена примерно в 100 км к юго-западу от г. Фергана в южных отрогах Катрантау. Сельунгур - уникальный памятник ашельского времени на территории Средней Азии, он обладает большим археологическим материалом, стратиграфией, сопровождающей фауной [Исламов, Крахмаль, 1995]. Особенно важно то обстоятельство, что в культурном слое были найдены изолированные зубы и фрагмент плечевой кости ископаемого человека [Исламов, Зубов, Харитонов, 1988]. В 1990 г. при повторном разборе фаунистического материала из Сельунгура был обнаружен правый латеральный нижний резец ископаемого гоминида [Зубов, Ходжайов, 2004]. Зубы отличаются довольно хорошей сохранностью, но сильно стерты, что затрудняет детальный морфологический анализ. Они принадлежат разным индивидумам (от трех до четырех).

Одонтологический материал проанализирован в пределах трех групп: 1) два крупных верхних резца, принадлежащих мужской особи 35-40 лет; 2) небольшой верхний резец (женщина, около 40 лет); 3) три нижних премоляра, принадлежащих либо одному из названных выше индивидуумов, либо третьему индивидууму. Зубы ископаемого человека из Сельунгура по своим морфологическим особенностям занимают промежуточное положение между неандерталоидными и эректоидными формами, сближаясь с последними и уклоняясь при этом, по мнению Зубова А.А., от общего направления эволюционной линии. По всей видимости, сельунгурцы являются специализированным локальным вариантом эректоидной формы. Нижняя половина диафиза и нижний эпифиз плечевой кости ископаемого человека из Сель-

унгура принадлежали ребенку десятилетнего возраста. Кость из Сельунгура, по сравнению с тешикташской, более массивна и архаична. Таким образом, обитатели Сельунгура, судя по морфологии зубов и плечевой кости, относятся к ископаемому человеку, принадлежащему к категории эректоидных форм.

Археологи отмечают, что на ранних этапах обитания человека на территории Средней Азии был стык двух культур нижнего палеолита: восточноазиатской – культуры чопперов, охватывающей большую часть изучаемого региона, и средиземноморско-африканской – культуры ручных рубил, встречающейся в юго-западной прикаспийской части. Сегодня можно с определенной долей уверенности говорить о первичности заселения эректоидными формами Средней Азии с юго-запада Каспия как основного вектора первоначальной миграции.

Последовательное преобразование каменной индустрии в домустьерскую и мустьерскую эпохи, вероятно, говорит о том, что популяции Homo существовали в этом регионе довольно продолжительно. Природные условия благоприятствовали развитию человека и, возможно, как результат эволюционных процессов мы имеем на сегодня находку Тешик-Таш, которая занимает особое положение на эволюционном древе человека.

Скелет неполовозрелой формы был открыт А.П. Окладниковым [1940, 1949] в 1938 г. в гроте Тешик-Таш, в горах Байсунтау в Сурхандарьинской области Узбекистана. Череп был описан Г.Ф. Дебецем и М.А. Гремяцким [1949]. Рентгенологическое изучение скелета позволило определить его возраст приблизительно в 9 лет [Рохлин, 1949]. М.М. Герасимов [1949, 1964] осуществил скульптурную реконструкцию лица и тела. Естественно, таксономическая оценка неполовозрелого субъекта — дело несравненно более трудное, чем обработка скелета, принадлежащего взрослой особи. Это и породило дискуссию, не закончившуюся до настоящего времени. Первоначальный вывод Г.Ф. Дебеца сводился к тому, что тешикташский мальчик (пол находки был определен как мужской) принадлежал к классическому типу европейских неандертальцев. М.А. Гремяцкий занял нейтральную позицию в оценке таксономического положения находки, не поддержав Г.Ф. Дебеца, но и не возражая против него.

Ф. Вайденрайх [1945] с большим сомнением отнесся к возможности сопоставления черепа из Тешик-Таша с французскими классическими неандертальцами, отметив ряд прогрессивных особенностей в его морфологии. Г.Ф. Дебец последовательно разобрал морфологическую аргументацию Ф. Вайденрайха и не согласился с ней, продолжая отстаивать свою первоначальную позицию. Однако изучение эндокрана тешик-ташского человека также выявило наличие многих прогрессивных признаков [Бунак, 1951]. Выполненная М. М. Герасимовым реконструкция внешнего облика мальчика из Тешик-Таша, опиравшаяся на самостоятельные морфологические изыскания, стала дальнейшим аргументом в пользу взгляда на него как на прогрессивную форму. Поэтому подавляющее большинство исследователей рассматривает тешик-ташского человека как представителя не классического, а прогрессивного типа в составе неандертальской группы [Алексеев, 1973, 1985].

Дальнейшая работа над уточнением таксономического положения этой находки была проведена с использованием процедуры получения «взрослых» размеров на основе шкалы их изменений от младенческого до взрослого состояния у современного человека. В.П. Алексеев [1973, 1978, 1985] подтвердил существование значительных отличий от классических неандертальцев Франции и объединил амудских и

шанидарских неандертальцев с тешикташской находкой в единую переднеазиатскую группу, имеющую самостоятельное место внутри неандертальского вида. Прогрессивные положения тешикташской формы получили дополнительное подтверждение, опиравшееся на некоторые наблюдения по геометрии черепа [Пинчукова, 1986]. Прогрессивный характер тешикташской находки позволяет высказать мысль, что территория южных районов Средней Азии входила в обширный восточно-средиземноморский очаг сапиентации, который, учитывая морфологию крымских и кавказских палеоантропологических находок мустьерского и ашельского времени, включал, по-видимому, Кавказ и южные районы европейской части бывшей СССР.

В последнее время все чаще высказывается мнение, что тешикташский гоминид близок к метисным неандерталоидно-сапиентным формам и не относится к виду Homo neanderthalensis. Действительно, о тешикташском мальчике написано много книг и статей, в которых высказываются различные мнения о таксономическом ранге находки. Спорность находки заключается еще и в том, что череп тешикташца имеет архаичные черты лицевого скелета: общая массивность, надглазничный валик, отсутствие скуловой вырезки и клыковых ямок и прогрессивные черты мозговой коробки: общая округлость, высокий свод. О таком мозаичном развитии краниологического материала современная антропология имеет уже достаточно много сведений. Как правило, это результат метисационных процессов. Однако, это может быть результатом совсем не обязательно межвидовой гибридизации, возможен вариант и внутривидового смешения сапиентных и неандерталоидных форм Homo heidelbergensis на обширной территории Передней и, вероятно, Средней Азии.

В 2003 г. в гроте Оби-Рахмат, расположенном на территории Республики Узбекистан, в 100 км к востоку–северо-востоку от г. Ташкент, были обнаружены шесть отдельных постоянных зубов верхней челюсти и примерно 150 мелких фрагментов черепа. Обнаруженные останки по данным радиоуглеродной датировки могут быть древнее 40 тыс. лет, а по урановому ряду - старше 80 тыс. лет. Предполагается, что кости принадлежат одному индивиду в возрасте 9-12 лет. М. Гланц, Б. Виола, Т. Чикишева [2004] приходят к заключению, что на современном уровне анализа невозможно четко определить, является ли OR-1 (Оби-Рахмат) антропологически современным человеком, как гоминиды из Кафзех и Схул, или неандертальцем.

Морфология останков из грота Оби-Рахмат и их довольно уникальный археологический контекст указывают на то, что не стоит рассматривать территорию Центральной Азии только лишь как восточную границу диапазона распространения неандертальцев или как территорию, населенную в период среднего палеолита только неандертальцами. В этом регионе могло происходить динамичное и разнонаправленное заселение в период верхнего плейстоцена. Несмотря на присутствие ряда неандертальских архаичных черт, которые отмечены у центральноазиатских гоминидов, неандертальцев в «классическом» смысле могло вообще не быть в Центральной Азии [Гланц, Виола, Чикишева, 2004].

Исследуя пирамиды височных костей OR-1 (Оби-Рахмата) с помощью компьютерной томографии, специалисты пришли к заключению, что индивидуум OR-1 ближе к неандертальцам, нежели к современным или хронологически ранним людям современного антропологического облика с Ближнего Востока. Не исключено, что, как предполагают исследователи, существовал определенный генетический обмен между популяцией, к которой принадлежал индивидуум OR-1 как с неандер-

тальцами, так и с людьми современного облика [Виола, Зайдлер, Дитер цур Нэдден, 2004]. Возможно также и отнесение данного экземпляра к материнскому виду Homo heidelbergensis.

Однако трудно предположить, что эволюция в Средней Азии зашла столь далеко, что Homo sapiens здесь имеет автохтонное происхождение. Скорее всего, Homo sapiens заселил эту территорию в районе 50-40 тыс. лет назад благодаря миграции сапиентных форм из Африки. О результате такой миграции нам говорят находки эректоидно-сапиентных форм из Передней Азии (Схул V, Кафзех 6, Кафзех 9). Подобная миграция обсуждается палеоантропологами как первоначало заселения человеком разумным Европы и Азии в районе 50-40 тыс. лет назад.

Вопрос о проникновении Homo sapiens южным или северным путем в Среднюю Азию может быть разрешен в результате анализа датировок и культур археологических стоянок верхнего палеолита. Антропологический же материал показывает, что в верхнем палеолите на юге Средней Азии человек современного типа уже существовал. Это находки из Самарканда. Самаркандская стоянка находится в черте г. Самарканд и датируется началом верхнего палеолита. В 1962 г. здесь обнаружена половина нижней челюсти с зубами, в 1966 г. - еще одна нижняя челюсть. Первая, по-видимому, принадлежала женщине, вторая — мужчине. Исследовавшие их В.В. Гинзбург и И. И. Гохман [1974] полагают, что верхнепалеолитические обитатели Самаркандской стоянки принадлежали к европеоидной расе, возможно, к ее южному стволу. Одонтологический анализ зубного аппарата [Зубов, Гохман, 2004] однозначно подтвердил принадлежность их к виду Homo sapiens с характерными чертами европеоидной большой расы. В своей работе Зубов А.А. приводит измерения мезио-дистальных и вестибуло-лингвальных диаметров зубов в челюсти № 1 (сохранилась правая сторона дуги с зубами от латерального резца до второго моляра включительно, а также два левых резца). Авторы предпочли отказаться от измерений мезиодистального диаметра зубов в челюсти № 2, справедливо полагая, что значительная стертость зубов сильно исказила бы полученные результаты, в особенности по мезио-дистальному диаметру и высоте коронки. Что касается вестибуло-лингвального диаметра коронок, то попытка оценить этот размер очевидна, так как он берется близко к шейке зуба и может быть определен довольно точно, несмотря даже на сильную стертость коронки.

Прежде всего, обратимся к размерам зубов экземпляра Самарканд 1 (сокращенно – Сам.1) в сравнении с верхнепалеолитическими и современными данными (табл. 1).

Приведенная таблица показывает, что экземпляр Самарканд 1 относится к числу микродонтных форм. По обоим диаметрам всех зубов, за исключением мезиодистального размера клыка, Сам.1 значительно уступает одонтометрическим показателям сунгирских детей, которые в соответствии с критериями D. Frayer [1977] соответствуют раннему этапу верхнепалеолитической эволюции зубов. Узкая форма коронки нижнего клыка у сунгирцев была отмечена Зубовым А.А. в предыдущих работах [Зубов, 1984] и в данном случае проявилась как исключение при сопоставлении сунгирских детей по мезио-дистальному диаметру нижнего клыка с другими представителями ископаемых и современных популяций. Зубы людей поздней фазы верхнего палеолита [Frayer, 1977] также крупнее по сравнению с Сам.1 по обоим диаметрам в 6 случаях из 7. Такая же пропорция сохраняется при сравнении Сам.1 с суммарной группой современных расовых типов, составленной

Таблица 1. Абсолютные размеры зубов нижней челюсти Самарканд 1 в сравнении с другими одонтологическими сериями*

	Самарканд 1		**Сунгирь (2+3)**		**Верхний палеолит**		**Современные расы**		**Современные европеоиды**	
					поздний					
	MD	VL	MD	VL	MD	VL	MD	VL	MD	VL
1	4,5	5,9	5,8	6,9	5,2	6,1	5,6	5,9	5,4	6,0
I2	5,2	6,1	6,4	7,2	5,6	6,5	6,0	6,2	5,9	6,4
C1	7,5	7,7	7,3	9,2	6,8	8,0	7,1	7,9	6,9	7,9
P1	6,4	7,2	7,0	9,2	7,0	8,1	7,0	7,9	6,9	7,7
P2	6,7	8,7	7,6	8,9	6,9	8,3	7,1	8,1	7,1	8,0
M1	10,7	10,0	11,6	11,2	11,1	10,9	11,1	10,4	11,2	10,3
M2	10,5	9,3	11,0	10,4	10,9	10,7	10,8	10,3	10,7	10,1

* Цифровые данные по “позднему верхнему палеолиту” и средняя характеристика современных рас взяты из статьи D.Frayer, 1977. Размеры зубов современных европеоидов – по Ван Хуэйюню [1958]

из трех больших рас по мезио-дистальному размеру; вестибуло-лингвальный диаметр зубов Сам 1 уступает средним размерам зубов современных рас в 4 случаях из 7. Наибольшее сходство по размерам зубов Сам.1 обнаруживается с серией современных европеоидов [в данном случае – белых американцев по Black; цитируется по работе Ван Хуэйюнь, 1978], что отражает рано сложившиеся внутривидовые одонтологические различия среди современных рас, причем самаркандский экземпляр показывает принадлежность населения, представленного находкой Сам.1 к **микродонтным европеоидам**, уступающим по размерам зубов северным группам европеоидов.

В связи с диагностикой расового типа следует добавить данные по описательной морфологии зубов в челюсти Самарканд 1. Можно отметить грацильный тип резцов и клыков, слабое развитие лингвальных бугорков на этих зубах, небольшую диастему между клыком и первым премоляром, значительный наклон контура вестибулярной поверхности клыков и премоляров, слабо выраженную дифференциацию коронок премоляров. Первый моляр стерт, но все же можно определить тип коронки как Y5, констатировать отсутствие внутреннего среднего дополнительного бугорка, затека эмали и, вероятно – коленчатой складки метаконида. На втором моляре – узор +4(5?). Отсутствуют дистальный гребень, коленчатая складка и внутренний средний дополнительный бугорок. Имеется эпикристид – признак, встречающийся среди современных расовых групп чаще всего у африканских негроидов (до 25%) и иногда – у южных европеоидов (отмечен у таджиков – 7%). В монголоидных группах обычно отсутствует, несколько случаев отмечено у американских индейцев. Таким образом, никаких показателей принадлежности индивидуума Сам.1 к монголоидной большой расе не наблюдается.

Морфологический анализ челюсти Самарканд 2 практически сводится к измерению вестибуло-лингвального диаметра (табл.2).

Зубы в челюсти Сам.2, несомненно, относятся к микродонтному типу. Сунгирь и поздний верхний палеолит по размерам всех зубов превосходят Сам.2. Показатели средних размеров по современным расам и отдельно выделенной европеоидной серии очень близки к экземпляру Сам.2, который в основном, не обнаруживает откло-

Таблица 2. Абсолютная величина вестибуло-лингвального диаметра зубов нижней челюсти Самарканд 2 в сравнении с материалами по верхнему палеолиту и современности

	Сам.2	**Сунгирь (2+3)**	**Верхний палеолит**	**Современные расы**	**Современные европеоиды**
		(суммарно)	**поздний**		
C_1	7,8	9,2	8,0	7,9	7,9
P_1	7,5	9,2	8,1	7,9	7,7
P_2	8,1	8,9	8,3	8,1	8,0
M_1	10,5	11,2	10,9	10,4	10,3
M_2	10,0	10,4	10,7	10,3	10,1

нений от типа Homo sapiens и, в частности, – от размерных характеристик европеоидной расы. То же практически относится и к челюсти Сам.1.

Оговорка “практически” связана с морфологическим комплексом клык-премоляр, где, как уже говорилось выше, отмечена небольшая диастема, которая, сопровождается на экземпляре Сам.1 наклоном вестибулярного контура первого премоляра. Кроме того, следует отметить крупные размеры foramen mentale и его сравнительно низкое положение (индекс h/НЧ100 = 55,1, где Н - высота тела челюсти на уровне ментального отверстия, а h - расстояние от центра последнего до края альвеолярной дуги). У современного человека этот индекс обычно не превышает 50 [данные Леруа-Гурана по современным французам цитируется по работе А.А. Зубова “Одонтология”, 1968]. Нужно отметить, что на экземпляре Сам.2 рассматриваемый индекс равен 55,4 то есть не отличается от величины, вычисленной для Сам.1. Если описываемый комплекс не случаен, он мог бы фигурировать как проявление определенных древних, архаичных особенностей в морфологии самаркандских находок, но это вряд ли возможно, имея в виду сравнительно позднюю датировку материала. Кроме того, описанные отклонения от современного морфотипа слишком незначительны, чтобы придавать им видоспецифическое значение. Диагностика вида в рассматриваемом случае однозначна: обе челюсти, бесспорно, относятся к виду Homo sapiens с характерными чертами европеоидной большой расы.

Результаты изучения каменного века Средней Азии симптоматичны в том отношении, что они выявляют значительную хронологическую преемственность культур, с одной стороны, и заметные следы внешних воздействий, с другой. Общая картина развития культуры каменного века достаточно сложна. Бесспорен факт наличия в Средней Азии двух культурных традиций, прослеживаемых с раннего палеолита и достаточно отчетливо обнаруживающихся на заключительных этапах каменного века. Одна из них связана с кругом галечных культур Центральной и Восточной Азии, другая — с культурами Передней Азии и Европы. По-видимому, применительно к Средней Азии правильнее говорить не о границах разных культурных традиций, а о переходной зоне со свойственной ей мозаичностью культур и неустойчивостью границ, что не могло не сказаться на формировании антропологических особенностей древнейшего населения.

Палеоантропологические материалы каменного века с территории Средней Азии, относительно хорошо изученной в археологическом отношении, к сожалению, пока представлены лишь единичными и разрозненными находками.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В.П. Положение Тешик-Ташской находки в системе гоминид // Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. М., 1973.

Алексеев В.П. Палеоантропология земного шара и формирование человеческих рас // Палеолит. М., 1978.

Бунак В.В. Муляж мозговой полости палеолитического детского черепа из грота Тешик-Таш. Узбекистан // Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР. Т.13, М., 1951.

Ван Хуэйюнь. Морфология зубов. Пекин, 1958

Виола Б., Зайдлер Х., Дитер цур Нэдден. Изучение верхних краев пирамид височных костей OR-1 с помощью компьютерной томографии // Грот Оби-Рахмат. Новосибирск, 2004.

Герасимов М.М. Основы восстановления лица по черепу. М., 1949.

Герасимов М.М. Люди каменного века. М., 1964.

Гинзбург В.В., Гохман И.И. Костные останки человека из Самаркандской палеолитической стоянки // Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. Л., 1974

Гланц М., Виола Б., Чикишева Т. Новые останки гоминидов из грота Оби-Рахмат // Грот Оби-Рахмат. Новосибирск, 2004.

Гремяцкий М.А. Череп ребенка неандертальца из грота Тешик-Таш. Южный Узбекистан // Тешик-Таш. Палеолитический человек. М., 1949.

Дебец Г.Ф. Об антропологических особенностях человеческого скелета из пещеры Тешик-Таш // Труды Узбекского филиала АН СССР. Серия История и археология. Вып.1. Ташкент, 1940.

Дебец Г.Ф. О положении палеолитического ребенка из пещеры Тешик-Таш в системе ископаемых форм человека. М., 1947.

Джуракулов М.Д., Холюшкин В.А., Батыров Б.Х. Самаркандская стоянка и ее место в позднем палеолите Средней Азии // Палеолит Средней и Восточной Азии. Новосибирск, 1980.

Зубов А.А., Ходжайов Т.К. Палеолитическая стоянка Сельунгур (антропологическое исследование) // Вестник антропологии. Научный альманах. Выпуск 11. М., 2004.

Зубов А.А., Гохман И.И. Некоторые дополнительные одонтологические данные в связи с описанием костных останков человека с палеолитической стоянки Самарканд // Вестник антропологии. Научный альманах. Вып.10. М., 2003.

Зубов А.А. Одонтология. Методика антропологических исследований. М., 1968

Зубов А.А. Морфологическое исследование зубов детей из Сунгирского погребения // Сунгирь. Антропологическое исследование. М., 1984.

Исламов У.И., Зубов А.А., Харитонов В.М. Палеолитическая стоянка Сельунгур в Ферганской долине // Вопросы антропологии. Вып.80. 1988.

Исламов У.И., Крахмаль К.А. Палеоэкология и следы древнейшего человека в Центральной Азии. Ташкент, 1995.

Касымов М.Р. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак в Узбекистане // Палеолит и неолит СССР. Т. 7. Л., 1972.

Лев Д.Н. Палеолит Самаркандской области и его специфические особенности // Тр. Самаркандск. Гос. Унив., нов. сер., вып.166. Самарканд, 1967. Цит. по работе В.В.Гинзбург, И.И.Гохман. Ук. соч.

Окладников А.П. Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш, Южный Узбекистан (Средняя Азия) // Тешик-Таш. Палеолитический человек. М., 1949.

Окладников А.П. Неандертальский человек и следы его культуры в Средней Азии. Предварительные данные и выводы о раскопках в гроте Тешик-Таш. СА. Т. 6. М.-Л., 1940.

Пинчукова И.М. Систематическое положение ребенка из пещеры Тешик-Таш. Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас. М., 1986.

Ранов В.А. Шугноу — многослойная палеолитическая стоянка в верховьях реки Яхсу (раскопки 1969—1970 гг.) // Археологические работы в Таджикистане. Вып.10. Душанбе, 1973.

Рохлин Д. Г. Некоторые данные рентгенологического исследования детского скелета из грота Тешик-Таш. Южный Узбекистан // Тешик-Таш. Палеолитический человек. М., 1949.

Frayer D. Metric dental change in the European Paleolithic and Mesolithic // Amer. J. Phys. Anthropol. 1977, № 46

Weidenreich F. The paleolithic child from the Teshik-Tash cave in Southern Uzbekistan (Central Asia). Amer. Journal of phys. Anthropology (n.s.), v.3, N2. 1945.

Elizabeth Baker Brite
Postdoctoral Fellow
Honors College, Auburn University (USA)

Introduction

In 2004, archaeologists from the University of Sydney and the Institute of History, Archaeology and Ethnography, Karakalpak Branch of the Uzbek Academy of Sciences, under the direction of Professor V.N. Yagodin and Professor A.V.G. Betts, uncovered monumental wall paintings at the site of Kazakly-yatkan in ancient Khorezm. During the 2005 season, samples of paint and plaster were collected from the paintings for compositional analysis. In completion of requirements for the author's Masters degree, these materials were analyzed in the conservation laboratory of the Cotsen Institute of Archaeology, University of California, Los Angeles. I am very grateful to the project directors and participants, and the faculty and staff of the Cotsen Institute and conservation lab for their support of this work. The methodology and results of this research are presented here to Ghairadin Khozhaniyazov as a token of my thanks for his support and mentorship.

Previous investigators have suggested that ancient Khorezm in the early Antique period [Based on the periodization of ancient Khorezm established by Tolstov in the 1940's using ceramics and arrow head typologies, S.P. Tolstov, *Drevnii Khorezm* (Moscow 1948)] (fourth century B.C. – first century A.D.) was a politically autonomous region that maintained a high degree of cultural isolation from neighboring powers in Central Asia [As argued by S.W. Helms, V.N. Yagodin, A.V.G. Betts, G. Khozhaniyazov and F. Kidd, "Five Seasons of Excavations in the Tash-K'irman Oasis of Ancient Chorasmia, 1996 – 2000. An Interim Report," *Iran* 39 (2001) 119-44]. The wall paintings of Kazakly-yatkan, as part of the architecture of a monumental ritual complex situated within an important early Antique settlement, provide a unique opportunity to evaluate interactions between the Khorezmian polity and its neighbors. Compositional analysis of these paintings demonstrates that mural production at Kazakly-yatkan predominantly relied on locally available materials. In the neighboring regions of Central Asia and in later periods in Khorezm, imported materials were frequently used [In this regard, L.A. Lelekov notes the appearance of ultramarine blue (a form of lapis lazuli) at Mansur-depe in Turkmenistan and also in India, Afghanistan and Xinjiang by the 3rd century A.D., L.A. Lelekov, "Nekotorye Nablyudeniya nad Tehnikoy Monumental'noy Zhivopis Sredneii Azii," *Soobshcheniia* 29 (1975) 90. Malachite green and azurite blue, both derived from copper, are said by J. Turner to have been found at Toprak-kala, J. Turner, *Dictionary of Art, vol.6* (New York: Macmillan Publishers, 1996) 224. This evidence corresponds nicely with the evidence for increased mining activities in the eastern areas of the Kushan empire noted by A.R. Mukhamedjanov, especially where written sources attest to the extraction of lapis lazuli in Bactria and copper from Karamazar (northern Tadjikistan), A.R. Mukhamedjanov, "Economy and Social System in Central Asia in the Kushan Age," in B.N. Puri, J. Harmatta and G.F. Etemadi, *History of the Civilizations of Central Asia, vol. 2* (Paris:

UNESCO, 1994) 278. Cinnabar, which according to Turner and N. Kovaleva was also found at Toprak-kala, and indigo are said by Mukhamedjanov to have come from as far as India, Turner, 224, N. Koroleva, personal communication, and Mukhamedjanov, 286. In later centuries, a great diversity of mineral pigments is seen in murals from Sogdiana and Xinjiang in particular, which would have undoubtedly involved the acquisition of materials from non-local sources]. The stark contrast between the usage of predominantly local materials in the wall paintings of early Antique Khorezm and the common appearance of imported materials in other closely related contexts supports the view that the final centuries B.C. and early centuries A.D. in Khorezm were a period of limited external interactions.

Description of the Murals and Plaster Fragments from Kazakly-yatkan

Extensive remains of painted plaster have been found throughout the large building complex in the fortified upper enclosure of Kazakly-yatkan. Conservation and restoration of the recovered painted fragments is ongoing [For information regarding the conservation of materials from Kazakly-yatkan, see C. Daly, Conservation of Finds from the 2003 Excavation Season at Kazakl'i-yatkan (2004), C. Daly, Conservation of Finds from the 2004 Excavation Season at Kazakl'i-yatkan (2005), C. Daly, Conservation of Finds from the 2005 Excavation Season at Kazakl'i-yatkan (2006), and V.V. Yagodin, report to be published in the conference proceedings *The Great Silk Road, Culture and Traditions, Then and Now* (in press)]. Images from the various recovered pieces include a processional scene with humans and animals [F. Kidd, "Animals on the walls. Wall paintings from Kazakl'i-yatkan/Akchakhan kala, Chorasmia (Uzbekistan)," in A.V.G. Betts and F. Kidd (eds.) *New Discoveries in Silk Road Archaeology. Proceedings from the workshop held at ICAANE5, Madrid 2006* (in press)], a collection of portraits [F. Kidd, "Steppe elements in the art of Chorasmia," in *Scythians, Sarmatians, Alans: Iranian-speaking nomads of the Eurasian steppes* (in press)], a group scene preserving three individuals, and numerous other small fragments depicting decorative elements such as swirls and frieze motifs. Black, red and gray-blue pigments dominate the color palette of the paintings. Yellows, oranges, and pinks are also not uncommon. In 2007, a bright pinkish-red was also seen for the first time. Preservation varies among the fragments. The extremely high salinity of the soil and the seasonal fluctuations in soil moisture content are believed to be the cause of poor preservation in some of the murals [Daly (2004) 1. See also Daly and Kidd, this volume].

Data Collection

Together with larger fragments of impressive images such as portraiture and fragments of frieze designs, many small, isolated fragments of painted plaster with no clear design have been recovered from the excavations at Kazakly-yatkan. These small fragments (ranging in size from approximately 1cm to 7cm) cannot be restored to any currently known painted composition. Therefore, these smaller pieces were collected and sampled for technical analysis to identify the range of pigments and plaster ground that were used in their construction. Given that the same colors are found on these fragments as are seen on the larger examples of artwork, this study assumes that the results of the technical analysis indicate those materials used in the construction of the entire collection of paintings thus far recovered from Kazakly-yatkan.

Samples were collected for analysis based on several criteria. First and foremost, a collection was sought that represented the entire range of colors, color combinations, textures and shapes seen in the Kazakly-yatkan paintings, including the varieties of plaster

type on which paint was applied. Second, the vibrancy of the preserved pigment was important to ensure that enough material would be available for analysis. Finally, the collection included samples from each of the site locations in which plaster fragments had been found at that time in 2005. This helped to account for variations in painting techniques among different mural works (for example, if different artists using different techniques had worked in separate rooms).

In all, 23 samples were collected for analysis: 7 of unpainted plaster and 16 with paint on plaster. Each fragment was cleaned in the field using a wooden pick and dry brush. Layers of brown and white mud plaster were left intact as much as possible. After photographing and recording each individual sample by reference number in a master data table, samples were cut in half, bagged and labeled to produce two identical data sets – one for analysis and the other for storage and later reference. One set of samples was sent to the Cotsen Institute of Archaeology, University of California, Los Angeles for analysis. The other is currently stored at the University of Sydney.

Technical Analysis

Several techniques were used to identify the pigments, plaster ground and construction sequence of the Kazakly-yatkan paintings. These included binocular and polarized light microscopy (PLM), Fourier transform infrared spectroscopy (FTIR), X-ray fluorescence (XRF), X-ray diffraction (XRD), cross sectioning and scanning electron microscopy (SEM). I am especially grateful to D. Scott and I. Kakoulli for assistance in the PLM identifications, and to S. Warmlander, who assisted in the preparation of samples, the SEM processing and performed gas chromatography-mass spectrometry (GC-MS) on the samples to identify binding media. Unfortunately, the results of the GC-MS tests on the binding media were inconclusive.

A binocular microscope with low-power magnification (20x – 30x) was used to make initial observations of the samples and to pinpoint areas for further investigation. FTIR was used to identify the minerals used to make the plaster ground. Pigment mineral identification was achieved through PLM at 100x – 400x magnification. Cross-sections of samples were cut using a scalpel and sealed in resin molds. The cross-sections were examined with a binocular microscope and SEM to examine the layers of the painting ground and to identify pigments in their layered state. XRF, which produces a map of identifiable x-ray energy peaks that describe the elements present in samples, was used in conjunction with PLM to assist in microscopy identifications. Finally, in one case XRD was used to identify a yellow pigment.

Results

Plaster

Low-powered microscopy (20x – 30x magnification) of the unpainted plaster samples revealed red, orange and black inclusions in some of the plaster materials. In some cases plaster was a brighter white than in others. Aside from the distinctly fine particles in sample PS31, PLM at 100x magnification revealed no noticeable relationship between particle size and outward appearance of the plaster fragments.

FTIR spectra results from all unpainted plaster samples showed a strong match for calcium sulfate ($CaSO_4 \cdot 2H_2O$), indicating a gypsum-based plaster. XRF tests of the plain plaster backing on the painted samples confirmed high peaks for calcium and sulfur. A dark red inclusion from sample PS27 was also tested separately, and produced a near match for gypsum. It is believed that the infrared absorption of the red mineral in this inclusion, probably naturally occurring iron oxide, was masked by that of the gypsum.

Red

Red on the 16 painted samples collected ranges from light to orange-red to a deep, rusty dark red. PLM revealed that the red pigments from all of these samples are iron oxides. XRF results also confirm high peaks for iron. FTIR of these samples was in most cases inconclusive, as the gypsum ground could not be completely separated from the pigment. Therefore, FTIR detected gypsum rather than the minerals present in the pigments.

Variation was noted among the types of iron oxides encountered in different samples. Several samples have unusually fine particles that may indicate either extraction of hematite from a distinct source or the use of heated goethite [D. Scott, personal communication]. Sample PPS27, a sample with two layers of paint, one a dark red, and the other a light red with black, had slightly different particle structures in each of the two different red layers. The light red portion of the sample had particle size and shape typical of hematite (an iron (III) oxide, Fe_2O_3), while the particles of the dark red portion resembled sienna (a brown, limonite clay (iron (III) oxide-hydroxide, $FeO(OH)\cdot nH_2O$) that is more similar to goethite). The use of sienna would have produced a red-brown color in the pigment.

Black

Binocular (20x – 30x magnification) microscopy of the samples of black paint and their cross-sections revealed that black is almost always found on top of another color, presumably either as an outline or as a decorative feature (such as the stripes on PPS12) that was applied last or as over-painting that completely covers another color.

PLM demonstrated that the black pigment used in all samples collected was charcoal black. In several samples the plant-like breaks of woody charcoal are visible in the PLM photographs. Particle sizes of the black pigments vary from sample to sample, indicating differences in the amount of grinding applied during paint production.

Blue

FTIR of two samples with blue-gray paint detected gypsum, and XRF showed strong peaks for calcium, neither of which could explain the presence of a blue color. PLM revealed that these samples contained very fine particles of charcoal mixed with gypsum. The result is a “blue” pigment containing no true blue minerals, called optical blue. The gypsum in optical blue causes the reflection of short wavelengths of visible light, blue in the visible spectrum, while the longer wavelengths of red and green are absorbed by the admixture of charcoal particles, creating the appearance of dull blue color [D. Scott, D.H. Doughty and C.B. Donnan, “Moche Wallpainting Pigments from La Mina, Jequetepeque, Peru,” *Studies in Conservation* 43.3 (1998) 181]. The finely ground charcoal particles found in the samples from Kazakly-yatkan would have contributed to the production of optical blue by allowing an even, subtle distribution of black particles within the gypsum. There are two methods used by artists to achieve an optical blue effect: either the black and white pigments are mixed together and applied to the painting surface, or a very thin layer of black can be applied on top of the white ground, like a wash [Scott, et al., 181]. It is unclear from the current study whether the artisans at Kazakly-yatkan were using either the mixing or wash method.

Yellow

One sample had yellow paint on it. XRF results showed peaks for calcium, sulfur and iron. FTIR was run on the sample and produced a match for yellow ochre, a hydrated iron

(III) oxide ($Fe_2O_3 \cdot H_2O$). PLM results and an XRD test were also run and confirmed the iron oxide identification.

Pink

Several samples had a very light red or pink color pigment. As expected, all of these samples demonstrated high or very high peaks for iron when subjected to XRF. FTIR results detected only gypsum in all but one case, in which there was a match for red ochre.

PLM revealed that in all cases iron oxide was mixed with gypsum to produce a pink color. A comparison of the iron oxide to gypsum ratios as they appear in the PLM photographs at 100x magnification demonstrates that pink is distinguishable from red at the microscopic level by the higher amounts of gypsum contained in the pigments. This also generally confirms initial classifications of pink versus red pigments with the naked eye, and may indicate good preservation of the original color achieved by the artist(s).

Two samples, PPS4 and PPS26, contained very fine micaceous hematite particles, discernable by the characteristic black stripes and/or spots on the bright red particles. A less common type of naturally occurring hematite, micaceous hematite produces a different type and quality of the color red [D. Scott, personal communication]. Like the other pink samples, this micaceous hematite would have been mixed with gypsum to lighten the natural deep red color.

Discussion

The paintings from Kazakly-yatkan lack the variety of mineral pigments seen elsewhere in Central Asia in antiquity [See in particular Turner for an overview of the wide variety of materials and colors used at contemporary and later sites in Khorezm, Bactria, Sogdiana and Ustrushana (Turner, 222-236). As noted above, Lelekov and Mukhamedjanov also provide relevant information regarding the general use and distribution of minerals and mineral-based pigments. Also see I.N.M. Wainwright, et al. (1997), who discusses the wide array of mineral pigments used in the Magao grottos of Xinjiang, I.N.M. Wainwright, et al., "Analysis of Wall Painting Fragments from the Mogao and the Bingling Temple Grottoes," In N. Agnew (ed.), *Conservation of Ancient Sites on the Silk Road* (Los Angeles: Getty Institute Publications, 1997). A. Tairov and A.F. Bushmakin also provide useful information regarding mineral pigment powders found in the kurgan burial mounds of the 8th century B.C. – 3rd century A.D. in the southern Urals and the related trade in copper from the Caspian Sea area, A. Tairov and A.F. Bushmakin, "The Composition, Function and Significance of Mineral Paints from the Kurgan Burial Mounds of the South Urals and North Kazakhstan," in A. Jones and G. MacGregor (eds.), *Colouring the Past: The Significance of Colour in Archaeological Research* (Berg: Oxford, 2002)]. Instead, artisans relied on local resources which were abundantly available, such as iron oxide and charcoal, and on specialized knowledge and practices to produce the range of colors displayed in the paintings. Analysis of red and pink pigments suggests that these artisans may have relied on specialized knowledge of iron oxides to create desired effects. Sienna and fine hematite, which would have produced different shades of red, were used on separate occasions. In other instances, ochre was used to achieve a red color. Red micaceous hematite was also found in two of the pink pigment samples, and may have been sought out to create a different shade of red. Similarly, the production of optical blue at Kazakly-yatkan further demonstrates that artisans relied upon their own ingenuity to create colors when non-local minerals were not available. Instead of accessing mineral pigments through long-distance trade, these examples show that the artisans at Kazakly-yatkan relied on locally available materials to create a wide range of colors.

A note should be made here regarding the recent discovery from the 2007 field season at Kazakly-yatkan which revealed a new shade of raspberry-colored red. This may indicate the use of the mineral pigment cinnabar. Cinnabar has also been found at Toprak-kala [Turner, 224, N. Kovaleva, personal communication] and other sites across Central Asia. The presence of this mineral at Kazakly-yatkan may indicate that some materials were making their way into Khorezm from more distant territories prior to Kushan times. However, the fact that only one example of this color has so far been found, despite the discovery of a large array of significant artwork, suggests that it was something only rarely available. Analysis is planned to identify this new color and investigate possible sources.

The evidence from Kazakly-yatkan suggests that minerals such as cobalt, azurite and malachite were not used in mural art until after the collapse of the site, when they begin to appear at Toprak-kala [Turner, 224]. Potentially influencing the appearance of a wider variety of mineral pigments at that time in Khorezm was the increase in mining activities seen during the height of the Kushan period in the eastern regions of that empire [Mukhamedjanov, 278]. From written sources it is known that minerals were extracted in Ferghana, Sogdiana, and Bactria as well as other areas [Mukhamedjanov, 278-9], and it is likely that minerals used in paint production were included among these. Thus, the activities of the Kushan state to the south and the resulting increased movement of foreign goods may have played a significant role in the changes seen in paint production in late Antique Khorezm.

Conclusion

The current compositional analysis of paint and plaster samples demonstrates that the overwhelming majority of pigments used in the Kazakly-yatkan paintings were easily obtainable materials such as iron oxide, charcoal and gypsum. Specialized knowledge was relied upon much more frequently to produce a variety of pigment shades than was the importation of materials. The analysis therefore supports broader claims about the autonomy and isolation of ancient Khorezm in the early Antique period [As proposed by Helms, et al., 121, and G. Khozhaniyazov, *The Military Architecture of Ancient Chorasmia* (Paris: DeBoccard, 2006) 40-1]. Ultimately, the development of a monumental wall painting tradition at Kazakly-yatkan appears to have been a localized practice that was peripheral to the broader traditions of Central Asian mural painting in antiquity [The research presented in the paper was funded by grants from the Friends of Archaeology, Cotsen Institute of Archaeology, UCLA, the Department of Anthropology at UCLA, and the University of California, Los Angeles. The Karakalpak-Australian Expedition is funded by the Australian Research Council, National Geographic and the support of numerous volunteers. I would like to thank the professors and colleagues without whom this research would not have been possible: Prof. A.V.G. Betts and Prof. V.N. Yagodin for inviting me onto the project and allowing me to collect the samples, Dr. D. Scott, Dr. I. Kakoulli, and Dr. S. Warmlander, who aided in every aspect of the materials analysis, my thesis advisors Dr. M. L. Smith, Dr. P. J. Brantingham and Dr. R. Lesure for their guidance in the analysis and reporting of the results, and Dr. F. Kidd, Dr. A. Iskanderova, Mr. S. Amirov, Ms. C. Daly, and Mr. V.V. Yagodin for their support, encouragement and insights. My gratitude also goes to N. Kovaleva for providing information regarding the materials from Toprak-kala. This article has been enriched by the comments of Prof. A.V.G. Betts and Dr. F. Kidd, University of Sydney, Australia].

BIBLIOGRAPHY

Tolstov S.P. Drevnii Khorezm (Moscow 1948)

Helms S.W., Yagodin V.N., Betts A.V.G., Khozhaniyazov G., Kidd F. Five Seasons of Excavations in the Tash-K'irman Oasis of Ancient Chorasmia, 1996 – 2000. An Interim Report," Iran 39 (2001) 119-44

Lelekov L.A. "Nekotorye Nablyudeniya nad Tehnikoy Monumental'noy Zhivopis Sredneii Azii," Soobshcheniia 29 (1975) 90

Turner J. Dictionary of Art, vol.6 (New York: Macmillan Publishers, 1996) 224

Mukhamedjanov A.R. "Economy and Social System in Central Asia in the Kushan Age," in B.N. Puri, J. Harmatta and G.F. Etemadi, History of the Civilizations of Central Asia, vol. 2 (Paris: UNESCO, 1994) 278

Daly C. Conservation of Finds from the 2003 Excavation Season at Kazakl'i-yatkan (2004)

Daly C. Conservation of Finds from the 2005 Excavation Season at Kazakl'i-yatkan (2006)

Kidd F. "Animals on the walls. Wall paintings from Kazakl'i-yatkan/Akchakhan kala, Chorasmia (Uzbekistan)," in A.V.G. Betts and F. Kidd (eds.) New Discoveries in Silk Road Archaeology. Proceedings from the workshop held at ICAANE5, Madrid 2006 (in press)

Kidd F. "Steppe elements in the art of Chorasmia," in Scythians, Sarmatians, Alans: Iranian-speaking nomads of the Eurasian steppes (in press)

Scott D., Doughty D.H., Donnan C.B. Moche Wallpainting Pigments from La Mina, Jequetepeque, Peru // Studies in Conservation. 43.3 (1998) 181

Wainwright I.N.M. Analysis of Wall Painting Fragments from the Mogao and the Bingling Temple Grottoes, In N. Agnew (ed.) // Conservation of Ancient Sites on the Silk Road. Los Angeles: Getty Institute Publications, 1997.

Tairov A., Bushmakin A.F. The Composition, Function and Significance of Mineral Paints from the Kurgan Burial Mounds of the South Urals and North Kazakhstan.

Jones A., MacGregor G. Colouring the Past: The Significance of Colour in Archaeological Research. Berg: Oxford, 2002.

Khozhaniyazov G. The Military Architecture of Ancient Chorasmia. Paris: DeBoccard, 2006, 40-1.

Yagodin V.V. Report to be published in the conference proceedings The Great Silk Road, Culture and Traditions, Then and Now (in press).

C. Daly, F. Kidd
University of Sydney, (Australia)

THE DOCUMENTATION OF *IN SITY* WALL PAINTINGS AT KAZAKLY-YATKAN (AKCHA-KHAN KALA)

Documentation of *in situ* wall paintings in archaeological contexts raises specific issues for archaeologists and archaeological conservators alike. In this short paper dedicated to Ghairatdin Khozhaniyazov we would like to describe the methodology followed in documenting the *in situ* wall paintings found during the 2005 season at Kazakly-yatkan, Uzbekistan (Coordinates for the centre of the site are N 41°49'36.05", E 60° 43' 05.27") by the Karakalpak-Australian Expedition to Chorasmia (Excavations are directed by V. N. Yagodin (Institute of History, Archaeology and Ethnography, Nukus, Karakalpakstan) and A. Betts (University of Sydney, Australia). The project is funded by the Australian Research Council, National Geographic and a volunteer programme. For site reports see Helms *et al* 2001; Helms *et al* 2002. See also Helms 1998). The methodology employed is simple but highly effective and can be followed in a diversity of contexts. The aim of the methodology was to record as accurately as possible the wall paintings in their original position on the upstanding walls before they were removed for conservation. This methodology enables a full preliminary reconstruction of the *in situ* paintings in digital format.

Kazakly-yatkan

Kazakly-yatkan is the largest site in right bank Chorasmia. It is fortified and comprises an upper and lower enclosure. Several large structures are found in the upper enclosure, including a monumental building complex in the north western corner, in which extensive remains of mural art have been found. This interior area appears to be surrounded by a corridor, the western section of which revealed *in situ* wall paintings. Other elements of ornamentation in this building include moulded plaster (plain, painted, or, more rarely, covered with gold leaf) and moulded copper. Kazakly-yatkan possibly served as a regional capital for ancient Chorasmia in the final centuries BCE [Helms 1998, 90].

The wall paintings

In situ wall paintings at Kazakly-yatkan were exposed over approximately 13 meters (another black horse at the front of the procession, was exposed later and is not included in this reconstruction) on the eastern face of the western corridor of the building complex (see fig. 1). The scene runs along the southern half of the corridor, which is less than 2m wide. Dated approximately to the 1st century BCE, the paintings preserve mainly the legs of an animal and human procession (figs 1 and 3). The area immediately in front of the *in situ* paintings was excavated, recovering a fragments fallen from the wall. However, many fragments of paintings were found during excavation of the far side of the corridor. Excavations here had to be halted in order to allow field conservators to excavate the fragments properly. Assuming that the upper parts of the paintings flaked off the walls onto the far side of the corridor, it is possible that excavation of this area will yield more details, which may be able to be added to the *in situ* section. Exposure of the entire

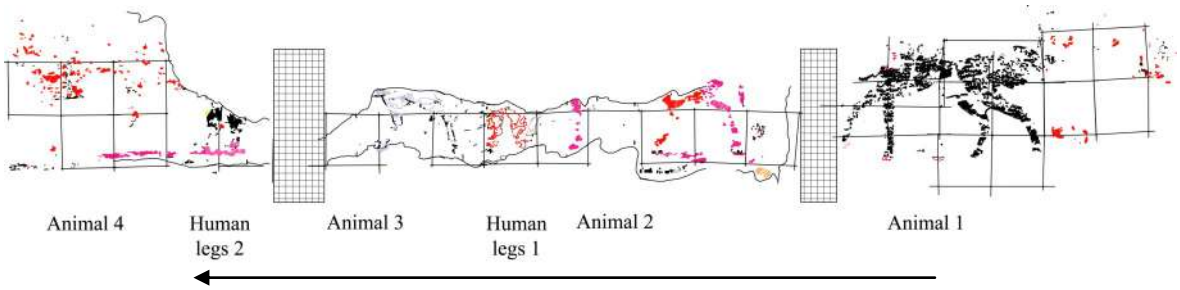


Fig. 1. Reconstruction of the procession scene recovered from the southern section of the western corridor. Each square equals approximately 50cm. The arrow points to the north.

length of the corridor is not yet complete, with the southern extreme of the wall remaining unexcavated.

The condition of the *in situ* wall paintings was quite poor when compared to other wall painting fragments excavated from collapse layers. This may suggest that the walls were exposed for some time to weathering and sun damage (causing fading of the pigments) after the abandonment of the building. The paintings were made on gypsum plaster. This plaster was applied in a thin (1-2mm) layer to a mud plaster backing, which in turn was applied directly to the *pakhsa* wall surface [Similar techniques are found at other contemporary Chorasmian sites including Elkharas (Sokolovski, 1991, 271) and Gyuar-kala (Rapoport and Trudnovskaya, 1958, 359)]. The paint was applied to the gypsum after it had dried. This technique, known as *fresco secco*, means that the pigment is not well bound to the substrate and is quite easily removed by physical processes. The plaster itself is very thin and brittle. Fluctuations in the environmental conditions (i.e. temperature and humidity) with associated weathering and salt migration are likely causes of the cracking and flaking of much of the plaster from the wall.

As the paintings were excavated they were again exposed to these environmental threats and in particular the high levels of soluble salts on site. Excavated walls act as an evaporation surface for ground water and soluble salts are drawn out and crystalise on the surface. Where the surface is covered with impermeable gypsum plaster the salts tend to crystalise underneath this (at the mudplaster-gypsum interface) causing flaking and loss.

In field documentation

In 2005 two conservators were engaged specifically to deal with cleaning and lifting *in situ* wall paintings: Gulnara Akhadova (Samarkand Institute of Archaeology (Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan). and Vadim V. Yagodin Institute of History, Archaeology and Ethnography, Nukus, Karakalpakstan. They concentrated on exposing the eastern interior wall of the west corridor where evidence of intact wall plaster had been found in 2004. Approximately ten meters of wall surface with substantial remains of painted plaster were exposed. The cleaning, lifting and subsequent conservation of the wall paintings has been described elsewhere by V. V. Yagodin (Yagodin *in press*. More generally on wall painting conservation in Central Asia see also Kovaleva 2006a and 2006b).

Once the walls with paintings were exposed the deterioration processes described above were set in motion. The agreed solution was to remove the paintings from the wall in sections for conservation and museum storage. This process entails a permanent separation of the paintings from their original context and is irreversible. The loss of particu-

Fig. 2. Setting up the grid over the in situ paintings

Fig. 3. View of in situ wall paintings in the western corridor at Kazakly-yatkan showing Animal 1 in the reconstruction in fig. 1

lar information present when material is *in situ*, such as its exact relationship to the building, application to the wall surface and impact on the viewer, is inevitable. In addition the paintings undergo physical and chemical alterations (including consolidation, facing, cutting and transportation), which carry an element of risk. For these reasons detailed *in situ* recording is considered a vital part of the conservation process and a combination of methods was developed to maximize the retention of data.

Fig. 4. Tracing the in situ paintings on Melinex

The in-field recording methodology included a 1:20 drawing of the paintings (V. V. Yagodin), 1:1 tracings on Melinex (Melinex is an archival grade, transparent, polyester film. Permanent waterproof markers are required to draw on the surface. Repeated corrections are possible as the film is unaffected by solvents (e.g. acetone) (C. Daly) and digital photography (C. Daly and F. Kidd). Restricted access within some sections of the corridor (see above) and the large scale of the paintings proved problematic when developing a reliable photographic recording system. It was decided to set up a grid of 50 x 50cm squares across the entire length of the wall. The grid frame was set up using nails and a laser light level (fig. 2). The light level facilitated the creation of a straight line across the uneven wall surface on which points were fixed every 50cm (measured by hand using a tape measure). The grid was then created by running string between opposite points although the unevenness of the wall caused slight distortion of the string lines. Interstices of the grid were surveyed

so as to allow for accurate reconstruction using AutoCad. Each 50 x 50cm square (see fig. 3) had a unique grid reference number consisting of a letter (row location) and number (column location). Photographs and 1:1 overlay tracings (fig. 4) of each section were taken and labeled with this grid reference number. In this way any area of the painting can be pinpointed and examined in detail using both the digital images and the overlay. The overlay itself proved useful in revealing the presence of a quadruped in one section which had not been obvious from visual assessment on site.

Post excavation digitisation

In order to reconstruct the scene it was necessary to digitize the in-field tracings of the paintings. The tracings were scanned using an A1 roll scanner. The digitised drawings were then traced using Adobe Illustrator and a drawing tablet. All scans and tracings were made at 1:1. It was necessary to use a very fine line weight for the tracing because the scene had to be reduced from approximately 10 metres to 15 cm in order to fit on a page. Once all the individual sheets had been traced the drawings were fitted together by matching the interstices of the grid squares, which had been clearly marked on the tracings.

Definition of pigments at this stage remains preliminary. Analysis has shown that the pigments were made using locally available oxides, charcoal and gypsum [Baker Brite 2006]. However, the exact colour of these pigments in their original state is unclear. Generic colours were used in the digitization process as a means of highlighting the fact that different colours were used on the original painting. It may be possible to define the original colours more exactly after further analysis.

The photographs of the individual frames of the grid can be digitally stitched together as accurately as possible and then the entire tracing of the scene overlaid on this. Although it is impossible to perfectly match the grid photos because of issues of perspective and distance, this process will facilitate a more exact reconstruction of the scene, matching lines and pigments. The photos provide an original record of the paintings and the means to completely digitally reconstruct the *in situ* paintings. Given that the paintings have been cut from the wall, this methodology provides a crucial record.

Corrections to the preliminary reconstruction of the *in situ* paintings at Kazakly-yatkan will be made when the paintings have been fully cleaned and conserved, a process that is expected to take several years, given the extent of preserved paintings. It is hoped that excavation of the western half of the corridor, in front of where the *in situ* paintings were found, will reveal further fragments that will facilitate a more complete reconstruction of the procession scene.

BIBLIOGRAPHY

Baker Brite, E. Social Processes in the Production of Wall Paintings at Kazakly-yatkan, Uzbekistan. Unpublished Masters dissertation, University of California, Los Angeles, 2006

Kovaleva, N. Notes on the process of restoration and preservation of architectureal décor of Central Asian monuments. In *Mural Paintings of Central Asia. A Practical Guide on Conservation*. Tashkent, 2006a

Kovaleva, N. The methodology of field conservation and restoration of monumental archaeological décor using BMK-5 solutions. In *Mural Paintings of Central Asia. A Practical Guide on Conservation*. Tashkent, 2006b.

Helms, S. Ancient Chorasmia: the northern edge of Central Asia from the 6th century B.C. to the mid-4th century A. D. In D. Christian and C. Benjamin (eds). *Worlds of the Silk Roads*. Proceedings from the Second Conference of the Australasian Society for Inner Asian studies (A.S.I.A.S.). Brepols, Turnhout and Sydney.1998.

Helms, S., V. N. Yagodin, A. V. G. Betts, G. Khozhaniyazov, F. Kidd Five seasons of excavations in the Tash-k'irman Oasis of Ancient Chorasmia 1996 – 2000." *Iran* , 2001

Helms S., V.N. Yagodin, A.V.G. Betts, G. Khozhaniyazov, M. Negus-Cleary. The Karakalpak-Australian excavations in ancient Chorasmia: the northern frontier of the "civilised" ancient world. Ancient Near Eastern Studies. 2002

Sokolovski V.M. Rospisi i skul'ptura Elkharasa. In Itina, M. A. (ed). Drevnosti Yuzhnogo Khorezma. Moscow, 1991

Rapoport Iu. A., S. A. Trudnovskaya. Gorodishche Gyaur-Kala. In Tolstov, S. P. and T. A. Zhdanko (eds). Trudy Khorezmskoi Arkheologo-Etnograficheskoi Ekspeditsii 2: Arkheologicheskie i Etnograficheskie Rabot'i Khorezmskoi Ekspeditsii 1949-1953. Moscow, 1958

Yagodin V.V. *in press*. Nastennaya zhivopis' gorodishcha Kazakly-yatkan (polevoe izuchenie, konservatziya, izvlechenie i laboratornaya obrabotka). To be published in Great Silk Road. Culture and Traditions. Then and Now. Conference Proceedings. Tashkent.

М.М. Мамбетуллаев
Нукусский Государственный педагогический институт им. Ажинияза, (Нукус)

К ИЗУЧЕНИЮ РАННЕКЕРДЕРСКИХ АМУЛЕТОВ (VI-VIII ВВ.) (ПО МАТЕРИАЛАМ КУЮК-КАЛЫ)

Приаральская дельта Амударьи в античность представляла собой северную периферию древнего Хорезма, в раннем же средневековье в правобережной части дельты в связи с миграцией сюда населения из низовьев Сырдарьи, возникло владение Кердер (Кардар, Курдар) [Ягодин, 1963, с.67].

Наиболее ранние сведения об области Кердер содержатся у ат-Табари и связаны с эпохой арабского завоевания Хорезма [Табари, 11, 1525] и политической историей этого периода [Вайнберг, 1977, с. 98]. Область Кердер была локализована в правобережной части Приаральской дельты [Толстов, 1948, с. 211; Ягодин, 1963, с. 68]. Вместе с тем, в результате систематизации археологического материала из низовьев Амударьи и Сырдарьи, исследователи склонны считать, что кердерская культура представляет собой «соединение двух культурных комплексов: местного хорезмийского афригидского и джетыасарского» [Неразик, 1966, с.127].

Изменились и представления о хронологии памятников Кердера. Особенно широко привлекались даты Ток-калы в связи с находками датированных надписей на оссуариях и проблемой хорезмийской эры.

В 1956 г. Е.Е. Неразик и Ю.А. Рапопорт провели раскопки на Куюк-кале и по материалам нижних слоев, отнесли возникновение первых построек к концу VI в. н.э. [Неразик, Рапопорт, 1959, с.142]. В верхних слоях памятника встречаются монеты (Азкацвара-Чегана, Каника, Савашфана), которые датируются концом VII-серединой VIII вв. Таким образом, комплекс керамики раннего этапа кердерской культуры в низовьях Амударьи мы можем датировать концом VI-сер. VIII вв.

Во время раскопок 2000-2006 гг., в подъемном материале Куюк-калы были обнаружены разнообразные металлические и каменные амулеты (рис.1). Мы принимаем определение амулета как предмета, магическим образом охраняющего человека от бед, т.е. оберега [Ковалевская, 1983, с.43].

Хотя материал и невелик, но в нем нашли отражение основные религиозные взгляды населения Приаральской дельты Амударьи.

К первой группе относятся амулеты из костей животных (рис.1; 11-13): просверленные зубы, клыки, пястные косточки собаки (?). Амулеты из костей животных встречены в погребениях женщин (25, 48, 123). Античные источники (II в. до н.э.) свидетельствуют об участии собаки в погребальном процессе у народов Центральной Азии. В захоронениях на некрополях Ток-калы и Миздахкана, наряду с останками людей, обнаружены кости собак и изображения собаки в росписи на оссуарии. Собака выделяется в зороастрийском каноне как особо чтимое животное, жизнь, благоденствие и смерть которого оцениваются наравне с людскими и с трупами, которых надлежит обращаться так же, как с трупами людей [Гудкова, 1984, с.109].

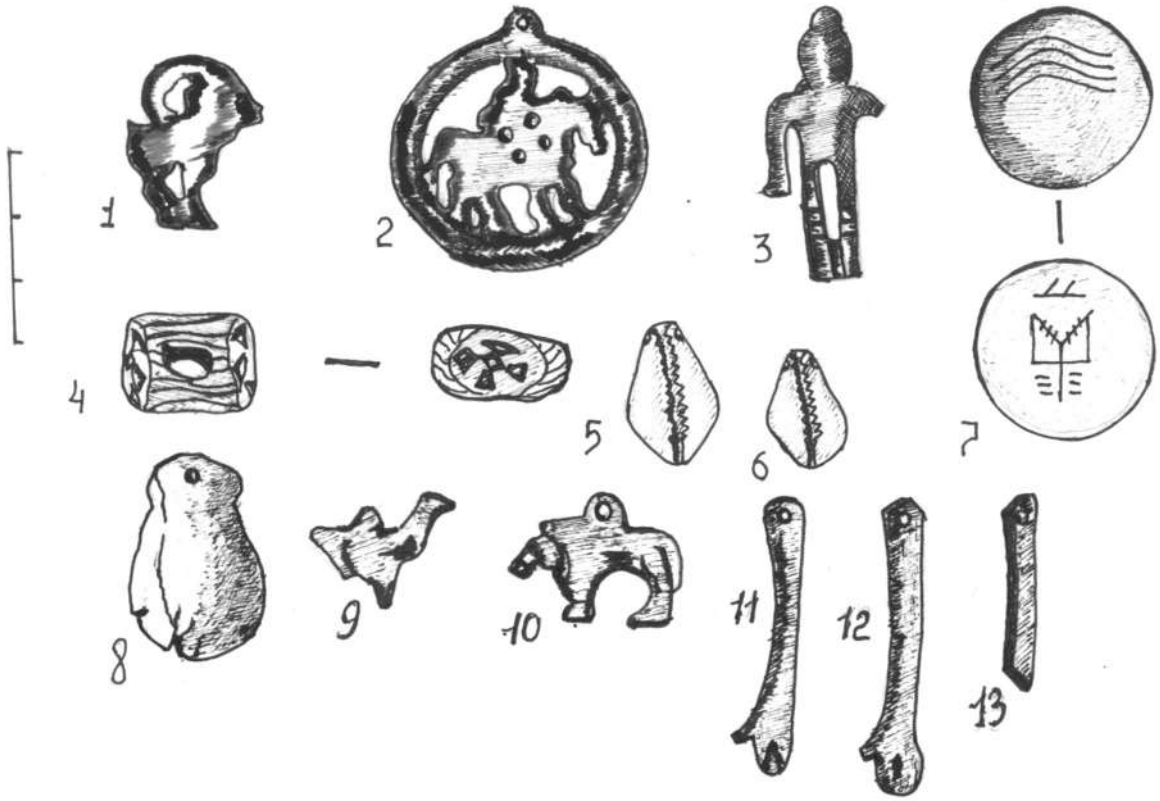


Рис.1. Куюк-кала. Амулеты: 1 - козел (тау теке), бронза (подъемный); 2-солнечный амулет, бронза (погребение 49); 3-антропоморфный амулет, бронза (подъемный); 5,6-раковины каури (5-погребение 36, 6-погребение 42); 7-горный хрусталь (погребение 126); 8-деревянный амулет (погребение 42); 9-верблюд, бронза (подъемный); 10-кабан, бронза (подъемный); 11, 12, 13-кости (11-погребение 25, 12 -погребение 48, 13-погребение 123).

Интересно, что, по данным С.А.Плетневой, аналогичные амулеты найдены в женских погребениях: 30-40% женщин, захороненных в Салтовском и Дмитровском могильниках, носили такие амулеты-обереги [Плетнева, 1967, с.172]. Клыки животных (лисы, собаки, волка) найдены в слоях Саркала и Правобережного Цимлянского городища. Причем некоторые из них были как бы «полуфабрикатами» амулетов: имели ямку, намеченную для сверления, полупросверленные отверстия [Плетнева, 1967, с. 172]. Аналогичные публикуемые амулеты из косточек животных известны и у других кочевых и полукочевых народов прошлого, например, у аваров, дунайских и волжских булгар [Генинг, Халиков, 1964, табл.18].

Еще в конце XIX-начале XX вв. у населения Вьетнама самым распространенным способом борьбы со злыми духами было ношение амулетов, которыми служили зубы животных, чешуя ящериц, старые монеты, связки ключей [Дементьева-Лескинсен, 1980, с. 60]. Амулеты-обереги были наиболее характерны для маленьких детей. Известны они и у сибирских народов. Д.К. Зеленин связывает амулеты этой группы с одним из характернейших для сибирских культов – культом духов (онгонов) [Зеленин, 1936].

Параллели с сибирскими амулетами позволяют связать с этим культом и вторую группу куюккалинских амулетов, сделанных из дерева. К ним относится каплевид-

ная, плоская, с продольным отверстием на вершине подвеска. Длина ее 6 см, основание - 4 см, толщина – 5 см (рис.1; 8). Подвеска найдена в женском погребении (42) Куюк-калы и датируется VI-VII вв.

Каменных амулетов (подвесок) найдено мало. Одна из них лазуритовая – плоская, в виде равнобедренного треугольника, с продольным отверстием в одной из вершин треугольника. Длина боковых сторон 14 мм, основания – 13 мм, толщина убывает книзу от 3 до 2 мм. Канал шириной 2 мм, сверлен с двух сторон, некоаксиален. Аналогичный амулет найден на поверхности городища Ток-кала и датируется VII-XI вв. [Гудкова, 19, с.130, рис.30].

Лазурит в качестве ценного материала известен еще со времен Ахеменидов. Существует мнение, что он экспортировался, в основном в качестве краски, а для выделки украшений применялся довольно редко [Маркова, 1962, с.127]. В Хорезме он известен в раннем средневековье на Беркут-кале [Пташникова, 1952, табл.5]. Лазуритовые украшения были найдены при раскопках Куюк-Кескен-калы в низовьях Сырдарьи, на средней Сырдарье в Шаушукумском могильнике (III-V вв.) [Максимова, Мершнев, Вайнберг, Левина, 1968, табл.21] и в слое XI-начала XIII вв. на городище Актобе [Максимова, Мершнев, Вайнберг, Левина, 1968, с.172]. Треугольные лазуритовые подвески известны у тюрков Семиречья в VI-VIII вв. [Бернштам, 1975, с.78].

Подвески, более крупные, чем описываемые бытуют в Хорезме в XII-XIII вв. Лазуритовая подвеска найдена и в слое XI-начала XIII вв. в Актобе-I [Максимова и др., 1968, с.129, рис. 2, 92]. Аналогичные подвески обнаружены в погребениях X-XI вв. в Басандайке [Кызласов, 1959, с.211, рис.41, №2]. Очень близкие к этой подвеске найдены на Куюк-Кескен-кале, расположенной в низовьях Сырдарьи.

Одна подвеска из горного хрусталя беловатого цвета имеет шаровидную форму (рис.1; 7). Она орнаментирована сложным ассиметричным узором в вид нарезок. Имеется валообразная тамга, характерная для чачских монет (VII-VIII вв.) [Бабаяров, Кубатин, 2006, с. 197, табл. 1, 13, 14]. Диаметр 2,75 см. Канал высверлен встречно с обеих сторон на одинаковую глубину. Сверло имеет выраженную коническую форму. Ширина канала 2,5 см.

На поверхности Куюк-калы найдена подвеска из камня (рис.1; 4) четырехгранной формы, светлого цвета с зелеными продольными полосами. Длина её 1,5 см, толщина – 1 см, диаметр – 8 мм. В середине нее проточено отверстие для подвешивания. По плоским краям изображены кресты. Они были нарисованы красной краской по белому фону. Кресты прямые, с чуть удлиненным основанием. Крест, круг, свастика, прямоугольник и др. являются общепризнанными символическими изображениями огня и солнца у многих народов мира. Подобно этому на шаманских бубнах саамов солнце изображалось кружком с четырьмя лучами, которые называются «четыре вожжи солнца». Это обозначало, что власть солнца распространяется на всю землю [Даркевич, 1960, с. 59]. Поэтому можно предполагать, что знак в виде креста на амулете, несомненно, выполнял религиозно-магическую функцию, был знаком охранной и магической силы, оберегал от дурного глаза и т.п.

В ювелирных изделиях народов Средней Азии и Казахстана широко использовались драгоценные и полудрагоценные камни, различные их имитации и стекла разных цветов. Драгоценным и полудрагоценным камням издавна придавалось особое магическое значение, они широко использовались также и в медицинской практике [Борозна, 1975, с.292]. Подобное отношение к камням не было исключением у на-

родов Средней Азии; их наделяли особой силы и многие другие народы мира [Штернберг, 1936, с.383].

Самыми популярными камнями у народов Средней Азии, судя по археологическим и этнографическим данным, были сердолик, бирюза, горный хрусталь и коралл. Они использовались преимущественно как вставки на ювелирных изделиях. Со многими драгоценными и полудрагоценными камнями – лалом, рубином, яхонтом, изумрудом, жемчугом, янтарем с давних времен были связаны различные поверья, но самыми популярными в этом отношении среди сельского и городского населения оставались бирюза, сердолик, горный хрусталь и коралл [Борозна, 1975, с. 292]. Беруни, великий знаток драгоценных камней, в своем замечательном трактате о свойствах камней уделяет им много внимания [Беруни, 1963]. Бирюза – любимый камень Востока. На территории Средней Азии она известна с древности. В средневековье бирюза, коралл и сердолик считались талисманами: они приносят радость и хорошее настроение ее обладателям. Девушки и женщины должны носить бирюзу, чтобы привлечь любовь мужа, молодого человека. Бирюза – символ чистоты и непорочности. Бирюзу носят для предохранения от болезней легких. Все эти представления жили веками, существуют они у некоторой части населения в настоящее время. Бирюза наиболее характерное украшение у таджиков и узбеков [Борозна, 1975, с. 293], в то время как сердолик особенно любим туркменами, каракалпаками, казахами.

Сердолик – камень здоровья. Из него делали великое множество амулетов, сердоликовые бусины играли роль оберегов в ожерельях, подвесках и браслетах.

В женских погребениях № 36, 42 обнаружены раковины каури. Они имеют грушевидную форму (рис.1; 5, 6). Раковины каури, так же как и подвески из камня и стекла, бытовали в Средней Азии с древнейших времен. При археологических раскопках в Хорезме находили ожерелья (III в. до н.э.), в состав которых входили раковины каури. Как амулеты они почитались и в средние века [Трудновская, 1952, с. 87]. По этнографическим данным, раковины каури служили в качестве украшений-амулетов на всей территории Средней Азии. Подвески к косам девочек из цветных бус с раковинами каури на концах, детские ожерелья из бус с раковинами, подвески к колыбелям из раковин и бубенцов, амулет-мулчок, состоящий из двух раковин и бус – ассортимент таких детских украшений очень широк [Борозна, 1975, с. 288]. Особенно ценились раковины, расцветкой напоминающие тигровую шкуру, и которые назывались «верблюжий глаз». В Хорезме головной убор девушек и молодых женщин украшали раковинами каури. Каракалпаки и казахи считали раковины каури талисманом и называли их «жылан басы» (змеиная голова). У киргизов существовали бусы из каури и браслеты в сочетании с нефритом и другими полудрагоценными камнями. Часто и сейчас можно видеть раковины каури, которые входят в то или иное другое украшение - детское или женское; везде они имеют охранное значение.

Амулет в виде верблюда был поднят с поверхности Куюк-калы (рис.1; 9). Бронзовая вотивная подвеска в виде двугорбого верблюда (самец бактриана) была найдена на такыре в окрестностях Беркут-калы [Толстов, 1948, с.83, рис. 11]. Верблюду отведено весьма почетное место в Авесте. Наряду с лошадью он является наиболее почитаемым животным, как обладающий «наибольшей силой и мощью среди всех самцов телесного мира» он сравнивается с мощным правителем [Бертельс, 1924, с. 7]. С культом верблюда обычно связываются иранские имена с окончанием

«уштра», к числу которых относится и имя самого Заратуштры [История таджикского народа, 1963, с.169].

Е.Е. Кузьмина приводит интересные данные о культе верблюда из китайских источников. В китайской литературной традиции с образом верблюда сопряжены легенды о знатности и святости, о связи верблюда с культом воды и дождя; там же сохранилась легенда о каменной статуе верблюда на горе в стране, находящейся к западу от Хотана. Примечательно, что в западных провинциях Китая под влиянием кочевых соседей, начиная с эпохи Чжоу, особенно же в эпоху Хань, получают распространение жезлы с изображением верблюда, служившие символом власти [Schafer, 1950, с. 269-275]. Корона в виде двугорбого лежащего верблюда изображена в Кердере в начале VIII в. на монетах Хусрава [Вайнберг, 1973, с. 103-106, рис. 1, 1-6]. В связи с этим позволим себе напомнить об использовании образа верблюда в искусстве и религиозной символике Средней Азии и в том числе области Кердер.

В культовой практике каракалпаков особое место занимали верования и обряды, связанные с почитанием верблюда. По представлениям верующих каракалпаков, беременным женщинам не полагалось есть верблюжье мясо, в противном случае женщина могла, как верблюдица, носить ребенка 10-12 месяцев [Есбергенова, 2001, с. 31]. «Причины запрета верблюжьего мяса в пище были связаны с запретом убивать тотемных животных»- пишет этнограф Есбергенова [Есбергенова, 2001, с. 31].

Бронзовый амулет в виде фигурки кабана обнаружен на поверхности Куюк-калы (рис.1, 10). Аналогичные литые бронзовые амулеты в виде животных и птиц (верблюд, петух, кабан) известны на памятниках Хорезма с II-III вв. [Толстов, 1948, с. 83, рис.11-13].

Бронзовые литые фигурки кабана, как амулеты-обереги, вероятно, специфическое явление низовьев Амударьи. Мы не находим их ни на памятниках Согда, ни даже джетыасарской культуры. А в окрестности Аяз-калы с такыра и с поверхности Куюк-калы подняты две бронзовые литые фигурки кабана. Можно предположить, что это животное было тотемом племени, осевшего где-то на рубеже II-I вв. до н.э. в дельте Амударьи.

За пределами Хорезма изображение кабана встречается в материалах Саркела. Отметим, что среди саркельских находок имеется овальная пластинка с непонятной сценой священнодействия: человеческая фигура в «рогатом» головном уборе с поднятыми руками переплетается с двумя кабаньими фигурками, обрамляющими ее с двух сторон [Плетнева, 1967, с. 174, рис. 40, 4]. Поскольку «рогатые» шапки были в тюркском искусстве признаком бога или шамана, можно предположить, что на пластинке вырезана сцена жертвоприношения: жрец-шаман совершает обряд над двумя кабанами [Плетнева, 1967, с. 174]. Очевидно, что обычная бытовая вещь-накладка с изображением определенного сюжета приобретала священное значение оберега.

Особый интерес представляет бронзовая фигурка горного козла (тау теке) (рис.1, 1). Бронзовые литые фигурки козликов обнаружены в погребениях некрополя городища Коныртобе в Отрарском оазисе, где они датируются III-V вв. н.э. [Смагулов, 2001, с. 96, рис. 6, 4, 5]. Круг древних верований, связанных с горным козлом у припамирских народов, и имеющиеся изобразительные мотивы были рассмотрены в свое время Б.А. Литвинским [Литвинский, 1972, с. 144-147]. Из приведенных им материалов интересно отметить, что в поверьях народов Центральной Азии козел выступает в связи с женским божеством – покровителем. А весь комплекс этих ве-

рований происходит от древнего культа плодородия, в котором горный козел играл важную роль. Среди такого рода изображений козлов, дающих, правда, иную иконографию образа, необходимо упомянуть бронзовую подвеску из могильника Лангари Ходжиен в Таджикистане [Смагулов, 2001, с. 98].

Изображения козлов и баранов не чужды и сасанидской иконографии. Они часто встречаются на геммах и, по мнению К.В. Тревер, входят в круг зороастрийской символики [Тревер, 1959, с. 253]. Их появление связывают с кочевой средой. Такое предположение вполне уместно по отношению к изобразительным традициям населения Кердера, находившегося в постоянном контакте с кочевниками.

Известно, что амулеты в виде литых бронзовых фигурок животных известны среди сарматских памятников Подонья среднесарматского времени (I-II вв. н.э.). Позже амулеты в виде литых фигурок широко распространялись среди аланских племен Северного Кавказа. Если видеть в таких амулетах знаки родоплеменной принадлежности, то, как отмечают исследователи, у алан можно предполагать наличие родов оленя, горного барана, коня, орла [Смагулов, 2001, с. 98]. На возможную связь бронзовых зооморфных амулетов с родовой принадлежностью у алан Кавказа указывала В.Б. Ковалевская [Ковалевская, 1984, с.163]. Если эти соображения имеют под собой основания, то они могут быть учтены при реконструкции генезиса огузского союза племен в эпоху раннего средневековья. Как известно, районы нижней и средней Сырдарьи являются родиной формирования огузского племенного союза. Недаром арабоязычные авторы подкрепляют это соображение сведениями о широком расселении огузских племен в Приаралье (ал-Истахри, Худуд-ал-Алем), причем часть их, несомненно, касается и районов Приаральской дельты Амударьи [Неразик, 1966, с. 127]. Например, Худуд-ал-Алем прямо пишет, что вокруг него (Аральского моря) все места принадлежат гузам [МИТТ, 1939, Т.1, с. 210].

Формирование огузского племенного союза, начало которого можно отнести к VII в. н.э., на северо-востоке Средней Азии происходило за счет консолидации двух основных этнокультурных пластов: с одной стороны, потомки древних местных джетыасарско-кангюйских племен, которые в свою очередь ведут происхождение от сако-массагетских и сармато-аланских племен и, с другой стороны, новая волна тюрко-монгольских племен, принесенная к Амударье-Сырдарье и Аралу Тюркским каганатом [Смагулов, 2001, с. 99]. Участие местного компонента (асского, апассиакского и др.) в этногенезе Огуз на Сырдарье признают многие исследователи [Толстов, 1962, с. 275; Акишев, Байпаков и др., 1972, с. 188].

К животным, наделенным сакральными свойствами, в Средней Азии относились, прежде всего, баран и горный козел. В амулетах-украшениях более всего отразился их культ. Пластинки из кости барана – элештерик (Хорезм) украшались резным орнаментом и пришивались к головным уборам женщин и детей [Сазонова, 1970, с.113, 142]. На деревянных и костяных пластинках мы находим орнамент, основой которого является изображение рогов барана или горного козла. То же самое явление можно наблюдать и в ювелирных украшениях. Так, старинный головной убор каракалпаков – саукеле имеет серебряные позолоченные пластинки, которые изображают рога. Нагрудные украшения каракалпаков – хайкель также имитируют рога барана. Изображения рогов, мотивы их в орнаментах мы находим в украшениях как оседлого, так и полукочевого в прошлом населения Центральной Азии, однако они более свойственны бывшим полукочевникам. В настоящее время эти представ-

ления о сакральной силе домашних животных давно утрачены, их первоначальный смысл утерян, но пережитки еще сохраняются в амулетах-украшениях.

Бронзовый антропоморфный амулет (подвеска) был найден в верхнем горизонте раскопа XIV на Куюк-кале (рис.1, 3). Небольшая односторонняя литая фигурка со средней высотой 4 см, шириной – 1,5 см, толщиной 4 мм изображает обнаженного мужчину. Это бронзовая пластина, представляющая собой схематическую человеческую фигуру, стоящую прямо, со слегка расставленными руками и ногами, с непропорционально большой, несколько удлиненной головой. На оборотной стороне пластинки в области шеи имеется петелька для подвешивания. Техника изготовления – литье в полую форму. Голова выступает вперед по сравнению с туловищем на 2 мм. Черты лица, несмотря на плохую сохранность, весьма отчетливы; выступает прямой нос, а под подбородком можно предполагать остроконечную бороду. Надо лбом, на удлиненной и слегка суженной кверху голове, небольшой выступ высотой 2,5 мм, шириной 4 мм. Очевидно, это изображение какого-то головного убора или его завершение. Амулет найден вместе с керамикой, датирующейся VII-VIII вв.

Аналогичные бронзовые фигурки встречаются на памятниках джетыасарской культуры (Джетыасар-3, Кескен, Куюк-кала) и датируются в пределах конца VI–VII вв. н.э. [Левина, 1968, с. 178, рис. 2, 2, 3]. За пределами дельты Амударьи подобные бронзовые амулеты встречены на памятниках Восточной Европы позднеантичного и раннесредневекового времени. Впервые группы этих антропоморфных изображений рассмотрела И.Т. Кругликова в связи с публикацией такого амулета из погребения у с. Айвазовского в Крыму [Кругликова, 1957, с. 254]. Она датировала такие амулеты концом IV-V вв. н.э. и связала их появление в Восточной Европе с продвижением гуннов [Кругликова, 1957, с. 253-257]. Исследуя такую же фигуру из Донецкой области, Б.Ю. Михлин прямо именует ее гуннским амулетом [Михлин, 1972, с. 67]. Недавно к этой группе памятников обратились А.А. Захаров и В.Б. Ковалевская, объединившая их в тип 1 северокавказских памятников. В.Б. Ковалевская датирует все амулеты этого типа VI-VII веками нашей эры и приписывает их не гуннам, а аланам [Ковалевская, 1983, с. 45].

На территории Центральной Азии также встречаются сходные бронзовые антропоморфные изображения. Например, они известны в материалах Карабулакского могильника [Баруздин, Брыкина, 1962, с. 47, 48]. Вне территории Приаралья они найдены на Босфоре, памятниках Средней Волги, в Прикамье и Керчи, и все датированы в пределах IV-VII вв. н.э. [Шелов, 1984, с. 243, 244].

Многие из интересующих нас амулетов чрезвычайно близки друг к другу, но отличаются от куюккалинских тем, что у большинства из них имеются изображения фаллоса в виде прямой пластинки, опущенной между ногами. Однако у некоторых признаки пола иногда выполнены в виде одного или трех рельефных бугорков у основания бедер.

В Центральной Азии традиция подобных бронзовых фигурок, безусловно, связанных с фаллическим культом, имеет очень древние корни. В античных памятниках древнего Хорезма часто встречаются фаллические пастовые подвески, выполненные иногда очень реалистично. В античном мире были широко распространены разнообразные фаллические амулеты, олицетворяющие собой плодородие [Пташникова, 1952, с. 109].

Перед нами в такой сложной контаминации предмет сильно стилизованный, подразумеваемый образ мужчины-воина с выраженными символами пола. Естественно

считать эти находки на Куюккале символическими атрибутами половой силы родового покровителя, дарующего плодородие (точнее плодовитость), преумножение рода и богатство [Мамбетуллаев, Юсупов, 2005, с. 76, рис.1].

Бронзовая фигурка, найденная в окрестности железнодорожной ст. «Аральское море», датирующаяся I в. до н.э. [Левина, 1968, с. 174], и датировка бронзового амулета из Карабулакского могильника (II в. до н.э.) [Баруздин, Брыкина, 1962, с. 49] свидетельствуют против гипотезы об их гуннском происхождении, поскольку наиболее ранние из них появляются на Средней Сырдарье, видимо, еще до прихода туда гуннов.

Теперь мы рассмотрим амулет «солнечного цикла», обнаруженный в женском погребении № 49 Куюккалинского могильника. Этот амулет представлен в виде небольшого (диаметром 3,75 см) бронзового круга с петлей для подвешивания (рис. 1, 2). В центре круга изображена стилизованная фигурка всадника. В передней части туловища коня имеются четыре круглых сквозных отверстия. Судя по ним амулет пришивался к какой-нибудь части одежды. Конь крепкий, с крупными копытами, длинным хвостом. Всадник сидит на коне. Голова коня чуть согнута вниз. Очевидно, и у кердерцев конь, вписанный в круг, олицетворял солнце. Что касается всадника, то он относится к специфически кочевническим образам как наиболее популярная фигура в искусстве кочевых и полукочевых народов. Всадник на коне в солнечном диске, возможно, изображал самого бога солнца – Tanri. Подобные «солнечные» бронзовые амулеты хорошо известны у населения Подонья, входившего в Хазарский каганат. Они обнаружены в катакомбах Салтовского и Дмитровского могильников салтово-маяцкой культуры [Плетнева, 1967, с. 175, рис. 49, 11, 12]. Издавая такую же фигурку из памятника салтово-маяцкой культуры, С.А. Плетнева относит все амулеты типа 3 к VII-IX вв. н.э. [Плетнева, 1967, с. 176].

Амулеты салтово-маяцкой культуры представлены кольцами с сильно стилизованными фигурками всадников. Однако всадник там сидит не на коне, а на фантастическом животном – полуптице-полузвере. Голова у этого зверя - птичья с изогнутым клювом, хвост или крыло тоже птичьи, а большие мягкие лапы принадлежат животному кошачьей породы. По-видимому, это грифон. Известно, что грифон с глубокой древности связан с культом солнца, а у скифов был символом бога солнца – Гойтосара [Плетнева, 1967, с.176].

В куюккалинском амулете внутри кольца также всадник сидит на коне. Сочетание антропоморфных и зооморфных изображений с солярными символами подчеркивало солнечную природу божества, его связь с небом, солнцем, светом [Ковалевская, 1983, с. 46].

Колесо – один из самых употребительных солярных символов. Уподобление колеса солнцу повсеместно распространено в Восточной и Западной Европе. Эта ассоциация с огненным колесом основана на том, что, по древним представлениям, солнце «вертится», «катится» по небу [Даркевич, 1960, с. 60]. Солярные знаки в виде колеса хорошо известны в торевтике древнего Ирана, Центральной Азии и степной среды. Солярные функции и символика образа коня в Центральной Азии и Иране достаточно известны, начиная с сообщений Геродота о посвящении коней Гелиосу (Митре) и ежегодной посылке сатрапом Армении 20 тысяч жеребят на празднества Митры [Страбон, IX, 14а]. Мотив быстроконного солнца имеет достаточно явственные корни в индоевропейской мифологии [Кузьмина, 1984, с. 98]. В коней

перевоплощался ряд важнейших божеств авестийского пантеона – Митра, Веретранга, Хварн, Сиявуш, Вайю, Таштрия [Кузьмина, 1976, с. 53, 54].

Исследователи обычаев культа коня у тюркоязычных народов отмечают, что он ритуально осуществлялся в двух различных формах. В первом случае в виде жертвоприношения божеству с умерщвлением и последующим ритуальным поеданием коня. На жертвеннике вывешивалась шкура животного [Сулейманов, 2000, с. 215]. Во втором случае коня посвящали одному из божеств, метили его особым знаком, и он оставался в табуне. По отношению к нему соблюдались особые запреты и обряды [Потапов, 1977, с. 166].

Всадник – символ хорезмийского государства на монетах – был отождествлен С.П. Толстовым с богом-всадником Сиявушем, от которого согласно традиции, передаваемой ал-Беруни, произошла династия царей Хорезма [Толстов, 1948, с. 20, 22 и сл.]. С.П. Толстов отмечал при этом вероятную связь этих изображений с заупокойным культом. Если отождествление образа всадника можно оспаривать, то положение о связи этих изображений с заупокойным культом, видимо, достаточно обоснованно, так как конь был не только символом-воплощением многих божеств индоевропейского пантеона, но еще и хтоническим животным, и его роль в этом качестве особенно велика в погребальном обряде степных скотоводческих народов – индоевропейских, тюркских и монгольских [Сулейманов, 2000, с. 215]. Конь, отдельные его части или, по крайней мере, сбруя – обязательные спутники и принадлежность погребенного в обрядах древних и средневековых кочевников степной зоны Евразии [Сулейманов, 2000, с. 215]. «Аспи чубин» или «агаш ат» (деревянный конь) в качестве ритуального названия погребальных носилок сохранялись в Средней Азии до начала XX в.

В мифологии индоевропейских и ираноязычных народов конь является средством достижения загробного мира [Раевский, 1985, с. 12; Сулейманов, 2000, с. 215]. В мифологии тюркских народов конь – основное средство достижения «мира мертвых» [Нестеров, 1990, с. 72].

Для того, чтобы разобраться в причинах этого явления, вернемся к вопросу о значении «солнечных» амулетов. Полагаю, что они олицетворяли бога неба – Тенгри-хана. По-видимому, он же был и богом света-солнца. Подобное отождествление неба и солнца известно в различных племенных культах, в частности у славян-язычников и населения Хазарского каганата, которые в песнях-молитвах нередко обращались к небу-солнцу, справедливо считая солнце непременной принадлежностью неба, называли его «небесным колесом» [Плетнева, 1967, с. 178].

Мы знаем, что и тюрки-кочевники обожествляли солнце. Так, хуннский шаньюн каждое утро выходил из лагеря для поклонения восходящему солнцу. Итак, «солнечные» амулеты были распространены у восточных славян в пределах Хазарского каганата и в дельте Южного Приаралья, были символами небесных светил (бога неба) – Тенгри-хана (Перуна).

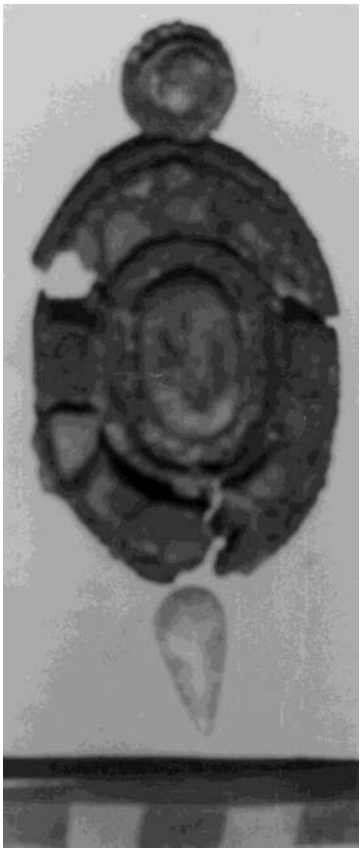


Рис.2. Куюк-кала. Медальон. (погребение 10)

В женском погребении (10) найден бронзовый медальон (рис. 2). Медальон овальной формы с приподнятыми на концах круглыми гнездами для камней. Орнамент состоит из пирамидок и филиграни. Стекло в центральном гнезде, обрамленном зернами, выпуклое, прозрачное, а стекла в маленьких гнездах – светло-красные. Длина – 6 см, ширина – 4 см. Украшения такого типа известны в уфимском погребении Башкирии и датируются VI-VIII вв. н.э. [Ахмедов, 1951, с. 129, рис. 37, 4]. В период XVIII-XIX вв. сходные подвески являлись любимым нагрудным женским украшением в Каракалпакии. Они назывались туйме, хайкел, онгирмоншак, тумар и т.д. Туйме или жалпак туйме это своеобразные круглые треугольные формы с рельефным пояском из рядов зерен и узором растительного характера; хайкел – амулеты, богато орнаментированные, тоже преимущественно с растительным узором и цветными камнями, обычно сердоликом, с бахромой из подвесок [Этнография каракалпаков, 1980, с. 167, рис. 27, 29].

Амулеты кроме религиозно-магической играли также эстетическую роль, но трудно сказать, насколько древними являются эти их функции.

Традиция ношения амулетов восходит не к исламу, а первобытным верованиям, о чем свидетельствует этнографический материал, относящийся ко всем народам мира. Поэтому рассмотрение амулетов важно, прежде всего, для изучения пережитков архаических верований бытовавших в поздних религиях. Такие материалы необходимы не только для археологических исследований, но весьма важны для этнографических параллелей и сопоставлений.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Абу Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Беруни. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия). М., 1963.

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар (топография, стратиграфия, перспективы). Алма-Ата, 1972.

Ахмедов Р.Б. Уфимские погребения VI-VIII веков нашей эры // КСИА, вып. XI, 1951.

Баруздин Ю.Д., Брыкина Г.А. Археологические памятники Баткена и Лейляка. Фрунзе, 1962.

Бабаяров Г., Кубатин А. К монетам чачских правителей-Тегинов // ИМКУ, вып. 35. Ташкент, 2006.

Бернштам А.Н. Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина». МИА, №14. М.-Л., 1950.

Бертельс Е.Д. Отрывки из Авесты. Сб. «Востока». М.-Л., 1924, кн.4.

Борозна Н.Г. Некоторые материалы об амулетах-украшениях населения Средней Азии. Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975.

Вайнберг Б.И. Удельный чекан раннесредневекового Кердера // Вопросы антропологии и материальной культуры Кердера. Ташкент, 1973.

Вайнберг Б.И. Монеты древнего Хорезма. М., 1977.

Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964.

Гудкова А.В. Ток-кала. Ташкент, 1964.

Гудкова А.В. К изучению раннекердерских бус (VII-VIII вв.) // Вопросы антропологии и материальная культура Кердера. Ташкент, 1977.

Даркевич В.П. Символы небесных светил в орнаменте древней Руси // СА, 1960, №4.

Дементьева-Лескинен А.Н. Традиционные верования Зао Вьетнама (конец XIX-начало XX вв.) // Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии. М., 1980.

Есбергенова С.Х. Генезис образа некоторых домашних животных в Авесте // Сб. «Авесто»- Урта Осиё халклари маданияти тарихида. Нукус-Хива, 2001.

Зеленин Д.К. Культ онгонов в Сибири. М.-Л., 1936.

История таджикского народа, т.1. М., 1963.

Ковалевская В.Б. Антропоморфные амулеты VI-IX вв. на Северном Кавказе // КСИА, 176. М., 1983.

Ковалевкая В.Б. Кавказ и аланы. М., 1984.

Кругликова И.Т. Погребение IV-V вв. н.э. в дер. Айвазовское // СА, №2, 1957.

Кузьмина Е.Е. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев. Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.
Кузьмина Е.Е. Опыт интерпретации некоторых памятников скифского искусства // ВДИ, 1984, №1.
Кызласов Л.Р. Археологические исследования на городище Акбешим в 1953-1954 гг. // ТКАЭЭ, т.II. М., 1959.
Левина Л.М. К вопросу об антропоморфных изображениях в джетыасарской культуре. История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
Максимова А.Г., Мершиев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968.
Мамбетуллаев М.М., Юсупов О.Ж. Антропоморфные, зооморфные налепы на стенках сосудов и бронзовые амулеты из Куюк-калы // Вестник ККО АН РУз. №5. 2005.
Маркова Т.И. Украшения и амулеты из лазурита у кочевников X-XI вв. АСГЭ, вып.4. Л., 1962.
Міхлін Б.Ю. Гуннский амулет Ждановского музея. «Археологі», №5, 1972.
Неразик Е.Е. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966.
Неразик Е.Е., Рапопорт Ю.А. Куюккала в 1956 г. // МХЭ. Вып.1. М., 1959.
Нестеров С.П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск, 1980.
Плетнева С.А. От кочевий к городам // МИА. М., 1967. №142.
Потапов Л.Г. Конь в верованиях и эпосе Саяно-Алтая. Фольклор и этнография: связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977.
Пташникова И.В. Бусы древнего и раннесредневекового Хорезма // ТХАЭЭ. Т.1. М., 1952.
Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. М., 1985.
Сазонова М.В. Украшения узбеков Хорезма. Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Л., 1970.
Серебрякова М.Н. О некоторых представлениях, связанных с семейно-обрядовой практикой сельских тюрок. Символика культов и ритуалов народов Зарубежной Азии. М., 1980.
Смагулов Е.А. Амулетные наборы из погребений некрополя городища Коныртобе в Отрарском оазисе // ИМКУ, вып.32. Ташкент, 2001.
Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб. Проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н.э.–VII в. н.э. Ташкент, 2000.
Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948.
Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948 а.
Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
Тревер К.В. Отражение в искусстве дуалистической концепции // ТОВЭ, т.1. Л., 1959.
Трудновская С.А. Украшения позднеантичного Хорезма по материалам раскопок Топраккалы // ТХАЭЭ, т.1. М., 1952.
Шилов Д.Б. Антропоморфный амулет из Таниаса. Сб. Древности Евразии в скифосарматское время. М., 1984.
Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1935.
Этнография *каракалпаков XIX-начала XX века* (Материалы и исследования). Ташкент, 1980.
Ягодин В.Н. Археологические памятники Приаральской дельты Амударьи // Автореферат дисс. канд. ист.наук. М., 1963.
Ягодин В.Н. К вопросу о локализации Кердера // Вестник КК ФАН УзССР. 1963. №2(12).
Siheyl A. Turkiyede tibbi folklore hokkinda rapor // “Halk bilgisi haberleri”. 1936. №56
Schafer E. The camel in China down to the Mongol dynasty, Sinologica, 11, 4. Bazel, 1950.

Т.К. Ходжайов, Б.Ж. Косекеев, Ф.Ж. Утепбергенов
ИЭА РАН (Москва), Каракалпакский Государственный университет им. Бердаха, (Нукус)

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ VII-VIII ВВ. ИЗ МИЗДАХКАНА

Городище Миздахкан находится в 4 км к юго-западу от города Ходжейли. В комплекс Миздахкан входят: 1 - развалины города, известны у местного населения под названием Гяур-кала; 2 - Восточный холм с мавзолеем Мазлумхан-Сулу, который занят кладбищем; 3 - Останки золотоордынского города между Гяур-кала и восточным бугром и севернее; 4 - пригородская и городская оросительные системы и планировки полей; 5 - развалины отдельных построек [Ягодин, Ходжайов, 1970, с. 7].

Площадь его около 200 га. Памятник был исследован в 1928-1929 гг. А.Ю. Якубовским [1930]. Важнейшим результатом этих работ явились выдвинутые В.В. Бартольдом предположения о возможности локализации в данной местности древнего города Миздахкан и одноименного рустака, неоднократно упоминаемые в средневековой арабоязычной географической литературе [Бартольд, 1963, с. 204].

В 1946 г. памятник исследован соотрудниками Хорезмской археологической экспедиции под руководством С.П. Толстова [Вактурская, Воробьева, 1952, с. 630]. В 1962, 1964-1965 гг. городище стационарно изучал археологический экспедиционный отряд Каракалпакского филиала АН УзССР. В ходе работ получены данные по топографии Миздахкана, открыт городской некрополь, впервые произведены раскопки и инструментальная съемка отдельных частей Миздахкана [Ягодин, Ходжайов, 1970, с. 6].

С 1985 года городище Миздахкан исследуется археологами КГУ имени Бердаха М. Туребековым и М-Ш. Кдырниязовым. В 2002-2007 гг. на юго-западной стороне Миздахканского кладбища проведены раскопки на площади в 121,2 кв.м. Обнаружены 30 погребений, из них 6 зороастрийских оссуариев и хума (рис.1, 2). Длина первого оссуария 60 см, ширина 29 см, высота 40 см, толщина стен оссуария 2 см. Длина второго оссуария 50 см, ширина 30 см, высота 25 см, толщина 2 см. Третий, четвертый и пятый оссуарии плохо сохранены и не поддаются описанию. Длина шестого оссуария 45 см, ширина 25 см, высота 20 см, толщина стен 1,5-2 см. Тесто красноглиняное, поверхность ангобирована беловато-коричневым цветом. Хумча с одной ручкой. Верхняя часть ручки прикреплена к венчику, нижняя к плечу хума. Поверхность хума ангобирована беловато-коричневым ангобом.

При постройке кладбища использованы жженые кирпичи VII-IX вв. Размеры жженых кирпичей 25х25х5-6 см 25х26х5 см, относятся к хорезмшахскому и золотоордынскому периодам, кроме того использованы сырцовые кирпичи и камни. Размеры сырцовых кирпичей 23х24х4 см. Эти кирпичи относятся к раннему средневековью (VII-VIII вв.).

Несмотря на большие объемы археологических работ на могильнике, когда было раскопано более 30 погребений в хумах и оссуариях, пригодными для изучения оказались всего 9 черепов (3 мужских, 3 женских и 3 детских). Кроме того, по четы-

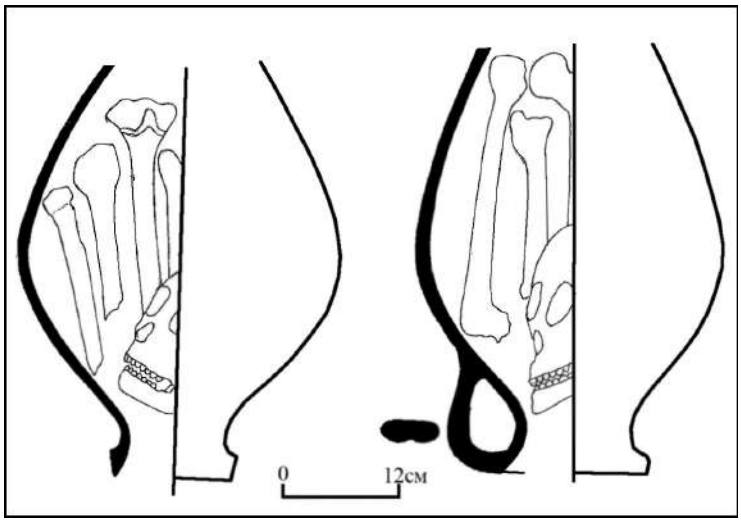


Рис.1. Захоронение в сосудах

рем черепам определен пол и возраст. Большинство черепов являются искусственно деформированными. Деформация, за исключением трех черепов, у которых она отсутствует, круговая высокой формы. Следы круговой деформации зафиксированы не только у детей 4-5 лет, но и у новорожденных. Судя по материалам раскопок 1964-1966 гг., этот тип деформации практиковался большинством населения Миздахкана.

Мозговая коробка (табл. 1). Характерной особенностью серии является, за исключением трех черепов, яркая выраженность следов кольцевой деформации. Средний балл деформации, определенный по трехбалльной шкале (0-3, когда 0 – она отсутствует, 1-слабая, 2-средняя, 3 - сильная), оценивается 2,0 баллами у мужчин и 2,3 балла - у женщин. Мужские черепа мезокранные при средних размерах продольного, поперечного и высотного диаметров. Лоб наклонный с сильно развитым наружным рельефом, средней ширины и сильно профилирован в горизонтальной плоскости. Лицо ортогнатное, средней ширины и высоты, по указателю мезопрозопное и сильно профилировано в верхней части и слабо - в нижней. Орбиты хамеконхные при средней ширине и большой высоте. Нос лепторинный, средневыступающий, превалируют антропинные формы нижнего края грушевидного отверстия. Также средне выступают переносица и носовые кости.

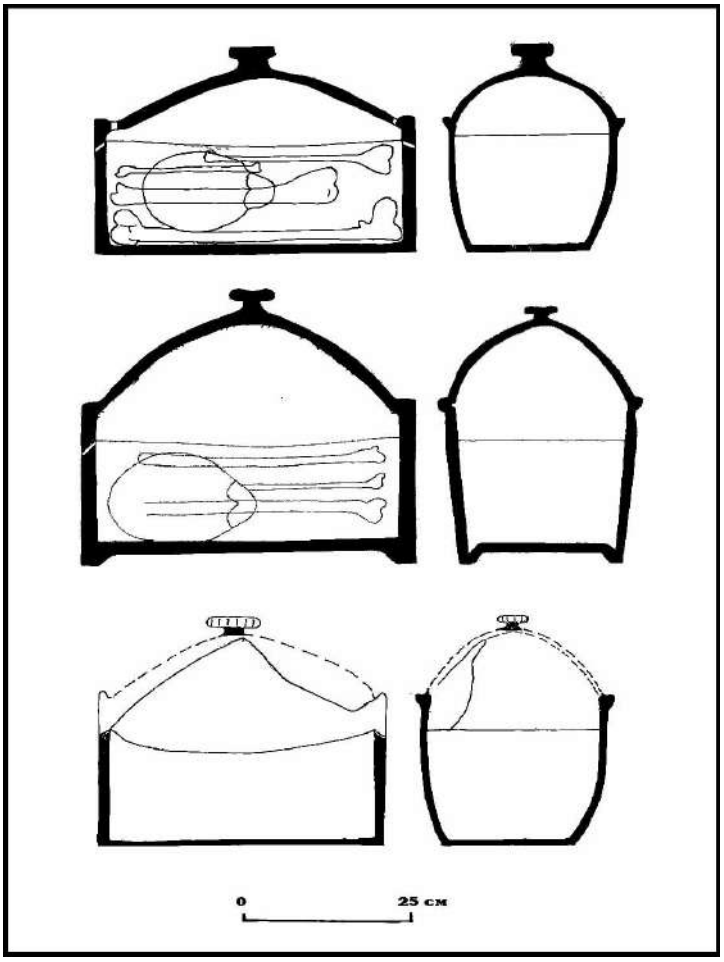


Рис. 2. Оссуарии

Женская группа (табл. 1) характеризуется теми же морфологическими особенностями, что и мужская. Различия между ними наблюдаются по ряду

Таблица. 1. Индивидуальные размеры и указатели черепов VII-VIII вв. из Миздахкана (раскопки 2005 г.)

№ по Мартину	Пол	муж	муж	муж			жен	жен	жен		
	Происхождение	Осс.2	Осс. 5	Осс. 8			осс. 7	Хум 1	Хум 13		
	Возраст, лет	40-45	19-22	30-35	**n**	**x**	40-45	40-45	20-25	**n**	**x**
	Признаки										
1	Продольный диметр		187	179	**2**	**183,0**	178	165	170	**3**	**171,0**
8	Поперечный диаметр		140	140	**2**	**140,0**	140	138	132	**3**	**136,7**
17	Высотный диаметр от b		134		**1**	**134,0**		135	139	**2**	**137,0**
9	Наим. лобный диаметр	99	98	91	**3**	**96,0**	91	92	91	**3**	**91,3**
	Ширина лба	98	97	90	**3**	**95,0**	90	91	90	**3**	**90,3**
	Высота изгиба лба	14	21	16	**3**	**17,0**	20	16	20	**3**	**18,7**
УПИЛ	Угол поперечного изгиба лба	148	133	141	**3**	**140,7**	132	141	141	**3**	**138,0**
10	Наиб. лобный диаметр		120	111	**2**	**115,5**	112	113	111	**3**	**112,0**
11	Ширина основания черепа							116	116	**2**	**116,0**
12	Ширина затылка			110	**1**	**110,0**		98	94	**2**	**96,0**
45	Скуловой диаметр	138	133	132	**3**	**134,3**		127	128	**2**	**127,5**
40	Длина основания лица							90	93	**2**	**91,5**
5	Длина основания черепа							90	96	**2**	**93,0**
48	Верхнелицевой диаметр	76	73	71	**3**	**73,3**	72	71	69	**3**	**70,7**
47	Лицевой диаметр							113	112	**2**	**112,5**
43	Верхняя ширина лица	110	102	108	**3**	**106,7**	98	101	105	**3**	**101,3**
46	Средняя ширина лица	103	95	97	**3**	**98,3**		88	94	**2**	**91,0**
55	Высота носа	55	55	56	**3**	**55,3**	56	49	49	**3**	**51,3**
54	Ширина носа	27	26	26	**3**	**26,3**	31	24	25	**3**	**26,7**
51	Ширина орбиты от mf	42	41	44	**3**	**42,3**		40	41	**2**	**40,5**
51a	Ширина орбиты от d	39	39	40	**3**	**39,3**		36	38	**2**	**37,0**
52	Высота орбиты	34	35	39	**3**	**36,0**		34	32	**2**	**33,0**
	Ширина fmo-fmo	100	99	101	**3**	**100,0**		93	98	**2**	**95,5**
	Высота от n	18	19	22	**3**	**19,7**		15	18	**2**	**16,5**
77	Назомалярный угол	140	138	133	**3**	137,0		144	140	**2**	**142,0**
	Зигомаксиллярная ширина	101	97	92	**3**	96,7		93	92	**2**	**92,5**
	Зигомаксиллярная высота	20	12	23	**3**	18,3		23	23	**2**	**23,0**
<ZM	Зигомаксиллярный угол	137	152	127	**3**	138,7		127	127	**2**	**127,0**
SC	Симотическая хорда	12	6	9	**3**	9,0	10	7	8	**3**	**8,3**

SS	Симотическая высота	5	3	4	**3**	**4,0**	4	3	3	**3**	**3,3**
DC	Дакриальная хорда	19		20	**2**	**19,5**		21	23	**2**	**22,0**
DS	Дакриальная высота	7		11	**2**	**9,0**		10	11	**2**	**10,5**
MC	Максиллофронтальная хорда	22		17	**2**	**19,5**		19	20	**2**	**19,5**
MS	Максиллофронтальная высота	11		8	**2**	**9,5**		8	8	**2**	**8,0**
	Глубина клыковой ямки, мм	6			**1**	**6,0**					
75(1)	Угол выступания носа	28	25	24	**3**	**25,7**	25	24	24	**3**	**24,3**
71a	Наим. ширина ветви ниж. чел.						36		31	**2**	**33,5**
66	Бигониальная ширина						96		93	**2**	**94,5**
	Форма черепной коробки	сфер	овоид	овоид			овоид	ово-ид.	овоид		
	Надпереносье	3	3	3	**3**	**3,0**	3	1	2	**3**	**2,0**
	Надбровные дуги	2	2	2	**3**	**2,0**	2	1	1	**3**	**1,3**
	Наруж.затылочный бугор	1	1	1	**3**	**1,0**	1	1	1	**3**	**1,0**
	Сосцевидный отросток	2	3	3	**3**	**2,7**	2	2	1	**3**	**1,7**
	Нижн. край грушевид. отвер.	f.pr.	f.pr.	ant.			f.pr.	ant.	ant.	**50 % -f. Pr.**	**50%-ant**
	Передне-носовая кость	2	2	2	**3**	**2,0**	1	2	4	**3**	**2,3**
	Деформация, тип	з.-тем.	коль-цевая	коль-цевая				коль-цевая	коль-цевая		
	Степень	1	3	3	**3**	**2,3**	0	3	3	**2**	**2,0**
	Указатели										
8/1	Черепной		74,9	78,2	**2**	**76,6**	78,7	83,6	77,6	**3**	**80,0**
17/1	Высотно-продольный		71,7		**1**	**71,7**		81,8	81,8	**2**	**81,8**
17/8	Высотно-поперечный		95,7		**1**	**95,7**		97,8	105,3	**2**	**101,6**
9/8	Лобно-поперечный		73,1		**1**	**73,1**	65,0	68,1	65,5	**3**	**66,2**
48/45	Верхнелицевой	55,1	54,9	53,8	**3**	**54,3**		55,9	53,9	**2**	**54,9**
48/17	Вертик. фацио-церебральный		54,5		**1**	**53,7**		52,6	49,6	**2**	**51,1**
54/55	Носовой	49,1	47,3	46,4	**3**	**46,8**	55,4	49,0	51,0	**3**	**51,8**
52/51	Орбитный от mf	81	85,4	88,6	**3**	**87,1**		85,0	78,0	**2**	**81,5**
52/51a	Орбитный от d	87,2	89,7	97,5	**3**	**93,7**		94,4	84,2	**2**	**89,3**
SS/SC	Симотический	41,7	50,0	44,4	**3**	**46,7**	40,0	42,9	37,5	**3**	**40,1**
DS/DC	Дакриальный	36,8		55,0	**2**	**45,9**		47,6	47,8	**2**	**47,7**
	Изгиба лба	14,3	21,6	17,8	**3**	**17,9**		17,6	22,2	**2**	**19,9**
	Назомалярный	18	19,2	21,8	**3**	**19,7**		16,1	18,4	**2**	**17,3**
	Зигомаксиллярный	19,8	12,4	25,0	**3**	**19,1**		24,7	25,0	**2**	**24,9**

признаков. Женщины отличаются очень высоким сводом черепа, сравнительно широким и высоким лицом. Серия в целом европеоидная с небольшой примесью монголоидных черт.

Для выявления места изучаемой нами краниологической серии среди аналогичных серий был проведен межгрупповой анализ. Используемый сравнительный материал представляет население почти всех историко-культурных областей Средней Азии. Для межгруппового анализа привлечены краниологические серии из Южного и Юго-Восточного Приаралья, Согда, Уструшаны, Мерва, Ташкентского оазиса (табл. 2). Компонентный анализ проведен по следующим признакам: 1, 8, 17, 48, 45, 52, 51, 55, 54, 77, <Zm, SS, SC, DS, DC, 75(1) (табл. 3, рис. 3). Суммарно два главных компонента описывают 39,6 % изменчивости. В мужской части выборки ГК I описывает 22,5 % изменчивости и испытывает нагрузки со стороны таких признаков, как ширина и верхняя высота лица, высота носа, ширина орбиты (отрицательная корреляция). ГК II описывает 17,1 % изменчивости и испытывает нагрузки со стороны зигомаксиллярного угла (отрицательная корреляция), дакриальной высоты и ширины, симотической высоты и ширины (положительная корреляция).

Таблица 2. Серия мужских черепов VII-VIII вв. из Миздахкана (раскопки 2005 г.) и сравнительные данные

№ п/п	Серии / Признаки	1	8	17	45	48	55	54	51	52	77	<ZM	SC	SS	DC	DS	75(1)
1	Миздахкан 7-8 вв (р.2005 г.)	183,0	140,0	134,0	134,0	73,3	55,3	26,3	42,3	36,0	137,0	138,7	9,0	4,0	19,5	9,0	25,7
2	Миздахкан 7-8 (сум.)	182,9	140,8	142,0	134,7	76,2	54,3	27,6	44,5	36,2	138,5	125,1	10,3	5,0	23,5	12,6	31,3
3	Миздахкан, 7-8 вв. (недеф.)	184,7	145,4	135,0	136,0	74,7	54,4	26,0	43,2	34,6	138,7	126,5	10,2	4,9	23,9	12,0	30,7
4	Миздахкан, 7-8 вв. (деф.)	181,3	139,6	144,6	134,3	76,3	54,2	28,1	43,2	36,1	138,2	125,1	10,0	5,0	23,2	13,0	31,9
5	Токкала 7-8 вв. (суммарно)	181,6	144,7	136,6	134,6	74,7	54,0	26,6	44,4	35,2	137,3	126,8	8,3	5,3	21,2	12,7	32,6
6	Токкала вт. пол. 8-10 вв .(недеф.)	180,7	145,2	138,2	134,7	71,6	52,9	25,8	43,5	34,7	140,0	127,8	9,5	5,3	21,0	12,6	32,4
7	Токкала вт. пол.8-10 вв .(деф.)	166.9	155,2	133,4	135,4	71,5	52,1	24,2	42,4	34,4	143,0	131,7	8,9	4,2	22,3	12,9	26,2
8	Кубатау 5-8 вв.	176,8	140,0	139,2	133,0	70,2	54,2	26,0	43,2	36,0	145,3	130,7	9,2	4,8	24,0	13,8	30,0
9	Калалыгыр, 2-3 вв.	182,0	144,7	138,6	132,5	72,9	54,1	26,3	42,0	33,5	141,3	129,1	10,1	5,2	21,6	12,3	27,8
10	Беркуткала,8-10 вв.	177,5	146,5	136,5	130,0	70,0	52,0	25,2	42,7	33,3	140,0	127,0	9,3	3,9	23,6	13,0	33,7
11	Наринджанбаба, 9-11 вв.	179,5	143,7	139,4	132,5	69,9	50,0	25,1	42,2	32,2	136,0	127,0	9,3	3,9	22,5	11,4	28,2
12	Древний Мерв 5-8 вв.	182,9	141,2	139,7	131,2	69,9	53,3	25,1	43,2	33,0	139,0	125,3	10,5	5,0	22,9	11,7	29,7
13	Байрамали 4-6 вв.	187,4	142,0	138,5	134,6	74,2	53,8	25,5	43,2	32,9	136,1	125,5	10,1	5,2	22,3	13,5	34,2
14	Кафыркала 6 вв.	183,4	145,6	139,8	132,0	70,5	51,0	26,0	43,2	31,9	139,0	126,1	10,1	6,0	21,2	12,0	29,7
15	Пенджикент, наусы, 7-8 вв.	177,6	142,5	137,0	139,9	72,2	52,2	25,5	43,2	33,9	137,0	133,0	9,8	4,9	23,3	13,3	23,0
16	Дашти Урдакон, 7-8	188,4	140,2	138,0	132,4	76,5	53,0	24,7	43,2	34,5	134,7	127,0	12,0	6,5	23,0	14,0	29,3
17	Иштыхан, 6-7 вв.	183,3	143,1	136,5	133,2	70,0	49,2	24,7	43,2	34,4	138,7	132,7	10,8	5,3	24,0	13,0	30,5

18	Карши 5-6 вв.	178,8	134,2	127,7	125,5	68,7	48,7	24,9	43,2	32,7	136,6	126,9	8,7	4,6	21,2	11,7	29,7
19	Кахкаха II 7-9 вв.	179,1	143,8	138,9	133,7	70,4	51,8	25,1	43,2	34,3	140,1	126,8	9,6	4,4	21,3	11,9	28,0
20	Ангрен, 5-6 вв.	174,7	134,7	142,7	136,2	72,5	53,2	24,5	43,2	34,2	137,7	119,0	10,5	5,4	23,0	13,0	25,5
21	Косасар 2 (сумм.)	182,3	136,3	140,3	137,8	74,8	54,3	25,8	43,7	35,1	136,3	125,4	9,5	4,5	22,3	13,3	32,6
22	Косасар 3 (сумм)	177,5	134,5	138,6	129,3	72,6	53,4	24,4	41,3	34,4	139,0	124,6	8,4	5,8	24,0	14,0	28,5
23	Косасар 3 (недеф)	183,0	135,0	136,0	129,5	71,5	52,0	25,5	41,0	34,0	141,5	124,5	9,0	4,0	24,0	14,0	29,0
24	Косасар 3 (деф)	172,0	134,0	140,3	129,0	73,3	54,3	23,7	41,3	34,7	137,3	124,7	4,0	6,3	24,0	14,0	28,0
25	Томпакасар (сумм.)	177,1	136,3	138,0	133,8	73,8	53,1	25,1	42,9	34,3	136,6	128,1	10,0	4,7	19,8	11,8	27,0
26	Томпакасар (недеф.)	178,3	137,6	139,3	131,0	73,6	52,8	24,8	42,6	34,2	138,2	129,4	9,4	4,8	19,3	11,9	27,0
27	Томпакасар (деф)	173,3	134,0	136,0	138,3	75,0	54,0	26,0	43,3	34,7	132,5	125,0	11,8	4,5	21,0	11,5	27,0
28	Алтынасар 4, 4-7 вв.(недеф)	176,1	143,5	137,7	136,4	75,8	55,1	25,3	43,8	34,4	138,2	128,3	9,3	4,3	21,9	11,4	26,5
29	Алтынасар 4, 4-7 вв.(деф)	173,7	137,1	143,9	133,7	76,4	55,2	25,9	43,7	35,6	134,9	123,8	9,8	4,5	23,0	12,5	29,3
30	Алтынасар 4, 2-4 вв.(деф)	183,1	139,2	140,0	135,4	75,5	53,6	25,7	43,4	33,6	139,1	127,7	8,5	4,2	22,8	13,0	28,3
31	Алтынасар 4, 2-4 вв.(деф)	170,9	138,5	143,2	134,4	75,9	54,0	25,5	43,4	35,6	139,0	130,2	8,8	4,3	22,3	12,1	24,6

В центре корреляционного поля расположилась «нейтральная» группа Токкала VIII-X вв., Кубатау, Калалыгыр, Пенджикент и Косасар (суммарно), которая занимает промежуточное положение по отношению ко второй расположенной справа от него группе Беркуткала, Наринджан, Мерв, Кафыркала, Иштыхан, Карши, Кахкаха II, Томпакасар (недеформированные). В третьей группе слева оказались все миздаханские серии VII-VIII вв., Косасар 2 (суммарно), Алтынасар IV-VII вв. (деформированные), Алтынасар II-IV вв. (деформированные и недеформированные).

Серии, расположенные справа, отличаются главным образом, морфологическими особенностями. Им присущи низкое и узкое лицо, низкий и узкий нос, узкие орбиты. Серии третьей группы, напротив, высоко- и широколицые, высоко- и широконосые и широкоорбитные. Суммарная серия черепов из Косасара 3 (как деформированные, так и без деформации), находится на графике справа сверху от центра и отличается не только низким и узким лицом, узким носом и орбитами, но вдобавок сильно профилированным лицом, сильно выступающими переносьем и носовыми костями. На левой нижней части графика расположились серии из Томпакасара и недеформированные черепа из Алтынасара IV-VII вв., которые сравнительно широко- и высо-

Табл. 3. Факторные нагрузки для мужских серий VII-VIII вв. из некрополя Миздахкан и Средней Азии в плоскости 1-ой и 2-ой главных компонент

признак	**ГК 1**	**ГК 2**
1	-0,321515	0,297338
8	0,199825	-0,410304
17	-0,612047	0,363479
45	-0,613200	-0,365382
48	**-0,839655**	0,061821
55	**-0,723550**	-0,010107
54	**-0,668020**	-0,169690
51	**-0,621762**	-0,317001
52	-0,582285	-0,134633
77	0,359721	0,110186
<ZM	0,226781	**-0,658938**
SC	-0,305638	-0,154577
SS	-0,083549	**0,630073**
DC	-0,000079	**0,655171**
DS	0,010078	**0,773181**
75(1)	-0,146821	0,414095
Доля в общей дисперсии %	**22,48**	**17,12**

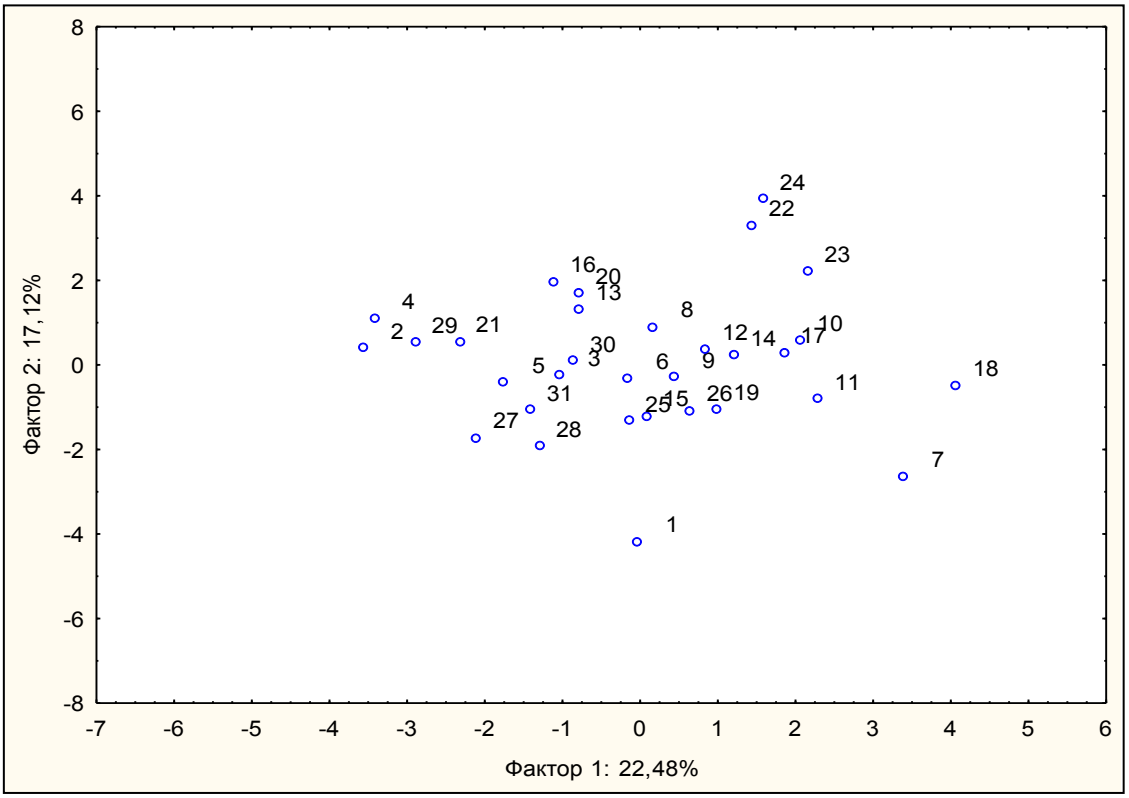


Рис. 3. Распределение мужских серий VII-VIII вв. из некрополя Миздахкан (раскоп 2005 г.) и Средней Азии и Казахстана в плоскости 1-ой и 2-ой главных компонент (нумерация памятников-табл.2).

колицые с уплощенным лицом, низкими переносьем и носовыми костями. Серии VII-VIII вв. из Миздахкана (раскопок 2005 г.), отличаются от миздахканских, токкалинских и джетыасарских серий более уплощенным лицом и менее выступающим носом, т.е. более сильнее выраженными монголоидными особенностями.

Межгрупповой анализ женских черепов, проведенный по такому набору признаков и серий, дал следующие результаты (табл. 4, 5, рис. 4). Суммарно два главных компонента описывают 38,0% изменчивости. В женской части выборки ГК I описывает 23,6% изменчивости и испытывает нагрузки со стороны таких признаков, как ширина черепа и назомалярный угол (отрицательная корреляция) и высота черепа и лица, орбиты и носа (положительная корреляция). ГК II описывает 14,4% изменчивости и испытывает нагрузки со сторон угла выступания носа и симотической ширины (отрицательная корреляция).

Как видно из данных, представленных на таблицах и графике, результаты межгруппового компонентного анализа полностью повторяют ситуацию, выявленную для мужских групп. Таким образом, результаты анализа небольшого краниологического материала, полученного в 2005 г. из Миздахкана, позволяют предположить, что они характеризуются теми же морфологическими и расовыми особенностями, что и ранее исследованные. Следует подчеркнуть, что новый материал из Миздахкана отличается от ранее изученных более выраженной примесью монголоидных черт, о чем свидетельствуют величины указателей уплощенности лицевого скелета и преаурикулярно-фациоцеребрального указателя (табл. 6). Причиной этого может быть малочисленность выборки.

Таблица 4 Женские черепа VII-VIII вв. из Миздахкана (раск. 2005 г.) и сравнительные данные

	Серии/Признаки	1	8	17	45	48	55	54	51	52	77	<ZM	SC	SS	DC	DS	75(1)
1	Миздахкан, 7-8 вв.(р.2005 г.)	171,0	136,7	137,0	127,5	70,7	51,3	26,7	40,5	33,0	142,0	127,0	8,3	3,3	22,0	10,5	24,3
2	Миздахкан 7-8 вв. (суммар.)	173,3	134,4	134,2	125,7	69,3	52,4	25,5	42,4	34,7	139,8	127,8	9,7	3,7	22,7	11,1	27,1
3	Миздахкан, 7-8 вв. (недеф.)	176,4	143,1	132,3	128,4	67,1	49,2	24,6	42,1	32,5	143,3	128,6	9,1	3,9	21,9	11,0	28,5
4	Миздахкан, 7-8 вв. (деф.)	172,0	131,8	134,8	125,2	70,1	51,7	26,0	42,6	38,6	138,5	127,7	9,9	3,6	22,4	11,3	26,0
5	Токкала 7-8 вв.(суммарно)	174,7	142,9	131,6	125,6	69,9	51,4	25,2	42,7	35,0	140,3	125,8	8,3	3,8	21,0	11,2	27,2
6	Токкала т.пол. 8-10 вв.(недеф.)	174,0	136,9	132,6	127,0	67,8	51,1	25,0	42,4	34,7	137,1	126,1	9,3	4,4	20,4	12,0	26,6
7	Токкала т.пол. 8-10 вв. (деф.)	164,7	155,5	133,0	131,8	68,6	51,4	23,6	42,8	34,4	140,7	128,0	8,7	3,5	20,2	11,9	28,2
8	Кубатау 5-8 вв.	170,3	136,0	140,0	121,0	75,0	51,5	23,0	41,6	35,5	124,0	123,0	7,9	4,5	23,9	13,5	26,0
9	Калалыгыр, 2-3 вв.	175,8	141,0	130,7	126,1	68,8	51,8	24,9	40,7	33,1	140,9	123,5	8,9	4,4	21,0	13,1	25,5
10	Беркуткала,8-10 вв.	177,5	146,5	136,5	130,0	70,0	52,0	25,2	42,7	33,3	140,0	127,0	9,3	3,9	23,6	13,0	33,7
11	Наринджанбаба, 9-11 вв.	173,0	140,7	134,5	124,5	68,4	47,3	23,8	39,0	30,8	138,3	126,0	8,8	2,5	22,3	11,7	31,0
12	Древний Мерв 5-8 вв.	173,0	137,8	137,0	125,8	69,4	50,5	23,9	40,7	34,1	142,1	126,3	8,8	4,4	19,3	11,7	27,2
13	Байрамали 4-6 вв.	177,4	135,6	131,3	123,4	69,7	50,7	24,6	41,1	33,0	138,0	124,1	9,4	4,3	20,4	12,0	30,4
14	Кафыркала 6 в.	172,0	140,0	131,5	129,5	68,0	48,5	24,0	40,3	33,2	139,0	126,1	9,7	4,0	19,1	12,3	27,2
15	Пенджикент, наусы, 7-8 вв.	173,0	137,5	135,0	126,9	63,7	46,7	22,5	38,9	33,3	139,0	124,0	9,0	2,4	20,5	9,3	27,2
16	Дашти Урдакон, 7-8 вв.	171,1	141,9	132,5	124,3	65,6	47,3	24,7	40,1	32,1	141,3	126,8	8,7	5,0	20,2	12,0	29,4
17	Кахкаха II, 7-9 вв.	168,9	139,3	131,7	128,7	65,9	47,1	23,5	40,7	33,0	141,5	126,8	8,8	3,9	20,4	11,9	29,4
18	Карши 5-6 вв.	172,0	140,0	131,5	131,3	68,0	48,5	24,0	40,3	33,2	138,8	126,1	9,7	4,0	19,1	12,3	25,6
19	Ангрен, 5-6 вв.	175,5	133,3	135,5	126,9	68,0	47,0	25,0	41,1	32,5	134,5	124,7	8,0	3,0	19,1	13,0	26,0
20	Косасар 2 (сумм.)	173,1	135,8	137,3	126,9	69,2	49,8	24,3	41,5	34,7	138,7	129,3	9,1	3,7	23,0	10,6	26,1
21	Косасар 2 (недеф)	176,7	133,8	136,0	126,8	68,4	48,6	23,7	41,2	34,0	136,7	127,8	10,0	4,3	25,8	11,8	24,3
22	Косасар 2 (деф)	170,5	137,1	138,2	127,0	69,8	50,6	24,8	41,9	35,3	140,0	130,1	8,5	3,3	21,1	9,8	27,3
23	Косасар 3 (сумм)	164,5	135,5	139,5	129,5	70,0	53,0	24,0	40,0	34,0	147,5	128,0	6,8	2,7	18,5	10,5	23,0
24	Косасар 3 (недеф)	183,0	135,0	136,0	129,5	71,5	52,0	25,5	41,0	34,0	141,5	124,5	9,0	4,0	18,5	10,5	29,0
25	Косасар 3 (деф)	172,0	134,0	140,3	129,0	73,3	54,3	23,7	41,3	34,7	137,3	124,7	8,2	6,3	24,0	14,0	28,0
26	Томпакасар (сумм.)	170,1	132,3	139,6	125,9	70,8	52,6	24,6	42,3	34,7	134,7	123,3	9,8	4,1	19,3	12,4	27,5
27	Томпакасар (недеф.)	169,8	134,3	138,3	124,2	71,2	52,2	24,2	42,0	34,0	134,0	122,5	9,5	4,3	19,0	12,1	26,0
28	Томпакасар (деф)	171,0	128,5	141,5	130,0	69,0	53,5	25,5	43,0	36,5	136,0	125,0	10,5	3,8	20,0	13,0	32,0
29	Алтынасар 4, 4-7 вв.(недеф)	170,9	136,4	132,5	127,0	71,4	52,5	23,9	42,4	34,6	138,3	124,7	9,1	3,9	20,3	12,4	28,5
30	Алтынасар 4, 4-7 вв.(деф)	164,9	130,3	137,2	124,0	72,3	51,8	24,5	41,4	35,8	137,8	126,2	8,4	3,5	20,3	10,3	22,5
31	Алтынасар 4, 2-4 вв.(деф)	171,3	135,4	133,4	127,4	72,2	52,2	24,5	42,5	34,2	139,5	129,2	7,9	3,9	19,9	9,9	25,8
32	Алтынасар 4, 2-4 вв.(деф)	163,9	129,2	137,7	124,2	70,7	51,7	24,8	41,9	35,7	136,5	126,5	9,7	3,3	22,0	10,6	24,3
33	Асар 2	168,1	141,3	125,8	126,9	65,7	49,4	25,6	40,6	33,7	141,5	130,2	9,3	4,7	20,9	13,6	27,5

Кратко рассмотрим динамику распространения кольцевой деформации в Южном Приаралье и прилегающих районах (подробно о распространении различных типов деформации в Средней Азии [Ходжайов, 2000, 2006].

Черепа с кольцевой деформацией выявлены в среде городского населения II-IV вв. левобережья Амударьи (Калалыгыр I и II, Кангакала и Куняуаз), позднее, чем у соседних скотоводческих племен Восточного Прикаспия. Однако в Хорезме число людей, придерживающихся этого обычая, было более значительным и достигало в среднем 40% от общего числа. В эпоху раннего средневековья деформация была распространена преимущественно на территории афригидского Хорезма, где число жителей, практиковавших этот обычай, доходило уже до 70% (Миздахкан, Кубатау).

Таблица 5. Факторные нагрузки для женских серий VII-VIII вв. из некрополя Миздахкан и Средней Азии и Казахстана в плоскости 1-ой и 2-ой главных компонент

Признаки	ГК 1	ГК 2
1	-0,183716	-0,558551
8	**-0,650395**	-0,105567
17	**0,659862**	0,194201
45	-0,325984	-0,027876
48	**0,790778**	0,161403
55	**0,774205**	0,073510
54	0,215433	-0,102933
51	**0,623127**	-0,239741
52	**0,784858**	0,115482
77	**-0,552836**	0,530665
<ZM	-0,276582	0,391923
SC	0,139239	**-0,703606**
SS	0,050435	-0,068023
DC	0,210543	-0,187676
DS	0,064042	-0,603296
75(1)	-0,241010	**-0,702024**
Доля в общей дисперсии %	**23,65**	**14,38**

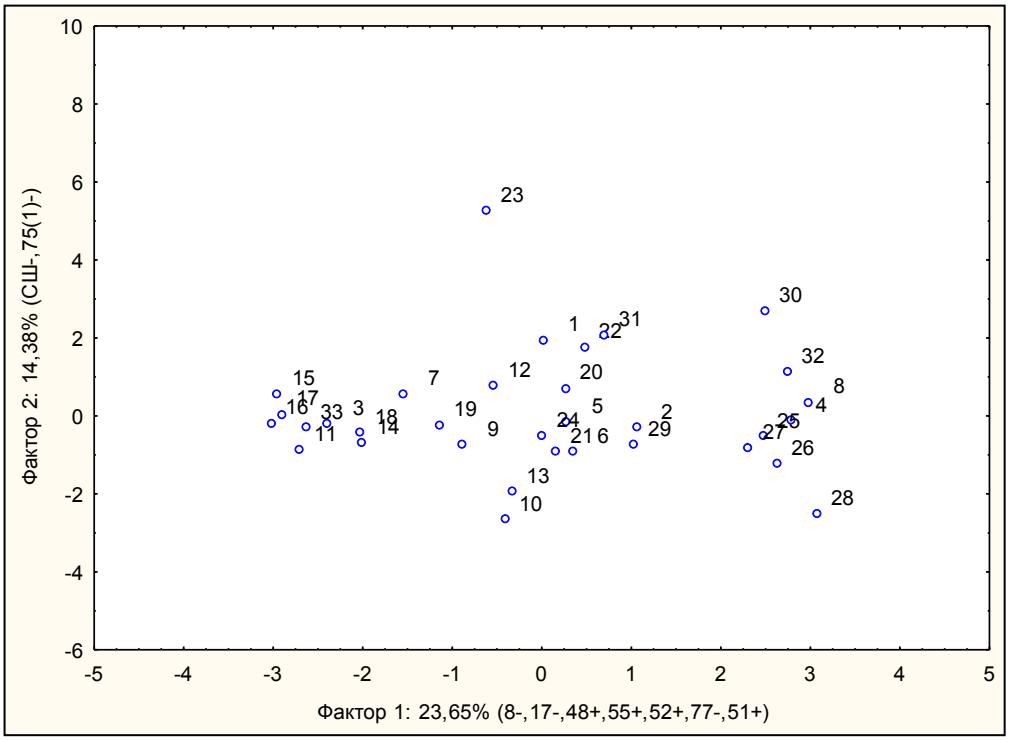


Рис. 4. Распределение женских серий VII-VIII вв. из некрополя Миздахкан (раск. 2005 г.) и Средней Азии в плоскости 1-ой и 2-ой главных компонент (нумерация памятников - табл.4).

Таблица 6. Величины индексов уплощенности лицевого скелета (УЛС) и преаурикулярно-фациоцеребрального указателя (ПФЦ) в средневековых краниологических сериях Средней Азии

№ п/п	Памятники	УЛС	ПФЦ
	V-IX вв.		
1	Миздахкан (рас. 2005), VII-VIII вв.	**40,4**	**92,7**
2	Миздахкан, VII-VIII вв.	15,6	90,6
3	Токкала, VII-VIII вв (сумм)	9,9	90,1
4	Токкала, VIII-X вв	19,7	90,0
5	Кубатау	31,2	88,8
6	Беркутуала	17,5	89,2
7	Древний Мерв	17,7	88,8
8	Байрамали	-4,5	90,0
9	Карши	-16,3	90,7
10	Пенджикент, наусы	27,8	89,7
11	Дашти Урдакон	3,3	90,3
12	Кафыркала	23,8	90,4
13	Шахристан II	12,4	89,0

В то же время в правобережной части дельты Амударьи, населенной представителями другой археологической культуры - кердерской, кольцевая деформация не была выявлена вовсе, несмотря на многочисленность антропологического материала из раннесредневекового могильника Ток-кала (раскопки 1960-1962, 1968 гг.), откуда было изучено несколько сотен черепов. Однако раскопки 2002-2006 гг. другого могильника (Куюк-кала) той же раннесредневековой культуры, находящегося в правобережье дельты Амударьи, давшие 364 погребения, обнаружили многочисленные черепа с кольцевой деформацией. Этот обычай, как в Хорезме, так и во владении Кердер, полностью исчезает в начале IX в. В каракалпакской части плато Устюрт раскопаны погребальные сооружения, датирующиеся временем от эпохи бронзы до позднего средневековья. Черепа с кольцевой деформацией были обнаружены только в одном случае, а именно: в серии из курганного могильника Дуана эпохи раннего средневековья.

В Юго-Восточном Приаралье обычай кольцевой деформации был распространен среди скотоводческих племен в течение длительного времени - с IV в. до н.э. по VII в. н.э. (могильники Алтынасар 4, Томпакасар, Косасар 2 и 3). С II по VIII вв. н.э. численность деформированных черепов достигала 80-90% от общего числа изученных.

Деформированные черепа выявлены, начиная с рубежа н.э. у половины погребенных в Куюмазарском, Лявандакском, Калкансайском могильниках, оставленных кочевническо-скотоводческими племенами Западного Согда. Бытует он там и в раннем средневековье среди кочевого населения (Калкансай, курган 33). В эпоху поздней античности и раннего средневековья обычай начинает распространяться среди оседлого населения Центрального (городище Пенджикент) и Южного (Карши, Дабилкурган) Согда. Затем он полностью исчезает на длительное время в Согде и фиксируется лишь в XVIII в. у погребенных в одной из дахм мавзолея Турки Джанди в Бухаре. Видимо, обычай был привнесен с территории Афганистана, где он практикуется до сих пор у некоторых этнотерриториальных групп [Ходжайов, 2006].

Отметим, что ареал распространения кольцевой деформации в Средней Азии резко сужается, начиная с VI в. Обычай почти исчезает в Средней Азии и сохраняется лишь в бассейне Аральского моря – в Хорезмском оазисе, владении Кердер и Юго-Восточном Приаралье. Единичные случаи фиксируются у горожан Мерва и Байрамали в Туркменистане, жителей Пенджикента в Северном Таджикистане и Краснореченского городища в Киргизии. Обычай кольцевой деформации перестает бытовать в Средней Азии в основном в IX-X вв.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. Т.1, М.,1963.

Вактурская Н.Н., Воробьева М.Г. Хроника работ Хорезмской экспедиции АН СССР // ТХАЭЭ. Т.1, М., 1952.

Ходжайов Т.К. Обычай преднамеренной деформации головы в Средней Азии // Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии. Серия «Этническая антропология Средней Азии». Вып.2. М., 2000.

Ходжайов Т.К. География и хронология преднамеренной деформации головы в Средней Азии // Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 5. М., 2006.

Ягодин В.Н., Ходжайов Т.К. Некрополь древнего Миздакхана. Ташкент, 1970.

Якубовский А.Ю. Городище Миздакхан // ЗКВ. Т.V. Л.,1930.

Г.Х. Хожаниязов
Каракалпакский научно-исследовательский институт гуманитарных наук ККО АН РУз., (Нукус)

ФОРТИФИКАЦИЯ ХОРЕЗМА В ЭПОХУ МАМУНИДОВ И АНУШТЕГИНИДОВ (КОНЕЦ X – НАЧАЛО XIII ВВ.)

По степени изученности историография рассматриваемой проблемы очень коротка. Этот вопрос впервые был анализирован в капитальном труде С.П. Толстова «Древний Хорезм» (1948). Далее этой проблемы касались попутно при изучении отдельных памятников, в частности, Хазарасп, Шахсенем, Миздахкан, Джампык кала и др.

Письменные источники о средневековых оборонительных сооружениях Хорезма довольно скудны. Имеются лишь сообщения о завоеваниях и набегах на территории Хорезма, сопровождавшихся захватами и разрушениями городов и селений, без каких-либо описаний их укреплений. В конце X-начале XI вв. н.э., по свидетельству арабского историка Макдиси, в Хорезме было более 30 больших, средних, малых городов и селений [Толстов, 1948а, с.236][1]. Из них в Миздахкане, Джашира, Зардух, Джурджания, Гардман, Айхан, Арзахива, Нукфаг, Нузвар, Садвар, Джит, других больших и малых городах отмечены оборонительные сооружений [МИТТ, 1939, с.186-187]. Мощность и внушительность укреплений города Хазараспа, который расположен в очень удобном стратегическом пункте, в начале Хорезмского оазиса, особо подчеркивали многие средневековые историки и географы, в частности, Якут, Самани и другие авторы. Однако, как было сказано выше , все данные письменных источников далеко не в полной мере отражают систему обороны городов и селений средневекового Хорезма.

Сведения письменных источников подкрепляются современными археологическими данными, указывающими на уровень фортификации средневекового Хорезма. Хорезмская фортификация эпохи Мамунидов и Ануштегинидов сохранилась на многих городищах. В числе крупных и средних городов Хорезма, которые, судя по данным археолого-топографических наблюдений, переживают в XI-XII вв. значительный подъем, следует назвать Хазарасп, Шахсанем (рис.1, 1), Военган, Миздахкан, Джампык-кала (рис.1, 4), Хива, Кят Шаватский (рис.1, 5), Джигербент, Каладжик и др. Все они развиваются из античного планировочного ядра. В Змухшире и Кават-кале, например, в ряде мест в основе стен лежит античная кладка из крупного квадратного сырцового кирпича (40х40х10 см), сохранившаяся на разную высоту. Выше идет типичная для средневековья пахсовая кладка стен. Следы античной кладки в основании средневековых стен отмечено в Джампык кале. В Миздахкане в IX-XI вв. на древних постройках Гяур калы возводятся крепостные стены с цитаделью (57х55 м) (рис.1, 8). Городище Шахсанем, которое существовало в античное время, но особенно разрослось в XII в. н.э., обнесено крепостной стеной [Рапопорт, 1958, рис.72]. Еще интереснее обстоит дело с городищем Большой Гульдурсун (рис.1, 2). Античные стены города с характерными высокими и узкими бойницами сохранились на полную высоту и в хорезмшахский период составляют основной массив крепостной стены города. Развитие Гурганджа осуществляется также за счет чрезвычайного расширения прежнего го-

Рис. 1

рода, ядро которого формируется в V-IV вв. до н.э. , причем уже в XII в. происходит обведение четырехугольника этого нового Шахристана (ныне именуемого Куня Ургенч) крепостными стенами. Не исключено, что в основе средневекового города Шемаха [Вактурская, 1952, с. 189], обнесенного некогда прямоугольником мощных стен с огромными башнями, находится более ранняя, не позднее раннесредневекового строения [Манылов, 1978, с. 279-280]. В городище Ярбекир кала в среднее века возводятся крепостные стены наверху античной постройки [Вактурская, 1963, с. 41-45].

Развитие шло и по линии возникновения городов у подножия афригидских замков (Кят (рис.2, 17), Шемаха, Дэвкескен, Ишан кала (Хива), Наринджан, Думан кала и др. В Наринджане, например, к юго-востоку от афригидского замка в X-X вв. возникает окруженный стенами город (площадью 4 га) [Толстов, 1948а, с.238, Лавров, 1950, с.52].

Случаи появления совершенно новых городов немногочисленны (Садвар, Мончаклы, Пулжай, Калалык, Бограхан, Кетен-кала, Топрак-кала Кунградская и др.). Развитие этих городищ, возникших в IX-X вв., за исключением некоторых из них[2], непрерывно

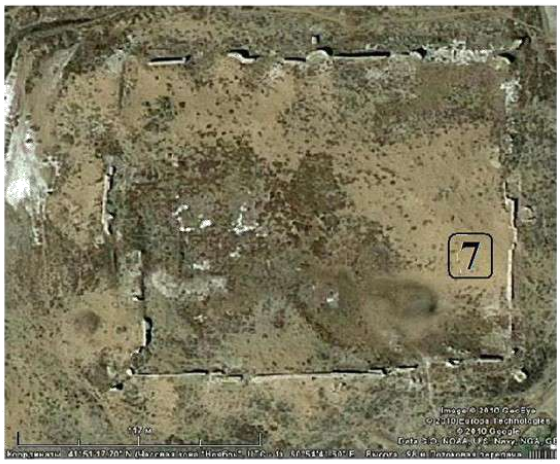


Рис. 1 (продолжение)

продолжается до конца XIII-XIV вв. [Ягодин, 1963, с. 73-97; Вактурская, 1975, с. 519-520].

В эпоху Мамунидов продолжается возведение укрепленных замков. Эти замки еще близки к афригидским, хотя и дают новые элементы планировки, в частности, Буран-кала 1 (рис. 2, 12). Замок Наиб-кала отличается от замков времени расцвета средневековой культуры своими квадратными угловыми башнями с усеченно-пирамидальной цокольной частью, в верхней части с гофрировкой-полуколоннами еще близок к афригидскому типу. С другой стороны, угловые башни Наиб-кала 1 (рис.2, 13) напоминают угловые башни более древних укреплений Хорезма (Акшахан-калы и Анга-кала).

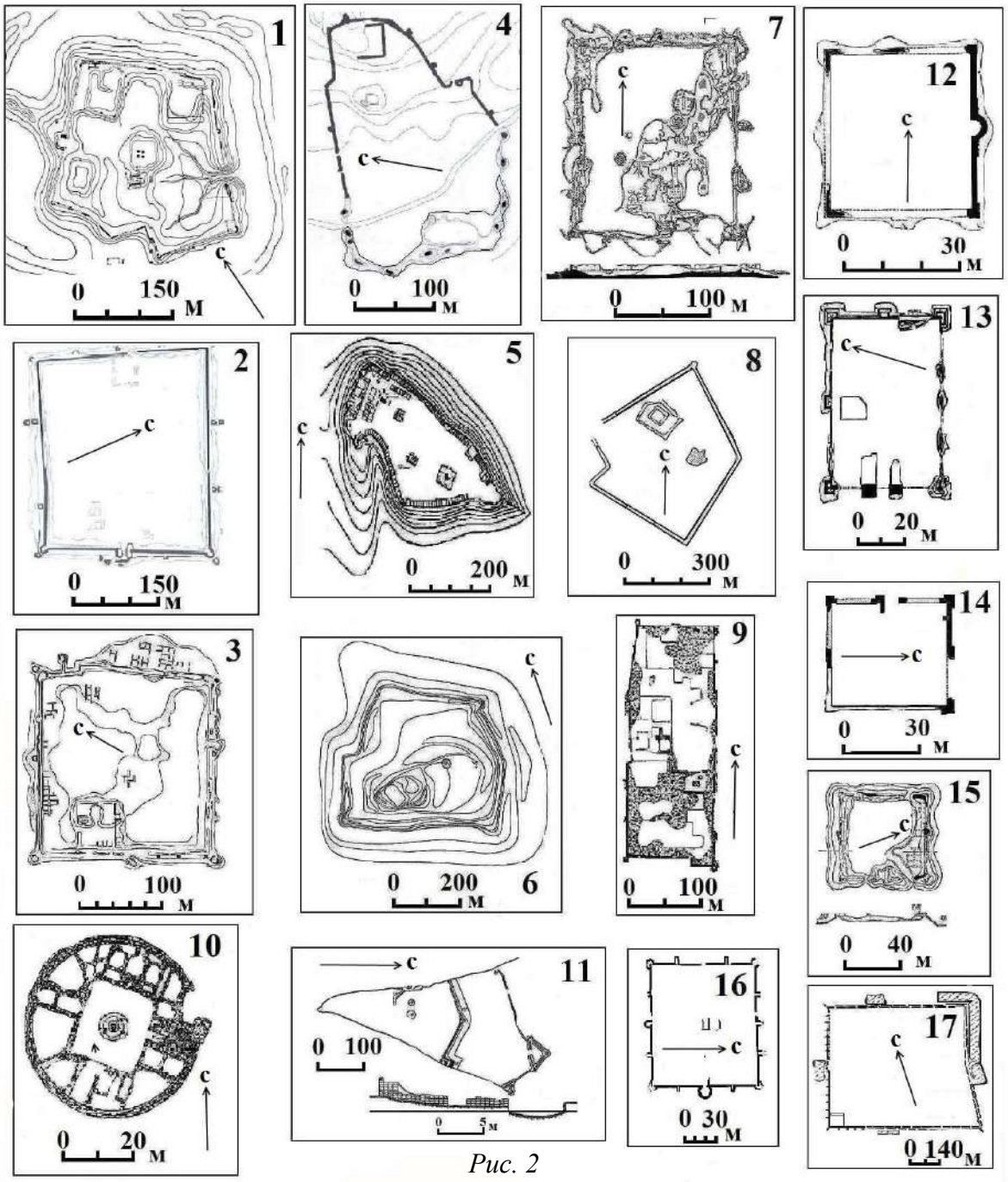


Рис. 2

Средневековые замки отличались размерами от 33х33 до 60х48 м, в плане представляли собой квадрат (Кават 2, Кават 3 и др.), прямоугольник (Малый Гульдурсун (рис. 2, 16), Кават 4, Наиб-кала 1 и 2, Буран-кала 1 и 2 и др.). Высота стен до 5-6 м, толщина у основания 2 м. Каждая сторона была снабжена тремя башнями.

Археологически зафиксировано, что в XI-XII вв. происходит интенсивное строительство крепостей на границах оазиса и возникновение новых городов (Курганча, Ажибай, Урга, Кияжол, Караумбет, Шибинли, Пулжай, Саксаулсай, Ербурун-кала и др.).

Торговые пути оборудуются караван-сараями, которые представляли собой не только место для отдыха караванов, но и давали укрытие, защиту от нападений (Наргиз, Акрабат, Кыз-кала, Ишан Рабад, Даш-кала, Мешекли и др.). Они в плане имеют прямоугольную форму (Мешекли (60х55 м), Ишан Рабад (48х48 м), Даш-кала (100х85 м) и обнесены снаружи стеной. Вход шириной 3-4 м находился между двумя прямоугольными башнями (Ишан Рабад) или башнеобразными выступами-пилонами (Мешекли), портал (Даш-кала). Внутри вдоль стен идут ряды помещений, окружающих внутренний двор. Высота стен 6-7 м, ширина около 2.

Вдоль сухопутных и водных средневековых путей Хорезма зарегистрировано большое количество сигнальных башен.[3] В результате археологических работ установлено, что из 16 башен, зафиксированных в районе Султануиздагских гор [Манылов, 1969, с. 65-71; Манылов, 1978, с. 273-285], имели функциональные связи с расположенными рядом населенными пунктами, в том числе караван-сараями. Башня у озера Ходжакуль, например, относится к средневековой крепости Абумуслим-кала, с которой она хорошо просматривается. Башня на возвышенности Куянчик предупреждала об опасности население Джампык-калы, находящейся юго-восточнее башни. Башня Султан баба связана с реконструированной и модернизированной в средние века античной крепостью Кзыл-кала. Эти башни служили маяком для караванов, а огонь с сигнальной башни мог предупреждать о приближающейся опасности то или иное население Хорезма и государство в целом.

При нынешнем состоянии изученности средневековых городов Хорезма можно говорить, что Шахристан и Рабат имелись в таких городах, как Кят, Гургандж, Дарган и др[4]. Ал-Макдиси упоминает Рабат и хиси (крепость) Садвара, медину Нузвара и Джаза [МИТТ, 1939, с.187-188]. При возможности цитадели располагались на возвышенной части города. Для этого были использованы как естественные (Джампык-кала), так и искусственные (Миздахкан) холмы. На Миздахкане в IX-XI вв. н.э. возводятся крепостные стены с цитаделью (57х55 м) по верху древних построек Гяур-калы [Ягодин, 1968, с.191; Туребеков, 2002, с. 153-155]. Заслуживает внимание городище Девкескен-кала, который представляет собой три укрепления, одно внутри другого и напоминает известную по сообщениям Бируни планировочную схему раннесредневековой столицы Хорезма Филь-Пиль (Кят) [Бируни, 1957, с. 48][5] В XI-XII вв., возможно, появляется рабад в Бограхане [Туребеков, Хакимниязов, Утепбергенов, 2002, с. 158].

Анализ укреплений средневекового Хорезма позволяет выделить в них ряд элементов фортификации, которые с некоторыми региональными особенностями присущи для всей Центральной Азии. Это – рвы и стены, окружавшие город и цитадель, платформы под стенами и цитаделью, протейхизмы, башни, парапеты-брустверы, бойницы, стрелковые площадки (обходные коридоры) и ворота.

От внезапного штурма неприятеля средневековые оборонительные сооружения защищались рвами. Особенно, это касалось административно-экономических центров и городов, которые обычно строились почти на равнине. О них свидетельствуют письменные источники и археологические материалы. Имеется сообщения, что три города хорезмшаха окружает один ров [История ат-Табари, 1987, с. 134]. Крепость Рузунд, пишет Макдиси, средней величины, она укреплена рвом, главная дорога также (проходит) через нее. Диаметр рва, который окружал крепости Гардман, составлял пролет стрелы. Упоминаются также рвы Джаз, Нузвар и других крепостей Хорезма [МИТТ, 1939, с. 187-188]. Источники свидетельствует, что в 1147 г. несмотря на обстрелы катапультами осада Хазараспа из-за рва продолжалась два месяца, после кото-

рого Санджару удалось его взять [Буниятов, 1986, с. 20]. Об этом уникальном рве свидетельствует также Якут, который лично побывал в 1219 г. в Хорезме: Хазарасп как остров окружает вода, к нему только один путь через проход, который сделан со стороны Хорезма [МИТТ, 1939, с. 438][6]. В сообщениях ан Насави упоминается, что семь месяцев длилась безуспешная осада Гурганджа монголами. Когда они сумели засыпать ров вокруг города, им удалось подойти вплотную к его стенам [Буниятов, 1986, с. 40, 67, 147, 152].

В городище Большой Гульдурсун, как свидетельствуют археологические работы, за внешними ее стенами, начинается охватывающий по окружности все сооружение, наполненной водой ров, шириной, судя по рельефу, около 15 м и глубиной до 3 м. Рвы были отмечены в Кават-кале, Большой Гульдурсун, Шурахан, Шахсанем, Ичан кала (Хива), Хазарасп, Топрак-кала Кунградская. Ширина рва достигает от 15 м (Большой Гульдурсун) до 50-60 м (Кят).

Рвы, по свидетельству древних полиоркетиков (Витрувий), могут быть полезными и для укрепления, стоящего на возвышенном месте. Крепость Пулжай имеет глубокий ров, выбитый в скальном грунте мыса, и высокий вал, расположенный перед рвом [Ягодин, 1963, с. 90-91, 95]. Такой же ров, высеченный в скале, имеется у подножия стен Ербурун-кала.

Для сообщения с внешним миром через ров были устанавливались мосты, которые ночью поднимались, а утром опускались снова [Гулямов, 1957, с. 155]. О них сообщается в письменных источниках, в частности, большой город Джаз был укреплен стеной, широким рвом и мостом. Через ров Замахшар был установлен мост, который поднимался каждую ночь. В Нузваре двое ворот и мост, который также поднимается каждую ночь [МИТТ, 1939, с.188]. Остатки подобных мостов отмечены в городище Дэвкескен-кала [Хожаниязов, Хакимниязов, 1997, с. 13].

Фортификационная техника получила в этот период дальнейшее развитие. Для повышения устойчивости укреплений против штурма начали возводить дополнительные более низкие стены-барьеры, на 3-15 м впереди основных стен (Большой Гульдурсун-кала, Кават-кала и др.). Подступы и противоштурмовые барьеры простреливались с зубцов крепостной стены и из башни. Иногда они усиливались башнями (рис. 3, 10, 14). Барьерная стена, в городище Ербурун-кала построена в 3,9 м от стены крепости. Ширина 1,2 м, сохранившаяся высота 0,5 м. Она проходит по краю предстеннего рва, ширина которого достигает 11-12 м, глубина 2,6 м. Если в древние времена подобные стены строились из пахсы и сырцового кирпича, то в средние века они были сплошь из пахсы, иногда из камня (Ербурун-кала).

Рвы и барьерные стены, являясь первой линией обороны, должны были удерживать штурмовые средства (стенобитные машины и др.) и живую силу противника на известном расстоянии от основной линии укреплений и затруднять маневрирование.

В укреплениях подступы к воротам иногда затруднялись пандусом. Остатки глинобитного пандуса были обнаружены в Девкескен-кале. На южном склоне чинка прослеживается пандус длиной 50-55 м. Ширина его проезжей части равна около 2 м. Общая ширина – 3,1 м. Угол наклона 15°-20°. В средневековье стена является важнейшим элементом в системе обороны, которая служит не только преградой, но является основным боевым рубежом. Анализ городища Джампык-кала, Кават-кала и Большой Гульдурсун дает полное представление о назначении крепостных стен Хорезма в XI-XII вв. Джампык-кала, например, рассчитан для введения обороны. Мощная пахсовая стена толщиной 5,6-5,8 м при десятиметровой высоте могла выдержать длительную осаду.

Рис. 3

При этом важная роль отводилась башням и изгибам стен (рис. 3, 11). Поверху проходила открытая стрелковая галерея, на которую поднимались по лестницам, сделанным непосредственно на внутренней поверхности стен за счет их расширения. Ширина ступеньки колеблется от 0,2 до 0,4 м, высота равна 0,3-0,4 м. Профиль внешней поверхности крепостных стен был отвесным и имел наклон к основанию 79° [Манылов, Кдырниязов, 1984, с. 67-69, рис. 1, 1, 2]. Сохранившаяся высота крепостных стен Кават-калы составляет 10-12 м [Вактурская, Вишневская, 1959, с. 150-151, рис. 1, 2].

Стены всех видов укреплений Хорезма имели идущий по гребню, как в Джампык-кале, открытый валганг с бруствером и завершались зубцами, которые, развиваясь, сохраняются на протяжении всего средневековья как обязательная принадлежность укреплений. Это можно видеть на примере крепостных стен и башен городища Шахсанем и Ярбекир кала (рис. 3, 6, 7).

Оборону средневековых крепостных стен усиливали в плане прямоугольные, квадратные, овальные, и трапециевидные башни. Так, по всему периметру пахсовые стены городища Кят укреплены башнями полуовальной формы, расположенными через каж-

дые 33 м. Они выдаются за плоскость стены на 6 м, их толщина - 3,5 м. На углах крепости башни на продолжении поставлены биссектрисы угла. Их длина – 27 м, ширина и высота около 6 м. Наверху стен и башен проходила открытая галерея с бруствером по краю. Аналогичные башни отмечены и в городище Кават-кала [Вактурская, Вишневская, 1959, с. 150]. Башни, как и крепостные стены, завершались зубцами.

Трапециевидным планом в этот период отличается башня городища Джампык-кала (рис. 3, 9). Ширина башен на уровне стрелковой галереи равна 4,8 м, длина - 7,25 м, по основанию соответственно - 8,4 и 9,05 м. По краю верха башен проходит, как на стенах, бруствер шириной 0,6 м. Сохранились всего шесть башен. Близкие по форме башни укрепляют стены городища Кят, городище Миздахкан, Кзыл-кала, Шемаха-кала и др.

В XII-начале XIII вв. в фортификации наряду с круглыми и полуовальными появляются в плане закругленно-подтреугольной формы [Толстов, 1948б, с. 169]. Многоугольные граненные по внешнему фасаду овальные башни, построенные по углам сооружений, известны во многих укреплениях Хорезма хорезмшахского периода [Толстов, 1948а, с. 169, рис. 9, 5, 6; Лавров, 1950, рис. 179-181, 189; Неразик, 1976, рис. 37, 46; Хожаниязов, Хакимниязов, 1997, с. 39].

В XII в. башни как опорный пункт обороны и основное фланкирующее сооружение усовершенствуются, для защиты подступа к крепостным стенам появляется система выносных башен (Кават-кала и др.). В этот период строятся двойные башни для усиления фланкирования подступов (Большой Гульдурсун). Вынесенная вперед передовая башня обычно примыкала к противоштурмовой стене-барьеру и соединялась с основной башней и стрелковой галереей подъемным мостом. Они усиливали фланговый и обеспечивали тыльный обстрел вражеского авангарда (рис. 3, 12, 13). В городских укреплениях Хорезма куртин башни составляют от 17 до 55 м: Кават-кала - 33 м, Джампык-кала - 45 м.

Каждая сторона замка, обычно, была снабжена тремя двухъярусными башнями. Входные башни полуциркульные в плане (Буран-кала 1, Малый Гульдурсун), углы замка укреплены в плане округлыми и снаружи гранеными башнями (Малый Гульдурсун (рис. 2, 16), Малая Айбуйир-кала, Кават 4). В некоторых замках, в середине каждой из сторон, вместо башни, иногда ставился широкий пилонообразный выступ (Наиб кала 2 (рис. 2, 14), Кават 4).

Прямоугольной формы угловые башни и контрфорсы в середине стен известны на городище Кияжол 2. По углам укреплений располагались иногда и круглые—Курганча (Давлетгирей), Айбуйир (Баккал-кала), Ишан Рабада, или квадратные (Буран-кала 1 и 2, Наиб-кала 1, Мешекли), а на середине стен – полукруглые башни (Мешекли) или контрфорсы (Даш-кала).

Крепостные стены усиливались, в основном, закрытого типа башнями. В то же время применялись башни, которые не представляют собой замкнутой камеры, а образованы простым поворотом крепостной стены (Джампык-кала, Ербурун-кала и Кияжол 1).

В укреплениях эпохи Мамунидов и Ануштегинидов Хорезма бойницы те же, что и в афригидское время.[7] В стенах предвратного сооружения Большой Гульдурсун-кала (рис. 3, 4), в усадьбе Аир-кала (IX-X вв.) отмечены узкие прямоугольные и щелевидные бойницы.

В некоторых оборонительных сооружениях в стенах имеются специальные проемы, ярким примером может служить городище Большой Гульдурсун-кала. Здесь средневе-

ковая крепостная стена прорезана сквозными полукруглыми арками. Они обычно расположены в 4-5 м от башни, на высоте более 3 м от основания стен. Ширина 0,8 м, высота 1,65 м. Все проемы заложены сырцовыми кирпичами. Назначения аналогичных проемов, обнаруженных в античных крепостях, определены как вылазки [Толстов, 1948б, с. 115], так и световой люк [Кой-крылган-кала, 1967, с. 280]. Однако анализ материалов дает возможность предположить и другое назначение, в частности, что они были предназначены для применения пращей и метательных аппаратов против неприятелей[8] [Хожаниязов, 1986, с. 61-62].

Внешний фасад крепостных стен цитадели городов (Гяур-кала Миздахканская, Джампык-кала, Дэвкескен-кала), а также граненые стены башни замков (Малый Гульдурсун, Кават-кала 2, Наиб-кала и Кыз-Кала) и караван сараев (Мешекли) были декорированы полуколоннами-гофрами. Эти гофры соединены поверху арочками [Ягодин, 1968, с. 191; Манылов, Кдырниязов, 1984, с. 69-70, рис. 1, 3, 4; Хожаниязов, Хакимниязов, 1997, с. 34; Толстов,1948б, с. 154-168; Манылов, Мамбетуллаев, Юсупов, 1990, с. 103 и др.]. Подобные архитектурные детали применяются в укрепленных сооружениях вплоть до начала XIII в. В фортификационных сооружениях используются также выступающие контрфорсы, обеспечивающие устойчивость.

Столичные и крупные города Хорезма имели по четыре (Гургандж, Кят, Ичан кала и другие) крепости, по двое (Гардман [МИТТ, 1939, с. 187]) или одни ворота. При этом у каждых ворот имелось свое название. Из четырех ворот Гурганджа известны названия трех: «ворота мира» - восточные, ворота «Хаджжадж» - северные и «ворота Кабилан» или «Акабилан» - южные[9] [МИТТ, 1939, с. 187-188].

Анализ плановой структуры крепостей Хорезма даёт основание выделить три типа ворот: предвратный лабиринт, предвратные башни и простой тип, без дополнительных устройств. Большой Гульдурсун-кала, например, имеет мощный предвратный лабиринт (рис. 3, 1-2). Лабиринт полуциркульный в плане, вход расположен так, чтобы противник, штурмуя, поворачивался правым, незащищенным щитом боком к стене. Предвратный лабиринт городища Кят представлял в плане прямоугольник (20х14 м). В Шах-Санеме предвратный лабиринт в плане прямоугольный усилен многоугольными в плане башнями (рис. 3, 8). Предвратные сооружения городища Кияжол 2 выступают за плоскость стен на 5,4 м и в плане Г-образной формы. Толщина стен 2,6-2,8 м. Ширина входа равна 2,55 м. Он огражден с обеих сторон стенами шириной 1,4 м и 2,2 м, которые прослежены соответственно в длину на 11,2 и 10,3 м [Манылов, 1978, с. 242]. Аналогичный предвратный лабиринт обнаружен в северо-восточном углу крепости Ербурун-калы.

В Кыз-кале ворота защищены закругленным предвратным сооружением (рис. 2, 5) [Толстов, 1948б, с.168, рис.104]. В Кават-кале 3 входной проем шириной от 1,5 до 2 м находился в середине одной из стен и был оформлен купольным предвратным сооружением с арочным входным проемом.

Наиболее распространенным был второй тип и он обнаружен на городище Кават-кала, Эрес-кала 2, Буран-кала. Такой прием в системе обороны Хорезма и в укреплениях караван-сараев (Ишан Рабад), известен с древних времен (Кюзелигыр) [Толстов, 1958, с.145, рис.54].

К третьему типу можно отнести ворота городища Урга-кала [Ягодин, 1963, с. 96]. Иногда у ворот крепости, караван-сараев и замков ставились башнеобразные выступы-пилоны. Вход Малой Айбуйир-кала, например, находится в середине юго-восточной стены между двумя пилонами полуовальной формы, отстоящими на расстоянии 2,5 м

друг от друга. Ширина их по стене – 1,7 и 1,9 м. Они выступают за плоскость стены на 1 м [Манылов, 1978, с. 210]; известны в Наиб-кала, Кыз-кала, Мешекли, Малый Айбуйир-кала.

Анализ космических снимков плана Гяур-калы Миздахканской показывает, что вход средневекового, возможно, и древнего города имеет уникальную конструкцию. Здесь ворота устраивались, далеко отступая от линий внутрь городища, с тем расчетом, чтобы образовать длинный и узкий коридор, пространство которого можно было обстрелять (рис.1, 8). Не исключено, что на западной стороне имеются вторые ворота.

Въезды в укрепления Хорезма, как свидетельствуют письменные источники, закрывались деревянными воротами. Хива, Хазарасп, Карадаранхас-Каладжик упоминаются, например, как большое, мощное укрепление с деревянными воротами и рвом. В некоторых крепостях деревянные ворота были покрыты железом (Замахшар), были и железные (Нузвар, Нужбан) [МИТТ,1939, с. 187-188, 216]. Остатки деревянных конструкций и значительное количество железных «болтов» и обкладок от ворот были обнаружены на городище Кават-кала.

Строительным материалом оборонительных сооружений служил лессовидный суглинок, широко употреблявшийся в виде пахсы или сырцового кирпича, а также для изготовления строительного раствора и глиняных обмазок для оштукатуривания стен. Крепостные стены и башни в основном возведены из пахсовых блоков, высота которых достигает от 40 до 105 см [Вактурская, Вишневская, 1959, с. 150]. Однако в качестве строительного материала наравне с глиной и сырцовым кирпичом в отдельных случаях стали применять камень. Крепостные стены в Дэв-кала (рис. 2, 10), Караумбет, Галыгумбез, Кияжол 1 и 2, Ербурун-кала, Урга, Даш-калы были возведены целиком из камня. Стены крепости Кыз-калы толщиной до 2 м сложены из дикого камня, неправильных глыб песчаника, положенных на глиняный раствор. Судя по сохранившемуся возле ворот останцу, первоначальная стена достигала высоты около 10 м [Толстов, 1948б, с.167-168]. Они отмечены также в крепостях Кыз-кала (рис. 2, 5), Занги баба, Саксаул-сай, Шибинли, Кияжол, Судочье, Кзылкайр, Кустау, Курганча и др. Толщина каменных стен крепостей иногда достигает до 4,5 м.

Довольно значительную роль в строительстве играло дерево, которое использовалось при устройстве плоских перекрытий башен, иногда они закладывались между пахсовыми блоками, для прочности крепостных стен (Дэвкескен-кала, Кават-кала, Джампык-кала и др.).

Отмечено, что в строительном деле эпохи Ануштегинидов были вторично использованы античные кирпичи (городище Шах-Санем, Дэвкескен-кала и др.). Есть другой пример того, что для строительства крепостных стен кирпич античного размера (40х40х10 см) изготовлялся в городище Ярбекир (Толстов, 1958, с. 26). На этих кирпичах нет характерных для античного времени родовых знаков-тамг.

В средневековом строительном деле Хорезма для гидроизоляции архитектурных сооружений использован камыш (Джампык-кала, цитадель Гяур-кала Ходжейлинской и др.) [Маньковская, Булатова, 1978, с. 48][10].

Письменные источники и археологические материалы свидетельствуют о довольно высоком уровне фортификации Хорезма в эпоху Мамунидов и Ануштегинидов. Каждый из этих этапов имеет некоторые характерные приемы строительства оборонительных сооружений, относящиеся к разным типам укреплений (город, замок, крепость и др.), указывающие на развитие фортификации в целом.

В X-XI вв. частная и государственная фортификация Хорезма развивается параллельно. Вырождение частной фортификации, бесспорно, свидетельствует о возрастании политической централизации, делающей ненужным грозные укрепления замков аристократии. Однако в XII - начале XIII вв. частная фортификация, т.е. существование укрепленного замка, теряет всякий смысл, мощный централизованный аппарат Ануштегинидов обеспечивает относительный внутренний мир. Укрепления замков вырождается в декоративные аристократические усадьбы. Замок феодала представлял собой лишь декоративную крепость.

Совершенно иная картина наблюдается в отношении фортификации государственной. Крепости Большой Гульдурсун, Джампык кала, Кават-кала и Замахшар отражают далеко зашедшее прогрессивное развитие принципов, зачатки выступающих уже в фортификации крупных афригидских замков. Барьерные стены, двойные ряды выносных башен, фланкирующих подступы к стене, мощные предвратные сооружения, - все это свидетельствует об упорных поисках новых оборонительных средств, а грандиозные размеры крепостей, созданных правительством Ануштегинидов, по словам С.П. Толстова, являются убедительным свидетельством его мощи [Толстов, 1948а, с. 285].

Города Хорезма в XI-XII вв. располагались внутри оазиса и на периферии, как в античности защищая его от нападения извне. Одновременно восстанавливаются и строятся пограничные крепости, укрепляются старые города. Система пограничных укреплений обеспечивает прикрытие границ, торговых и стратегических путей, а также военную экспансию по отношению к соседям.

Городская фортификация Ануштегинидов характеризуется прямоугольными и квадратными планировками для равнинной местности, а для неровной местности они полностью были подчинены ландшафту. В этом отношении характерной особенностью оборонительных сооружений Хорезма, как и пожалуй всего среднеазиатского региона, является умелое использование рельефа местности. Удачный выбор места обеспечивал защиту с одной (городища Кияжол 1 и 2), двух, иногда трех сторон. Крупная пограничная крепость Ербурун кала, например, имеет лишь одну мощную стену, отделяющую конец мыса от основного массива Устюрта (рис.1, 3). Урга-кала также представляет собой крепость, имеющую только одну стену, отгораживающую мыс от плато Устюрта. Контуры возвышенности или холма в целом определяли конфигурации крепости (Шахсанем, Джампык кала, Кыз кала, Мончаклы, Калалык (рис. 2, 1, 4, 5, 6, 8) и др.

Для обороны городов, которые были возведены на равнинных местах кроме оборонительных сооружений, в том числе рва, фортификаторами умело использованы искусственные водные преграды, о чем свидетельствуют письменные источники. Хорезмшах Текеш, согласно сообщений Ибн ал-Асира, когда брат Султаншах с каракитайскими войсками во главе с Фумой шел против него, принял меры для отражения. Для этого в первую очередь были открыты шлюзы на Амударье, и вода затопила все дороги и подходы к Гургандж, который к тому же был сильно укреплен. Другой пример, когда Султан Шихаб ад-Дин угрожал захватить Гурганджу, хорезмшах открыл шлюзы, перекрывая Гуридам все подступы к столице. Вода затопила огромное пространство, и Гуриды остановились. Больше месяца ждали гурцы, пока земля просохла, а хорезмийцы успели укрепить крепостные стены Гурганджа.

Для обеспечения населения водой во время длительной осады крепости в укреплениях были предусмотрены колодцы и цистерны для хранения воды. Об этом свидетельствуют письменные источники и археологические материалы. Город Рузунд, по

свидетельству Макдиси, имел свой источник воды [МИТТ, 1939, с. 188]. В Ербурункале глубина колодца сейчас достигает 17 м, имеются высеченные в скале цистерны - хаузы с подводящими канавками для сбора и хранения дождевой воды. Такую же картину можно видеть в городище Дэвкескен-кала, где глубина колодца составляет около 20 м.

В одной из башен Кыз калы обнаружен выложенный из жженого кирпича колодец, засыпаны до глубины 16,25 м. Он снабжался водой из проведенного от реки водопровода, начало которого было защищено расположенной на берегу реки, и сложенной из дикого камня прямоугольной крепостью Йигит кала.[11] Аналогичный колодец XI-XII вв. вскрыт в северо-восточной угловой башне крепостной стены шахристана Бограхан [Туребеков, Хакимниязов, Утепбергенов, 2002, с.157].[12]

Неприступность некоторых крепостей, согласно письменным источникам, вошла в поговорку [Буниятов, 1986, с. 91]. В этом, конечно, есть заслуга хорезмийских полиеркетиков, которые опирались на самобытные знания доисламского Хорезма, Центральной Азии в целом. Великолепные строительные навыки прошлого, творческие методы древних мастеров были прекрасно использованы средневековыми архитекторами. В оборонительных сооружениях исследуемого периода сохранилась традиция античных фортификаторов: барьерные стены, предвратные сооружения, угловые башни, вылазки и др. Вместе с тем имеются и различия. Для античного времени характерны постройки из крупного, обычно квадратного сырцового кирпича. Средневековые оборонительные сооружения, как правило, представляют собой глинобитный массив, за исключением некоторых укреплений, возведенных из камня. Воины, защищавшие укрепления, размещались не во внутренней галерее стен, как в античных периодах, а наверху стены между зубцами. В целом, военно-инженерное дело средневекового Хорезма ярко отразилось в фортификационных сооружениях эпохи Мамунидов и Ануштегинидов.

Примечания

[1] С.П.Толстов не исключает возможности, что цифру ал-Макдиси мог поднять до сорока городов

[2] Не исключено, что основание Кетенлер калы относится к позднеантичному периоду

[3] Только на Восточном чинке Устюрта было зафиксировано 24, в основном, однотипные башни. Среди них преобладают квадратные в плане сооружения.

[4] По определению М.Туребекова, Бограхан в IX-XIV вв. состоял из цитадели, Шахристана и рабата [Туребеков, 2003, с.184].

[5] Ал Фир-крепость на краю города Хорезма построена из сырцового кирпича в виде трех укреплений одно внутри другого. Они следовали друг за другом в отношении высоты, а выше всех были дворцы царей, как в Йемене, когда он был местом пребывания таббы.

[6] Это традиция продолжается до конца XIX в. [Калмыков, 1908, с. 61; Воробьева, Лапиров-Скобло, Неразик, 1963].

[7] В средневековой крепостной стене Шах-Санем отмечены бойницы, имитирующие античные (рис. 3, 5).

[8] В письменных источниках имеются сообщения о том, что машины для метания камней были размещены в средневековых хорезмийских крепостях [МИТТ, 1939, с. 187]; известно, что хорезмийцами были применены катапульты [Буниятов, 1986, с. 41, 67].

[9] Известно, что монголы вторглись в город именно через ворота Акабилан.

[10] Камыш применялся для гидроизоляции и в более позднее время

[11] Комплекс Кзыл кала был важным стратегическим пунктом Великих Хорезмшахов в их наступлений на Мавераннахр [Толстов, 1948б, с. 168]

[12] Колодец, вскрытый в Кят-кале Шаватской, возможно, относится к средневековью.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Абу Райхан Бируни. Избранные произведения. Памятники минувших поколений. Ташкент, 1957.
Буниятов З.М. Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов. 1097-1231 гг. М., 1986.
Вактурская Н.Н. О средневековых городах Хорезма // МХЭ. Вып. 7. 1963.
Вактурская Н.Н. Раскопки на городище Садвар. Археологические открытия 1974 года. М., 1975.
Вактурская Н.Н., Вишневская О.А. Памятники Хорезма эпохи великих Хорезмшахов // МХЭ. Вып. 1. М.,1959.
Вактурская Н.Н. О раскопках 1948 г. на средневековом городище Шемаха кала Туркменской ССР // ТХАЭЭ. Т. 1. М., 1952.
Воробьева М.Г., Лапиров-Скобло М.С., Неразик Е.Е. Археологические работы в Хазараспе в 1958-1960 гг. // МХЭ. Вып.6. М., 1963.
Гулямов Я.Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957.
История ат-Табари. Ташкент, 1987.
Калмыков А. Хива // ПТКЛА. Год 12. Ташкент, 1908.
Кой-крылган-кала – памятник культуры древнего Хорезма IV-III вв. до н.э. – IV в. н.э. М., 1967.
Лавров В.А. Градостроительная культура Средней Азии. М, 1950
Манылов Ю.П. Сигнальные башни Султануиздага // Вестник КК Фан УзССР. 1969. №3.
Манылов Ю.П. Средневековые хорезмийские памятники Восточного чинка. Сб. Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта. Ташкент, 1978.
Манылов Ю.П., Кдырниязов М.Ш. Городище Джампык-кала // Археология Приаралья. Вып. II. Ташкент, 1984.
Манылов Ю.П., Мамбетуллаев М., Юсупов Н. Городище Мешекли - памятник средневекового Хорезма // Вестник КК ФАН УзССР. №1, 1990.
Маньковская Л., Булатова В. Памятники зодчества Хорезма. Ташкент, 1978.
Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.-Л., 1939.
Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме (I-XIV вв.). М., 1976.
Рапопорт Ю.А. Раскопки городища Шахсенем // ТХАЭЭ. Т. 2. М., 1958.
Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948а.
Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948б.
Толстов С.П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949-1953 гг. // ТХАЭЭ. Т.2. М., 1958.
Туребеков М. Исследование цитадели Гяур-калы городища Миздахкан // Археологические исследования в Узбекистане 2001 год. Ташкент, 2002.
Туребеков М. Работы археологического отряда Каракалпакского госуниверситета // АИУ 2002 г. Самарканд, 2003.
Туребеков М., Хакимниязов Ж., Утепбергенов Ф. Работы Кунградского отряда // Археологические исследования в Узбекистане-2001 год. Самарканд, 2002.
Хожаниязов Г. Ангка-кала позднеантичная крепость древнего Хорезма // ВКК ФАН РУз, № 1, 1986, Нукус
Хожаниязов Г., Хакимниязов Ж. Городище Дэвкескен – Вазир (Источники, топография и хронология). Нукус, 1997.
Ягодин В.Н. К изучению топографии и хронологии древнего Миздахкана. История, археология и этнографии Средней Азии. М., 1968
Ягодин В.Н. Маршрутные археологические исследования в левобережной части Приаральской дельты Амударьи // МХЭ. Вып.7. 1963.

Е.А. Смагулов
Институт археологии им.А.Х. Маргулана МОН РК (г. Алматы)

ДРЕВНИЙ САУРАН: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И РАННИЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ

Город Сауран один из известнейших и важнейших городов средневекового Казахстана расположенных на Сырдарьинском ответвлении Великого Шелкового пути. Его прошлое сохранено в культурных слоях «Сауранского археологического комплекса» (далее САК), основу которого составляют два крупнейших памятника – городище Каратобе (сер. I тыс. н.э. – пер. пол. XIV в.) и собственно Сауран (XIV-XVIII вв.). В современных административных границах памятники Сауранского комплекса расположены в основном в Туркестанском районе Южно-Казахстанской области, в 40-50 км к западу от города Туркестан по автомобильной трассе и железной дороге (рис.1). В целом регион средней Сыр-Дарьи в центрально-азиатской историографии характеризуется как маргинальная зона развития городской культуры среднеазиатского типа, облик которой обусловлен местными порой специфическими факторами (Смагулов, 2007. С.126-134).

На основных структурообразующих компонентах Сауранского археологического комплекса в последние годы проводятся различные по масштабам и характеру археологические работы. Ознакомить читателя с некоторыми результатами этих работ является основной задачей данной публикации.

Из истории изучения. Поскольку прошло уже почти полтора века как научная общественность, а в силу исторических причин это были российские исследователи и путешественники, узнала о городище Сауран, то имеет смысл, кратко остановится на основных этапах истории его изучения.

О Сауране, как археологическом памятнике писали в своих путевых заметках почти все русские исследователи известные в историографии края. Публикации эти носили, конечно же, описательный и общепознавательный характер. Очарованные живописностью и таинственностью грандиозных руин, и скорее интуитивно чувствуя значение в истории края бывшего на этом месте города, они предпринимали так же попытки обобщения сведений средневековых авторов. О городище упоминается в сочинениях П.И. Лерха, в путевых записках П.И. Пашино, в отчетах А.П. Федченко. Все они пишут о хорошей сохранности его стен, о развалинах медресе… (Топография Оренбургской губернии.., 1887. С.18-19; Лерх, 1870. С. 14, 21; Пашино, 1868, с. 59-60; Федченко, 1950, с 46). Достаточно сказать, что первые раскопки на городище были проведены академиком А. Гейнсом в 1866 г. Но уровень развития российской археологии в это время был еще далек от решения и даже формулировки задач встающих при исследовании такого рода объектов. Им были вырыты две ямы глубиной до метра и обнаружена масса керамических черепков и прочего «мусора». При этом «не попалось ни одного интересного предмета», так что все находки были там же и оставлены (Гейнс, 1889, с. 225, 262-266).

Начало подлинно научному исследованию остатков Саурана было положено работами Южно-Казахстанской Археологической Экспедицией (ЮКАЭ; рук. А.Н. Бернштам) в конце 40-х годов XX в. При этом был снят инструментальный план центральной части памятника и на основании полученного материала предложена датировка городища (Бернштам,1950, с. 82; Агеева, Пацевич,1958, с.107-110). Одним из дискуссионных вопросов в истории города, как это не парадоксально, сразу же стал вопрос о его локализации. Если местонахождение Саурана XIII—XVIII вв. не вызывало сомнений и ему соответствует городище Сауран, но т.к. здесь нет слоев с материалами ранее XIII в. то локализация домонгольского города была некоторое время не определенной. Стало ясно, что город, в какой-то момент периода XIII - начала XIV вв. сменил свое местоположение. Это вполне ординарное явление в истории городов вообще, а в Центральной Азии - тем более. Авторами, писавшими об исторической географии региона, высказывались разные предположения по локализации раннего Саурана (Агеева, Пацевич, 1958, с.109-110; Байпаков, 1986, с. 27). Но лишь более детальные историко-топографические исследования позволили локализовать ранний Сауран на ближайшем к позднему Саурану, расположенному в 3-х км южнее, городище Каратобе. Предварительные археологические исследования Каратобе датировали его верхний культурный слой, а значит, верхний рубеж интенсивной городской жизни, XII-XIII вв. (Байпаков, Смагулов, 2005, с.62-67). Как оказалось, содержание верхнего культурного слоя и топография городища характеризуется наличием признаков, присущих городам X-XII вв. Здесь присутствуют топографически четко выраженные «цитадель», «шахристан» и «рабат», т.е. все основные структурные составляющие средневекового города развившегося на более древней основе (Свод памятников.., 1994, с.307; Байпаков, 1998, с.65-70).

Многолетняя деятельность Южно-Казахстанской Комплексной Археологической Экспедиции (ЮККАЭ; рук. К.А.Акишев) в 70-80-х годах прошлого столетия активизировала археологические исследования в Южно-Казахстанской области. При этом Сауран вновь привлек внимание специалистов. При изучении аэрофотоснимков городища были зафиксированы следы кяризов, тянувшиеся цепочками к его северо-западной окраине. Последовали небольшие наземные обследования местности, и появилась обстоятельная публикация, в которой обнаруженные следы связывались с уникальными для данного региона кяризами, упомянутыми средневековым автором Зейнатдином Васифи (XVI в.). Они были построены на средства Мирараба, местного духовного авторитета (Акишев, Байпаков, 1973, с.76-78). В 1986-88 годах отрядом ЮККАЭ были проведены полевые работы с целью археологического изучения кяризов Саурана. При этом были обнаружены три линии кяризов и высказано предположение, что все три линии могли быть частью одной и той же очень крупной системы, о которой писал Васифи, с истоком, расположенным в районе средневековой крепости Миртобе (Грошев, 1996, с.184-186). Расчистки нескольких вертикальных колодцев лишь в одном случае обнаружили на глубине 7 м наличие подземного горизонтального водоводного канала. В дальнейшем в рамках программы работ Туркестанской Археологической Экспедиции (ТАЭ; рук. Смагулов Е.А.) исследования кяризных систем в окрестностях Саурана были продолжены и дали интересные результаты (Смагулов, 2003, с.172-189; Deom, Sala, 2005, с. 120-132).

На рубеже веков ТАЭ были проведены также и стратиграфические исследования на городищах Сауран и Каратобе (Смагулов, Туякбаев, Ержигитова, 2000, с. 209-

214; Байпаков, Смагулов, 2005, с. 74-77). Шурф в обведенной крепостными стенами центральной части Саурана выявил стратиграфию слоев XIII-XVIII вв., а на городище Каратобе раскопки датировали его верхний культурный слой, а значит, верхний рубеж интенсивной городской жизни XII-XIII вв. Эти датировки совпали по принципу последовательности между собой, и стал естественен вывод и том, что в культурных напластованиях этих двух городищ представлена история и культура одного города – исторического Саурана. А обнаруженные под первичным строительным горизонтом позднего Саурана захоронения послужили основанием для гипотезы о строительстве Нового города, где-то во втор.пол. XIII - нач. XIV вв., на месте старого городского кладбища (Смагулов, Туякбаев, Ержигитова, 2000, с. 209). Т.е. в данном случае мы можем говорить о хронологической и территориальной преемственности этих двух памятников, что в свою очередь, усиливает аргументацию в пользу локализации раннего, или Древнего Саурана, на городище Каратобе.

В «послемонгольское время» смена местоположения отмечена, пожалуй, для всех крупных среднеазиатских городов (Самарканд, Термез, Ташкент, Туркестан и т.д.). Интересно отметить, что во второй четверти XIV в. отмечается смена местоположения и ряда крупных золотоордынских городов. Это явление, как известно, породило в историографии Золотой Орды условно называемую «проблему двух столиц». Решая ее исследователями выдвинуто ряд гипотез, от внутри- и внешнеполитических до экологических, объясняющих это явление. Предпринятый сравнительно недавно критический обзор этих интерпретаций ставит под сомнение основания всех, кроме одной – «экологической». Новые археологические исследования и анализ накопившихся нумизматических коллекций, по мнению Пачкалова В.В., решает эту проблему в пользу катастрофической трансгрессии Каспия во второй четверти XIV в. как основного фактора приведшего к смене местоположения ряда городов в Северном Прикаспии, и, в частности, в переносе столицы, и основании Сарая ал-Джедид («Нового Сарая», «Новгорода») (Пачкалов, 2007, с.171-180).

Конечно же, подобное решение по конкретно Поволжским и Жаийкским городам[1], не снимает актуальности и прочих факторов, действовавших в тот исторический период в иных природно-географических зонах Евразии, в частности, в Приаралье. Известно, что экология Прикаспия и Приаралья находятся в «обратной связи». Предельно обобщая можно говорить, что при трансгрессии Каспия происходит регрессия бассейна Арала и самого этого озера (Гумилев, 1993, с. 285-319).

В последнее время появились убедительные археологические свидетельства значительного падения уровня Арала в XIV в. Казахстанскими археологами на обнажившемся вследствие современной регрессии дне Арала обнаружены и исследованы остатки нескольких поселений и некрополей датированных XIV в. (Смагулов, 2001, с. 77-82; Байпаков и др., 2007, с. 120-122).

Существенное обмеление Арала может свидетельствовать о значительной аридизации с начала (?) XIV в. бассейна одной из главных его питающих рек – Сырдарьи, следствием чего становится крайний дефицит воды в крупных городских центрах ее бассейна, таких как Сауран. Видимо в этот период здесь в целях преодоления водного кризиса активизируется строительство разветвленной системы кяризов, с помощью которых актуализировались глубоко залегающие грунтовые воды. Жизнь в городе становится предельно зависимой от условий залегания водоносных пластов, а к древнему Саурану (на месте городища Каратобе), вероятно, было затруднительно, если вообще возможно, подвести одновременно достаточное количество

кяризной воды. Более выгодными условиями, видимо, обладала местность в 3-3,5км к северу, куда сходились водоносные пласты конусов выноса трех местных небольших рек, стекавших с гор Каратау (Смагулов, 2003, с.172-189; Deom, Sala, 2005, с.120-132).

Вряд ли только одна причина, сколь бы существенной она не выглядела, имела следствием перемещение на новое место древнего крупного города. Вероятно, в случае с Саураном имел место еще и тот фактор, о котором, применительно к городам Золотой Орды, писал Г.А. Федоров-Давыдов (Федоров-Давыдов, 1973, с.80). Стремление местной элиты выйти хотя бы из-под номинальной власти каракорумских Великих ханов, было достаточной дополнительной мотивацией, или поводом, для осуществления больших градостроительных проектов.

Упоминание у Макдиси (X в.) «семи стен Саурана» следовало признать своеобразным литературно-мифологическим образом-«штампом», призванным подчеркнуть неприступность фортификационных сооружений города. Стоит напомнить, что сакральное число семь присутствует в «Шах-наме». Этот образ использован в описании неприступных стен из разных металлов, окружающих Кангдиз, легендарную столицу туров, построенную Сиявушем в Кангхе, на отдаленной восточной окраине иранских земель (Птицын, 1947, с.305-309; Кляшторный, 2003, с. 213-216). Тем не менее, детальное обследование топографии городища Каратобе показывает действительно уникальную планировку внешней крепостной стены города, снабженную выступающими углами, усиливающими ее фортификационные свойства. Ранее такие особенности крепостных стен не были зафиксированы в средневековой фортификации Казахстана.

Таким образом, сейчас можно утверждать, что Сауран IV (?) - XIII вв. располагался на месте городища Каратобе, и не позже первой четверти XIV в. Сауран. был перенесен на новое место и ему соответствует одноименное городище (рис.1). (Смагулов, 2007, с.126-134).

Если прежде археологическое изучение Саурана проводилось «от случая к случаю», то с 2004 г., когда городище было включено в Государственную программу «Культурное наследие», исследования этого уникального памятника приобрело планомерный характер. Институтом археологии им. А.Х. Маргулана были определены для раскопок наиболее перспективные объекты на позднем Сауране с целью их последующей консервации и музеефикации[2]. Здесь полностью вскрыты остатки городской соборной мечети XIV-XV вв. и медресе XVI в.[3], исследована загородная мечеть-намазгох, загородные усадьбы; практически завершены раскопки главных северных крепостных ворот и здания напротив медресе (Раскоп 3), ведется расчистка главной улицы города от северных ворот до площади и т.д. (Байпаков, Смагулов, Ержигитова, Туякбаев и др., 2005, с. 304-307; Смагулов, 2006, с. 96-97).

В отличие от городища позднего Саурана, исследования других памятников «Сауранского археологического комплекса» не были включены в Госпрограмму «Культурное наследие» и их широкомасштабное исследование дело будущего. Пока же удалось привлечь частных меценатов лишь к исследованию городища Каратобе - Древнего Саурана[4]. Полученные массовые материалы со всей убедительностью показывают, что Сауран XI-XIII вв. был крупнейшим развитым средневековым городом по всем параметрам и признакам, не уступавшим по масштабам и значимости, например Отрару, или другим одновременным городам Средней Азии (Смагулов, Столярова, 2007, с.105-108; Смагулов, 2008, с.190-197). Новые материа-

лы Каратобе характеризуют высокоразвитый городской быт, торговую и ремесленную деятельность жителей Саурана (Смагулов, Ержигитова, 2009, с. 236-256; Смагулов, Ержигитова, 2010, с.226-243).

На новом этапе исследования претерпело эволюцию и само понимание всей совокупности разнообразных и разномасштабных памятников сконцентрированных в сауранском микрооазисе на площади около 46 кв.км. Системное обобщение археологических, исторических, топографических данных подводит нас к несколько иному, чем принято, пониманию археологического памятника оставшегося на месте существования одного из крупнейших и известнейших средневековых городов Казахстана, каковым был исторический Сауран. А именно, как обширного пространства в средней и нижней части междуречья Тастаксай-Майдантал, с хорошо сохранившимися археологическими следами различных элементов развивавшейся во времени городской структуры. Для науки такой подход не нов, и в тех редких случаях, когда это позволяет сохранность памятника, в описании городищ говорится как об «археологическом комплексе», например, с некрополем, или с пригородной зоной с различными элементами пригородной застройки, или со следами сельскохозяйственного освоения. Уникальность же Саурана заключается в том, что все основные элементы его археологического комплекса пока еще имеют удовлетворительную сохранность и доступны для исследования. Причем эти элементы (структуры) территориально смежные, а чаще, перекрывая друг друга (Смагулов, 2007).

Городище Каратобе. В 2006 г. в ЮЗ секторе центрального холма «цитадели» Каратобе был заложен раскоп 2 (Р2) площадью 15х15м. Он имел целью выявить и исследовать предполагавшиеся здесь остатки монументальных построек цитадели. Однако полученные результаты не подтвердили наших предположений. Полученные стратиграфические данные и наблюдения по раскопу 2 на цитадели городища Каратобе пока можно обобщить следующим образом. Строительные конструкции верхнего строительного горизонта (ВСГ) выявлены лишь по южной и западной окраине холма, и они по стратиграфическому положению (1-2 ярус) и по внешнему облику (стены, суфы, очаг, ямы-бадрабы) представляют собой фрагменты рядовой жилой застройки как бы окаймлявшей центральный участок занятый слоистой мусорной свалкой. С этим строительным горизонтом связан комплекс своеобразной керамики небрежного художественного исполнения, но с «позднекараханидскими» реминисценциями (рис. 2). Лишь на уровне 5 яруса появились верхушки развалов стен 2 строительного горизонта (СГ2). Основания стен угла какой-то постройки залегают на уровне середины 7 яруса, т.е. сохранность стен этого горизонта около 1,2 -1,4 м. К этим стенам прилегают мусорные слои с глазурованной керамикой уже явно «караханидского облика». Ну и третий, пока самый нижний, строительный горизонт намечен в 8-9 ярусе. Как показал данный раскоп, в самой возвышенной центральной части городища продолжительное время (XI-XIII вв.) существовал холм образованный наклонно залегающими золистыми мусорными прослойками общая толщина которых составляет не менее 4,5 м. Т.е. в центре города существовала долговременная мусорная свалка (!). Данный феномен требует своего объяснения, которое не возможно дать значительно, не расширив и не углубив раскоп.

На более широкой площади стратиграфию верхних культурных наслоений (ВСГ) нам удалось исследовать на раскопе 1 (Р1) в ЮВ углу цитадели городища. Площадь раскопа по уровню ВСГ составила более 2000 кв.м. Здесь выявлена плотная за-

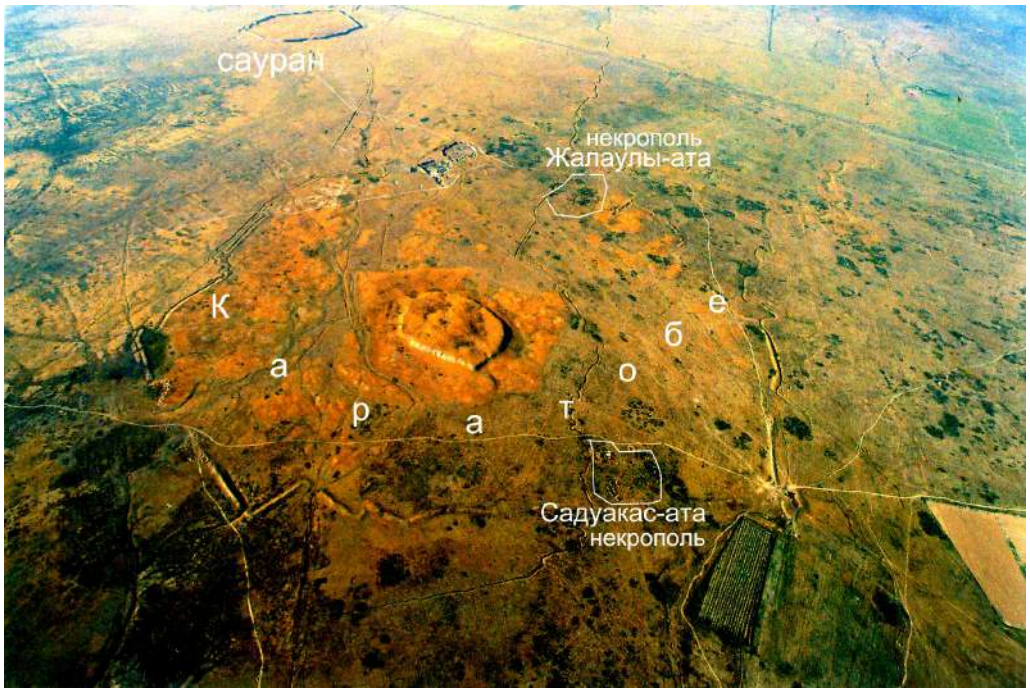


Рис.1. Карта локализации «Сауранского археологического комплекса»

Рис.2. Характерная орнаментация глазурованной керамики XIII в.

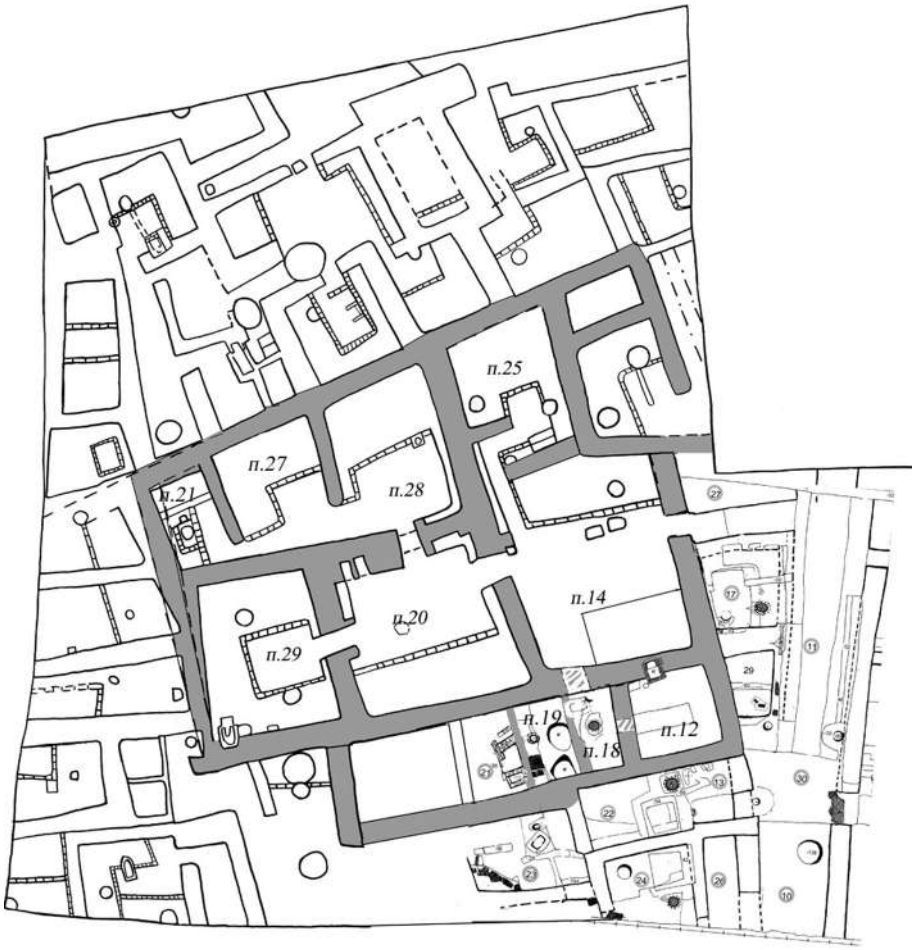


Рис.3. План «дома зажиточного горожанина» XII-XIIIвв. в массиве городской застройки

стройка жилыми массивами, состоящими из одно-трех комнатных домов. Некоторые из них могут быть интерпретированы как жилища достаточно зажиточного слоя городского населения. В частности, выделяется «дом зажиточного горожанина» с вестибюлем с внутристенными нишами, с подпотолочным фризом из резной глины декорированным эпиграфическим орнаментом. Дом состоит из девяти помещений, два из которых с тандырами в суфах (рис. 3, п. 25, 29). Пом. 14 являлось полуоткрытым вестибюлем с суфой и проходами налево в мехманхану (п.12) с туалетным блоком небольших помещений (п.18-19), и направо в жилое помещение с двумя разновременными тандырами (п. 25). Из полуоткрытого дворика попадали в «парадный» (внутренний) вестибюль (п. 20). По стенам были пристроены глубокие ниши-«шкафы», слева обширная суфа, а в центре пола плоский камень-опора колонны. Поверху ниш, под потолком, шел ленточный карниз с резным по сырой глине эпиграфическим орнаментом. Из этого внутреннего вестибюля попадали в большое (главное) жилое помещение (п.29) с «П-образной суфой», большим тандыром и камином в углу. Другая дверь в вестибюле вела в анфиладу из трех помещений (п. 28, 27, 21) из которых дальнее (п. 21) явно была кладовой, а другие два, с обширными суфами (п. 28,27), служили, вероятно, спальными комнатами.

Во всех других, меньших по площади домах, помещения с тандырами в большой суфе являются основными жилыми помещениями отдельного дома. В интерьере жилищ, кроме того, встроенные в стены камины, закрома, центральные колонны и

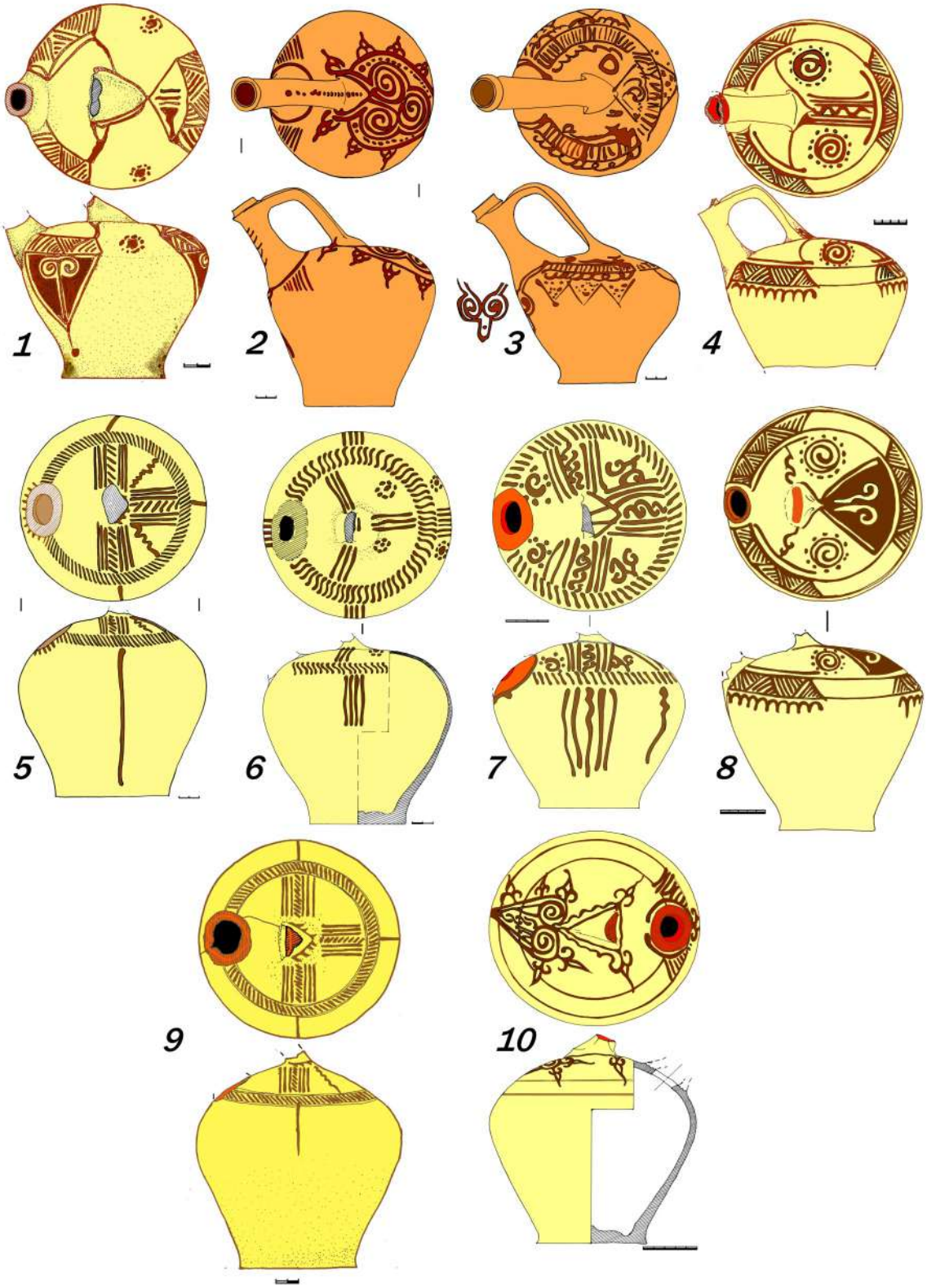


Рис.4. Ангобная роспись на кувшинах XII-XIII вв.

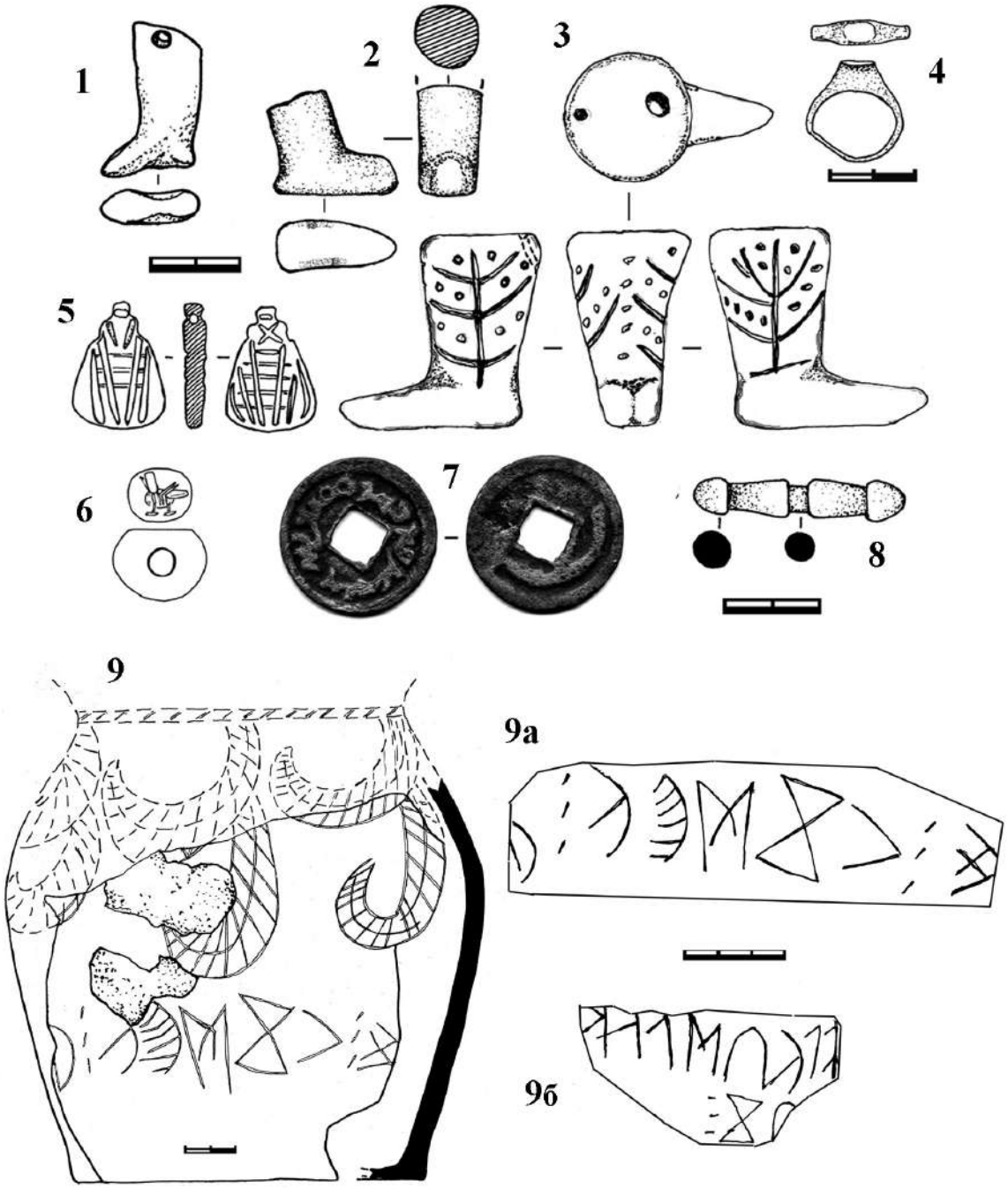


Рис.5. Находки из раскопа 1 2008 г.

т.д. Массовую категорию находок составляет поливная посуда, датируемая по имеющимся прямым аналогиям ХШ веком. Она представлена посудой с зеленой, желтой глазурью с желтым, черным, темно-коричневым рисунком (рис. 2). В это время широко распространена керамика с процарапанным орнаментом и росписью крапинами, потеками зеленого, ядовито желтого, марганцевого цветов в самых различных вариантах. Ведущими формами сосудов открытого типа являются чаши на плоском, или дисковидном вогнутом поддоне с коленчатым перегибом в верхней части. Наиболее устойчивыми элементами декора были треугольники в различных

вариантах и четырехлепестковые розетки с крапинами желтого или зеленого цвета, сочетание процарапанного орнамента с пятнистым. Деление поверхности на сектора и концентрические полосы с заполнением соцветиями контрастных пятен, потеков. Особую группу неполивной посуды составляют кувшины с фигурной раскраской внешней поверхности буро-красной или черной ангобной краской по светлому фону. Самыми распространенными элементами декора являются спиралевидные розетки в точечном обрамлении, S-образные фигуры, пояски заштрихованных треугольников, сочетание прямых и волнистых линий.

Второй строительный горизонт (СГ2) исследован на значительно меньшей площади (около 300м^2), но стало ясно, что планировка ВСГ повторяет планировку СГ2, с небольшими изменениями. Глазурованная керамика двух видов: с трехцветной росписью коричневым, красным, зеленым на светлом фоне, с такой же росписью под прозрачной бесцветной глазурью и с процарапанным орнаментом по ангобу под слегка окрашенными в салатовый, темно-зеленый глазурями. Разнообразны и элементы орнаментации. Это спиралевидные фигуры, лепестки, чешуйчатая сетка, волнистые и прямые линии. Среди неглазурованной посуды выделяется комплекс керамики, в основном это кувшинчики специфичной формы, с узором нанесенном тонкими линиями коричневого ангоба (рис.4). Этот комплекс керамики аналогичен керамике XII в. Отрара, Чача, Согда. Из СГ2 происходит серия из более чем двадцати медных и серебряных монет. По определению П.Петрова, среди определимых монет преобладает чекан хорезмшаха Мухаммеда ибн Текеша. Т.е. верхний рубеж СГ2 может быть датирован периодом первой половины XII в.[5]

Далее отмечен слой запустения, который явно перекрывается СГ2. Отмечено большое количество мусорных ям, бадрабов, свалки золистого мусора в руинах помещений. Т.е. в XI веке (в первой половине?), видимо, данный участок городской застройки какое-то время был заброшен. Возможно, это связано с тем, что в этот период вообще сокращается обживаемая площадь города (?) и некогда капитальные дома почти сплошь прорезаны более поздними ямами, бадрабами, их руины засыпаются кухонным мусором, в котором получено небольшое количество керамики XI века.

Третий строительный горизонт (СГ3) пока вскрыт на небольшой площади (20х15м), его остатки залегают на уровне 5-7ярусов. Помещения различной конфигурации, от трапециевидных, до прямоугольных и квадратных. Оказалось, что направление стен, планировка разно-функциональных помещений в жилищах СГ2 и СГ3 не связана преемственностью, как это наблюдалось в застройке на уровне ВСГ и СГ2. Изменился и характер строительных материалов и технологии. Основным строительным материалом был качественный прямоугольный сырцовый кирпич. Обязательным элементом в оформлении помещений являлись суфы со штукатуркой из тонкодисперсной глины и напольные керамические или глиняные алтари в центре помещения. Керамика представлена посудой прекрасного качества, с двухцветной росписью черным и красным по светлому фону. Мотивы орнамента отличаются разнообразием, но преобладают растительные и эпиграфические – в виде вытянутых по горизонтали надписей, расположенных по краю чаш под зубчатым бордюром. Следует отметить основные морфологические признаки этого комплекса. Основные формы сосудов – полусферические и конические чаши, на дисковидном или слегка вогнутом и кольцевом поддоне. Неглазурованная посуда представлена горшковидными сосудами, кувшинами, котлами, кружками и т.д. Подобный ком-

плекс керамики характерен для Согда и Чача, и датируется второй половиной X - начала XI вв.

Более ранние строительные горизонты выявлены на участке площадью более 260 м.кв, расположенном на восточном краю холма ранней цитадели городища. Он имеет небольшой уклон в восточную сторону. На западной границе установлена точка R_1, которая имеет отметку -281 от R_0 (от отметки тригопункта на вершине холма в центре городища).

ВСГ здесь, на склоне, почти полностью выветрен и смыт. Лучшую сохранность имеет второй строительный горизонт (СГ2). Остатки его строений зафиксированы на глубине - 350 см, то есть на глубине 70 см от дневной поверхности. Они представлены остатками фундамента сложенного из "рванных" камней, поверх фундамента расчищены остатки сгнившего дерева, видимо, использованных в качестве гидроизоляции. После снятия этого строительного горизонта (СГ2) началась расчистка помещения, относящегося к третьему строительному горизонту. В раскопе его остатки представлены помещением размером 2,33х3,4 м. Первый уровень пола зафиксирован на глубине - 446см, второй - 462см (все отметки от R_0).

При расчистке конструкций СГ2 сделаны некоторые интересные находки. Найдены керамические амулеты-сапожки (один целый, другой фрагментирован) (рис.5-*1,2*)[6], из верхнего же слоя происходит находка миниатюрной халцедоновой геммы с изображением утки (рис.5-*6*) и орнаментированная подвеска из бирюзы (рис. 5, *5*). В нижележащем строительном горизонте (СГ3 общей стратиграфии Каратобе) расчищено помещение № 1 квадратное в плане, со сторонами 4,7х4,7м. Интерьер помещения с трех сторон занят пристенными суфами различного функционального назначения. Центр пола помещения занимал глиняный алтарь прямоугольной формы с овальным северным краем. Он приподнят над уровнем первоначального пола на 20-сантиметровую платформу, его размеры 1,1х1,5м. На южной прямой стенке в центре ободка расчищено возвышение прямоугольной формы размером 0,25х0,35м. В 0,2 м южнее края алтаря на полу устроена возвышенная на 25 см квадратная платформа (0,5х0,5 м). Необычную конструкцию удалось зафиксировать и исследовать в северо-восточном углу помещения прямо напротив тамбурного входа. Здесь устроен специально возведенный подквадратный отсек, размером 0,9х1,2 м. Стенки сохранились в высоту 1,1 м, сложены «в полкирпича» (35х18-19х7-8 см). Внутри содержалось мусорное заполнение, которым забита и яма, уходящая под уровень пола помещения. В верхней части заполнения ямы обнаружены фрагменты керамических сосудов, кости и среди них бронзовый перстень (рис.5-*4*). Этот отсек, видимо был перекрыт сверху кирпичным сводом, а в боковой плоскости западной стенки имелось специальное овальное отверстие, через которое сбрасывался мусор (зола, обломки керамики и костей) в эту яму. Далее вдоль ЮВ стены помещения пристроена тумба, в которую был встроен круглый керамический тандыр диаметром 0,6м

Все стены помещения, суфы и алтарь покрыты многослойной штукатуркой, общая толщина которой достигала 4-5 см. Расчисткой выявлены все детали оформления помещения (суфы, перегородки, карнизы и т.д.) сделанные с особой тщательностью.

При зачистке уровней обмазки пола у западной стенке алтаря были найдены несколько невыразительных фрагментов керамики и две разновеликие железные пан-

цирные пластины. Надо отметить так же находку тюргешской монеты в пом. 9 на уровне пола пом.1 (рис. 5-7).

Если окажется, что это единственное помещение с суфами и очагами в жилище, то это жилое помещение с ярко выраженными культовыми атрибутами. Или же оно выполняло функции домашней капеллы – специального культового помещения. При его расчистке было отмечено, что когда оно перестало функционировать, вход в него в начале коридора был буквально замурован, что обеспечило ее дальнейшую хорошую сохранность. Но эти моменты удастся проследить лишь расширив раскоп, и после полной расчистки жилищ на этом участке застройки.

Под помещением № 1 зафиксированы стены нижележащего строительного горизонта (СГ4), верхний уровень которого (полы) проходит на глубине -566 от репера, а следующий уровень на глубине -656 см. В южной стене нижележащего строительного горизонта на глубине -584 см зафиксирована верхняя часть арочного прохода. Эти горизонты пока не вскрывались.

Помещение №2 размером 4,5х5,25 м. Пока в этом помещении отмечено два периода, связанные с некоторой перепланировкой интерьера. И это помещение имело по периметру суфы и глиняный алтарь круглой формы в центре пола. Т.е. и это пом.2 может быть отнесено к группе культовых помещений и вероятно, оно относится к тому же домостроению, что и пом.1, но было устроено, после того как прекратило функционировать пом.1.

Помещение 2 имеет несколько уровней полов. На самом верхнем уровне пола расчищен керамический алтарь подковообразной формы (0,5х0,75м), стенки алтарика высотой 11 см были полностью погружены в пол, в центре округлая лунка диаметром в 12 см и глубиной 9 см. В северную суфу напротив алтаря был вмонтирован тандыр диаметром 67 см, причем один тандыр был вставлен в другой, отверстие поддувала было на уровне пола, высота его 12 см, ширина 8 см.

При вскрытии помещения 2 в заполнении была найдена бронзовая пряжка, каменная формочка для изготовления ювелирных изделий, костяная ручка от ножа и панцирная железная пластинка.

Второй (первый снизу) период строительства и обживания пом. 2 приходится на восьмой и девятый яруса. Помещение почти квадратное в плане с размерами сторон 4,35 х 4,45 м в южной части, а в северной за счет отрезка западной стены в северо-западной части удлиняется на 85 см. Суфы охватывают помещение по всему периметру и прерываются только у входа в помещение. В 75 см от северо-восточного угла помещения расчищен хум, который использовался под ташнау. В центре помещения находился глиняный алтарь круглой формы диаметром 85 см с центральной лункой диаметром 12 см и глубиной 10 см. Под ним, через 10 см расчищен еще один круглый алтарик диаметром 50 см с центральным углублением диаметром 14-15 см и глубиной 8 см. После снятия остатков этого алтаря, под ним было зафиксировано очажное пятно размером 104х38 см, т.е. в этом помещении зафиксированы один над другим останки трех глиняных напольных очагов-алтарей и на самом последнем верхнем полу – круглый керамический алтарь.

В северной части прирезанного участка (над пом.4 и 8) расчищены строительные остатки второго строительного горизонта, стены которого были из пахсы. Зафиксировано частично два помещения, но их полные размеры и детали интерьера установить не удалось. На глубине -376 зафиксирован уровень основания пахсовых стен помещений СГ2. Ниже пошел слой заполнения (забутовки) помещений СГ3, плани-

ровка которых оказалась совершенной отличной от вышележащего горизонта. В верхней части этого заполнения были обнаружены фрагменты лощенного черного горшка с вырезанной рунической надписью (рис. 5-*9*, *9а, 9б*)[7].

Стены помещения №4 СГ3 сохранилась на высоту от 1,3 до 1,4 м. Само помещение квадратное со сторонами 4,65 х 4,65 м. Вход через тамбурный коридорчик расположен в западной стене, его ширина примерно 0,9 м. По периметру помещения располагались суфы, шириной в 0,95 м, у юго-восточного угла суфа имеет округлое очертание, и расширена по отношению к другим; у западной стены суфа сужалась до 0,77 м, и в нее был встроен тандыр с устьем 0,3 м, высотой около 0,5 м. В западной, северной и южной стенах были устроены ниши, обведенные налепными валиками. В южном углу, на ЮЗ стене такими налепными валиками контуром сделана необычная композиция в виде дверного проема (?) с декоративным верхом. На небольшом расстоянии от юго-восточного угла размещены две колонки, которые поддерживают прямоугольный резной фриз. Вся композиция выполнена налепами с последующей подправкой резьбой по сырой глине и, затем покрыта тонким слоем ганчевой обмазки. Вероятно, это часть более сложной композиции, размещавшейся в средней части этой стены, но ее значительная часть, вместе со стеной разрушена более поздней мусорной ямой.

В центре пола этого помещения на глубине -590см от репера находился глиняный подковообразный алтарь, стенки высотой в 15 см были выведены из сырцового кирпича. Ниже был расчищен алтарь почти квадратной формы с закруглением западной стороны с центральным углублением диаметром 18 см. Высота алтаря от 10 до 15 см.

При расчистке пом. 4 было отмечено наличие более 8 уровней полов, которые имели хорошую обмазку, и общая толщина их составляла до 25 см. Вскрытые частично помещения 3, 8, 9, 6, 7 являются служебными по отношению к трем расчищенным помещениям; все они, вероятно, объединятся, в дальнейшем при расширении раскопа, в три домовладения, в каждом из которых, центральное жилое помещение одновременно являлось и культовым. Функциональное, конфессиональное и этнокультурное определение этого типа помещений является интересной проблемой в археологии Средней Азии, пока не имеющей однозначной интерпретации (см. напр.: Гуревич, 1990, с.67-87; Филанович, 1987, с. 148-156).

Следует отметить разнообразные архитектурные приемы и декорировку помещений. Здесь и полихромная роспись по сырой глине, алебастровые налепы и штукатурки, окрашивание стен и архитектурных деталей в красный цвет, налепы глиняных жгутов и резьба по сырой глине, ниши, фризы и т.д. На территории Южного Казахстана в богатых домах помещения с подобными «алтарями» зафиксированы на ряде памятников VIII-X вв. (Алтынтобе, Куйруктобе, Сидак, Культобе Туркестанское). Нам же здесь впервые удается достаточно достоверно стратиграфически проследить и датировать время смены напольных алтарей с глиняными бортиками напольными же керамическими алтарями. Дальнейшие археологические работы следует направить на расширение этой части Раскопа 1 в западном и северном направлении, что позволит полностью вскрыть по уровню СГ3 отдельные домовладения, и поможет получить представление о планировке домов, жилых массивов и застройке цитадели в целом. Особенности стратиграфии в этой части цитадели обусловлены тем, что здесь в нижних строительных горизонтах имеется, по всей видимости, некая монументальная постройка стены которой так или иначе использова-

лись до времени СГ2. Хронология горизонтов этого участка предварительно выглядит следующим образом: верхний строительный горизонт (ВСГ, практически не сохранился, имеются несколько мусорных ям) может быть датирован XII-XIII вв.; СГ2 (пахсовые стены, помещение с керамическим алтарем) – X-XI вв.; СГ3 (пом. 4, 2, 9, 5 с несколькими уровнями полов, повторяет планировку нижележащего монументального здания) – VIII-IX вв.

В ходе археологических раскопок получены значительные коллекции различных ремесленных изделий. Это керамическая, металлическая, стеклянная посуда, ремесленный инструментарий, различного рода украшения, среди них детали поясной гарнитуры (рис. 16), предметы быта и т.п., как местного производства, так и явно импортных, привезенных сюда по караванным трассам Великого Шелкового Пути из ремесленных центров Мавераннаха, Хорасана, Ближнего Востока, Китая. Эти комплексы находок детально характеризуют культуру и быт жителей крупного и развитого городского центра[8].

Археологическая стратиграфия Каратобе позволяет выявить несколько этапов в развитии технологии, форм, художественном декоре массовых категорий артефактов, в частности, средневековой керамики на протяжении от середины X века до ХШ века. Существенны наблюдения за эволюцией планировки жилищ, застройки отдельных участков городской территории, технологии строительного ремесла и т.п.

Таким образом, начатые на Каратобе археологические исследования показывают перспективность городища Древнего Саурана в целях дальнейшей консервации и музеефикации различных элементов средневекового города поры блестящего развития городской культуры, а так же изучения ранних этапов урбанизации региона и этнокультурной истории края. Подготовленные для музеефикации элементы городской застройки (жилища, общественные и крепостные сооружения, и т.п.) периода X-XIII вв. в комплексе с объектами рядом расположенного позднесредневекового Саурана со временем могут наглядно демонстрировать эволюцию городской культуры Южного Казахстана на протяжении всей эпохи средневековья.

Примечания

[1] Возможно, Пачкалову А.В. оказались не известными материалы исследования новооткрытого городища на правом берегу р. Урал – городища Жайык, которые могли бы усилить аргументацию его гипотезы о решающем факторе смещения городов. При интерпретации причин запустения города на месте впадения притока Чаган в р.Урал, у подножия Меловых горок, мы воздержались от однозначного ответа на этот вопрос, но было отмечено, что в этом однослойном памятнике найдены только монеты Узбек-хана. А предположительно выявленное название этого городища «Шакафни» (на «карте Дженкинсона»), созвучно названию не исследованного ногайского городка «Шакашин», что располагался на р.Урал у места впадения в него р. Киндалы, и что хотя бы на этом основании можно предварительно предполагать их преемственность, т.е. смещение города вверх по течению реки (Смагулов, 2002, с.91-102; Байпаков, Смагулов, Ахатов, 2005, с.121-126).

[2] Раскопочные работы на позднем Сауране ведутся под общим научным руководством директора Института археологии им. А. Маргулана (г. Алма-Ата) академика К.М. Байпакова. Помимо сотрудников Института в работах на Сауране участвуют Э. Зиливинская, С. Яценко (г. Москва), О. Лушпенко, Н. Столярова (г. Ташкент), Т. Крупа (г. Харьков), А. Жумабаев (г. Бишкек), С. Акылбек (с. Шаульдер), А. Ержигитова (г. Шымкент).

[3] Установлено, что именно это медресе описывается Васифи, автором XVIв, и его уникальные качающиеся минареты были разрушены к концу XIXв. Необычная архитектура этой постройки в свое время привлекла внимание Г.А.Пугаченковой (Пугаченкова. 1954; Байпаков, Акылбек. 2008, с.56-73).

[4] В 2006-2008гг эти работы проводились с помощью Общественного фонда «Олкетану» (г. Тараз), директору которого, Е. Баймурзину, мы выражаем свою искреннюю признательность.
[5] Пользуюсь случаем еще раз выразить признательность П.Н. Петрову за внимание к нумизматическим материалам Саурана.
[6] С ранее найденным на этом же раскопе в СГ2 «сапожком» декорированном изображением дерева (рис. 5-**3**), данные находки расширяют репертуар форм этих весьма популярных в X-XII вв. амулетов.
[7] С этой находкой был ознакомлен И.Л. Кызласов, которому я выражаю свою искреннюю признательность. В любезно предоставленном исчерпывающем «Экспертном заключении…» им в частности отмечается, что облик примененных здесь письменных знаков «не оставляет сомнений, что надписи, открытые в Сауране, не принадлежат к широко известным азиатским руническим алфавитам, обычно обобщенно называемым орхоно-енисейским письмом… Вместе с тем все эти письменные знаки являются характерными отличительными особенностями так называемого ачикташского рунического письма Средней Азии… Вероятно, следует воздержаться от исторического истолкования этого поныне таинственного культурного явления. Однако имеющиеся археологические датировки перечисленного эпиграфического материала наводят на мысль о его раннеогузской или, скорее, предшествующей субстратной принадлежности… Время и условия бытования ачикташкого письма предстоит уточнить. Этому в большой мере способствуют сделанные Е. Смагуловым находки и, надо надеяться, будут способствовать новые археологические открытия на Сауране». А также: «Весьма существенно, что ачикташская руническая письменность, ныне счастливо представленная находками в Сауране, принадлежит к западной ветви рунического письма – к так называемой евроазиатской группе, имевшей совершенно самостоятельные корни происхождения, никак не зависевшие от орхонского или енисейского алфавитов». (Кызласов, 2009, с.1-2).
[8] Комплексы различных категорий находок опубликованы (Смагулов, Ержигитова, 2009, с.236-256; Смагулов, Ержигитова, 2010, с.226-243).

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Труды ИИАЭ. т. 5. 1958.

Акишев К.А., Байпаков К.М. Кяризы Саурана // Вестник АН Каз.ССР. 1973. №4.

Байпаков К.М. Средневековая город-ская культура Южного Казахстана и Семиречья в VI - начале XIII в. Алма-Ата, 1986.

Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. Алматы, 1998.

Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов Г.А. Средневековое городище Жайык. Алматы, 2005.

Байпаков К.М., Смагулов Е.А. Средневековый город Сауран. Алматы, 2005.

Байпаков К., Смагулов Е.А., Ержигитова А., Туякбаев М.К., Толеев Д., Бейсебаев А., Железняков Б. Исследования городища средневекового Саурана // Отчеты по итогам археологических исследований по Государственной программе «Культурное наследие». Алматы, 2005.

Байпаков К.М., Воякин Д.А., Айдосов А.Х., Нургазаринов А., Баштанник С., Сорокин Д. Археологические исследования на дне Арала//Отчет о археологических исследования по Государственной программе «Культурное наследие» 2006 года. Алматы, 2007.

Байпаков К.М., Акылбек С. Медресе средневекового Саурана //Археология степной Евразии. Алматы-Кемерово, 2008.

Бернштам А.Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахста-на // Известия АН КазССР, серия археологическая. №2 (67). 1950.

Гейнс А.К. Собрание литературных трудов. СПб., т.2, 1989.

Грошев В.А. Древняя ирригация Юга Казахстана. Алматы, 1996.

Гумилев Л.Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в средние века (ландшафт и этнос)//Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М., 1993.

Гуревич Л.В. К интерпретации пенджикентских «капелл» // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье. М., 1990.

Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003.

Кызласов И.Л. Экспертное заключение о характере надписей на обломках глиняного сосуда, обнаруженных в 2008 г. на городище Каратобе (Древний Сауран (Республика Казахстан)). М., 2009. Архив ТАЭ.

Лерх П.И. Археологическая поезд-ка в Туркестанский край в 1867 г. СПб., 1870.
Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.-Л., т.1. 1939.
Пашино П.И. Туркес-танский край в 1866 г. Путевые замет-ки. СПб., 1868.
Пачкалов А.В. Трансгрессия Каспийского моря и история золотоордынских городов в Северном Прикаспии//Восток-Запад: диалог культур и цивилизаций Евразии. Казань. вып.8. 2007.
Птицын Г.В. К вопросу о географии «Шах-наме» // ТОВЭ. т.IV. Л. 1947.
Пугаченкова Г.А. Сауранские башни // Труды САГУ, вып.LVII. Ташкент, 1954.
Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. Алматы, 1994.
Смагулов Е.А. Находка и исследование мазара на дне Аральского моря // Отан тарихы. 2001. № 4.
Смагулов Е.А. Проблемы исследования средневековых городов в Уральской области // Известия МОН РК, НАН РК, сер. общественных наук. 2002. №1.
Смагулов Е.А. Кяризы Туркестанского оазиса // Известия МОН РК, НАН РК, сер. общественных наук. 2003. №1.
Смагулов Е.А. Архитектура Саурана // Промышленность Казахстана. 2006. №1.
Смагулов Е.А. Сауранский археологический комплекс: дефиниция, содержание, границы // Известия НАН РК. Серия общественных наук. 2007. № 1.
Смагулов Е.А. Средневековый Сауран: на перекрестке проблем и мнений // Материалы международной научной конференции «Роль степных городов в цивилизации номадов», посвященной 10-летнему юбилею г.Астана. 2 июля 2008г. Астана, 2008.
Смагулов Е., Туякбаев М., Ержигитова А. Краткие итоги исследований Туркестанской археологической экспедиции в 1999г. // Известия МОН РК, НАН РК, серия общестсвенных наук. 2000. №1.
Смагулов Е.А., Столярова Н.П. Городище Каратобе - древний Сауран // Материалы международной научно-практической конференции «Древний Тараз и тюркская цивилизация». Тараз, 2007.Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Исследования Древнего Саурана // Известия НАН РК, серия общественных наук. 2009. №1.
Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Исследования Древнего Саурана 2 // Известия НАН РК, серия общественных наук. 2010. №1.
Топография Оренбургской губер-нии. Сочинение П.И. Рычкова. 1762 г. Оренбург, 1887.
Федченко А.П. Путешествия в Туркестан. М., 1950.
Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
Филанович М.И. К типологии святилищ огня Согда и Чача // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987.
Deot J.M., Sala R. The 232 Karez of the Sauran region // Сохранение и использование объектов культурного и смешанного наследия современной Центральной Азии. Алматы, 2005.

Т.К. Ходжайов, М. Туребеков
ИЭА РАН, (Москва),
Каракалпакский Государственный
университет им. Бердаха, (Нукус)

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ИЗ МАВЗОЛЕЯ КЫРК-ШОПАН

Мавзолей Кырк-Шопан расположен к северу между мавзолеем Мазлымхан-сулу и бугром Жумарт кассаб. Он представляет собой разрушенную портально-купольную усыпальницу. Сохранившаяся высота стены до 4,5 м, сооружен из сырцовых и жженых кирпичей размером 23х23х4 см. В 1987 г. при совместных раскопках с хоздоговорного археологического отряда Каракалпакского государственного университета и отдела археологии ККФАН Узбекистана была полностью вскрыта внутренняя часть мавзолея. Обнаружены 6 погребений, внутри мавзолея еще 3 погребения, в наружной части мавзолея и внутри платформы.

Первоначально была построена платформа размером 15,2х15,2 м и высоте 1 м. Внутренняя часть и край платформы совпадает со стенами мавзолея, выложены из бутовых камней, а остальная часть заполнена песком. Снаружи платформа оштукатурена глиной при толщине 1-3 см. С южной стороны платформы имеется лестница размером 1,1х1,1 м, через нее имелся проход, который вел внутрь и вокруг мавзолея.

Стены мавзолея построены на платформе. Внутренний размер помещения 5,12х5,12 м. В северной стене ниша шириной 2,97 м и там же имеется оконный проем шириной 105 см. В западной и восточной сторонах ниши расположены помещения № 2 и № 3, размерами 110х97 см. Они связаны с северной нишей проходом в 62 см. В восточной и западной стенах имеются ниши глубиной 23 см. Стены ниши от основания до 1,4 м идут вертикально и далее ссужаются. В середине ниш имеются оконные проемы 160х106 см. Аналогичная ниша имеется и в южной стене. Вход мавзолея находится в этой части, ширина 147 см. В этой стороне имеется портал шириной 712 см. Он выступает от линии стен на 185 см. Судя по сохранившейся конструкции, мавзолей был купольным, основанным на восьмигранном тромпе.

Внутри главного помещения захоронены 6 человек. По устройству они почти однотипны, 5 из них в гробах и один без него (рис. 1, 2, 3).

В результате раскопок в мавзолее Кырк-Шопан было вскрыто семь погребений XIII-XIV вв., относящихся к золотоордынско-джучидскому времени [Туребеков, 1988].

Все костяки определены как женские (табл. 1). Некоторое сомнение вызвало определение пола погребенного из могилы № 2, у которого был сравнительно отчетливо выражен наружный рельеф черепа**.** Однако размеры черепа и посткраниального скелета не выходят за пределы значений, характерных для женской части населения. Таким образом, можно предположить, что мавзолей был построен для женщин, и в нем захоронено семь человек: две женщины зрелого возраста, четыре - среднего возраста и один ребенок 4-7 лет.

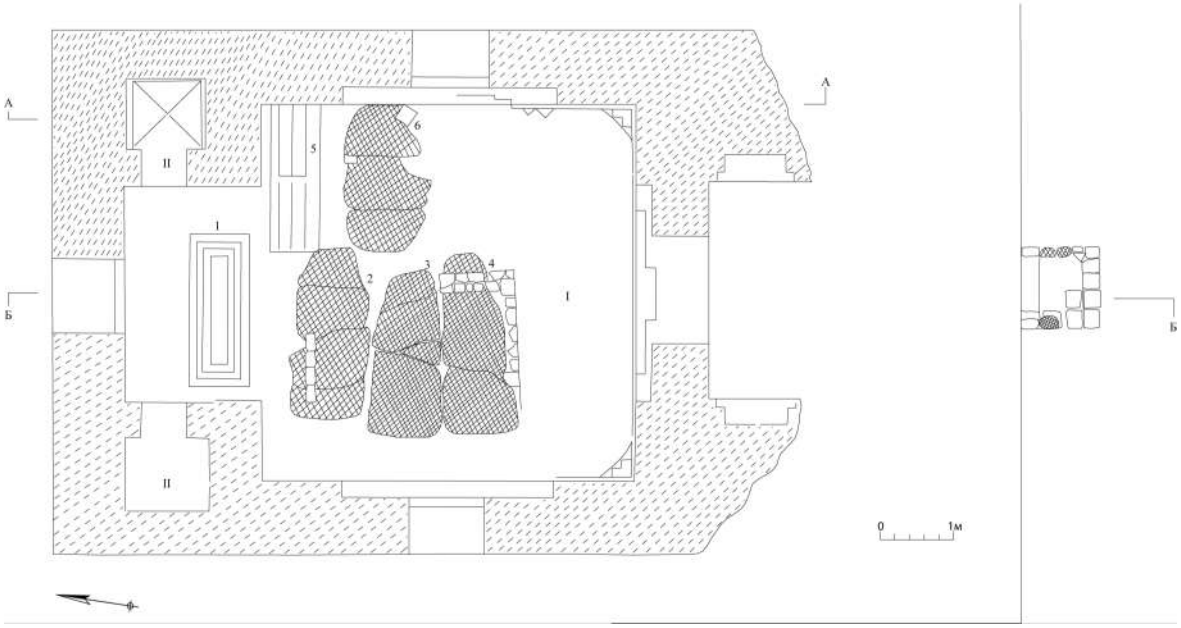


Рис. 1. Общий план мавзолея

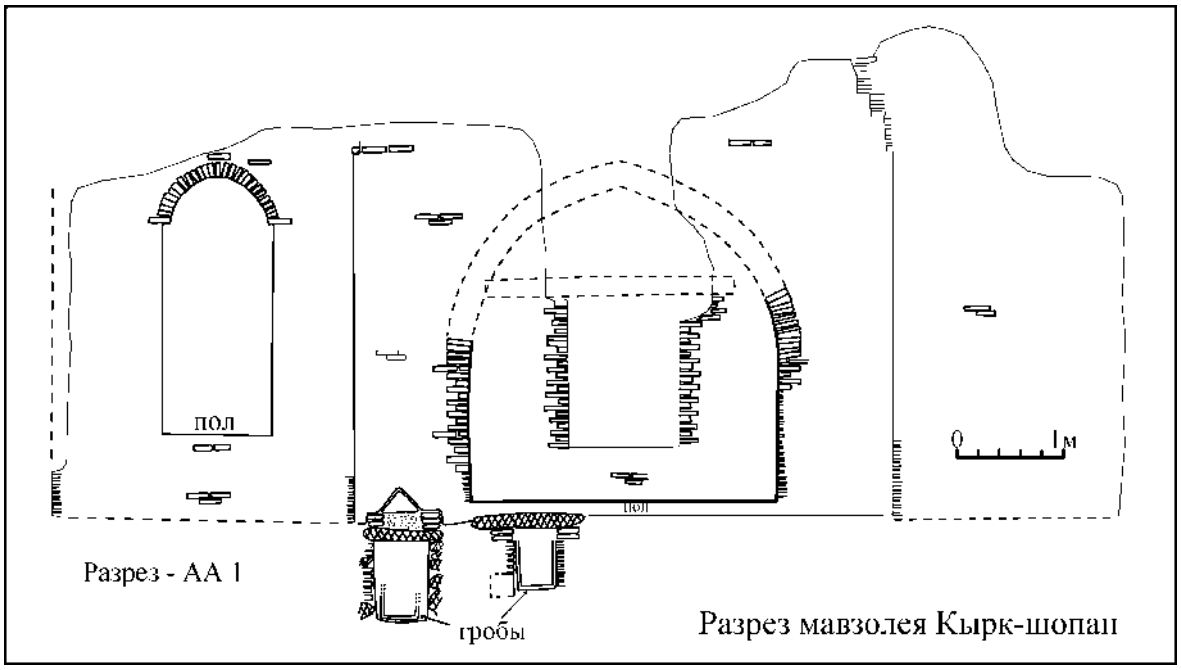


Рис. 2. Разрез мавзолея

Мозговая коробка. Характерной особенностью серии является то, что почти все черепа, за исключением одного из погребения № 6, имеют ярко выраженные следы искусственной деформации. Большинство черепов (57%) имеют следы теменной деформации, а около 30% - затылочно-теменной. Дифференциация теменной и затылочно-теменной деформации обычно представляет определенные трудности. Однако в данном случае, теменная деформация была ярко выраженной, что позволило отчетливо отличить ее от «бешиковой», затылочно-теменной. В целом, степень деформации в серии оценивается средними значениями, составляющими 1,7 балла.

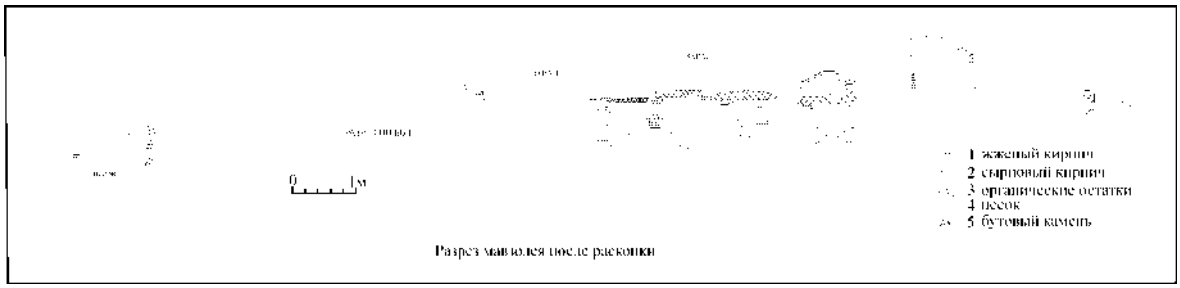


Рис.3. Разрез мавзолея после раскопок

Таблица 1. Индивидуальные размеры и указатели черепов из мавзолея Кырк Шопан. Женщины. XIII-XIV вв.

№ по Мартину	Происхождение костяков) (№	1	2	3	4	5	6	7	n	x	s
	Признак / Возраст, лет	30-35	20-22	20-25	20-25	25-30	30-35	4-7			
1	Продольный диаметр	174	170	168	168		166		5	169,2	3,03
8	Поперечный диаметр	143	147	149	148		145		5	146,4	2,41
17	Высотный диаметр от b	129	132	130	129		136		5	131,2	2,95
20	Высотный диаметр от po	111	114	112	113		112		5	112,4	1,14
5	Длина основания черепа	93	95	94	94		96		5	94,4	1,14
9	Наименьший лобный диаметр	96	88	95	95		98		5	94,4	3,78
	Ширина лба	95	87	94	94		97		5	93,4	3,78
	Высота изгиба лба	18	14	18	17		13		5	16,0	2,35
УПИЛ	Угол поперечного изгиба лба	139	144	138	140		150		5	142,2	4,92
10	Наибольший лобный диаметр	124	122	120	123		124		5	122,6	1,67
11	Ширина основания черепа	116	130	130	129		130		5	127,0	6,16
12	Ширина затылка	112	113	115	111		109		5	112,0	2,24
45	Скуловой диаметр	123	129	129	128		128		5	127,4	2,51
40	Длина основания лица	97	89	93	95		88		5	92,4	3,85
48	Верхнелицевой диаметр	64	71	69	68		67		5	67,8	2,59
47	Лицевой диаметр		115	113	110		104		4	110,5	4,80
43	Верхняя ширина лица	102	102	103	105		106		5	103,6	1,82
46	Средняя ширина лица	113	96	90	91		92		5	96,4	9,56
55	Высота носа	45	49	51	49		50		5	48,8	2,28
54	Ширина носа	25	24	25	24		26		5	24,8	0,84
51	Ширина орбиты от mf	44	42	42	42		39		5	41,8	1,79
51a	Ширина орбиты от d	40	36	39	40		37		5	38,4	1,82

52	Высота орбиты	35	34	33	34		30		5	33,2	1,92
	Бималярная ширина	95	95	94	97		98		5	95,8	1,64
	Высота назиона над fmo-fmo	18	13	15	14		13		5	14,6	2,07
77	Назомалярный угол	139	149	145	148		150		5	146,2	4,44
	Зигомаксиллярная ширина	93	93	89	88		92		5	91,0	2,35
	Высота SS над zm-zm	23	18	18	17		18		5	18,8	2,39
<ZM	Зигомаксиллярный угол	127	138	136	138		137		5	135,2	4,66
SC	Симотическая хорда	10	7	7	5		8		5	7,4	1,82
SS	Симотическая высота	4	3	3	3		4		5	3,4	0,55
DC	Дакриальная хорда	21	22	18	16		20		5	19,4	2,41
DS	Дакриальная высота	9	8	8	10		10		5	9,0	1,00
MC	Максиллофронтальная хорда	17	18	18	15		17		5	17,0	1,22
MS	Максиллофронтальная высота	6	5	9	6		7		5	6,6	1,52
	Глубина клыковой ямки, мм	5,5	4	6	6		4		5	5,1	1,02
32	Угол лба от n	87	95	90	98		95		5	93,0	4,42
33(1)	Угол лба от gl	82	90	86	94		91		5	88,6	4,67
72	Общий угол лица	82	92	88	87		90		5	87,8	3,77
73	Средний лицевой угол	82	92	90	88		91		5	88,6	3,97
74	Угол альвеолярной части	69	80	78	75		85		5	77,4	5,94
75	Угол наклона носовых костей	50	68	65	60		66		5	61,8	7,22
75(1)	Угол выступания носа	32	24	23	27		24		5	26,0	3,67
71a	Наим. ширина ветви ниж. чел.	32	34	34	36		32		5	33,6	1,67
65	Мыщелковая ширина		121	121	120		124		4	121,5	1,73
66	Бигониальная ширина		99	102	101		99		4	100,3	1,50
	Форма черепной коробки	ово-ид.	сфер	сфер	сфер		сфер				
	Надпереносье	1	2	1	1	2	1		6	1,3	0,52
	Нижн. край грушевид. отверстия	fpr	fpr	fpr	fpr	ant	ant		6	66,7%-f.pr	33,3%-ant.
	Деформация: тип	зат-тем	зат-тем	теме-ная	теме-ная		теме-ная	теме-ная			
	степень	2	2	2	2	0	3	1	7	1,7	

	Указатели										
8/1	Черепной	82,2	86,5	88,7	88,1		87,3		5	86,6	2,58
17/1	Высотно-продольный	74,1	77,6	77,4	76,8		81,9		5	77,6	2,80
17/8	Высотно-поперечный	90,2	89,8	87,2	87,2		93,8		5	89,6	2,71
9/8	Лобно-поперечный	67,1	59,9	63,8	64,2		67,6		5	64,5	3,11
48/45	Верхнелицевой	52,0	55,0	53,5	53,1		52,3		5	53,2	1,18
48/17	Вертик. фацио-церебральный	49,6	53,8	53,1	52,7		49,3		5	51,7	2,10
54/55	Носовой	55,6	49,0	49,0	49,0		52,0		5	50,9	2,91
52/51	Орбитный от mf	79,5	81,0	78,6	81,0		76,9		5	79,4	1,71
52/51 a	Орбитный от d	87,5	94,4	84,6	85,0		81,1		5	86,5	4,98
SS/ SC	Симотический	40,0	42,9	42,9	60,0		50,0		5	47,1	8,07
DS/ DC	Дакриальный	42,9	36,4	44,4	62,5		50,0		5	47,2	9,81
	Изгиба лба	18,9	16,1	19,1	18,1		13,4		5	17,1	2,39
	Назомалярный	18,9	13,7	16,0	14,4		13,3		5	15,3	2,28
	Зигомаксиллярный	24,7	19,4	20,2	19,3		19,6		5	20,6	2,30

Если обратиться к истории бытования этого древнего обычая и ареала его распространения в Средней Азии, то можно отметить, что наиболее ранние случаи применения этих типов деформации отмечаются в сакском периоде. Так, по данным Яблонского [1999], они применялись у сакских племен Северо-Восточного Прикаспия. Позже ареал распространения расширяется, и деформация встречается преимущественно среди скотоводческих племен восточного Прикаспия (материалы из курганов Красноводского полуострова), юго-восточного (серии из могильника Мешретитахта, Бабашов), Южного Таджикистана (материалы из курганных могильников Поздний Тулхар и Аруктау) и в других регионах [Ходжайов, 1966, 2002, 2006]. О наличии деформации среди населения Южного Приаралья свидетельствуют сведения, встречающиеся в средневековых письменных источниках. Так, средневековые арабские географы и путешественники ал-Макдиси и Якут упоминали о широком распространении теменной деформации среди жителей средневекового Хорезма. По данному поводу ал-Макдиси, который посетил Хорезм в XII в., спросил: «А почему ваши головы отличаются от голов других людей? Тогда они ответили, что «наши древние делали три вещи…Одна из них то, что… они велели женщинам, чтобы они, когда родят, привязывали мешки с песком с обеих сторон к головам детей, чтобы головы их уширялись…» [МИТТ, 1939, с. 160]. Якут, посетивший Хорезм позднее, дополнил эти сведения сообщением о том, что у хорезмийцев «головы широки, а лбы большие» [МИТТ, 1939, с.158].

Абу Райхон Бируни писал о распространении теменной и лобно-затылочной деформации среди средневековых жителей Хорезма и Ферганы «…есть некоторые общины людей, изменяющих вид творениям Аллаха. Таковы жители Хорезма, которые уплощают головы грудных детей по ширине, сжимая их в колыбели спереди и сзади и превращая их в наказание средь жителей. Возможно, что в мире имеются и другие подобные им. Таковы и жители Ферганы. Они сжимали переднюю часть головы у пробора волос так, что она выступала надо лбом» [Абу Райхон Бируни,

1987, с.158]. Таким образом, в данном тексте речь идет о двух типах деформации – теменной в Фергане и лобно-затылочной – в Хорезме. Антропологические исследования полностью подтверждают сведения Бируни.

Картографирование памятников с различными типами деформации черепов, с одной стороны, подтвердили сведения античных и средневековых авторов, а с другой, - значительно расширили хронологические и территориальные рамки распространения этого обычая. Так, наиболее ранние случаи теменной деформации зафиксированы в Присарыкамышской впадине (могильник IV-I вв. до н.э. Сакарчага I, Яблонский, 1999) и в Восточном Приаралье (могильник Южный Тагискен савроматского времени) [Итина, Яблонский, 1997] и также в Восточном Прикаспии.

В эпоху раннего средневековья деформация в небольших масштабах распространяется среди городского населения (Байрамали). После большого временного интервала, в течение которого не было обнаружено следов деформации, а именно в эпоху позднего средневековья, обычай обнаруживается у местных скотоводческих племен Западного Туркменистана (средневековые кладбища Беделиата, Парау, Эрсарибаба и Красноводский полуостров). В Хорезмском оазисе в первой половине I тыс. н.э. деформация фиксируется во II-III веках у городского населения Калалыгыра, Топрак-калы (первые вв. н.э.), в III-IV веках среди городского населения Куняуаза и Канга-калы. Все деформированные черепа, за исключением черепов из Топраккалы, происходят только из левобережной дельты Амударьи. Однако, начиная с эпохи раннего средневековья, они распространяются и на правый берег Амударьи, причем встречаются в одинаковой степени как среди городского (Куня-Ургенч, Миздахкан, Ток-кала, Куюк-кала, Хазарасп), так и сельского (Беркут-кала, Наринджан, Калмык-крылган-Воянган, Орта-Кую) населения, носителей афригидской и кердерской культур Южного Приаралья. Деформация на этой территории сохраняется вплоть до XIV-XV веков, подобная встречается в этот период также в Прииссыккулье, Ферганской, Кашкадарьинской и Зарафшанской долинах.

Теменная деформация была распространена преимущественно в западной части Средней Азии – на территории Восточного Прикаспия, в Хорезмском оазисе и Восточном Приаралье. Первоначально она применялась западными скотоводческими племенами, а с рубежа I и II тыс. н.э. ареал ее расширился в двух направлениях – южном и восточном. На западе обычай становится массовым среди скотоводческих племен Туркменистана, а на востоке – среди оседлого населения Ферганской, Зарафшанской и Кашкадарьинской долин. С небольшими перерывами он бытовал в течение последних двух тысячелетий (с V в. до н.э. по XIV в. н.э.) и полностью исчез в середине II тыс.н.э.

Серия из Кырк-Шопана характеризуется гипербрахикранией при малом продольном и очень большом поперечном диаметрах мозговой коробки (табл. 1). Преобладает сфероидная форма черепа. Высота черепа исключительно низкая. Особенности таких размеров, как величины размеров высоты и ширины мозговой коробки, несомненно, определяются влиянием давления, создаваемого при помощи специальных приспособлений, на теменные кости. Лоб нависающий, средней ширины и средне профилирован в горизонтальной плоскости. По углу поперечного изгиба лба, который имеет расово-диагностическое значение (Гохман, 1961) наблюдается значительный размах величин. В серии представлены индивиды, характеризующиеся как европеоидными (из погребений 1, 3, 4), так и монголоидными особенностями (из

погребений 2 и, особенно, 6). Широтные размеры основания черепа, лба и затылка характеризуются очень большими величинами.

Лицевой скелет (табл.1). Вертикальный профиль лица ортогнатный по таким признакам, как размеры общего угла и указатель выступания лица. Лицевая часть средне широкая, размах изменчивости небольшой, выделяется лишь индивид из погребения 1, обладающий узким лицом. То же можно сказать и о верхней высоте лица, характеризующейся средними значениями. По верхнелицевому указателю серия мезоморфная. По углам горизонтальной профилировки лица уплощенность значительна в верхней его части и умеренна в нижней. Глазницы в целом средней ширины и высоты, по указателю мезоконхные. Нос мезоринный при средней его высоте и ширине. В серии 67% составляет сглаженная форма нижнего края грушевидного отверстия. Надо отметить, что вся рассматриваемая серия из мавзолея Кырк-Шопан по морфологическим и расовым особенностям довольно однородная, за исключением индивида из погребения 1, для которого характерны европеоидные особенности, выражающиеся в умеренной брахикрании, сравнительно узком и невысоком, профилированном лице и резко выступающем носе. В целом серия смешанная, ее представители могут быть отнесены к южносибирской расе. Возможно, что захоронения в мавзолее Кырк-Шопан принадлежат каракалпакам либо узбекам с родоплеменной стратификацией.

Межгрупповой анализ черепов из мавзолея Кырк-Шопан считаем целесообразным начать с краниологических материалов, полученных из различных объектов (мавзолеев, сахана), расположенных на восточном холме комплекса Миздахкан – Гяуркала. Привлекаемый для межгруппового анализа материал был получен в 1965 г. из следующих объектов: Сахана Муртазаби, Гумбез Оразымбетхана, Сахана к юго-востоку от холма Жумарт Кассаб, Сахана восточнее холма Жумарт Кассаб, Сахана Такгумбез, Сахана-перекрытие и Сахана-впускное [Ягодин, Ходжайов, 1970]. Эти объекты находятся в непосредственной близости от мавзолея Кырк-Шопан и, по предположению этнографа Х. Есбергенова, датируются чуть более поздним периодом – XVII-XIX вв. [Есбергенов, 1965]. В каждом из этих объектов захоронены члены одной семьи, возможно, большой неразделенной. Эти краниологические серии, близкие к современности, в целом характеризуются малым продольным размером черепной коробки при большой ее ширине и средней высоте, средним наклоном лба со среднеразвитым надпереносьем. Высота и ширина лицевой части черепа средняя. Серия черепов ортогнатная со средне уплощенным лицом, среднешироким и средневыступающим носом, средне углубленными клыковыми ямками, со средневысокими глазницами.

Межгрупповой анализ выборок из некрополя Миздахкан-Гяуркала проведен с использованием следующего набора признаков: продольный диаметр (1), поперечный диаметр (8), высотный диаметр (17), скуловая ширина (45), верхняя высота лица (48), высота (52) и ширина (51) орбиты, высота (55) и ширина (54) носа, симотическая ширина (SC) и высота (SS), дакриальная ширина (DC) и высота (DS), назомалярный угол (77), зигомаксиллярный угол (<ZM), угол выступания носа (75(1).

Результаты компонентного анализа материалов из мавзолеев и саханы комплекса Миздахкан-Гяуркала являются предварительными. Анализ показал, что наибольшие нагрузки в первом каноническом векторе падают на углы горизонтальной профилировки (положительная корреляция) и на высоту переносья и носовых костей (отрицательная корреляция), они составляют 41,15%. Во втором векторе наиболее

значимы такие связи, как высота мозговой коробки (положительная корреляция) и дакриальная ширина и высота носа (отрицательные корреляции), они составляют 32,33% (табл. 2, рис. 4).

В правой части графика компактно располагаются серии черепов из мавзолея Кырк-Шопан, суммарная серия XVII-XIX вв. из Миздахкана-Гяуркалы, Сахана Муртазаби, гумбез Оразымбетхана, сахана восточнее Джумарт Кассаба. Отличительной особенностью этой группы является значительная концентрация монголоидных особенностей, приближающая ее к представителям южносибирской расы. Черепа из саханы юго-восточнее Джумарт Кассаба и Такгумбеза №2 занимают промежуточное положение между сильно монголизированной группой Миздахкана-Гяуркалы, с одной стороны, и привлеченной для межгруппового анализа серией из семейной усыпальницы XIII в. Джанпык-кала, с другой. У последней серии ярко выражены европеоидные черты.

Таким образом, результаты межгруппового анализа серий из Южного Приаралья явно свидетельствуют о том, что позднесредневековое население, погребенное в мавзолеях и сахана Миздахкана, смешанного характера, и различия между ними состоят в удельном весе монголоидного компонента. Факторный анализ позволяет выделить в составе позднесредневекового населения компоненты двух расовых подразделений - южносибирской и расы Среднеазиатского междуречья. Отметим, что анализ антропологических материалов из погребальных сооружений, таких как мавзолеи и сахана, выявляет значительное различие. Черепа из Кырк-Шопан своими морфологическими и расовыми особенностями тяготеют в большей степени к черепам из поздних объектов Миздахкан-Гяуркалы, чем к серии XIII-XIV вв. из рядовых погребений золотоордынско-джучидского времени [Ягодин, Ходжайов, 1970].

После выяснения взаимосвязей погребенных в мавзолее Кырк-Шопан и других погребальных сооружений Миздахкана - Гяуркалы был проведен межгрупповой анализ с привлечением серий из Южного Приаралья и городских мавзолеев городов Бухара и Самарканд (табл. 3).

Анализ проведен по тому же набору признаков, который был использован выше. Суммарно два главных компонента описывают 45,62% изменчивости. ГК I описывает 25,08% изменчивости и испытывает нагрузки со стороны таких признаков, как длина, высота и ширина черепа, ширина лица и размеры углов горизонтальной профилировки лица (положительно), а также угол выступания носа, высота и ширина переносья и носовых костей (отрицательно). ГК II описывает 20,54 % изменчивости и испытывает нагрузки со стороны высоты носа (отрицательно) (табл. 4, рис. 5).

По результатам компонентного анализа серия из Кырк-Шопана вместе с сериями из сахана Муртазаби, Гумбез Оразымбетхана и сборной серией черепов из Миздахкана-Гяуркалы, расположились в центре поля. В одной группе с ними оказались черепа из склепа 2 мавзолея Хазрати Имам и черепа из камеры 1 и 3 склепа Чор Бакр из Бухары. Им всем присущи европеоидно-монголоидные черты. Справа от них расположились группы из саханы восточнее Джумарт Кассаба, Кош Каабы из Бухарской области и из мавзолея Кази Заде Руми ансамбля Шахи Зинда из Самарканда.

Правее их расположились группы из Так Гумбеза (Миздахкан) и мавзолея Шебурганата в Каганском районе Бухарской области. Последние две группы выделяются значительно выраженными монголоидными особенностями. В левой части

Таблица 2. Серия женских черепов из мавзолея Кырк Шопан и сравнительные данные.

№ п/п	Серии /Признаки	1	8	17	45	48	55	54	51	52	77	<ZM	SC	SS	DC	DS	75(1)
1	Кырк Шопан, XIII-XIV вв.	169,2	146,4	131,2	127,4	67,8	48,8	24,8	41,8	33,2	146,2	135,2	7,4	3,4	19,4	9,0	26,0
2	Миздахкан, XVII-XIX вв.(суммар)	169,1	141,4	129,8	128,3	67,8	49,1	24,3	41,6	34,3	145,5	132,0	7,4	2,9	21,3	9,6	20,5
3	Сахана Муртазаби	170,3	145,3	129,7	128,7	69,3	49,0	24,0	41,2	34,3	146,3	130,8	6,3	2,8	21,3	9,0	20,8
4	Гумбез Оразымбетхана	168,0	139,2	129,4	126,2	66,7	48,5	24,0	41,0	34,0	144,4	136,8	8,1	2,8	21,0	9,8	19,6
5	Сахана восточнее Джумарт Кассаба	170,0	147,0	132,0	137,0	67,1	49,4	24,9	41,9	34,0	144,9	130,0	7,6	3,1	21,2	9,7	21,7
6	Сах. ю-вост. Джум. Кассаба	172,8	142,0	135,0	127,0	60,0	47,0	25,0	42,0	34,7	144,0	127,0	9,0	4,5	21,0	11,0	30,0
7	Такгумбез №2	179,0	143,0	124,0	129,0	71,0	54,0	27,0	43,5	35,0	143,0	118,0	7,5	2,0	23,0	10,0	13,0
8	Хазрати Имам -ХИ (сумм.)	169,9	141,7	133,4	126,7	67,2	49,4	24,0	40,4	37,5	143,6	129,9	8,6	3,1	19,9	9,6	25,7
9	ХИ, Склеп 2	177,5	140,5	135,0	131,0	63,0	49,0	26,0	40,0	32,0	147,5	128,5	6,5	2,5	19,5	10,0	26,0
10	ХИ, Верхний слой	170,8	143,2	133,3	132,8	65,0	48,2	23,5	42,2	35,3	142,4	131,6	9,3	3,3	19,7	9,8	27,3
11	ХИ, Дахма 1, камеры 1 и 2	167,6	137,0	132,8	123,2	67,8	50,2	23,6	39,6	33,8	141,8	130,0	8,8	3,6	19,6	9,6	27,8
12	ХИ, Юж.раскоп у Вост.стены	171,0	141,0	134,4	125,2	67,5	49,7	24,3	39,7	33,3	141,8	129,7	8,8	3,2	19,7	10,0	26,0
13	ХИ, Восточный разрез	168,3	143,8	133,5	125,3	69,2	49,7	23,8	40,4	34,1	145,1	130,0	8,4	3,0	20,3	9,3	22,8
14	Чор Бакр- ЧБ (суммарно)	167,6	144,1	131,6	127,0	67,7	49,6	23,8	40,2	33,9	144,4	131,9	8,4	3,2	20,3	9,6	22,3
15	ЧБ, Двор 19-20 склеп камера3	165,1	144,9	129,7	125,7	66,7	49,1	23,4	40,3	33,9	145,7	134,9	8,2	2,6	19,8	8,9	18,1
16	ЧБ, Двор 19-20 склеп камера 1	166,2	148,0	129,8	126,6	71,3	52,3	23,4	40,5	34,0	144,5	132,8	7,3	2,8	20,3	9,3	25,0
17	ЧБ, Дворы 15,21,24	169,2	140,3	129,5	125,3	69,3	50,5	25,3	39,5	33,0	145,0	130,3	10,0	4,3	19,8	10,0	26,0
18	ЧБ, Склеп XIV камера 1	173,3	137,8	129,3	124,0	67,6	48,2	22,6	40,4	33,6	138,5	126,0	8,0	4,0	20,3	12,3	20,2
19	ЧБ, Коридор	170,8	145,3	131,2	131,0	68,4	49,9	24,4	39,9	33,5	143,9	127,3	8,9	3,3	21,2	10,3	26,5
20	ЧБ, Терр. А, Зап.ст,Вост. мав.	170,3	144,7	138,2	128,1	66,6	47,9	24,7	40,1	34,0	142,9	133,3	8,9	3,6	20,9	9,9	25,6
21	Турки Джанди	165,8	132,8	126,0	120,6	61,9	45,1	22,9	39,2	31,9	140,1	129,2	9,3	3,5	19,4	9,7	26,5
22	Шебурганата, XII-XIII вв.I	180,8	151,6	136,4	130,0	73,0	54,6	25,0	42,6	34,8	142,8	129,6	7,8	3,0	19,4	8,6	23,4
23	Мазарские ворота	172,2	144,9	134,6	126,3	68,9	48,9	24,2	40,7	35,1	143,3	131,6	8,3	3,1	20,5	9,5	22,1
24	Кош Кааба	166,5	141,5	127,0	132,5	71,5	52,5	25,5	42,0	35,5	143,5	138,5	10,5	3,0	20,5	7,5	16,0
25	Ишратхана, XIII вв.	174,5	144,7	132,7	130,0	69,5	51,0	24,2	41,5	36,0	140,0	126,7	8,2	4,6	18,6	12,5	27,0
26	Шахи Зинда, XV в.	176,5	144,5	131,0	134,0	69,0	50,5	25,0	43,0	34,5	148,5	132,0	6,0	3,5	19,5	9,5	22,0
27	Куня Ургенч, XIII-XIV вв.	174,0	154,0	132,0	125,0	66,0	48,0	25,0	39,0	31,0	142,5	131,0	6,6	3,2	22,0	11,9	27,0
28	Джанпыккала, XII-XIII вв.	175,0	147,2	133,2	130,5	73,0	50,3	22,7	43,3	35,9	134,6	123,3	11,7	5,5	21,2	11,8	29,3
29	Калмыккрылган, XII-XIII вв.	166,0	148,4	130,8	127,1	68,8	49,9	24,0	40,7	32,9	141,1	129,2	9,5	4,6	20,7	10,8	26,1

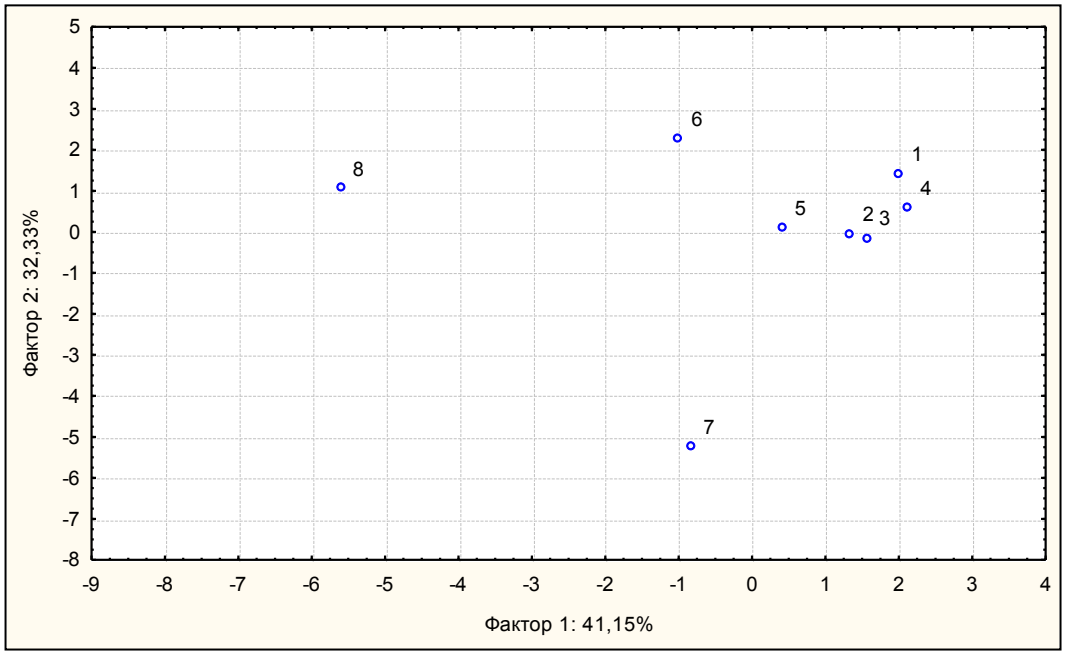


Рис.4. Факторные нагрузки женских серий из мавзолеев Южного Приаралья в плоскости 1-го и 2-го главных компонентов. 1 - Кырк Шопан, XIII-XIV вв., 2 - Миздахкан, XVII-XIX вв. (суммар), 3 - Сахана Муртазаби, 4 - Гумбез Оразымбетхана, 5 - Сахана восточнее Джумарт Кассаба, 6 - Сахана юго-восточнее Джумарт Кассаба, 7 - Такгумбез №2, 8 - Джанпык-кала, XII-XIII вв.

графика расположились группы из Куня-Ургенча, Бухары (материалы из мавзолеев Чор Бакр, Хазрати Имам, Мазарские ворота), отличающиеся от них наличием европеоидных черт. В крайнем левом углу графика обособленное положение заняла серия из мавзолея Турки Джанди, принадлежащая выходцам из Ирана и Афганистана [Ходжайов, 2007].

Таким образом, различия между сравниваемыми позднесредневековыми сериями, как видим, связаны, в основном, с представленной в них долей монголоидной примеси. В связи с этим нелишне напомнить, что территория Средней Азии с древнейших времен была зоной контакта двух крупных расовых стволов человечества – западного и восточного, в процессе взаимодействия которых за последние два с половиной тысячелетия сформировался морфологический облик современного среднеазиатского

Таблица 3. Факторные нагрузки для женских серий XIII-XIV вв. из Кырк Шопана и мавзолеев и сахана XVII-XIX вв. Миздахкана –Гяуркалы, мавзолеев Бухары в плоскости 1-го и 2-го главных компонентов.

Признаки	**ГК 1**	**ГК 2**
1	-0,672183	-0,639198
8	-0,389440	0,104396
17	-0,284721	**0,918444**
45	-0,224476	-0,112030
48	-0,354850	-0,491506
55	-0,290426	**-0,922837**
54	0,280976	-0,700535
51	-0,790000	-0,499916
52	**-0,899869**	-0,223014
77	**0,947321**	-0,027890
<ZM	**0,901883**	0,111298
SC	**-0,886433**	0,318559
SS	-0,737668	0,667492
DC	-0,289676	**-0,816866**
DS	**-0,907678**	0,180369
75(1)	-0,421480	**0,868267**
Доля в общей дисперсии %	**41,15**	**32,33**

населения. Удельный вес каждого из расовых компонентов, входящих в состав отдельных народов, разный, также различается он и в пределах одного этноса.

Палеоантропологическими исследованиями достоверно установлено, что продвижение представителей монголоидной расы на территорию Средней Азии отмечается в основном с середины I тыс. до н.э. Первоначально они расселялись компактно в северной степной части, не занимая больших территорий. Выявлено несколько таких зон их проживания: Тяньшань и Алай, северо-запад Бухарского оазиса (район Навои, Кенимех-

Таблица 4. Факторные нагрузки женских серий из мавзолея Кырк Шопан и Средней Азии в плоскости 1-го и 2-ой главных компонентов (нумерация памятников – табл. 2).

№ по Мартину	Признаки	ГК 1	ГК 2
1	Продольный диаметр	0,984561	-0,07447
8	Поперечный диаметр	0,985368	-0,0914
17	Высотный диаметр от b	0,988148	-0,00325
45	Скуловой диаметр	0,971197	-0,11897
48	Верхняя высота лица	0,780289	-0,56436
55	Высота носа	-0,47019	-0,85142
54	Ширина носа	-0,98314	-0,0361
51	Ширина орбиты от mf	-0,85428	-0,32039
52	Высота орбиты	-0,94103	-0,16051
77	Назомалярный угол	0,981494	-0,01177
<ZM	Зигомаксиллярный угол	0,841435	0,117314
SC	Симотическая ширина	-0,99646	0,020944
SS	Симотическая высота	-0,99731	0,02701
DC	Дакриальная ширина	-0,99583	0,014079
DS	Дакриальная высота	-0,99687	0,03638
75(1)	Угол выступания носа	-0,96323	0,131985
	Доля в общей дисперсии %	25,08	20,54

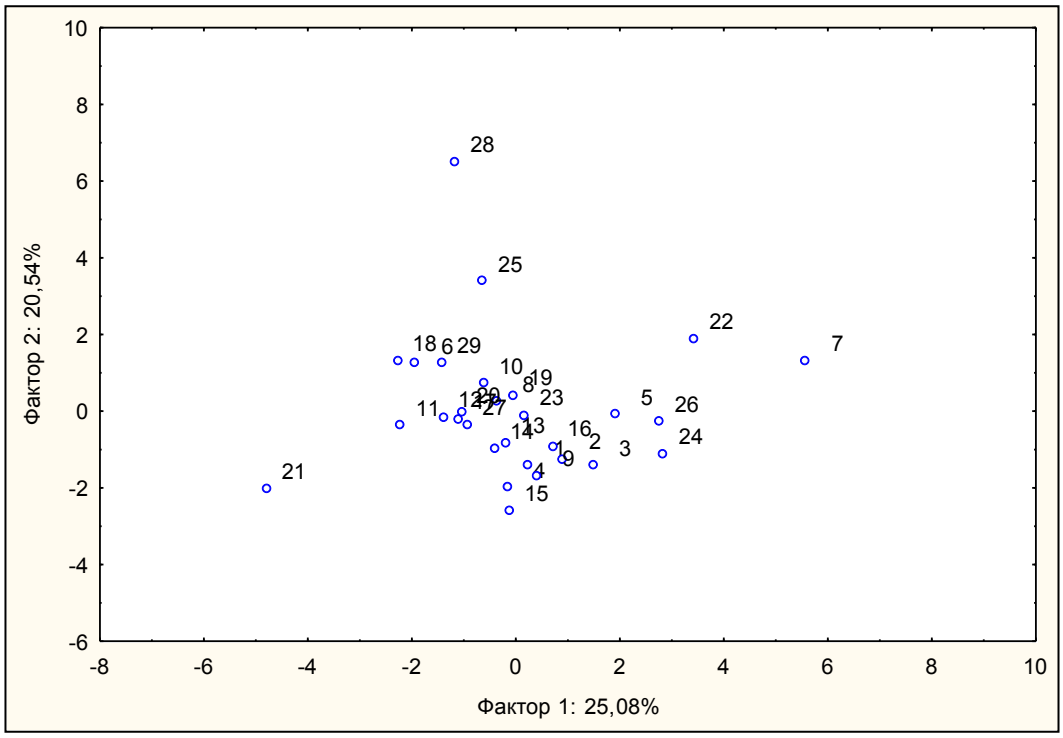


Рис. 5. Распределение женских серий XIII-XIV вв. из мавзолея Кырк Шопан и Средней Азии в плоскости 1-го и 2-го главных компонентов (нумерация памятников – табл. 2).

ская степь), низовья Сырдарьи, плато Устюрт. Однако незначительное количество представителей монголоидного облика обнаружено также и в низовьях Амударьи (курганы Султануиздага) [Ходжайов, 1981].

Анализ динамики монголоидных элементов у среднеазиатского населения в целом позволяет выявить несколько этапов интенсивного проникновения монголоидных племен: 1 - середина I тыс. до н.э., 2 - III-II вв. до н.э., 3 - IX-XII вв., 4 - конец XV-XVI вв. В середине I тыс. до н.э. на границе земледельческих оазисов Хорезма, Чача, Согда и Ферганы компактно расселялись сильно монголизированные племена, которые почти не смешивались с местным населением. С III-II вв. до н.э. кочевническо-скотоводческие племена продвинулись из северных степных областей в центральные и южные области и увеличили присутствие монголоидного компонента в составе местного населения. В эпоху раннего средневековья приток монголоидных племен на небольшом отрезке времени уменьшился, а с рубежа I и II тыс. н.э. имело место интенсивное проникновение сильно монголизированных племен. Следующая волна, приведшая к нарастанию монголоидности, приходится на конец XV-XVI вв. и представлена даштикипчакскими племенами [подробно об этом: Ходжайов, Ходжайова, 2001].

Проведенный анализ обнаруживает европеоидно-монголоидный характер серии из мавзолея Кырк-Шопан. Чтобы подтвердить этот вывод количественными аргументами, была использована методика Г.Ф. Дебеца [1968] с вычислением общего показателя уплощенности лицевого скелета (УЛС) и преаурикулярно-церебрального указателя (ПФЦ).

Удельная доля монголоидного элемента для черепов из мавзолея Кырк-Шопан, оказалась значительной: УЛС=52,9, ПФЦ=94,2. В качестве сравнительного материала были привлечены синхронные и более ранние серии из Южного Приаралья, Самаркандской, Бухарской и Сурхандарьинской областей (табл. 5). Из всех сравниваемых наиболее монголоидными оказались серии из Кырк-Шопана и мавзолея Кази Заде Руми в ансамбле Шахи Зинда (во время раскопок 1975 г. из мавзолея извлечены два сильно монголизированных женских черепа). В пределах шкалы европеоидности оказались серии из Хазараспа, Ишратханы в Самарканде, Куня-Ургенча, Миздахкана XIII-XIV вв., Ток-калы, Старого Термеза XIII-XIV веков. Промежуточное положение между этими двумя европеоидными и монголоидными группами ближе к европеоидным группам расположились серии из Калмыккрылгана в Хорезмской области, Чор Бакр, Турки Джанди и Хазрати Имам из мавзолеев Бухары.

Таблица 5. Величины индексов уплощенности лицевого скелета (УЛС) и преаурикулярно-фациоцеребрального указателя (ПФЦ) в средневековых краниологических сериях Средней Азии

	XIII-XVII вв.	УЛС	ПФЦ
1	Кырк Шопан	52,9	94,2
2	Куня Ургенч	18,7	91,9
3	Миздахкан , XIII-XIV вв.	27,5	90,4
4	Токкала , XIII-XIV вв.	20,1	95,9
5	Калмыккрылган	30,0	91,8
6	Хазарасп	11,6	91,5
7	Ишратхана	13,5	92,4
8	Шахи Зинда	56,7	91,9
9	Сарый Термез, XIII-XIV вв.	26,1	90,6
10	Чор Бакр (сумм)	26,3	88,5
11	Турки Джанди	36,1	90,6
12	Хазрати Имам (сумм.)	33,1	89,2

Таким образом, анализ краниологических серий указывает на неоднородность населения, оставившего погребальные памятники (мавзолеи, сахана) в археологическом комплексе Миздахкан-Гяуркала, что соответствует общим тенденциям эволюции этногенетических процессов в Средней Азии, и Южном Приаралье в частности.

Остеологическая характеристика. В данной работе изучены посткраниальные скелеты пяти взрослых женщин. Нами были проведены измерения и рассчитаны различные пропорции скелетов и показатели степени массивности костей конечностей. В таблицах 6-7 приведены индивидуальные данные по отдельным индексам, для оценки как общих тенденций, так и размаха вариаций.

Суммарная средняя размеров костей верхней конечности (плечевые, локтевые и лучевые) характеризуется средними величинами. Длинные кости нижних конечностей (большеберцовые и малоберцовые) также характеризуются средними величинами. Судя по лучеплечевому, плечебедренному, большеберцово-бедренному и интермембральному указателям женщины из Кырк-Шопана характеризуются средними пропорциями тела. Прижизненная длина тела была восстановлена с использова-

Таблица 6. Индивидуальные и средние размеры основных остеометрических показателей из мавзолея Кырк Шопан. Женщины. XIII-XIV вв.

Происхождение	Погр.1		погр. 2		погр. 3		погр. 4		погр. 6			
Возраст, лет	30-35		20-22		20-25		20-25		30-35			
сторона	правая	левая	пра-вая	левая	пра-вая	левая	пра-вая	левая	пра-вая	ле-вая	n	X
Плечевая кость												
1.Наибольшая длина			307	304	240	238	307	306	305	308	4	289,4
7.Наим. окружность			58	57	46	45	50	51	49	50	4	50,8
Локтевая кость												
1. Наибольшая длина		240			225	223	235	230	228	230	4	228,5
3.Наим. окружность		30			31	30	30	31	34	33	4	32,0
Лучевая кость												
1 Наибольшая длина		220	213	212	216	211	215	217	220	223	5	215,9
3. Наим. окружность		38	35	34	30	29	40	39	32	33	5	34,0
Бедренная кость												
1. Наибольшая длина		404	402	401	390	386	397	398	406	402	5	397,8
2.Физиол. длина		400	399	398	382	380	395	397	403	388	5	392,8
10. Окружность середины диафиза		81	85	84	66	66	72	72	68	67	5	72,5
Б.берцовая кость												
1.Полная длина		348	336	335	326	325	338	340			4	333,3
1а. Наибольшая длина		350	340	340	330	330	338	340			4	336,3
10.Наим. окружность диафиза		63	70	69	59	58	65	64			4	64,2
М.берцовая кость												
1.Наибольшая длина	342	340	336	335	320	320	335	336			4	330,3
Ширина таза			257			256		215			4	242,7
Рост по: Л. Мануврие	157,0		156,0		153,2		154,6		154,1		5	155,0
Е. Ролле	155,7		154,0		151,2		160,1		156,5		5	155,0

Таблица 7

Рост (длина тела) по формулам: Памятники	Л. Ма-нуврие	М.Троттер, Г. Глезера	К. Пирсона	В.В. Бунака	Г.Ф.Дебеца	А.И.Ярхо, Л. В.Ошанин, Н. Рысназаров	Длина тела (суммарно)	Вес (кг) Г.Ф. Дебеца
Кырк Шопан, XIII-XIV вв.	155,0	155,7	153,4	152,8	152,6	-	153,9	48,3
Миздахкан, XIII-XIV вв.	154,1	158,3	153,0	153,8	151,1	-	154,8	48,6
Джанпыкыла, XII-XIII вв.	153,5	161,7	153,3	155,1	152,0	-	155,1	49,1
Ток-кала IX-XII вв.	153,4	157,1	151,3	155,3	153,1	-	154,1	48,0
Миздахкан, IX-XII вв.	149,4	155,3	149,6	147,3	146,9	-	149,7	48,4
Наринджан, IX-XI вв.	151,3	157,8	151,7	153,6	-	-	153,6	-
Узбой, XIII-XIV вв.	153,0	158,7	153	154,8	-	-	154,1	-
Караумбет, X-XIII вв.	158,7	162,0	157,0	157,2	-	-	158,7	-
Современные каракалпаки Чимбая и Кегейли	-	-	-	-	-	155,4	155,4	-
Современные каракалпаки Ходжейлийского р-на	-	-	-	-	-	157,5	157,5	-
Представители рода ходжа Каракалпакстана	-	-	-	-	-	158,1	158,1	-
Каракалпаки Каракалпакстана (сумм.)	-	-	-	-	-	156,9	156,9	-
Совр.узбеки Мангыта	-	-	-	-	-	155,9	155,9	-
Совр. узбеки Хивы	-	-	-	-	-	154,2	154,2	-

нием формул Л. Мануврие, М. Троттер и Г. Глезера, К. Пирсона, В.В. Бунака, Г.Ф. Дебеца [Алексеев, 1966]. Она по современному межгрупповому масштабу оказалась средней. Вес, определенный по формуле Г.Ф. Дебеца, составил 48,3 кг.

Межгрупповой анализ длины тела и веса проводился на материалах эпохи средневековья из Южного Приаралья. Результаты показали, что средневековое население право- и левобережья дельты Амударьи характеризовалось средней длиной тела и средним весом (Миздахкан, Джанпык-кала, Ток-кала, Наринджан, Узбой, Караумбет на Устюрте). Для сравнения морфологии средневекового и современного населения Южного Приаралья были привлечены данные по современному населению этого региона, представленные в исследованиях Л.В. Ошанина [1928], А.И. Ярхо [1952] и Н. Рысназарова [1988]. Наиболее близкими по длине тела к средневековым группам оказались каракалпаки Ходжейлийского, Чимбайского, Кегейлийского районов, а также узбеки с. Мангыт Республики Каракалпакстан и Хивы Хорезмской области. Исследование динамики длины тела в Средней Азии, в частности в Южном Приаралье, проведенное автором [Ходжайов, 1987], показало, что в этом регионе длина тела стабилизировалась примерно в середине I тыс. н.э. и в дальнейшем заметных изменений не претерпевает.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Абу Райхон Бируни. Избранные произведения. Т. VII. Ташкент,1987.

Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М., 1966.

Ал-Макдиси. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. М.-Л., 1939.

Бунак В.В. Соотношение длины сегментов и полная длина по измерениям на скелетах // Вопросы антропологии. Вып.7, 1961.

Гохман И.И. Угол поперечного изгиба лба и его значение для расовой диагностики // Вопросы антропологии, вып. 8, 1961.

Дебец Г.Ф. Опыт краниометрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968.

Дебец Г.Ф., Дурново Ю.А. Физическое развитие людей эпохи неолита в Южной Туркмении // Советская этнография, 1971, №1.

Есбергенов Х. Научный отчет об этнографическом изучении поздних погребальных памятников Миздахкана-Гяуркалы // Отчет хранится в архиве ИИАЭ ККО АН РУз. Нукус, 1965.

Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М., 1997.

Ошанин Л.В. Материалы по антропологии Средней Азии. Узбеки Хорезма // Часть II. Бюллетень САГУ, 1928, № 17.

Рысназаров Н. Антропологический состав и вопросы этногенеза каракалпаков. Нукус, 1988.

Туребеков М. Раскопки на мавзолее Кырк-Шопан // Материалы XII научно-теоретической конференции профессорско-преподавательского состава НГУ. Нукус, 1988.

Ходжайов Т.К. О преднамеренной деформации головы у народов Средней Азии в древности // Вестник КК ФАН Уз ССР. №4. Нукус, 1966.

Ходжайов Т.К. Палеоантропология Средней Азии и этногенетические проблемы // Автореф. дисс…. д.и.н. М., 1981.

Ходжайов Т.К. Этнические процессы в Средней Азии в эпоху средневековья (антропологические исследования). Ташкент, 1987.

Ходжайов Т.К. Обычай преднамеренной деформации головы в Средней Азии // Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии. Серия «Этническая антропология Средней Азии». Вып.2. М., 2000.

Ходжайов Т.К. География и хронология преднамеренной деформации головы в Средней Азии // Opus: Междисциплинарные исследования в археологии. Вып.5. М., 2006.

Ходжайов Т.К. Население позднефеодальной Бухары. М., 2007.

Ходжайов Т.К., Ходжайова Г.К. Монголоидность у населения Средней Азии и ее эпохальные изменения // Среднеазиатский этнографический сборник. Вып.IV. М., 2001.

Яблонский Л. Т. Некрополи древнего Хорезма // Археология и антропология могильников. М., 1999.

Ягодин В.Н., Ходжайов Т.К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970.

Якут. Материалы по истории туркмен и Туркмении Т. I. М.-Л., 1939.

Ярхо А.И. Антропологический тип каракалпаков // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. I. М., 1952.

Ж.Х. Хакимниязов
Каракалпакский Государственный
университет имени Бердаха, (Нукус)

МЕМОРИАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ В ЭПОХУ ХОРЕЗМШАХОВ

Мавзолеи, как наиболее монументальный вид мемориальных сооружений, широко распространены в средневековом мусульманском Востоке. В комплексе культовых сооружений средневекового Хорезма, в частности, как и в Центральной Азии в целом, мавзолеи составляют самую значительную часть религиозных построек. Самобытность архитектуры средневекового Хорезма характеризует исключительная массовость погребально-культовых сооружений, разнообразие, оригинальность типов памятников, их высокохудожественное решение, цельность и законченность форм. Вышеизложенное диктует необходимость всестороннего изучения указанного комплекса памятников как историко-культурного феномена.

Мавзолей Ак-Сарай Динг (XI-XII вв.) построен из жженого кирпича размерами 27х27х4,5 см (варианты длины сторон 26-28 см) на глиняном растворе. Здание, по крайней мере, один раз, подверглось реставрации, в процессе которого нижний этаж был обложен ступенчатым пахсовым футляром на пяти уступах, в основание которого была введена камышовая прокладка для защиты от подпочвенных солей.

Памятник двухэтажный. Первоначально первый этаж, квадратный в плане (6,6х6,6 м), имел прямые стены, контур которых прослеживался лишь поверх пахсовых футляров. Здесь же имелся сквозной проход шириной 1,9 м, перекрытый стрельчатым сводом. Толщина боковых стен около 2,3 м.

На юго-западном фасаде сохранились кирпичные пилястры, обрамляющие арку прохода и фланкирующие углы.

Второй этаж - в плане квадратный (3,88х3,67 м), с четырьмя сквозными арками по осям. Его композицию определяет объем, близкий к кубу, над которым возвышается невысокий цилиндрический барабан и отделенный полосой кирпичных сталактитов конус наружного шатрового купола. В интерьере – также трехчастное членение: над стенами, вписанными в них сквозными арками, расположен восьмигранник парусов, а над ним почти полусферическая, но с заостренным в ключе скуфья внутреннего купола. Нитевые паруса имеют ячеисто – консольное заполнение углов из пяти последовательно впущенных рядов кирпичной кладки.

Ак-Сарай динг Н.М. Бачинским определен как мавзолей [Бачинский, 1950, с. 22]. Г.А. Пугаченкова считает, что с первого взгляда это как будто бы и так, а между тем, ряд соображений противоречит такому предположению. Прежде всего, она обращает внимание на ориентацию постройки, как этого требует мусульманская похоронная обрядность, и самое главное на отсутствие следов от надгробия. Ак–Сарай динг стоит на территории старого кладбища, но с никаким культом, который обязательно слагается вокруг старинных могил в среде местного населения не связан. Исходя из этих соображений, Г.А. Пугаченкова не исключает возможности, что Ак-Сарай динг - памятник гражданской, а не культовой архитектуры. Памятник датирован XI - XII вв. [Пугаченкова, 1963, с. 118-121].

Первоначальный облик Ак-Сарай динга был, по мнению С. Хмельницкого, несколько иным, чем теперь – об этом свидетельствуют прямоугольные отверстия от крупных балок в верхней части всех четырех фасадов чортака, по 4 отверстия на каждой стороне и по одному на углах. Балки, которые были вставлены в эти гнезда и которые, несомненно, несли кровлю-навес, должны были иметь опору в виде ряда стоек - колонн.

Мавзолей Сарлы-Там Инкардарьинский (XI-XII вв.).

В плане квадратной формы размерами около 10х10 м. Здание построено из жженого кирпича, размерами 27х27х4,5 см и 23,5х13,5х4,5 см. Внутренний квадратный купольный зал с длинной стороны 7,05 м окружен глухими стенами, одна прорезанная входом толще других. Из-за этого внешний контур плана немного вытянут: 9,85х10,20 м. Четверик, высотой всего 1,5 м, не отделен от такого невысокого октагона - их общая высота составляет 3,5 м. Тромпы представляют собой три вписанные одна в другую арки, причем основание у внутренней малой арки ниже, чем у других. Неглубокие ниши на осях помещения перекрыты остроконечными стрельчатыми арками.

Купол высотой около 6 м – в форме выпуклого конуса, с круглым люком почти коническим в вершине. Его свесы над углами октагона поддерживаются небольшими стрельчатыми нишами, на ганчевой штукатурке—следы росписи. Внутри девять могил, расположенных в два ряда [Толстов, 1962, с. 281].

Портал, растянутый во всю ширину здания, за исключением разрушенной верхней части, имеет хорошую сохранность. Входная ниша посреди фасада, шириной 2,7 м и глубиной около 1 м, перекрыта аркой остроконечного, характерного для этого здания, очертания. Клинчатую кладку арки, так же как и арку у входа, перекрывает ряд плашмя уложенных кирпичей. Арка вставлена в многослойное прямоугольное обрамление, состоящее последовательно из Х-образных выступающих и западающих частей: шестикратно чередующиеся рамы охватывали всю поверхность фасада только на углах, оставив место для круглых стержней-колонок диаметром около 40 см. Узкие западающие полосы обрамления облицованы резной терракотой. По этому декору мавзолей датирован XI-XII вв. [Толстов, 1962, с. 280-281, рис. 182]. Однако обосновать домонгольское время строительства мавзолея, как считает С. Хмельницкий, можно и другим, более надежным способом, так как резные терракотовые облицовки употреблялись и в XIV-XV вв. [Хмельницкий, 1996, с. 183]. По его мнению, неглубокая конка, которой перекрыта портальная ниша, разделена пополам полуаркой-аркбутаном, упирающейся изнутри в арки – точно так, как это было сделано в мечети Магоки Аттори и мавзолее Айша - биби. Угловые свесы конюхи опираются здесь на ячеистые рельефные паруса – пятирядные кирпичные, расширяющиеся кверху консоли. Этот редкий прием генетически, связанный, вероятно, с конструкцией заполнения тромповых ниш, возник в IX-X вв. и в послемонгольское время совершенно неизвестен.

Мавзолей Иль Арслана (XII в.) расположен юго-восточнее минарета Кутлуг Тимура, южнее мавзолея Текеша, в плане квадратный, размерами 6,6х6,34 м и ориентирован по странам света, главным фасадом на восток. По определению В. Пилявского, это небольшое здание воздвигнуто над прахом хорезмшаха Иль Арслана, правившего в 1156-1172 гг., отца хорезмшаха Текеша [Пилявский, 1974].

Помещение в плане квадратное, размерами 3,5х3,6 м. Четыре осевые ниши шириной 1,75 м и глубиной около 0,55 м делают квадратное помещение мавзолея крестообразным. Своды ниши сложены параллельными отрезками, и как будто бы, продолжаются глубже щипцовых стен, которые выглядят закладками. Высота помещения вдвое превышает его стороны. На высоте около 3,5 м от пола расположена подкупольная конст-

рукция, - здесь это не обычный октагон с угловыми тромповыми арками, а сталактитовые ячеисто–выемчатые паруса с ячейками в ярусах.

Мавзолей Иль Арслана был перекрыт двойным куполом, т.е. внутренним куполом и внешним шатром. Внутри мавзолея расположена большая сагана, разросшаяся, по видимому, за счет многовековых глиняных штукатурок.

Главный фасад с дверью имеет великолепную декоративную отделку, исполненную из орнаментальных выкладок. Кладка образует очень сложный растительный орнамент в трех прямоугольных нишах с арочными западами и великолепной арабской надписью. Рельефная надпись идет по обводу верхней части фасада и переплетается с тонким рисунком растительного, также рельефного орнамента.

Материал постройки – квадратный кирпич со сторонами 22-23-24 см, 5х22-23-24х4 см. Встречаются кирпичи со сторонами 32,5 и 27 см. В лицевой кладке главного фасада употреблен шлифованный кирпич 22х22х5 см. Облицовка барабана выполнена шлифовальным прямоугольным кирпичом размерами 25-26х12х5 см. В декоративной отделке верхних частей здания снаружи были употреблены майоликовые плиты и глазурованные кирпичи. Мавзолей датирован XII в. [Якубовский, 1930; Гражданкина, 1958, с. 166-169; Прибыткова, 1961, с. 189-198; Хмельницкий, 1996, с. 175-179].

Не исключено, что в мавзолее со всех сторон, кроме восточной был склеп, ширина около 1,5 м, который, по-видимому, одного происхождения с мавзолеем. На западе также обнаружен склеп фамильных захоронений – Каум-мазар, более позднего происхождения.

Мавзолей Шахсанем (XII-начало XIII вв.). В 300 м севернее северо-западного угла городища Шахсанем расположены развалины небольшого здания мавзолея размерами 5х9 м. Стены его сложены из пахсовых блоков, в нем два помещения. В северном помещении найден обломок алебастровой плиты с арабской надписью.

В результате раскопок выяснено, что мавзолей является семейной усыпальницей. Обнаружено шесть надгробий, причем одно их них – меньше размером, чем остальные и примыкает вплотную к большому надгробию. Пол помещения покрыт алебастровой обмазкой. Надгробия были украшены резным раскрашенным алебастром. Характер декоративного оформления каждого надгробия индивидуален. Находок в помещении мало (светильник с зеленой поливой, ножичек, несколько фрагментов керамики). Погребения предварительно датированы началом XIII в. [Рапопорт, 1958, с. 400-401].

Мавзолей Текеша (начало XIII в.). Памятник расположен в ста метрах юго-восточнее минарета Кутлуг Темура и является одним из крупнейших сооружений средневекового Хорезма. В литературе до 1940 годов он ошибочно назывался мавзолеем шейха Шерефа, погребенного близ Ашхабада, в ауле Нухур. Среде местного населения мавзолей Хорезмшаха Текеша называется мазаром «Шарап баба».

Размеры здания (стороны четверика 18,5х18,5 м), высокий гофрированный барабан, сталактитовое убранство над входом, голубая майоликовая облицовка конического купола притягивают внимание людей.

Особенно примечателен заполняющий арку портала сталактитами голубой конический шатер, возвышающийся на совершенно необыкновенном высоком «гофрированном» барабане, расчлененным на 24 ниши. Каждая ниша завершена сталактитами. Острые двугранные ребра отделяют ниши друг от друга.

Барабан орнаментально выложен из желтого шлифованного кирпича со вставками из голубых изразцов типа “бантиков”. “Гофрировка” барабана ребрами большого рельса – своеобразный пережиток древней архитектуры, когда сырцовые наружные стены

мешков были выполнены в виде непрерывного ряда полуцилиндров, по верху объединенных перспективными арками. Остатки таких сооружений сохранились в древних памятниках Хорезма и Мерва. Они характеризуют сырцовую архитектуру периода раннего средневековья.

Благодаря своеобразному решению наружной поверхности, подконусный барабан в плане имеет вид правильной 24-конечной звезды с восьмиугольным и внутренним подкупольным контуром.

Под карнизом конического шатра по кругу цилиндра тянется сплошной голубой фриз с выпуклой арабской коранической надписью (ныне остались лишь фрагменты). Конус шатра в нижней части опоясан орнаментальной полосой из голубых контурных ромбов: выше шатер на 2/3 сплошь облицован голубым изразцовым кирпичом, выложенным в “елку”.

Пространство мавзолея внутри так же величественно, как и его внешний образ. Высокий стрельчатый купол (высота от пола около 18 м) перекрывает квадратное обширное помещение (стороной, равной 11,45 м). В мощных стенах (толщиной 3,5 м), окружающих помещение, устроены глубокие стрельчатые ниши со сталактитовыми перекрытиями.

На четырехгранном основании – восьмигранник с двумя ярусами парусов: ниже – сталактитовые (в 3 ряда сталактитов) и выше – арочные, с граненой глубинной поверхностью. Паруса шестнадцатигранники, совершенно необычные для среднеазиатского зодчества – в виде вписанных в полукруглые ниши семилопастных раковин, выполненных в штукатурке.

На куполе, как бы пунктиром, черными точками рисуется 12-конечная звезда, исполненная вставками гончарных сосудов, обращенных отверстиями к низу, или труб.

Внешний конический шатер, выложенный горизонтальными рядами кирпича напуском, покоится на радиально расположенных двенадцати кирпичных контрфорсах, опирающихся на конструктивный внутренний стрельчатый купол.

В кладке мавзолея использован кирпич размерами 29х29х6 (6,5) см при швах, достигавших 2,5 см. В конструкции стен, купола и шатра большую роль играли деревянные арочные балки. Они способствовали равномерному распределению нагрузок и служили элементом в кирпичной кладке. Сейчас все деревянные части отсутствуют, в результате чего памятник разрушается.

К северному фасаду мавзолея ранее примыкало какое-то другое значительное здание. Следы в виде остатков примыкавших стен и теперь еще видны на портале, который тогда, очевидно, являлся внутренней стеной этого здания, и вся композиция ансамбля была иной.

При раскопках внутреннего помещения мавзолея захоронений не обнаружено. Только, в западной стороне, под стрельчатой нишей ближе к полу выявлен проход, расположенный снаружи в Каум-мазар. Склеп, хотя и сложен из кирпича XII в., создает впечатление более позднего происхождения, относящего его к XIV-XV вв. [Якубовский, 1930, с. 44, Пилявский, 1948, с. 38].

Безымянный Мавзолей № 2 (XII – нач. XIII вв.). Между мавзолеем Мазлымхансулу и бугром Джумарт-кассабом на городище Миздахкан, в результате раскопок обнаружен мавзолей в плане квадратной формы, размерами 4,4х4,3 м (внутренний размер). Стены возведены из сырцового кирпича размером 21х21х3,5-4 см. Толщина стен 0,8 м, сохранившаяся высота 0,7-0,9 м. Проход шириной 1,08 м находится в середине юго-западной стены. Пол, как и стены здания, находящиеся на 0,6-0,8 м ниже от уровня ок-

ружающей дневной поверхности, выстлан жженым кирпичом размерами 24-25-26х24-25-26х4,5 см и сверху покрыт алебастровой обмазкой. Обнаружено 6 надгробий, причем три из них меньших размеров и поставлены они в одну линию с востока на запад. Надгробия сделаны следующим образом: один кирпич выкладывался с другим в виде буквы “Л”. Возле надгробия № 1 обнаружен оригинальный светильник. Не исключено, что в западном конце у каждого надгробия находится суфа, в плане квадратной формы, размерами 3,3х3,25х0,14 м.

В западном углу помещения обнаружена кирпичная конструкция размерами 24х28х32 см. На ней находился чашеобразный светильник. Керамические находки отнесены к XII-XIV вв. Кроме того, в верхнем слое штукатурки юго-восточной стены обнаружена медная монета, чеканенная в Хорезме от имени Бердибека в 79 г.х. (1357-1358 гг.). Исходя из этого, последний ремонт памятника датируется серединой XIV века.

Судя по керамическим и нумизматическим материалам исследователи не исключают возможности строительства мавзолея в хорезмшахский период [Хожаниязов и др., 1989, с. 69-70: Хожаниязов, Юсупов, 1994, с. 15].

Безымянный Мавзолей № 1 (начало XIII в.) расположен в 60-70 м к востоку от здания мавзолея Халифа Ережеп на городище Миздахкан. Здесь в 1989 г. Г. Ходжаниязовым был заложен раскоп II площадью 100 кв. м, в результате которого выявлен небольшой мавзолей, прямоугольный в плане, размером 9х6 м. Главный фасад с пештаком ориентирован на юг. Стены возведены из сырцового кирпича размерами 20-21х20-21х3,5-4 см и облицованы жжеными кирпичами того же размера. Установлено, что под стены засыпан нивелировочный аллювиальный песок толщиной 6-8 см. Мавзолей включает одно помещение, квадратное в плане (4,6х4,4 м), с глубокой нишей (2,8х1,6 м) на северной стене и мелкими нишами в остальных стенах. Пол выложен из жженых кирпичей 21-22х21-22х3,5-4 см и сверху обмазан алебастром.

Внутри мавзолея помещалось два надгробия. Лучше сохранилось надгробие № 2, состоящее из двухступенчатого цоколя и основного надгробия, облицованного обыкновенными шлифованными кирпичами. Они образуют не очень сложный шахматный орнамент в трех прямоугольных нишах. При вскрытии его обнаружено два захоронения: останки женщины лет 25-30 без черепа, и младенца; в надгробии № 1- останки мужчины лет 40-45. Судя по стратиграфии, сначала была построена погребальная камера № 1, а затем № 2. Время существования мавзолея точно устанавливается по обнаруженным на полу медным монетам, чеканка хорезмшаха Мухаммеда ибн Текеша, битая в 610 году (1213-1214 гг.).

Мавзолей с южной и западной сторон был обнесен подпорными стенами. С восточной стороны, впритык к мавзолею обнаружена прямоугольная погребальная ограда (6,8х8 м) [Ходжаниязов и др., 1989, с. 68-69; Ходжаниязов, Юсупов, 1994, с. 15].

Мавзолей Джанпык-Кала (нач. XII в.) располагался на северной стороне средневекового городища Джанпык-кала, состоял из двух мавзолеев, имевших одинаковую планировку и конструкции. Оба мавзолея возведены из сырцового кирпича размерами 30-34х34х5 см без фундамента. В плане они квадратной формы, размерами 7,3х7,3 м и ориентированы по частям света. Судя по сохранившимся архитектурным деталям, они имели восьмигранные шатровые перекрытия. Вход обычный, портал отсутствует. Стены мавзолея не имеют признаков каких-либо декораций. В результате раскопок в помещениях мавзолеев (6х5 м) обнаружено одиннадцать захоронений. Исследовавший мавзолей археолог Ю.П. Манылов из-за отсутствия каких-либо археологических материа-

лов воздержался от датировки памятника [Манылов, Ходжайов, 1972, с. 73-78]. Археолог М.-Ш. Кдырниязов предлагает отнести памятник к золотоордынскому периоду [Кдырниязов, 1989, с. 117-117], с чем согласиться трудно, так как стандарт сырцовых кирпичей, который использован в строительстве мавзолея, не характерен для золотоордынского времени.

Исследование мемориально-культовой архитектуры средневекового Хорезма приводит к интересным выводам не только историко-архитектурного значения, но и более широкого историко-культурного, культурологического плана. Как видно, длительная традиция возведения мемориальных сооружений выработала собственный стиль в архитектурных решений, основанный на глубокой местной традиции. Генезис прослеживается, что особенно заметно на мавзолеях Хорезма, развивающих традиционную хорезмийскую идею шатровой усыпальницы. Несомненны перспективы дальнейшего исследования самого мемориально-культового комплекса Хорезма, в частности, по таким проблемам, как завершение полного территориального обследования (прежде всего на окраинах), типология мавзолеев, эпонимия культовых комплексов (в связи с культом святых), синтез искусств, эпиграфика памятников и т.д. Разработка этих вопросов, безусловно, будет способствовать решению по-прежнему являющихся актуальными задач охраны, реставрации и использования замечательных памятников народной архитектуры Хорезма.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бачинский Н.М. Архитектурные памятники Туркмении // АКД, М., 1950.

Гражданкина Н.С. Древние строительные материалы Туркмении // Труды ЮТАКЭ. Т.8. Ашхабад, 1958.

Ибрагимов Н. Ибн Батутта и его путешествия по Средней Азии. М., 1988.

Кнозоров Ю.В. Мазар Шамун-наби // СЭ, № 2. М.,1949.

Пилявский В.И. Куня-Ургенч. Л., 1974.

Пилявский В.И. Ургенч и Миздакхан. Л., 1948.

Прибыткова А.М. Мавзолей Фахрад-дин Рази в Куня-Ургенче // Архитектурное наследство. №13. М., 1961

Пугаченкова Г.А. Материалы к истории Хорезмского зодчества // МХЭ. Вып. 7. 1963

Рапопорт Д.А. Раскопки городища Шах-Санем в 1952. // ТХАЭЭ. Т.2. М., 1958.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.

Хакимниязов Ж.Х. История изучения общественно-культовых сооружений средневекового Южного Приаралья (X-XV вв.) // Археология Приаралья. Вып.VI. Нукус, 2003.

Хакимниязов Ж.Х. Қубла Арал бойындағы сыйыныў естеликлери. ВКФ АН РУз.№ 1, 1998.

Хмельницкий С.Г. Между Саманидами и монголами (Архитектура Средней Азии XI - начало XIII вв.). Берлин-Рига, 1996.

Хожаниязов Г. Археологические исследования в некрополе Миздакхана // ВКФ АН РУз. № 3. 1989.

Хожаниязов Г., Юсупов Н. Культово-погребальные сооружения II -XIV вв. на некрополе древнего Миздакхана. Новые исследования // Тезисы докладов научно-практической конференции “Ходжейли-древнейший город Республики Каракалпакстан”. Ходжейли, 1994.

Хожаниязов Г., Юсупов Н. Новые данные о комплексе Шамун-Наби // ВКФ АН РУз,№ 4, 1997.

Ягодин В.Н.,Ходжайов Т. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970.

Якубовский А.Ю. Развалины Ургенча // ИГАИМК. Вып.2. Т. IV., Л., 1930

М.-Ш. Қдирниязов, Б. Бекниязов
Бердах номидаги Қорақалпоқ давлат университети, (Нукус)

ХОРАЗМШОХЛАР ДАВЛАТИНИНГ САВДО АЛОҚАЛАРИ (XI-XIII АСРЛАР)

Хоразмшохлар-Ануштегинлар сулоласи Оловуддин Мухаммад даврида (1200-1220) ғарбда Ироқдан, шарқдан Ҳиндистонгача, шимолда Манғишлоқ ва Орол денгизидан, жанубда то Ҳинд океани соҳилларигача бўлган ҳудудда катта ва кучли буюк империя-давлати ташкил қилинди. Бу иқтисодий ҳаётнинг фаоллашувига, шаҳарларнинг ўсишига, ҳунармандчилик ва савдонинг ривожланишига олиб келди. Хоразмшоҳлар даврида воҳанинг қишлоқ ва шаҳарлари йирик савдо марказларига айланди. 1219 (ҳижрий 616 йил) йилда Хоразмда бўлган Йақут ал Ҳамавий Хоразмни Жайхун соҳилида жойлашган аҳолиси кўп, катта шаҳар эканлигини қайд этиб, «Хоразм шаҳарлари, савдо бозорларига эга, бозор майдони бўлмаган қишлоқлар йўқ», «унга (яъни Хоразмга) юкланган савдо карвонлар келади ва кетади» деган маьлумот беради [МИТТ, 1939, с. 419]. Ушбу маьлумот Ўрта Осиёлик тарихчи олим Жамол Қарший 1302 йилда ёзган «Ас-суроҳ мин ас-Саҳоҳ» («Фойдали мулоҳазадан келиб чиққан гап») номли асарида ҳам қайд этилади. Асарда Хоразмшохларга тегишли Сирдарё бўйидаги Жанд шаҳрининг савдодаги аҳамияти кўрсатилган [МИСА, 1988, с. 126; Ахмедов, 2001, 140-б.]. Хоразм савдоси тараққиётига иқтисодий алоқалар ва карвон йўллари ва савдо-сотиқ муносабатлари катта таъсир кўрсатган. Хоразмлик савдогарлар шарқ давлатлари ва шаҳарларига доимий равишда тижорат ишлари билан борганлар. Ал-Истахрий (930 -933 йй.) «Хуросонда биронта катта шаҳар йўққи, унда кўплаб Хоразм аҳолиси яшамасин»- деб таькидлайди [МИТТ, 1939, с. 180]. Хоразмшох-Ануштегинлар саройида хизмат қилган, машҳур шоир Рашидиддин Ватвот (XII аср) ўзининг Ироқдаги Хоразм ноибига ёзган мактубида Усмон ибн Исмоил Хоразмий исмли савдогарга ғамхўрлик қилишни илтимос қилгани ҳақида маьлумот беради [Буниятов, 1986, с. 136]. Хоразмлик тижоратчилар қаторида тарихдан машҳур савдогар Маҳмуд Ялавоч Хоразмийга тегишли маьлумотларда Хоразмшоҳларнинг катта савдо карвонлари Хитой каби олис юртларга борганлиги ёзилган [Бартольд, 1963, с. 544]. Бу ёзма манбалар маълумотларини археологик тадқиқот-лардаги топилмалар анча тўлдиради. Лекин Хоразмшоҳлар-Ануштегинлар давридаги вилоятнинг савдо алоқалари тарихшунослик адабиётларида махсус ўрганилган эмас. Шу туфайли бизнинг илмий тадқиқотимизда Хоразмнинг XI-XIII асрдаги Евросиё давлатлари билан савдо алоқалари тарихини асосан, археологик топилмаларни ёзма манбалардаги маьлумот билан аниқлаш ва таққослаш йули билан ўрганиш вазифаси қўйилади.

Тарихий манба ва археологик адабиётларда учрайдиган маьлумотлар Хоразмшоҳлар даврида вилоятнинг Ўрта Шарқ, Рус, Волга бўйи Бўлғорияси, Ҳиндистон ва Хитой билан савдо алоқалари мавжудлигини таъкидлайди. XI-XIII

асрларда Хоразмшоҳлар аскарлари Ўрта Шарқ ҳудудларини, жумладан 1201 йили Марв ва Нишопурни, 1204 йили Ҳирот, 1217 йили Ғазна, Ироқ ва бошқа ўлкаларда 400 га яқин элат, вилоятлар, қишлоқ ва шаҳарларни эгаллади [Буниетов, 1986, с. 101-107]. Бу шаҳар, қишлоқлар Ал Йақут таъбири билан айтганда «савдо масканлари» эди. Ўша маконларда ҳунармандчилик ҳам юқори даражага кўтарилган. Хоразмшоҳлар-Ануш-тегинлар давлати шаҳарларида ҳунармандчиликнинг 50 дан зиёд асосий тури мавжуд эди [Буниятов, 1986, с. 102].

Бу олдинги даврлардагидек (Хоразм-Сомонийлар), ҳунармандчиликнинг ноёб маҳсулотлари ташқи савдонинг Волга буйи, Эрон, Мовороуннаҳр, Хитой мамлакатлари билан алоқаларини қўзғовчи омил ҳисобланади. XI-XIIаср бошидаги Хоразмнинг Ўрта Шарқ билан савдо алоқаларининг мавжудлигини археологик топилмалар мукаммал ёритишга асос бўла олади. 1957 йили Қўҳна Урганч шаҳридан рангдор кошин идиши ва ярим ёпиқ коса таги топилган. Топилма ички ва ташқи тарафидан оқ рангли, шишасимон сир билан қопланган ва устки тарафига сир остида рангдор (қизил, кўк, мовий) эмаль билан нақшлар туширилган. Нақшлар икки белбоғ шаклига бўлиниб, пастки қисмида афсоновий ҳайвонлар-ярим грифон (кузғун), ярим арслон ва қанотли сфинкслар тасвири чизилган. Устки кисми эса геометрик шаклдаги (чизиқлар, вергул) нақшлар билан безалган [Вактурская, МХЭ, 1960, с. 191-192]. Кўҳна-Урганч топилмасига ўхшаш коса таги Султон Вайс тоғ тизмалари чеккасида жойлашган Жампиқ қаьла [Доспанов, 1999, 95-б.] ва Қарлуклар давлати (XI-XIIаср) маркази бўлган Жанубий Қозоғистондаги Қояли (Антоновка) ёдгорликларида топилган [Байпаков и др., 2007, с. 63]. Лекин бу каби топилмалар Хоразм, Қозоғистон худудларида кам учрайди. Аммо Ўрта Шарқда, жумладан Эроннинг Рай, Кошон, Султонобод шаҳарлари ва Жанубий Туркманистоннинг Дехистон топилмаларида кўплаб аниқланган [Pope, 1939, p. 1559-1566]. Бу каби ноёб кошин маҳсулотлари археологик адабиётларда «минай» туридаги сополлар деб номланган. Бу топилмалар XI-XIIасрларга тегишли Хоразм хумдонларида учрамаганини ҳисобга олсак, Хоразм шаҳарларидан топилган «минай» сопол идишлари жанубдан савдо алоқалари туфайли олиб келинган, деган фикр туғилади. Хоразмнинг Ўрта Шарқ давлатлари билан савдо алоқаларини бошқа сопол идиш тури «люстра» деб номланган маҳсулот топилмалари тасдиқлайди. Люстра сопол идишлари намуналари Дарьялык кўл ҳавзаси, Қават қаъла шаҳри, Қизил қалъа, Миздахқон, Шемаха қаъла ва бошқа ёдгорликларида қайд этилган [Вактурская, 1952, с. 184; Вактурская и др., 1959. с. 165; Неразик, 1976, с. 190; Рапопорт, 1958, с. 413; Хужаниязов и др., 1989, с. 91-101;Кдирниязов, 2006, с. 122-124]. Лекин «люстра» туридаги қимматбаҳо маҳсулот XI-XIIасрда Хоразмда чиқарилмаган. Жумладан, 1333 йилда Хоразмда бўлган Ибн Баттута маҳаллий зодагонлар уйида ироқий шиша идишлар билан бирга люстра маҳсулотлари бўлганлигини ёзган [Иброхимов, 1993, 60-62 бб.]. Яъни, савдо алоқалари туфайли Хоразмга Миср, Сурия, Фаластин каби Шарқ давлатларидан ноёб сопол маҳсулотлар келтирилган.

Ўрта асрларда Хоразмга Форс ҳавзаси элатларидан машҳур газламалар (казерун, добикс) билан хўжалик махсулотлари (шакарқамиш, хурмо, майиз, хом ипак, гилам, жун, момиқ, зайтун ёғи, ёнғоқ), тақинчоқ-маржонлар ва ноёб металл буюмлар савдо моллари сифатида олиб келинган. Археологик тадқиқотлар вақтида Эрон мисгарлигига оид кандакорлик маҳсулотлари Хоразм шаҳарларидан топилган. Жумладан, Шоҳсанам (Субурна) ёдгорлигидаги қуйма услубда бронзадан

тайёрланилган қуйма қозон аниқланиб,у бўрттирма нақшлар ва ёзувлар билан безатилган[Рапопорт, 1958, с. 416-417]. Қозонга ўйма усулда ёзув ёзилмасдан олдин асосий фон чиқарилиб, идишнинг юқорги қисми текисланган ва ёзув эпиграфик нақшга айлантирилиб безатилган. Қозондаги ёзувлар, машҳур шарқшунос ва тадқиқотчи М.М.Дьяконов томонидан ўқиб чиқилган. Ёзувларда буюм эгасига эзгу ниятдаги «…марҳаматли худодан бахт ва соғлиқ, марҳамат, қувонч» сўзлари каби яхши тилаклар битилган [Рапопорт, 1952, с. 417]. Иккинчи белбоғдаги ислимий ва ҳандасий нақшлар устига куфий ҳуснихатида ёзувлар битилган бўлиб, улар орасидаги тўртта чамбарга афсонавий ҳайвонларнинг услублаштирилган тасвири туширилган. Улардан иккитаси тутқа қулоқчаси тагида жойлашган, буларда қуён кўринишидаги ҳайвоннинг чапга томон чопаётгани, бошқа иккита чамбаракда афсонавий ҳайвон бурака (сфинкс) тасвирланган. Қозон марказининг юқорги томонидаги чамбаракда узун бўйинли қуш (лайлак) тасвирланган. Ўрта Осиёда қадимдан ҳунармандчилик буюмларига (темирчмилик, тош, сопол идишларга) қуш ва ривожланган ўрта асрга келиб қуён тасвири туширилган [Лунина, 1977, с. 129; Федоров-Давидов, 1976, с. 130-131; Кдырниязов, 1989]. XI-XIIасрлардан Ўрта Осиё, Эрон ва унга қўшни бошқа халқларда қушларни жонзот сифатида эмас, балки «бахт қуши» рамзида тасвирлашган. Қуш тасвири туширилган буюмлар илоҳий ҳисобланиб, қуш бахт ва бойлик олиб келади деб ҳисобланган.

Қозон тайёрланиш услуби, эпиграфик ўзига хослиги ва қўшни худудлардаги ёдгорликларда ўхшаш турларининг тарқалиши XIIасрнинг иккинчи ярми билан белгиланади. Ўхшаш қозонлар Жанубий Туркманистоннинг XII-XIIIасрлар бошидаги Шаҳри-Ислом ёдгорлигидан топилган [Атагарриев, 1973, с. 67-68]. Бу каби қозонлар Мовароуннаҳрнинг X-XIасрлар биринчи ярмидаги Чағониён ёдгорлигида ҳам учрайди [Ильясов, 1998, с. 8]. Бу даврда савдо-сотиқ ва маданий алоқалар натижасида куфий, насх ҳуснихатида идиш соҳибига сиҳат-саломатлик, бахт-саодат, қут-барака каби эзгу тилаклар битилган бронза қозонлар Хуросон, Мовароуннаҳр ва Хоразм худудларида тарқалган. XI-XIIIаср бошида Хоразмнинг савдо алоқалари Хитой шаҳарлари билан ҳам олиб борилди. Бизгача етиб келган Хоразхмшохлар даврига таалуқли моддий маданиятнинг анчагина тарихий ёдгорликларида ва ёзма манбаларда Хоразм-Хитой алоқалари тўғрисида маьлумот бор. Жумладан, вилоятнинг Шемаха қаъла, Кўхна Урганч, Миздаҳқон каби ёдгорликларида Сун сулоласи тангаси (XIаср), кобальт, селадон туридаги чинни идишлар, уйларни иситиш мосламаси – суфали ўчоқ (канн) каби янги моддий маданият намуналари учрайди [Вактурская, 1959, рис. 4; Кдирниязов, 2000, с. 36]. Хоразмдан Хитойга асосан транзит маҳсулотлар чиқарилган. Улар жумласига Шарқий Европадан (Волга буйи Булгорияси) олиб келинган сувсар, тулки, кундуз мўйналари, кийим кечаклар киради. Вилоятнинг Хитой билан алоқалари тўғрисида ёзма манбаларда ҳам маьлумотлар бор. Юан сулоласи тарихи («Юан ши») асарининг «Сизубяо» («Ғайри авлодлар шажраси») қисмида, Насавийнинг «Сират Джалаладдин ас Султон», Жувайний «Тарихи жаҳонгушай» асарларида ёзилишича хоразмлик савдогар Маҳмуд Ялавоч ва бошқаларнинг (Ахмед Хўжандий, бухоролик Али Хўжа, ўтрорлик Юсуф Қанка) савдо моллари ичида олтин ипли газлама, занданачи, карбас, пахта матолари, Хитой тоғларидан келтирилган олтин, нефрит ва қиммат баҳоли металл маҳсулотлари, «хуту»-нусуб ал-хутувв (морж, нарвал) тиши, мускус ва оқ туя жуни «таргу» бўлган [Бартольд, 1963, с. 463-464; Хўжаев, 2002, 42-б.]. Ўрта Осиёнинг қадимдан ривожланган урбанизация, ҳунармандчилик ва савдо мар-

казларидан йиғилган бу карвон-савдоси эгалари маьлум даражада компания, бирикмаларга қўшилиб тижорат ишларини юргизган, деган фикр мавжуд.

Хоразм илк ўрта асрлардан Шарқий Европа давлатлари билан савдо сотиқ ва дипломатик алоқалар олиб борди. Бу ҳолат тижорат ишларини ҳам ривожланишига имкон яратган. Ўрта асрларда Каспий денгизи, Волга ҳавзасида жойлашган Хазар ҳоқонлиги (VII-Хаср), Булғор давлати (X-XIVаср) Хоразмнинг иқтисодий алоқаларида катта ўрин тутган. Араб тарихчи-жўғрофик муаллифлари Ибн Хавқал (?-976) ва Ал Макдисийларнинг (985-1000) таъкидлашича Волга бўйи Булғориясидан Хоразмга қирқдан ортиқ номдаги савдо ва хунармандчилик махсулотлари келтирилган. Улар қаторида шарқда қимматбаҳо ҳисобланган сувсар, қундуз, тулки мўйна терилари, уларга ишлов беришда қўлланилган оқ қайин пўстлоғи, асал, мўм, славян ва турк қуллари (ғулом) бўлган. Хоразмдан Хазар ва Волга бўйи Булғориясига қишлоқ хўжалик маҳсулотлари (пахта ип, мева, канакунжут мойи), ҳунармандчилик (мовут, гилам, шойи матолар) ва ширинликлар олиб борилган [МИТТ, 1939, с. 150, 179-180]. Сомонийлар (IX-Хаср), Хоразмшоҳлар (XI-XIIIаср) ва Хоразм –Жучилар маданияти (XIII-XIVаср) даврида Шарқий Европа, Рус элатларига кумуш тангалар кўплаб чиқарилди. Ҳатто Ибн Руста (903-913) «Қимматли боҳалар» ва Абу Саид бин Заҳкаки Гардизий (1050 й.) «Зайин ал ахбар» асарларида рус ва славянлар фақат шарқда зарб қилинган тангалар билан буюм, маҳсулотлар сотиб олган деган маьлумот беради [Бартольд, 1963, с. 321-324]. Бу жараён аш-Шаш (Тошкент), Самарканд, Бухоро ва Хоразмда зарб қилинган кумуш тангаларнинг Шимол давлатларига (Рус, Скандинавия) кўп миқдорда кетишига ва «сингишига», Ўрта Осиё шаҳарларида эса XI-XIIасрдаги «кумуш инқирозига» олиб келди [Федоров-Давидов, 1980, с. 90]. Савдо алоқалари туфайли Волга бўйларига XI-XIIIасрларда сопол идишларнинг ноёб тури, жумладан сфероконус, сумак, кошин махсулотлари олиб борилди ва маҳаллий идишларнинг янги хилларининг шаклланишига олиб келди [Матвеева, 1976, с. 40].

Хоразмлик тижоратчилар XI-XIIIасрда Кавказ худудлари билан ҳам савдо алоқаларин олиб бордилар. Грузин халқининг шоири Иоане Шавтелининг (XIIIаср) «Христос қўли» («Абдул Мессия») поэмасида «Хоразм сердолиги» ҳақида маьлумот учрайди [Поэзия народов СССР, 1972, с. 1967]. XIIIаср муаллифи Мухаммад ибн Мансур қимматли тошлар каталогида ёзишича: «…фируза Нишабур, Хазан, Керман, Хваризман савдога чиқарилади» деб таъкидлайди [Горный журнал, 1928, с. 10].

Хоразмшоҳлар даврида ички ва ташқи савдо алоқалари учун мис ва кумуш тангалар, дирхамлар, олтин динорлар савдога чиқарилди. Лекин «кумуш инқирози» вақтида вексель, чек каби ишонч қоғозлари (кредит)дан фойдаланилди. Бу тўғрисида ёзма манбаларда маълумотлар бор. Жумладан, хоразмшоҳлар даврида олис юртларга савдо карвонлари катта ҳажмдаги моллар билан жўнатилди. Бу қиммат баҳоли юкни пул эквиваленти билан жўнатиш олис сафардаги хавф-хатарлар, карвон ўтган йўллардаги ўзгарувчан сиёсий вазият туфайли мумкин эмас эди. Ҳолатдан самарали чиқишда кредит усули мақбул бўлиб унда вексель, чекдан фойдаланишнинг икки тарафга хам нафи тегди. Бундай нақд пулсиз алмашув операцияларини мусулмон давлатлари мисолидан кўриш мумкин. Салжуқларнинг Трапезунд порт-шаҳрига таловчилик урушида Ғарб мамлакатлари, Греция ва Рус савдо алоқалари тўхтаб, бундан мусулмон савдогарлари анча зарар кўрди. Чунки мусулмон савдогарлари Европа ва Жанубий-Шарқий Рус, Волга бўйи Булғорияси орасида

воситачилик хизматини бажарарди. Ибн ал Асир (1160-1233) маълумотида кўрсатилишича Калка жангидан (1223 й.) сўнг Жанубий Рус ва ислом давлатлари тижоратчилари орасидаги савдо алоқаларининг тўхташи молларнинг вақтинча етишмаслиги ва кредит алмашувида катта иқтисодий талофат келтирганини ёзади [Ибн ал Асир, том 1; Бартольд, 1963, с. 462]. Лекин уларнинг (вексель, чек) савдо алоқаларидаги мавқеини ўрганиш махсус изланишни талаб қилади.

Шундай қилиб, биз тадқиқ этаётган даврда Хоразмнинг савдо алоқалари Волга бўйи, Рус, Кавказ, Ўрта Шарқ, Хитой давлатлари билан ташқи иқтисодий ишларни амалга оширган. Бу давр савдо алоқаларининг ривожланиши учун давлат тамонидан алоҳида имтиёзлар ва зарур шароитлар яратилган. Археологик тадқиқотлар Хоразмшоҳлар-Ануштегинлар даврида Хоразмдан учта савдо йўли ва воҳадаги ички йўл тармоқлари ҳаракатда бўлганлигини кўрсатади. Буюк Ипак йўлининг бош йўналиши Гурганж-Қорақум-Жанубий Туркманистон-Эрон-Ўрта Шарқга [1966, с. 11-74], иккинчи шоҳ йўналиш Гургандж-Қат-Қизилқум-Бухоро-Самарканд, учинчи қуруқлуқ йўли Гурганж-Жанубий Устюрт-Ғарбий Урал бўйи-Шимолий Каспий-Волга бўйи орқали амалга оширилди [Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта, 1978, с. 199-285]. Бу йўллар Қутбиддин Муҳаммад Отсиз (1127-1156), Оловуддин Текеш (1172-1200) ва Оловуддин Муҳаммад (1200-1220) даврларида анча яҳши ривожланган. Оловуддин Текеш муншийси Муҳаммад Боғдодийнинг «Муҳим номалар битиш йул-йуриқлари» асарида ўша даврдаги Жанд ноибига берган фармон-кўрсатмасида аҳолининг турли табақалари билан тўғри муносабатда бўлиш кўрсатмаси чегара ва савдога хизмат қилган одамларнинг молмулк хавфсизлигини ҳимоялашга чақирилади [Семенов, 1952, с. 17].

Савдо алоқалари туфайли Шимолий Африкадан то Шарқий Туркистон ҳудудларигача чўзилган узоқ масофада бир тушунча (диний бирлик - толерантность, араб алифбоси, иқтисодий ҳамкорлик, сиёсий мусобақада чидамлик), Хоразмшохларнинг куч ва қудрати, савдо алоқаларининг барқарорлигини таъминлаганини кўрамиз. Лекин бу вақтинча ҳукм сурган ижобий сокинлик ва иқтисодий ривожланиш узоқ вақт давом этиш мумкин эмас эди. Чунки, Узоқ шарқда, туркий қабилалари босимида кўп сонли кўчманчи мўғулларнинг янги, қисқа, вақтинча бирикмаси Чингизхон давлати шаклланди (1206 й.). Бу давр Евросиёнинг савдо алоқалари ўзининг янги мавқеига эга бўлди. Катта худудларни эгаллаган, «куч ва талон-тарожлик» билан ўз бойлигини ва давлат чегараларини кенгайттирган Хоразмшоҳлар-Ануштегинлар салтанати ички низолар туфайли заифлашиши тарих саҳифаларининг низомларига мос келди. Лекин Ўрта Осиёдаги Хоразмшоҳлар давлати давридаги савдо алоқалари кейинги мўғуллар (1221-1370), Амир Темур ва Темурийлар (1370-1505) вақтидаги иқтисодий ютуқларга бир-қанча замин ясади.

ФОЙДАЛАНИЛГАН АДАБИЁТЛАР

Атагаррыев Е.А. Материальная культура Шехр-Ислама. Ашхабад, 1973.

Ахмедов Б.А. Ўзбекистон тарихи манбалари. Тошкент, 2001.

Байпаков К.М., Воякин Д.А. Средневековый город Каялык. Алматы, 2007

Бартольд В.В. Арабские известия о руссах // Соч. Том II. Часть 1. М., 1963

Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. Том I. М., 1963.

Буниетов З.М. Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов (1097-1231). М., 1986.

Вактурская Н.Н. Иранский сосуд из Ургенча // Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 4. М., 1960.

Вактурская Н.Н. К вопросу о культурных связях средневекового Хорезма с Китаем // Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.-Л., 1959

Вактурская Н.Н. О раскопках 1948 г. на городище Шемаха кала // Труды ХАЭЭ. Том.1. М., 1952

Вактурская Н.Н., Вишневская О.А. Памятники Хорезма эпохи Великих Хорезмшахов (XII-начало XIIIвв.) // МХЭ. Вып.1 М., 1959

Доспанов О.Т. Джампык кала - орта әсир естелиги. Нокис, 1999

Древняя и средневековая культура Юго-восточного Устюрта. Ташкент, 1978.

Иброҳимов Н. Ибн Баттута ва унинг Ўрта Осиёга сайёҳати. Тошкент, 1993.

Ильясов Дж. Я. Художественный металл Саганиана X - первой половины XIвв. //Автореф. дисс.... канд. искусств. Ташкент, 1998.

Кдырниязов М.-Ш. Люстровый кувшин из Миздахкана // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Новая серия. Том II (XXVII). Санкт-Петербург, 2006.

Кдырниязов М.-Ш. Материальная культура городов Хорезма XIII-XIVвв. Нукус, 1989.

Кдырниязов М.-Ш. О роли Хорезма в евразийской торговле в XIII-XVвв. // ОНУ. № 1. 2000

Книга о драгоценных камнях Мухаммеда ибн Мансура (пер. Соколова) // Горный журнал. Кн.1. 1928

Лунина С.Б. О культурных связях средневекового Мерва // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977

Массон М.Е. Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и Мавераннахр // Труды ЮТАКЭ. Том XIII. Ашхабад, 1966.

Матвеева Г.И. Связи Волжской Булгарии со Средней Азией, Ираном и Закавказьем (по материалам Муромского городка) // Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстана в эпоху железа // Репринты докладов и сообщений. Уфа, 1976.

Материалы по истории Средней Азии. Ташкент, 1988

Материалы по истории туркмен и Туркмении. Том. I. М.-Л., 1939

Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме (I-XIVвв.). М., 1976

Поэзия народов СССР. Том IV. М., 1972.

Рапопорт Ю.А. Раскопки городища Шахсанем в 1952 г. // Труды ХАЭЭ. Том 2. М., 1958

Семенов А.А. К вопросу об этническом и классовом составе северных народов империи Хорезмшахов в XIв. н.э. // Известия отделения общественных наук АН Тадж. ССР. Том II. 1952.

Феодоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976

Феодоров-Давыдов Г.А. Монеты - свидетели прошлого. М., 1980.

Хужаев А. Махмуд Яловоч Хоразмийга оид янги маьлумотлар (Хитой манбалари асосида) // Мозийдан садо. 2002. № 4

Хожаниязов Г., Кдырниязов М.-Ш. Коллекция поливных чаш из Кзыл-калы // Изобразительное и прикладное искусство. Культура Среднего Востока. Ташкент, 1989.

Роре А. A Servey of Persian Art.-VoI.II. -London-New York, 1939.

О.Т. Доспанов
Проект ПРООН по сохранению тугайных лесов и создания биосферного резервата Республики Каракалпакстан, (Нукус)

КАВАТ-КАЛА – УНИКАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Каваткалинский оазис как ни один другой из известных нам в районах «земель древнего орошения» кажется оставленным жителями совсем недавно – так живы следы деятельности человека, которые хранит здесь земля нынешнего Элликкалинского района Республики Каракалпакстан.

Всюду в этой обширной, в прошлом земледельческой зоне, протянувшейся на 15 км, при ширине 2-3 км (Неразик, 1976, с.72) вдоль русел мёртвого канала Гавхорэ, до недавнего времени были видны останцы разрушенных усадебных оград, валы каналов, причудливые силуэты каптар-ханы с яркой игрой светотени в многочисленных нишах, руины жилых построек, подчас возвышающиеся над такырами на 2-3 метра. Уходящие барханные пески вдруг открывают глинобитную постройку. Сейчас, как и много веков назад, все превращено в оазис.

На сегодняшний день в результате освоения пустынных земель, сохранились всего остатки четырех замков разбросанных на сравнительно небольшой площади центральной части оазиса, замыкавшейся Кават-калой, огромной укрепленной резиденцией его владетеля, как будто совсем не тронуты временем пахсовые грани углов, гофры башен и даже резные панели стен почти не стерты. Хотя сегодня они окружены густыми садами.

Данная территория таит в себе разновременные слои периодов обживания. Поэтому среди солончаков вдруг попадается то разбитый красноглиняный хум архаического периода (4 век до н.э.), то лепная посуда 9-11 веков с обильным налепным и прочерченным орнаментом.

В 12- начале 13 века оазис, особенно в центральной своей части, близ Кават калы, на площади 8 кв. км был очень плотно заселен. В свое время здесь было отмечено 90 усадеб. Исследователи оазиса усматривают в их расположении тяготевшие к каналам большие группы, подчиненные в каждом случае определенному замку (Андрианов, 1969, с. 143; Толстов, 1948, с.94).

Говоря о топографии оазиса, нужно прежде всего, отметить хорошо выделяющиеся зоны вокруг замков, занятых большими, не застроенными в прошлом площадями, сохранившими следы пашен. Можно предполагать, что здесь были угодья самих владетелей замков. В некоторых случаях даже удалось установить их немалые размеры. Отчетливо вырисовывается общественный центр оазиса – Кават-кала и её сооружения в ближайших окрестностях. Все постройки относятся к периоду расцвета оазиса, к 12-13 векам.

В данный момент изучаемый материал о Кават-кале, по нашему мнению, позволит поставить, а скорее решить некоторые важные проблемы древней и средневековой истории низовий Амударьи – хронологии, общественного строя, ирригации,

хозяйства, материальной культуры и взаимоотношении Хорезма с соседними этнокультурными регионами.

Кават-кала и прилегающий к нему оазис до настоящего времени был подвергнут значительному исследованию. Тем не менее памятник требует всестороннего рассмотрения в рамках истории и археологии, установления узких хронологических рамок.

Изучение истории Кават-калы выходит далеко за рамки узколокальной темы и имеет важное значение для решения ряда вопросов средневековой истории низовьев Амударьи и всего Приаралья в целом.

Каваткалинский оазис представляет собой комплекс памятников предмонгольского времени, расположенный ныне в районном центре Элликкалинского города Бустан. Центральным памятником является крепость Кават-кала размером 160-190 метров, т.е площадью немногим более 3 га. Кроме нее в оазисе ранее были видны остатки расположенных замков, а также несколько их десятков усадеб.

Оазис был открыт в 1939 году А.И. Тереножкиным (Тереножкин, 1940, с. 58-73). В 1938 и 1939 гг. Хорезмской археолого-этнографической экспедицией под руководством С.П. Толстова было произведено более детальное обследование самой крепости Кават-кала (Толстов, 1939, с. 174; он же, 1941, с. 155.).

В 1949 году был снят схематический план центральной части оазиса, раскопана крестьянская усадьба №1, заложен разведочный шурф внутри крепости (Толстов, 1946, с. 92; он же, 1946, с. 79; он же, 1948, с. 155-163). Предварительное рекогносцировочное изучение оазиса в целом позволило С.П. Толстову придти к заключению, что комплекс средневековых построек района Кават-калы представляет собой «законченно феодальный тип расселения с резиденцией князя (Кават-кала), замками его вассалов и многочисленными крестьянскими усадьбами» (Толстов, 1948, с.156; он же 1948, с. 280).

В 1956 году один из отрядов Хорезмской экспедиции вскрыл усадьбу №16 поблизости от Кават-калы, которая оказалась дервишеской обителью – ханакой, и провел небольшие раскопки внутри крепости (общая площадь раскопов 200 кв.м), в ходе которых был расчищен квадратный зал монументального строения с 12 каменными основаниями колонн, сожженными деревянными конструкциями и монетами последнего Хорезмшаха Мухаммеда ибн Текеша (1200-1220 гг.) на полу. Начата расчистка траншей 2-го зала и был заложен еще один небольшой раскоп, выявивший наличие жилой застройки. Раскопки внутри крепости привели исследователей к выводу, что она погибла в результате монгольского нашествия (1220-1221 г.г.) и является замком крупного феодала с дворцом внутри (Вактурская, Вишневская, 1959, с.150). Это мнение было поддержано и С.П. Толстовым (Толстов, 1959, с. 25; он же, 1962).

Спустя значительный промежуток времени Хорезмская экспедиция и организованный в 1966 году музей искусств Республики Каракалпакстан, ныне носящий имя И.В. Савицкого, провели исследование ряда усадеб в Каваткалинском оазисе (усадьбы №5, 9, 41, 43, Неразик, 1972, с. 46; Неразик, Савицкий, Манылов, 1974, с. 64-69; они же, 1975, с.54-61), а в 1973-1976 г.г. сотрудники музея искусств вели широкие работы внутри самой крепости. В ходе этих работ был заложен раскоп площадью около 3000 кв.м, выявивший несколько типов застройки (Курочкин, Гультов, Деянова, 1975, с. 502; Курочкин, Неразик, 1976, с. 529-530; Курочкин, 1977, с. 530-531). Пользуясь случаем, автор статьи выражает свою благодарность Г.Б. Ку-

рочкину, за любезно предоставленные материалы, ранее не опубликованные и вошедшие в данную статью. Некоторая ограниченность публикации не позволяет детальное рассмотрение материалов. И поэтому нашли необходимым остановиться на некоторых моментах.

Полностью вскрыто монументальное здание, основу которого составляют два зала общей площадью 450 кв.м (рис. 1).

Зал № 1 (11,2х13 м), открытый впервые в 1956 году Хорезмской экспедицией, был расчищен вторично, что позволило выявить дополнительные архитектурные детали (участки вымостки из обожженного кирпича на полу, стеночки на софах) и даже сделать ряд находок на полах (обломок серебряной монеты, массивная свинцовая печать с арабской надписью).

Из 12 баз колонн сохранились три. В южной стене имелись два прохода в зал №2. Один узкий закрывался дверью, сожженные остатки которой с железным крючком лежали на полу, второй – широкий, снабжен деревянным косяком, остатки, которого сохранились и декорированы резным цветным алебастром. Вероятно, этот широкий проход был забран резной деревянной панелью.

Зал №2 по размерам (20,5х13 м) больше первого зала примерно вдвое. В этом зале обнаружено 12 каменных баз колонн. Полы зала покрыты толстым слоем сгоревших и рухнувших деревянных перекрытий. По периметру залов найдены осколки круглых (диаметром 25-26 см) оконных стекол. Находки в зале состояли из керамических изящных чирагов (светильников) и костяных пуговиц.

При окончательной расчистке полов от сгоревших конструкций с внутренней стороны входа было обнаружено массивное бронзовое кольцо с остатками железного пробоя – дверной молоток. Кольцо имеет с одной стороны орнамент в виде тройного плетения, с другой - арабскую надпись: «йумн…ва ал-саламат ва ал-нусрат ва…» - «счастье и благополучие, и помощь…» (Прочитана сотрудником Гос. Эрмитажа А.А. Ивановым). По его мнению, надпись не очень грамотная и поэтому некоторые слова неразборчивы.

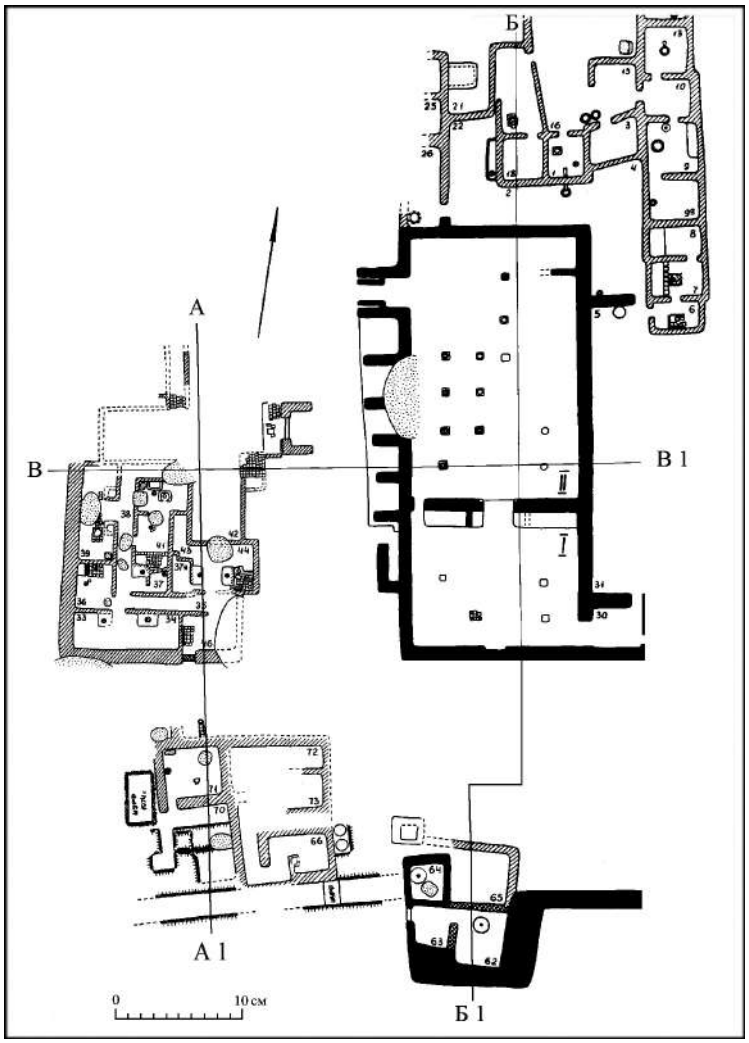


Рис. 1 Общий план раскопов

К северу и северо-востоку от монументального здания располагался комплекс хозяйственно-жилых помещений, отделенных от зала №2 проходом и сооруженных преимущественно из кирпича-сырца размером 30х30х5-6 см.

Установлено, что центральное монументальное строение, основу которого составляют два больших многокомнатных зала, является мечетью 12-13 веков. Вокруг залов не обнаружено никаких помещений, за исключением небольшой комнаты с восточной стороны малого зала. Жилая застройка с севера и северо-востока отделена от мечети улочкой.

Открытие внутри крепости мечети и в комплексе с ним гостиницы, заставляет по новому взглянуть на назначение Кават-калы. Видимо, это не замок крупного феодала, как считалось ранее (Толстов, 1962, с. 252-253), а небольшой центр сельскохозяйственной округи, чем-то примечательный в религиозном отношении. О последнем говорит и вскрытая в 1956 году рядом с Кават-калой ханака – приют для дервишей (Вактурская, Вишневская, 1959, с.150-151).

В основном же стены комплекса существовали два периода. Это хорошо корректируется и стратиграфией других мест городища. Так, в 1956 г. археологи Хорезмской экспедиции отмечали два строительных периода. Опять же правильнее говорить о периодах обживания, поскольку вскрытие новых участков выявило в некоторых помещениях два различных уровня полов, но каких-либо существенных перестроек или, тем более, следов принципиально иной планировки обнаружено не было.

В мечети (раскопки 1974-75 гг.) также выявлено два периода застройки, но в пределах одного архитектурного плана (существенно различаются лишь уровни полов).

Кроме всего прочего, два уровня полов хорезмшахского времени было выявлено в шурфе 1974 года, непосредственно связанного с описываемым комплексом помещения.

Все это позволяет довольно уверенно говорить о 2-х периодах обитания на всей территории городища, причем это были не строительные горизонты в обычном смысле слова, а ремонтные периоды.

К югу от комплекса обнаружены остатки печей. Они были круглые в плане (внутренний диаметр одной из них – 0,8 м), слегка заглублены в землю и сооружены из кирпича-сырца размером 26х26 см и имелись в 2-х из расчищенных горизонтов.

Рядом с печами находились ямы, забитые железными чечевицеобразными крицами. Нужно сказать, что прослойка со шлаками засвидетельствована и к востоку от того места, где были обнаружены печи. Эта прослойка залегает непосредственно ниже натечно-надувного слоя и может быть либо засыпкой под последующую застройку, либо отметкой уровня более верхнего горизонта, стены которого в этом месте не сохранились.

К северу от описываемого выше комплекса помещений проходила улица. Северная стена упомянутого комплекса толще других стен (около 1 м) и она явно наружная, однако в нескольких местах на север отходят тонкие перпендикулярные очень плохо сохранившиеся стенки – остатки подсобных помещений. С ними связаны вкопанные в землю крупные сосуды, а от помещения 71 (от его верхнего уровня) на улицу отходит водосток, вымощенный обломками кирпича, он ведет к восточной яме. Заполнение в этой части раскопа зеленоватого «бадрабного» цвета. Соседство

с отхожими местами и было, по всей вероятности, причиной закладки прохода из «гостиницы» на улицу. Наличие отхожих мест в непосредственной близости от мечети и связанной с ней комплексом нас удивлять не должно. Оно хорошо согласуется с данными письменных источников. Арабские источники XII-XIII вв. отмечают редкую даже для Востока загрязненность хорезмийских городов. Так, Якут (20-е годы XIII в.) сообщает: «Самое скверное и самое дикое у них (жителей Хорезма) то, что они топчут ногами свои отбросы и в таком состоянии входят в мечеть… И улицы и площади их полны нечистот. Город их представляет собой отхожее место с сильным зловонием…» (МИТТ, 1938, с. 419).

Заполнение улицы в ее восточной части и частично в западной (поверх зеленоватых прослоек) – очень тонкие и жесткие натеки толщиной 1-2 см с вкраплениями керамики, смытыми по склону. Такое же заполнение и в южной части прилегающей улочки (или двора?). В более нижней прослойке, залегающей под натечными слоями, керамика была многочисленной и разнообразной: желто-поливная, серая, фрагменты кувшинов и хумчей, обломки чирагов и т.п. Вся керамика хорезмшахского времени.

Ранее считалось, что основное здание Кават-калы, расположенное напротив въезда, в южной части крепости, являлось дворцом, а сама Кават-кала – замком крупного феодала, владельца большой сельскохозяйственной округи (Н.Н. Вактурская, С.П. Толстов). Последние раскопки позволили установить, что указанное здание является не дворцом, а мечетью. К западу от мечети расположено здание гостиничного типа с коридорной планировкой и стандартными помещениями – «номерами». К северу от залов мечети – застройка иного типа. Этот комплекс помещений, возможно, также связан с мечетью.

К югу от «гостиницы» и залов мечети расположены два комплекса помещений. Один – т.н. «четырехкомнатный дом» - непосредственно примыкает к выходу из предвратного сооружения и являлся производственно-хозяйственным комплексом – первоначально мельницей и пекарней, а позднее, может быть, мастерской.

Западнее «четырехкомнатного дома» находился комплекс помещений производственно-жилого назначения – эта группа помещений не была докопана, она продолжается в западном направлении. Между этим комплексом и южной стеной крепости располагались железообжигательные печи.

В настоящее время назначение Кават-калы вырисовывается достаточно определенно – это небольшая крепость, а не замок феодала, возможно, даже ядро формирующегося города, поскольку налицо несельскохозяйственный характер некоторых прилегающих усадеб. Так, усадьба № 16 является ханакой, с которой связано небольшое монументальное однокамерное здание – видимо, мавзолей. Усадьбу №9, судя по некоторым находкам, видимо, нужно рассматривать как жилище ремесленника-металлиста.

Результаты предпринятых раскопок и обследования усадеб оазиса Кават-кала имеют большое значение для исследования истории хорезмского городского и сельского жилища. И уже давно высказана мысль, что истоки этого жилища уходят в глубину веков (Воронина, 1949, с. 81-82). Например, работы в оазисе Беркут-кала показали, что основная жилая ячейка южно-узбекских хорезмских хаули 19 - нач. 20 века складывается уже в эпоху раннего средневековья (Неразик, 1966, с. 80-85). Однако эта ячейка с центральным коридором составляла лишь жилую половину хорезмских большесемейных хаули, всегда сочетавшуюся с хозяйственной в черте

общей внешней ограды. Есть основания предполагать, что облик хорезмских подобных центров религиозного общения в том виде, в котором они дошли до наших дней, формируется позднее, в 15-18 веках (Неразик, Савицкий, Манылов, 1975, с. 58-59).

Описанные работы в зоне средневекового канала Гавхоре позволили также установить, что именно здесь, в правобережной части Амударьи, в 12-нач. 13 веков окончательно складывается жилая схема, прослужившая образцом для строительства на всей широкой территории Хорезма – ядра могущественного государства Хорезмшахов. Но если в оазисе Кават-кала это был очень совершенный для своего времени жилой дом с четко продуманной во всех деталях планировкой, богатыми приемными в виде каптар-ханы с её ячеистыми стенами (Неразик и др., 1974, с. 59), кладовыми – телеками во втором этаже и своеобразными подъемами на верх, то в левобережном Хорезме, эта схема часто видоизменена и приспособлена к местным условиям.

Данные раскопки на Кават-кале внесли серьезные коррективы в существовавшее до сих пор представление о плане хорезмийских средневековых феодальных замков. Большую схожесть с описанными жилищами и общественными сооружениями имеют материалы средневекового Миздахкана (Ягодин, 1994, с. 8-11; Хожаниязов, Юсупов, 1992, с. 17-18; Кдырниязов, 1995, с. 69-70), Джанпык-калы (Доспанов, 1992).

В результате археологических раскопок на Кават-кале собран большой, во многом уникальный материал по застройке, жилищу, различным ремеслам, позволивший получить представление о развитии городской и сельской жизни, культуры Хорезмского государства 12-начала 13 века. Прежде всего, о гончарном ремесле. Материалы из раскопов Кават-калы ныне хранятся в фондах археологии Государственного музея искусств им. И.В. Савицкого.

Для периода 9-11 веков керамический комплекс Кават-калы малоизвестен. Анализ керамических материалов 12-13 веков позволяет заключить о его единстве с керамическим комплексом кипчаков Арало-Каспийского междуморья 12-13 веков (Ягодин, 1986). Ремесленная керамика является хорезмийской по происхождению и имеет много общего с огузской керамикой Арало-Каспия, низовья Сырдарьи - с позднекердерской керамикой Приаральской дельты Амударьи.

Помимо керамических и каменных изделий, среди каваткалинских находок значительное место занимают изделия из металла. Они представлены украшениями, бытовыми предметами, орудиями труда и вооружениями. Все предметы, за исключением подъемных находок, по монетным данным датируются в пределах 12-начала 13 века.

Специальное изучение металлических изделий Кават-калы дает возможность восполнить сведения о металлообрабатывающем ремесле Хорезма в эпоху средневековья. Среди металлических изделий хорошую сохранность имеют украшения и бытовые предметы из железа и бронзы. Особенный интерес представляют бронзовые зеркала с изображением стилизованного растительного и геометрического орнамента, различных видов рыб.

Наиболее уникальной находкой является бронзовый светильник (рис. 2). Он состоит из пяти основных частей. Нижняя часть в виде полусферы с отогнутым горизонтальным нижним круговым краем, к которому припаяны три фигурные ножки. На месте присоединения ножек край имеет полукруглый, слегка вытянутый выступ

с двумя треугольными выступающими по бокам выступами, которые изображают обычно, стилизованные головы птиц.

В месте соединения края с полусферой проложен широкий выпуклый валик. Сверху в центре полусферы имеется отверстие, к которому присоединяется цилиндрической формы горловина.

Фигурные ножки изображают стилизованную лапу хищника, в данном случае четырехпалую стоящую, на сердцевидной подушке, обращенной острием назад. Наружная плоскость светильника орнаментирована растительными завитками, отражающими непрерывный гравированный узор.

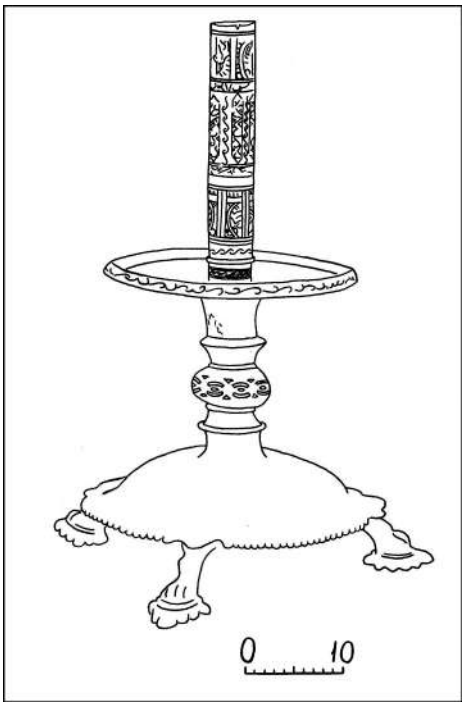


Рис. 2

Кроме того, среди коллекции из Кават калы известны предметы из кости и стекла. Среди них отметим рукоятки ножей, терки-лощила, пряслица, иглы для плетения рыбачьих сетей - кочедыги. Среди костяных изделий особый интерес представляют астрагалы (в народе их часто называют «альчиками») Они обнаруживаются в большом количестве на разных слоях памятника. Большинство из них обработанные по краям, некоторые имеют сквозные просверленные отверстия в разных местах.

На территории Средней Азии использование бараньих астрагалов в качестве игральных костей археологически зафиксировано уже со второй половины 2 тыс. до н.э.

На всем протяжении этапа развития истории игры в кости и сами астрагалы в значительной степени имели значение и в религиозных верованиях. В эллинистическом мире изображение астрагалов было символом везения и счастья, амулетами удачи и оберегами, защищающими от дурного сглаза. Астрагалы являлись также знаками, подтверждающими дружеские отношения между отдельными людьми.

Для характеристики сельской округи укажем на высокое развитие хозяйства у жителей округи Кават-калы. Несомненно, одним из ведущих занятий было земледелие, что подтверждают находки косточек садовых культур (персиков, урюка, джиды (лох)), семян арбуза, дыни и винограда, коробочек хлопка. В условиях дельты Амударьи оно не могло быть единственным и основным средством существования.

Большую роль в хозяйстве, очевидно, играло рыболовство. В культурных слоях жилищ часто встречаются рыбьи кости и чешуя, а частыми находками являются иглы для плетения сетей – кочедыги. Некоторые сведения рыболовства в Хорезме имеются в трудах арабских географов. Ибн Русте пишет о «местностях, где ловятся рыбы и вывозят из Хорезма в различные страны» (Бартольд, 1914, с. 83-84). Ал-Истахри сообщает о низовьях Амударьи – «Джейхун доходит до Хорезмского озера в месте, где живут рыбаки» (Гудкова, 1964, с. 78). В раннем средневековье в Иране и Хорасане хорезмийцев называли рыбоедами (Гулямов, 1957, с. 65).

В хозяйстве населения округи Кават калы немаловажную роль играло и животноводство, судя по исследованиям жилищ – домашнего и пастбищного характера.

Несомненно, кроме вышеуказанных население дельты занималось ремеслом. Об этом свидетельствуют различные находки. Среди них следует отметить гончарное, стеклодувное, металлоплавильное, камнерезное и текстильные ремесла. Особое место занимает горнорудная промышленность. Близкое расположение Кават-калы к Султануиздагским горам позволяло жителям добывать и обрабатывать различные виды руды.

Многочисленные находки фрагментов и целых экземпляров иранских тарелок типа «минай» и «люстр», раковин каури, китайских бронзовых зеркал и многих других предметов. Все это свидетельствует о том, что Каваткалинский оазис в целом являлся одним из торгово-ремесленных пунктов на правобережной части Амударьи, имевший торговые связи с Китаем, Индией, Ираном и, возможно, со странами Северо-Западной Европы.

Хронологические рамки обживания исследовавшихся на Кават-кале объектов устанавливаются на основании стратиграфических наблюдений, сравнения керамического материала с комплексами Хорезмшахской керамики и монетных (нумизматических) данных. Наиболее ценны для определения абсолютных дат Кават-калы – монеты. В разные годы при раскопках были найдены около 60 монет. Они принадлежат хорезмшаху Мухаммеду. Среди них 2 золотые.

На лицевой стороне этих монет калима – символ веры и имя Халифа Насира, на обратной стороне указан титул хорезмшаха: «Султан высочайший, высота мира и веры, побеждающий Мухаммед». На медных монетах использована краткая форма титулатуры Хорезмшаха: лицевая сторона – «Султан величайший», обратная сторона: - «Мухаммед сын Текеша». Иногда на круговых легендах имя Халифа Насира - «Имам Насир повелитель правоверных». Обращает внимание отсутствие имени Халифа Насира на некоторых медных монетах. Этот факт очень интересен в свете данных письменных источников о враждебных отношениях между Багдадским халифом Насиром и Хорезмшахом Мухаммедом (Бартольд, 1966, с. 32-33, 303-321; он же, 1963, с. 437-441; Давидович, 1953, с. 43-55).

Нашествие кочевников-монголов в Среднюю Азию в начале XIII века существенно повлияло на всю социально-экономическую жизнь Средней Азии. Хотя денежное обращение и сохранило некоторые черты и особенности предшествующего периода, но ситуация в целом все же осложнила. После завоевания монголы некоторое время не вмешивались в непосредственное управление культурными областями, они не касались и монетных дел. Как и раньше при Хорезмшахах, в обиходе были преимущественно крупные плоские медные дирхемы и золотые динары. Выпуск этих монет известен по Самаркандскому чекану 617 г. х. (1220 г.). На этих монетах часто помещались слова «Хани» или «Менгу Хани», т.е. «Ханская монета» (Давидович, 1972, с. 13-15).

Именно в эти годы установления власти Золотой Орды происходят грабительские и опустошительные войны на территории правобережного Хорезма. Прекращают функционирование многие оросительные сооружения и каналы. Вероятно, в связи с этим прекращает обживаться и Кават-кала с округой.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бартольд В.В. К истории орошения Туркестана. Отд.оттиск. СПб, 1914.
Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. Т.1. М., 1963.
Вактурская Н.Н. Классификация средневековой керамики Хорезма // ТХАЭЭ, т.IV. М, 1959

Вактурская Н.Н., Вишневская О.А. Памятники Хорезма эпохи Великих Хорезмшахов (12-начало 13 века) // МХЭ, вып.1. М., 1959.
Гулямов Я.Г. История орошения Хорезма. Ташкент, 1957.
Давидович Е.А. Термезский клад медных посеребренных дирхемов 617/1220 г. // Эпиграфика Востока, 1953,VIII.
Давидович Е.А. Денежное хозяйство Средней Азии в ХШ веке. М., 1972.
Доспанов О.Т. Жампык-кала орта эсирлер естелиги. Нокис, 1992.
Доспанов О.Т. Әийемги Гулдирсин естелиги. Нокис, 1993.
Кдырниязов М-Ш. Городское жилище в эпоху Золотой Орды // Тезисы докл. межд. конф. «Генезис и пути развития процессов урбанизации Центральной Азии», Самарканд, 1995.
Курочкин Г.Н., Гультов С.Б., Деянова Е.В. Исследования в Каваткалинском оазисе // АО - 1974 года. М., 1975.
Курочкин Г.Н. Продолжение раскопок Кават-калы // АО 1976 года. М., 1977.
Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т.1. М., 1939.
Неразик Е.Е. Раскопки Якке Парсана // МХЭ. Вып.7. М, 1963.
Неразик Е.Е. Из истории хорезмского сельского жилища // СЭ, 1972, №3.
Неразик Е.Е. Раскопки крепости Кават-кала // АО - 1975 года. М., 1976
Неразик Е.Е., Савицкий И.В., Манылов Ю.П. Раскопки в зоне средневекового канала Гавхоре в 1970 году // ВКК ФАН УзССР, №2, 1974.
Неразик Е.Е., Савицкий И.В., Манылов Ю.П. Раскопки в зоне средневекового канала Гавхоре в 1971 году // ВКК ФАН УзССР, №4, 1975.
Тереножкин А.И. Археологические разведки в Хорезме // СА, №4, 1940.
Тереножкин А.И. Жилые постройки XI-XII вв. в Каракалпакской АССР // Изв. УзФАН, №7, 1940.
Толстов С.П. Древнехорезмийские памятники в Каракалпакии // ВДИ, №3, 1939.
Толстов С.П. Древности верхнего Хорезма // ВДИ, №1.
Толстов С.П. Хорезмская археологическая экспедиция 1940 г. // КСИИМК, ХП, 1946.
Толстов С.П. Новые материалы по истории Хорезма // ВДИ, 1946, №1.
Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948.
Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.-Л., 1948.
Толстов С.П. Работа Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1954-1956 гг. // МХЭ, вып.1. 1959.
Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
Ходжаниязов Г., Юсупов Н.Ю. Раскопки восточного комплекса на Миздахкане в 1987-1991 гг. // Тезисы НТК, Нукус, 1992.
Юсупов Н.Ю., Манылов Ю.П. К изучению горного дела Султануиздага // ВКФ, 1968. № 2.
Ягодин В.Н. Ходжейли – древнейший город Республики Каракалпакстан // Тезисы НТК. Ходжейли, 1994.
Ягодин В.Н. Скотоводы-охотники Арало-Каспийского междуморья в средние века. Архив сектора археологии ККО АН РУз. Нукус, 1986.

O. Yusupov
Nukus State Pedagogical Institute
named after Ajiniyaz (Nukus)

NOMADS IN THE STEPPES OF EURASIA AND ETHNO-CULTURE OF THE ARAL SEA BASIN

In ancient and middle ages ethno-political, ethno-social, ethno-demographic and ethno -cultural processes developed unevenly in Eurasia. It is traced in historical, social, economic and cultural development and ethnic symbiosis of Ural and Western Siberian nomads with autochthonous populations of south-eastern Aral Sea basin region and Central Asian inter-river region (between rivers of Amudarya and Sirdarya).

Issues of history and culture of "lost" populations and nomads of the steppes in Eurasia as well as ethno-social, ethno-political history, ethnography and ethno-culture of the Aral Sea basin attract attention of central Asian and global scientists. Over the span of 300 years knowledge of history and traditional culture of Eurasian nomads has been collected and enriched with new findings and interpretations. At the end of XVII-XVIII centuries A.C. new historical research and oral sources about the genealogy of Central Asian nomads emerge.

A.Lizov's "Skythian history" sheds light on history of "lost" populations from Scythians, Turks, Pechenegs, Polovtsi to Tatar Mongols. So called oral history of the steppes – book "Jamigi-at-tauarikh" by Kadir Ali Biy Jaliy commands interest for the purpose of studying Turkic nomads of Deshty Kipchak steppes, ethnography of Urals and Aral Sea basin regions. The book tells the story of origins of Turkic tribes and clans in the Deshty Kipchak steppes.

The history, politics, genealogy and fates of Turks and Mongols are described in Turk language for the first time by historian Abulgazi-khan. His work is translated to French as "Histoire gealogicue des Tatars" (1762). Abulgazi's "Turks' genealogy" contains ethnological materials for research on history, material and spiritual cultures, systems of symbolic attributes of Turk-Mongol people in the Aral sea basin and in Central Asia in general.

In European oriental studies emerges the work by J. Deginyam on history of ethnopolitical system of nomads in Eurasia. The works of Shpengler and Toynbee develop concepts about rise, development and fall of Asian civilizations, and systemize history of nomads. They point out geographic and climatic reasons for nomads' move from their pasture lands to the lands of sedentary people. In ancient and middle ages nomads (Khuns, Avars, Khazars, Bulgars, Pechenegs, Kipchaks (Polovtsi), Oguzs, Seljuks) attacked regions of sedentary civilizations. A. Toynbee suggests that Indo-European nomads were followed by Turkic nomads, and the latter in their turn were replaced by Mongol nomads in the Eurasian steppes (1). In the steppes from Volga to Sirdarya Rivers Turkic nomads formed military alliances and nomadic states. Historical ethnology provides factual proof of existence of 92 branches of Turks, 92 "bouls" of Kipchaks, 92 "bouls" of Uzbeks in the Deshty Kipchak steppe.

In Kazakhstan region scientists such as B. I. Kumekov, S.M. Akinjanov, S.G.Klashtorniy, T.I. Sultanov, M. Abuseitova, etc researched history and culture of Central Asian tribes. These scientists, studying historical geography of Oguz nomads, Naimans, Kipchaks, Karluks, note that in the middle ages (XI-XIII centuries A.C.) in Central Asia a Mongolian cataclysm brought about big changes in ethno-political and ethno-social history of Eurasia.

Histography and ethnology of Urals region was enriched by studies of R.G.Kuzeev in origins of Bashkir people. He stresses that the question of Ugor or Turk basis of ethnos is the most controversial one in studies of Bashkir ethno-genesis. In IV-VIII centuries A.C. the steppes of Sirdarya river valley and the Aral sea basin were important regions of ethno -genetic activity, whereby tribal confederations were formed, which played an important role in ethno-genesis, ethnical history and ethno-genetic processes of Central Asian and Eastern European people (2).

In Central Asian region studies of ancient history of Eurasian nomads, origins of Aryans, history of Turks and their migration in Central Asia, development of new Turkic ethnicities and states were conducted by scientists E. Rtveladze, A. Askarov, M.H. Issammiddinov, M.Ushakov, A. Khodjaev, R. Rakhmanaliev among others. A. Askarov develops new theories about pre-Turks living in the “Great steppe” and the Aral Sea basin of Achkadarya in the bronze era.

Some scientists think the steppe territories of Eurasia, bordering the forest regions Eastern Europe, Urals ad Western Siberia, were the region of close contact for Indo-Iranian nomads with ancestors of Finn-Ugor tribes. Aryan and Ugor symbiosis touched various areas of social relations, material and spiritual cultures. Both ethnic groups deeply influenced each other’s mythology and religious views. As a result of such inter-influence, they shared common traditions and images. It is worth noting that in the process of migration of Aryan nomads from the Eurasian steppes to India through the Aral (Vorokusha) sea not all Aryan-Ugor nomads left the Aral-Caspian steppes for Central Asia, Iran and India.

In early Middle Ages in the inter-sea region between the Aral and Caspian seas, in the steppes of Central Asia there were several ethnic groups: Aors, Asia-alans, Arsi-yuechi, who were descendants of turkisized Ugor-Kerders of the Aral Sea basin. R. Rakhmanaliev writes that in 10th century B.C. an empire of Kuhn-Turks developed. He explains how Turkic ethnic groups originated, developed, died out or created new combinations. M.H. Isammiddinov suggests Sack nomads were direct Turkic descendants of “Andron” culture. E. Rtveladze notes that a global review of historical development shows that autochthon and migration are interconnected and mutually dependent. Based on archeological sources he defined six routes of ethnic migration in Central Asia in ancient and Middle Ages. He develops careful and interesting theories on possible migrations of Ugor-Finns and Chinese, but suggests they were not plentiful and thus did not leave an obvious imprint on ethnic make-up and languages of Central Asian populations. The works of M. Mambetullaev contain new anthropological and archeological materials, obtained from necropolis Kuyuk-kala, which allow us to feel more confident about the role of Turkic Ugor ethnic groups in migration processes in the Aral Sea region and intermix of ethno-culture of the Aral Sea basin on Amudarya river region in early Middle Ages. In 6th-8th centuries A.C. the most intensive flow of Turk-Ugor migrations was directed to northern art of Khorezm, and regions between the Aral and Caspian seas and Amudarya and Sirdarya Rivers.

It is widely accepted that the northern part of the Aral Sea basin was populated by Turkic and non-Turkic ethnic groups. The Aral Sea nomads, semi-sedentary and sedentary tribes and descendants of Sack-Apasiaks, Khionite-Kidarits, Oguz-Pecheneg-Kipchaks are part of conglomerate of tribes that formed Karakalpaks.

The ogirins of Karakalpaks are traditionally traced back to population Kerder (Qardar) in the Aral Sea Basin of Amudarya River. This group is the core for forming of Karakalpak ethnos. The Aral Sea basin is the motherland for Karakalpaks, where ethno-genetic processes took place in ancient, middle and late Middle Ages. Karakalpaks are Turkic people with a population of about 400,000 people. Outside of south-eastern part of the Aral sea basin and Khorezm, Karakalpaks reside in uppers part of Sirdarya river valley – the "Karakalpak steppe" in Fergana region, the "Karakalpak volost" in Samarqand region, north Tajikistan, south Uzbekistan, Afghanistan and Eastern Europe (in Astrakhan region of Russia there are "false" Karakalpaks).

Karakalpak ethnos is an archaic formation. In ancient and early middle ages the development of this ethnos-conglomerate was influenced by "Aryans" of Varakusha Sea, pre-Turks of the Aral sea delta of Achkadarya river, autochthonous Khorezmees, nomads of Aral-Caspian inter-sea region, population of Kerder, Finn-Ugor micro-ethnic groups such as ancient Bashkir-Madiyar substrata, Turkic and non-Turkic nomads of the Eurasian steppes.

In early middle ages south-eastern Aral sea basin was the place of development for "special" ethno-anthropological, ethno-linguistic and ethno-cultural territorial unit, which is known in historical narrative sources as Kerder (or also as Qardar, Kyrder, Kyrdar, Qard, Keder, Xardyri, Gardalia, Xdr, Kdr, Xudar, Xadesh, Al-Kardalia, etc). The meaning of the word "Kerder" (Qardar) has not been studied in historical linguistic science, and there are no specific etymological explanations.

Arabic-Persian historical and geographical literature mentions non-Turkic population Al-Kardalia living in Northern Khorezm, in a zone of contact with the Turkic world. Arabic historian Al-Tabaniy is the first one to mention that in 728 A.C. Kerderians, aided by Turkic warriors, fought against Arabic conquerors. Terrorism and repressions against Turks and Kerderians by Arabs under the leadership of military commander Kuteiba negatively impacted the lives of some settlements in southern Aral Sea basin, leading to their extinction. Ibn-Khordadbek states that in 10th century A.C. Kerder region, having had lost its independence along with Khorezm, paid "kharadzh" (tax) in the amount of 480,000 dirkhems (silver coins) to the Eastern Arabic Caliphate. Coins of Byzantium Empire, Eastern Arabic Caliphate, Abbasydian silver dirkhems coined in Madinat Al-Salam were found in Kerder.

Arabic geographers write that Khorezm sea was called Kerder lake, river Jayhun (Amidarya) – Kurder with a "new" city Kerder on its bank. Middle ages' travelers (Al-Maksidy, Yakuti) counted populated settlements that appeared on caravan ways of the Great Silk Road. In its northern branch, as Yakuti describes, there was a city of Kardar with a non-Turkic population.

Historical sources mention tht Kerder region was later called Barab, Turab, Farab. Its cities, tower-towns, settlements of Kerder-Barab region were called Kerder, Keder, Tersyak, Barab, Farab, Turar, and were located in south-eastern Aral Sea basin region.

Interestingly, existence of Ugor components in ethno-geographic names of the Aral Sea basin indicates Kerder-Ugor symbiosis in early middle ages. Settlement Tersyak of pre-Madiyar tribes existed in the Aral Sea basin of Sirdarya river region. Tersyak-kala on

Sirdarya River, also known as Janakent or Yangikent, was a capital of Oguzs. In the new times Janakent became a capital of Karakalpaks. South Aral Sea basin in Daukar micro-oasis was home for ethno-geographic “Tersyan-kala” or “Ters-akar” (3), where a micro-ethnos of “Beshsary” lived. Ethno name of “sary” (yellow people) was wide-spread among Tuvin-sarig, Kyrgyz-sary and Khakasi-sarig. The origin of “sary” tribes has not been studied and, in my opinion, may be connected to fair looking Ugor tribe.

Tower Tersyak was located in south-eastern Ustyurt in Northern Khorezm in early Middle Ages. Archeologist S.P. Tolstov associated this tower with tower of Shemakha-kala, where in 1947 Russian scientists started archeological research and excavations. In Tersyak (Shemakha-kala) a stone altar decorated with a lion head was found. Ancient Turks worshiped a cult of lion (Arslan). Pictures of lions were wide-spread in the art of Turkic nomads, who lived in Sirdarya river valley, Ustyurt and in the region between Aral and Caspian seas. According to numismatic data, Sirdarya cities Barab and Chach (Tashkent) made coins with lion figures depicted on them. These coints were made by leaders and elite of Turkic tribes. Arslan-lion, symbolizing power, authority and status, was especially regarded by Turks, Karluks, Pechenegs and Kipchaks. Karluk leaders were monickers “Arslan il turguk” (4). Karluk khans in Central Asian inter-river region between Amudarya and Sirdarya created a small independent state, the origins of which traced back to two family tribes: Chigliyam with a sign-attribute of Arslan-lion and Yagma with the sign-attribute of Bogra-Camel. Karluk Khanate was ruled by superior khan, titled Arslan-Kara-Khakan and his associate, titled Bogra-Kara-Khakan.

Independent state Kerder had a status of Bogra-Camel. Possibly, Kerder was ruled by descendants of Yagma-Karluk elite, ruling associates with Bogra-Kara-Khakan title.

Keder coin has a picture of a crown with Ak-Atan –two hump camels and a crescent. This can be interpreted as a spiritual unity of two religions –Zoroastrian and Tangrian.

А. Алимбетов
Каракалпакский Государственный университет
имени Бердаха, (Нукус)

АРХИТЕКТУРНЫЙ ДЕКОР С МАВЗОЛЕЯ ГОРОДИЩА БОГРАХАН

Данная статья посвящена некоторым элементам архитектурного декора, найденным при археологических раскопках в мавзолее городища Бограхан.

Городище Бограхан было открыто и нанесено на археологическую карту в 1946 г. во время маршрутных работ Хорезмской экспедиции. В 1959 г. оно было обследовано Каракалпакским этнографическим отрядом Хорезмской экспедиции [Толстов и др., 1963, с. 27].

Городище Бограхан часто упоминается в хивинских хрониках XIX в. как развалины города между гробницей Хаким-ата Бакиргани и Кунградом, расположенного на правом берегу полусухого русла Каракуль, одного из средневековых притоков низовьев Амударьи. Согласно Муниса-Агехи, собственное название городища - Хаванд, но известно оно как Бограхан [Гулямов, 1957, с.152].

Памятник состоит из цитадели, шахристана и огромного неукрепленного рабада. Цитадель сохранилась в виде плоского возвышения, примыкающего изнутри к середине северо-восточной стены шахристана [Ягодин, 1963, с. 86].

Археологическим отрядом Каракалпакского Государственного университета произведены археологические раскопки на цитадели городища Бограхан. Здесь был вскрыт «Мавзолей Бограхана», мечеть с 10 базами колонн и западной частью минарета (рис. 1). Мавзолей расположен в 25 м южнее от большого городского минарета. Внутренняя часть ее полностью вскрыта. Под стенами мавзолея обнаружен культурный слой с

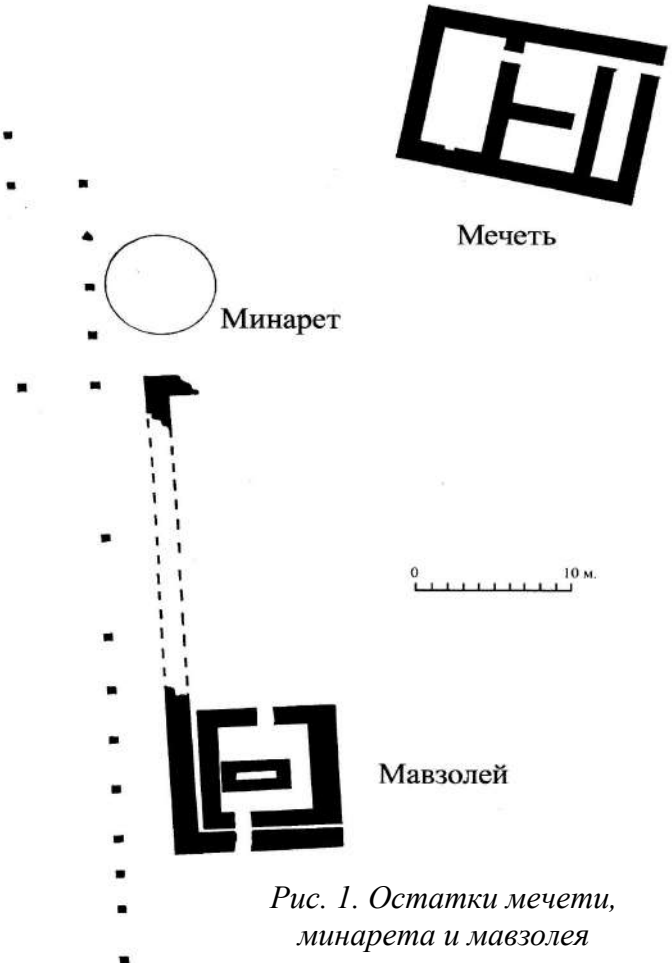


Рис. 1. Остатки мечети, минарета и мавзолея

фрагментами керамики VIII-IX веков и стены ранних помещений, сооруженных из сырцовых кирпичей [Туребеков и др., 2001, с.158].

При вскрытии памятника найдены многочисленные фрагменты керамических сосудов и другие археологические материалы. Судя по находкам, мавзолей был построен в X-XI века, а в XII в. к мавзолею была сделана пристройка [Туребеков и др., 2001, с.160].

При археологических работах в завале стен мавзолея были обнаружены фрагменты плит с арабской надписью и растительными узорами, вырезанными сначала по сырой глине и затем обожженными в специальной обжигательной печи [Туребеков и др., 2001, с.159].

Фрагменты плиток разных размеров, желтого цвета (рис. 2, 1-7) имеют стилизованный растительный орнамент, полный причудливых сплетений, завитков наряду с эпиграфической надписью «насхи». Несмотря на фрагментарность плиток, округлая вязь эпиграфики прекрасно смотрится в резном орнаменте. Содержание эпиграфики в культовых сооружениях в основном кораническое. Иногда используется имя лица, на средства которого построено здание, в мавзолеях сообщается имя и дата смерти погребенного, редко дата постройки и имя мастера.

Сюжеты сложно-геометрического и растительного орнамента, надписи почерка «насхи» и «цветущего куфи» широко вводятся в терракотовые облицовки главных фасадов зданий в XII в. [Пугаченкова и др., 1958, с.30; Памятники архитектуры Туркменистана, 1974, с. 177].

Плиты темно-желтоватого цвета (рис. 3, 1-2) размерами 32х21 см и 34х22 см, с геометрическим и растительным орнаментами из жженой глины. Первая плитка заполнена геометрической сеткой, с попарно расположенными растительными элементами, включенными в ленточные плетения (рис. 3, 1). Такой декорацией украшен пилон Приемного зала дворца термезских правителей XI-XII вв. и резное терракотовое надгробие Наринджан-баба XIV вв. [Денике, 1939, с. 63, рис. 52; с.105, рис.102]

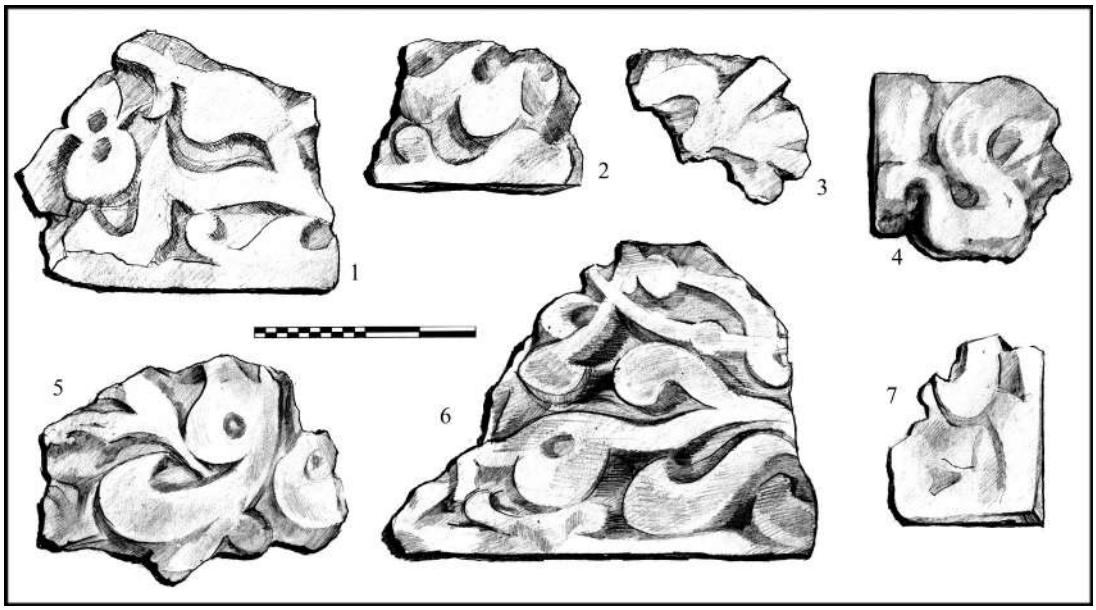


Рис. 2. Фрагменты деталей плиток из жженого кирпича с элементами эпиграфики

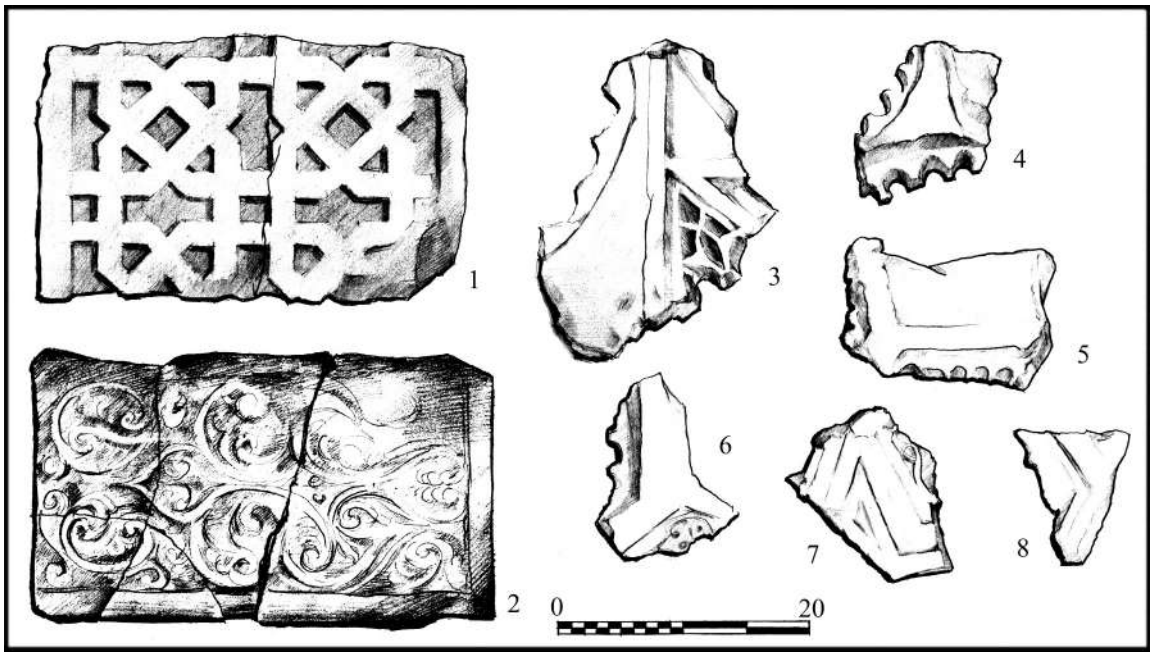


Рис. 3. Фрагменты жженых и алебастровых архитектурных деталей с геометрическими и растительными орнаментами

Вторая же чуть больше по размеру с растительным орнаментом представляет собой стилизацию в форме волнистого стебля с завитками и листьями. Рисунок усложняется зеркальным соединением двух стеблей, заканчивающихся мотивом замкнутых овалов, наполненных завитками растительного побега. Аналогичный мотив растительного орнамента можно наблюдать на резном штуке в мавзолее султана Санджара XII в. [Денике, 1939, с. 45, рис. 29].

Наиболее ранние здания строились из жженого сырцового кирпича с облицовкой, часто в сочетании с резным гипсом. Возможно, обнаруженные при расчистке мавзолея алебастровые или гипсовые детали с геометрическими и растительными орнаментами (рис. 3, 3-8) использовались при внутреннем оформлении здания, защищенном от климатических факторов, в сочетании с резными фигурными кирпичами. Орнамент на гипсе выполнен резьбой с треугольными бордюрчиками по краям, середина треугольников вырезана более мелкими узорами растительного характера, края деталей выполнены в виде полукруглых зубчиков. Вполне возможно также использование алебастровых или гипсовых архитектурных деталей при оформлении оконных проемов в качестве «панджара».

В архитектурном декоре Хорезма XI-XII вв. также наиболее характерно использование хорошего качества жженого кирпича в интерьерах орнаментальных росписей.

Таким образом, археологическое и историко-архитектурное изучение сооружений Хорезма имеют важное значение для наиболее полного освещения его материальной культуры. Все типы облицовок в различных вариантах показывают изящество достигшего высокого совершенства архитектурного искусства в средневековом Хорезме.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Гулямов Я.Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957.
Денике Б.П. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.-Л., 1939.
Памятники архитектуры Туркменистана. Ленинград, 1974.
Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана. Ташкент, 1958.
Толстов С.П., Жданко Т.А., Итина М.А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958-1961 гг. // МХЭ. Вып.6. М., 1963.
Туребеков М., Алимбетов А. Раскопки городища Бограхан // Археологические исследования в Узбекистане – 2000 г. Самарканд, 2001.
Ягодин В.Н. Маршрутные археологические исследования в Левобережной части Приаральской дельты Аму-Дарьи // МХЭ. Вып.№7. М., 1963.

М.-Ш. Кдырниязов, О.-Ш. Кдырниязов
Каракалпакский Государственный
университет им. Бердаха, (Нукус)

РЕЛИГИЯ И КУЛЬТОВО-МЕМОРИАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ХОРЕЗМА В ЭПОХУ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Значение религии в истории народов Хорезма было известно еще со времен составления "Авесты". Научный мир, несмотря на разноречивые гипотезы, связывает с Хорезмом один из ранних очагов зороастризма. Страна Арьянам Вайдж отождествлялась с Хорезмом. Этому способствовало сложение хорезмийского государства к рубежу VII-VI вв. до н.э. [Рапопорт, 1998, с. 29]. Потом, тысячу лет спустя ислам заменил религию "огнепоклонников". Хорезм в средние века являлся одним из очагов духовности, просветительства и ислама, от него исходила миссионерская деятельность. Посланник халифа Мукдадира (908-932) к булгарскому царю Ибн Фадлан (922 г.) подчеркивал, что на Итиле политическое и культурное влияние Хорезма весьма велико. Хазарского кагана (VII-X вв.) окружали духовенство, ученые и деловые люди из Хорезма. Ал Бекри указывает на исламизацию печенегов (988-997 гг.) под влиянием хорезмийских миссионеров [Толстов, 1948, с. 262]. Этот процесс расширяется за счет миграции новых этнических элементов, проникших в Приаралье из Дешти-Кыпчака вместе с монголами. Причем, как и прежде, основную роль миссионеров играли представители суфийских общин, последователи известных шейхов. В различные исторические периоды радикальное течение суфизма не утратило связи с ремесленниками, городскими низами, оказывало своё прогрессивное влияние [Абулхаким, 1995]. Этим объясняется тесная связь сторонников суфизма с народом. Суфийские шейхи-наставники со временем приобретают авторитет и политическую силу. Господствующие классы в целях выгоды привлекают шейхов на свою сторону, они становятся приближенными правителей. В до- и монгольское время популярность святых, суфийских шейхов на Приаралье была очень велика. Имена Хаким-ата, Ахмед Яссави (XII в.), Наджим ад-Дин ал-Кубра, Сулейман Хадади Мусевий, Абдаллах Наринжаний (XIII-XIV вв.) были широко известны не только в Хорезме, но и Мавереннахре и сопредельных странах. XII-XV вв. - время поступательного развития мусульманской религии, наложившей отпечаток на духовную жизнь феодального общества. В средневековом Хорезме большое значение придавалось религиозным учениям. Не случайно, в источниках часто упоминаются "великие праведники шейхи", "имамы", "правоведы". Монгольские правители также покровительствовали святым шейхам и суфиям. Создавались религиозные учреждения, строились минареты, мазары над могилами мусульманских авторитетов. Возросла роль суфийских общин и для них учреждались вакфы.

В процессе борьбы против монголов прославился один из виднейших суфийских шейхов, деятель дервишского ордена "кубравия" - Наджим ад-Дин аль-Кубра (1145-1121). Он родился в Хиве и погиб на стенах Ургенча во время осады монголов. По данным источников и агиологии, шейх пользовался большим авторитетом не толь-

ко у своего народа, но и среди врагов. Рашидаддин в "Сборнике летописей" приводит рассказ о патриотизме шейха: «Чингизхан велел предупредить шейха о монгольском походе на Хорезм и предложил ему покинуть город (Ургенч), при этом обещал полную безопасность. Но "шейх вместе с народом сражался на стенах Ургенча» [Бартольд, 1963, с. 503]. Наджим ад-Дин Кубра побывал на западе мусульманского мира, общался с авторитетами суфизма, постоянно жил в Хорезме и имел последователей в лице шейхов Сададдин Хамави, Али ибн Аяла, шейх Сайфаддин Бохарзи и др. [Комилов, 1995, с.10]. Под влиянием западного суфизма он перенес в Хорезм их учение, в частности, музыкальные радения ("зикри захрия"). Возможно, со времен шейха хорезмийский оазис, район Приаралья и Северная Туркмения стали зоной классической "джахрия".

Яркой личностью в просветительском деле был поэт, мыслитель и ремесленник Пахлаван Махмуд (1248-1326). Его этико-философского содержания месневи "Канз ал-Хакаик" ("Казна истины") и литературная слава распространились далеко за пределами Хорезма [Ибн Вали, 1977, с. 19, 106; Жалалов, 1962; Исхаков, 1971, с. 20-25]. Его поэтический талант сочетался со скорняжным ремеслом и народным видом спорта "кураш". Вопреки некоторым мнениям творчество Пахлаван Махмуда было связано с суфизмом. Поэт и борец сделался патроном древней Хивы, впоследствии столичного города Хорезма. Широкая популярность Пахлаван Махмуда как святого борца сделала его еще и патроном правящей династии в ханстве. В.А. Булатова пишет: "развитие комплекса зданий (в мавзолее Пахлаван Махмуд) связано с возвышением Хивы как столицы молодой Кунградской династии и с популярностью самого имени Пахлаван Махмуда-народного героя и борца [Булатова, Ноткин, 1965, с. 33]. Усыпальница Пахлаван Махмуда превратилась в мощный комплекс культовых сооружений, который обслуживался большим числом духовных лиц, облагодетельствованных ханами.

В целом, в XIII-XV вв. возросла роль суфизма в исламизации местных племен Приаральского региона. Ненадолго прерванная исламизация степного Приаралья с новой силой развернулась с первого десятилетия XIV в., когда местные правители, духовенство и купцы стали играть сильную роль в создании синкретической культуры Золотой Орды и исламизации Дешти-Кипчака. Просветителем был ученый имам Номанаддин аль-Хорезмий - один из шейхов, преподававший религию в Сарае [Тизенгаузен, 1884, с. 307]. Уроженцем Хорезма был известный богослов Средней Азии с середины XIII в. имам Нуратдин Хорезми. Имам в присутствии великого кагана Гуюка провел духовный диспут с христианскими проповедниками и одержал блестящую моральную победу [Бартольд, 1963, с. 556].

Интеллектуальная среда Хорезма развивалась и в темуридскую эпоху. При Амире Темуре и темуридах прибыли в Самарканд факихи Хафиз Махмуд Мухрик аль-Хоразми, Жамолууддин Ахмад ал-Хорезми и историк, поэт Хафизаддин Мухаммад ибн Насураддин Мухаммед ал-Хорезми (умер 1423-1424) [Ибн Арабшах I, 1992, с. 152; Уватов, 1994, с. 53-в]. Исторический труд "Дил гараиб» ("Сердце редкостей") Худайберды ибн Кошмухаммеда Хиваки дополняет этот перечень. В нем упоминаются видные сторонники учения Кубравия-Жанмухаммед Азизхан Хорезмий (умер в конце XV в.), шейх Комалладдин Хусейн Хорезмий (умер в 1427/35 г.), суфист, поэт и музыковед Шайх Абулвафо Хорезмий (первая половина XV в.) [Ахмедов, 1982, с. 34; 1994, с. 335].

В средние века ислам в той или иной форме стал неотъемлемой частью культурной жизни Хорезма. Постепенно сложились условия для создания школы культуртрегеров. Чтобы по достоинству оценить выдающийся вклад Хорезма в исламскую религию, достаточно назвать имена таких выдающихся деятелей ислама, как Абул Касима Махмуд аз-Замахшари (1075-1144), Шихабаддин Хиваки (умер в 1220 г.), Наджмаддин Кубра (1145-1221), Бурханаддин аль Хорезми, Хафиз Махмуд Мухрик аль-Хорезми и Жамалууддин аль Хорезми (XIV-XV вв.). В каждом городе, даже в небольшом селении, была мечеть или медресе, где мударрисы славились знанием хадисов и фикха.

Письменные источники и археологические материалы позволяют всесторонне осветить историю религии и культово-мемориальные памятники Хорезма XIII-XV вв. В число первоисточников, упоминавших о мечетях и медресе Хорезма, входит домонгольская арабо-персоязычная литература. В ней упоминаются соборные мечети и намазгахи Кята, Дарган, Амуль, Садвара [МИТТ, I, с. 183, 187, 189], также сообщается о "людях разумению науки, фикха, способных к образованию", «отличающихся хорошим чтением Корана», называется "место собрания самых выдающихся мужей в мире" [МИТТ, I, с. 185; Бартольд, 1963, с. 544]. Письменные источники XIII-XIV вв. дополняют сведения ранних авторов. Ибн Баттута пишет, что в золотоордынском Ургенче были мечети и медресе, среди которых особо выделяет медресе Кутлуг-Темура, мечеть и ханако Тюрабек Ханым, три загородных ханако (завия) шейхов Наджимаддина Кубра, Джелаладдина ал-Самарканди и Абул Касима аль-Замахшари [Тизенгаузен, 1884, с. 309-310]. Согласно вакуфному документу Кутлуг-Темура от 1349 г., в селении Мадыр около Ханкы и на бугре Мазлумхан-сулу в Миздахкане был сооружен мавзолей и ханако шейха Сулеймана Хадади [Гулямов, 1957, с. 129, 169]. По сообщению Ибн Баттута, складывавшаяся в Хорезме в XIII-XIV вв. обстановка способствовала многообразию религиозных учений. Он отметил, что в Хорезме наряду с суннитством действовала итизаль - (мутизаль) -рационалистическое течение в исламе, проповедующее свободу воли [Тизенгаузен, 1884, с. 310; Ибрагимов, 1988, с. 111, рис. 30]. Учение мутазилитов, занесенное в Хорезм в XI в., имело многочисленных последователей, даже во второй половине XIV в., когда в Западной Азии мутазилитов не существовало, а Хорезм был благоприятен для ислама и развития мусульманской науки [Бартольд, с. 549].

Толерантность вероисповедования в золотоордынском обществе - характерное явление. Кроме суннитов, мутазилитов одинаково вольно проповедовались учения ханифитов и шафиитского толка [Тизенгаузен, 1884, с. 281, 284, 300]. Однако суть ислама не нарушалась, жители верили и строго соблюдали предписания шариата. В Хорезме существовали правила, когда "муэдзины при мечетях обходят дома живущих близ мечети оповещая их о наступлении времени молитвы. Кто не является на молитву вместе со всеми, тот наказывается имамом в присутствии общины. Для этой цели в каждой мечети повешена плеть, и нужно платить пять динаров, которые употребляются в пользу мечети или раздаются нищим и бедным [Тизенгаузен, 1884, с. 309; Ибрагимов, 1988, с. 73].

Результаты исследования показывают, что и при монголах на территории восстановленных городов, строились дворцы, медресе, ханако, мечети, мавзолеи. Удалось установить время возведения и первоначальную планировку сооружений. К таким сооружениям относятся широко известный уникальный мавзолей Тюрабек ханым, мавзолей Наджимаддина Кубро, минарет в Куня-Ургенче. Большое значение для

изучения строительной деятельности хорезмских зодчих золотоордынского периода имеют мавзолей Мазлумхан-Сулу, мечеть-медресе Халифа Реджеп [Юсупов, 1990, с. 116], культовый комплекс Шамун-Наби [Хожаниязов, Юсупов, 1997, с. 124-129], соборная мечеть Миздахкана [Кдырниязов, 1989, с. 119-120], мавзолеи Наринджан баба в Турткульском районе Республики Каракалпакстан и Шайх Мухтар-Вели Хорезмской области [Ноткин, 1962, с. 143-161]. В трудах историков материальной культуры разработаны типологические признаки памятников зодчества Средней Азии. Наиболее разработаны типологические линии центрического и портально-купольного однокамерного мавзолея, минарета, жилища, джума-мечети, намазгах, медресе и др. [Маньковская, 1980, с. 5-6]. Г.А. Пугаченкова классифицировала средневековую архитектуру (IX-XVII вв.) на однокамерные, многокамерные и дворовые композиции [Пугаченкова, 1958, с. 185, 186, 379; 1976, с. 32-33]. Здесь мы на основе функционального типа отдельно рассмотрим категорию культово-мемориальной архитектуры.

Из всей совокупности памятников средневековья целенаправленным исследованиям чаще подвергались сохранившиеся культово-мемориальные памятники хорезмского зодчества XIII-XIV вв. Хорошая сохранность объясняется привязкой к конкретным историческим личностям, заслужившим авторитет и уважение народа.

В памяти народов Приаралья до сих пор не стерлись имена героев-мучеников в борьбе с монголами Наджимад-Дина аль-Кубра, Шейха Шерефа, Гульгерден, "благочестивой принцессы" Тюрабек-ханым и поэта, борца Пахлаван Махмуда, и хорезмшаха султана Джелаладдина. Постройку культовых сооружений осуществили или поддержали ревностные почитатели - крупные феодалы, правители Хорезма. В них, как правило, хороший архитектурный, скульптурный и мозаичный декор, придающий сооружениям богатый вид. Это было результатом возрождения и общего подъема архитектуры Средней Азии в связи с ростом городов, ремесел и караванной торговли, расширением границ культурного общения между областями Мавераннахра. По данным письменных источников XIV в., отмечен заметный подъем культурной жизни. Изучение мавзолеев позволяет установить, что до- и монгольские сооружения относятся к группам с шатровым верхом, портально-купольными однокамерными постройками. Шатровый тип - многочисленная группа сооружений домонгольского периода, характерный признак которых - наличие конического или пирамидального купола. Развитие мавзолеев с шатровым перекрытием продолжалось в Средней Азии именно в северных областях (Хорезм). Это связано с многовековой традицией погребального обычая и постройками местных народностей. Наиболее древние мавзолеи шатрового типа были открыты и обследованы Хорезмской археолого-этнографической экспедицией на границе Хорезма с кочевой степью. В дельте Сырдарьи сооружены курганы Тагискена (IX-VIII вв. до н.э.) и мавзолей Баланды-2 (IV в. до н.э.) с цилиндрической погребальной камерой и пирамидальным шатром [Толстов, 1962, с. 88]. По гипотезе Г.А. Пугаченковой, шатровые мавзолеи ведут свое начало от древних погребальных сооружений, распространенных в среднеазиатской полукочевой среде у присырдарьинских тюрок-сельджуков. Хорезм исторически и географически оказался на пути огузо-сельджукской миграции. Здесь уместно напомнить, что мавзолеи Текеша (посл. четверть XII - нач. XIII вв.) и Иль-Арслана Фахр ад-дина Рази (вторая третья четверть XII в.) - однокамерные, портально-купольные центрические сооружения с шатровым куполом на призматическом корпусе. Степное, тюркское влияние на архитектуру Средней Азии просле-

живается и появлением декоративного портала. Существует даже термин "сельджукский портал», т.е. портал со сталактитовым нишевым сводом, который в XI-XII вв. распространился из Хорасана вплоть до Малой Азии и Багдада [Засыпкин, 1940, с. 40; Армарчук, 1998, с. 205]. Портально-купольная с шатровым покрытием постройка в XIII-XIV вв., хотя и формально, перекликается с памятниками Хорезма (Халифа Реджеп), мавзолеем Шемаха-калы и мавзолеями Джучи хана, Байтака, Кок-Кесене в Казахстане [Мендикулов, 1987, с. 46-52].

Поиски архитектурных мыслей XIII-XIV вв. в Хорезме привели к созданию принципиально нового типа мавзолеев двух- и трехкупольных сооружений. Многокупольный мавзолей, судя по сохранившимся памятникам, возник в Хорезме в эпоху Золотой Орды. Преобладающая часть мавзолеев Хорезма представляет собой большие многокамерные и многокупольные сооружения. Таковы мавзолеи Мазлум-хан-сулу (30-40-е годы XIV в.). Тюрабек-ханым (20-30-е годы XIV в.), Шейх Мухтар Вали (нач. XIV в.), Шамун Наби (XIII-XIV вв.) и др. Маленькие худжры по сторонам от центральной объемной комнаты также имели купольные перекрытия. Иногда архитектурный комплекс составлялся из нескольких частей: усыпальницы проповедника - мавзолей, тилеухана (чиллеханы), погребальной ограды и шейхханы (Шамун-наби) [Хожаниязов, Юсупов, с. 125]. В то же время, кроме декоративного портала, комплекс включал усыпальницу святого, мечеть, дополнительные архитектурные элементы подсобного и вспомогательного характера: кухня, кладовая, парадный вестибюль, карихана и дворик (Шейх Мухтар Вали) [Ноткин, 1962, с. 145 -146]. Однако объемные на вид сооружения построены в строгой композиции: для них характерен объемный купол в окружении больших и малых куполов, П-образный портал со стрельчатой аркой и пропорциональность. Монументальный портал, вздымающийся выше уровня общих стен, закрывает собой значительную часть купола. Высокий портал мавзолея Наджим ад-Дин Кубра (1322-1332) выше стрельчатой входной ниши увенчан трехъярусным сталактитовым необычайно красивым карнизом, составленным из желтых терракотовых кирпичиков и бирюзового цвета майоликовых элементов. Здесь же надпись на синем фоне, выполненная белыми буквами. Все это придает порталу одновременно стройность и монументальность. Именно в Хорезме сформировался тип портальных сооружений, ставших традиционными со времен монгольского вторжения в Среднюю Азию [Пилявский, 1974, с. 68]. Прекрасным образцом портально-шатровой архитектуры является мавзолей-ханако Тюрабек-ханым, усыпальница Суфидов, построенная в середине XIV в.

Тюрабек-ханым - здание трехчастного плана, построенное вдоль главной оси, состоящее из большого двенадцатигранного объема и перекрытое двойными куполами. Это грандиозное сооружение с хиджрой (кельей) у входа, обширным шестиугольным залом-зиаратхана и огромным порталом высотой 12 м. Здание увенчано высоким, синим коническим шатром, поднимавшимся на высоком барабане, украшенным мозаичными и майоликовыми плитками, составляющими единую композицию декорации. Мавзолей Тюрабек-ханым - Суфидов является высшим архитектурно-строительным и художественным достижением культового хорезмийского зодчества золотоордынского времени и образцом мастерства замечательных художников декоративной школы Ургенча [Пилявский, 1974, с. 53]. Известный историк искусства Б.В. Веймарн (1909-1990) справедливо считает, что "мавзолей Тюрабек-ханым—уникум нигде не повторенный, высокохудожественный и прекрасный по

точности пропорций, исполнением архитектурной конструкции и богатством декоративного убранства» [Веймарн, 1940, с. 67].

К типично культовым многокупольным сооружениям относится мавзолей Мазлумхан-сулу, построенный в земле. Над землей возвышаются купола и аркообразный вход. Отличительная ее особенность - отсутствие характерного для мавзолеев Ургенча высокого "П"-образного портала. Памятник состоит из ряда квадратных помещений разных размеров, включая главный купольный зал и боковые комнаты. Они расположены попарно и имеют разную ширину. Каждое крыло включает два купольных помещения, связанных проходами с главным залом. Большое квадратное (7,40х7,40 м) и малое (4,8х4,8 м) помещения перекрыты восьмигранным шатром [Пилявский, 1948, с. 17]. Симметрично расположенные от центральной оси боковые помещения перекрыты куполом типа "балхи" [Филимонов, 1967, с. 62; Кдырниязов, 1989, с. 112-115]. В золотоордынский период, кроме описанных культовых построек существовали мавзолей Наринджан-баба (перв. пол. XV в.), Пахлаван Махмуда (1247-1325), Саид Алауаддина (1303 г.) в Хиве [Маньковская, Булатова, 1978, с. 79, 149-150; 166-173]. Обзор ангиологии и связанные с ними культовые постройки показывают, что они возникали обычно на месте захоронения почитаемых - "авлие", "адылов" - исторических лиц, заслуживших особый авторитет и уважение народа. По этой же причине со временем там разрастались кладбища и культ святых ("кадамжой"), сливаясь с обрядами строительства специальных зданий для поминовения, молитв, зимней и летней мечети, специальных помещений для чтения Корана ("Коранхана"), жилищ паломников, усыпальниц, штата обслуги и ошхоны. Большинство культовых сооружений располагалось за пределами города, но с разрастанием территории они оказывались в городском полисе. К таким культовым постройкам, о которых упоминает Ибн Баттута, следует отнести загородные мавзолей-ханако шейхов Наджим ад-Дин аль Кубра, Джалалад-Дин ас-Самарканди, Тюрабек-ханым. Культовые постройки иногда превращались в мемориально-религиозные комплексы. В комплексе Джума-мечети в Миздахкане сочетаются зимние и летние мечети, завия ханако, комнаты для чтения Корана и обучения, усыпальницы, худжры для странников, ошхана и другие хозяйственные постройки. По структуре это мемориально-культовый центр.

Мавзолей Тюрабек-ханым и вскрытые рядом с ним здания "Гульгерден" - прекрасные образцы культово-мемориальных памятников Хорезма XIV в. Мавзолей ханако вместе с соседними развалинами воплотил в себе важные элементы мощного комплекса культовых сооружений. При раскопках "Гульгерден" найдена мозаичная надпись, слово "коранхана" [Юсупов, 1993, с. 44, рис.24; 1998, с. 216].

В золотоордынский период кроме мавзолеев преимущественно строятся ханако с центрально-купольным квадратным залом и вспомогательными постройками по сторонам. Появление культовых построек типа ханако связано с зарождением суфизма (тасаввуф) и строительством первых обителей суфиев VII-XI вв. В различных регионах мусульманского мира они назывались - рабат, завия и ханако [Маньковская, 1980, с. 125; Юсупова, 1996, с. 52]. Термин "завия" в Мавераннахре (Самарканд) и Хорезм (Ургенч) впервые был упомянут в "Путешествии" марокканца Ибн Баттуты. В частности он пишет "За Хорезмом (Ургенч - М.-Ш., О.-Ш.К.) находится завия ("скит" по Тизенгаузену), выстроенная над могилой шейха Наджим ад-Дин аль-Кубра ... В завия для приезжающих и уезжающих (всегда) находится пища ... Есть там также завия, в котором шейхом состоит ... Джалалад-Дин ас-

Самарканди [Тизенгаузен, 1884, с. 309]. С конца XIII в. и в XIV в. в Мавераннахре, Хорезме усиливаются суфизм и культ святых. Правители покровительствовали святым шейхам и суфиям, поощряли строительство мемориальных зданий-мавзолеев, поминальных мечетей - это способствовало развитию суфизма. По данным источников эпохи Золотой Орды в Хорезме было построено немало ханако, но до наших дней были исследованы лишь единицы. Таково ханако в комплексе построек XIII-XIV вв. у Соборной мечети Миздахкана. По содержанию вакуфа 1349 г., оно было построено в часть "шейха Сулеймана Хадади-Мусевия... у подножия бугра Миздахкана, известного святилища Хорезма» [Гулямов, 1957, с. 169]. Здесь в центре прямоугольно-осевого в плане сооружения размещался обширный зал, за ним, на главной оси, возможно, усыпальница, вокруг них другие служебные помещения (жилище, кельи, худжры для чтения и обучения молитв, трапезная - ошхона) [Кдырниязов, 1989, с. 119-121; Хожаниязов, Юсупов, 1994, с. 32-33]. Однако эти постройки в эпоху Темуридов претерпевают изменения.

Эпоха Амира Темура, Темуридов была временем расцвета культуры во всех ее проявлениях. В блистательном зодчестве эпохи Темуридов особое место занимали культовые постройки - ханако. В XIV-XV вв. ханаки превращаются в обширные сооружения, построенные по определенному плану, нередко отличающихся величием форм и великолепием декоративного убранства [Пугаченкова, 1976, с.75]. В целом, по определению М.А. Юсуповой, "ханако" в эпоху Амира Темура это "наличие творческих и материальных ресурсов, сосредоточенных в централизованном государстве, воплощающиеся в виде гигантских зданий" [Юсупова, 1996, с. 54].

В последние три десятилетия XX в. на территории средневекового Хорезма изучена значительная серия до- и послемонгольских погребений. Они дают представление о погребальном обряде населения Хорезма золотоордыеского периода. Для всех исследованных могил, синхронных монгольскому времени, как для городских (Джанпык-кала, Миздахкан), так и окраинных, расположенных в разных районах Хорезма (караван-сараи, курганы Устюрта) характерен почти единообразный ритуал - строгое соблюдение правил киблы, предписание мусульманского канона, ориентировка умершего лицом к Мекке с поворотом на правый бок; наличие исследованных погребений внутри ямной обкладки из сырцового или жженого кирпича, образующие в плане трапециевидные ящики, ориентированные по данной оси восток-запад; деревянные гробы, для сколачивания которых в этот период начинают использовать железные гвозди; наличие сохранившихся намогильных сооружений с орнаментальной декорацией из обыкновенных шлифованных кирпичных плит с высокохудожественными цветными панно из майолики.

В религиозно-обрядовых верованиях населения Хорезма, как в эпоху Хорезмшахов, так и в эпоху Золотой Орды, особых изменений не происходит. Интересно отметить, что использование деревянных гробов не зафиксировано в домонгольское время. Деревянные гробы достаточно представлены в погребениях XIII-XIV вв. Миздахкана [Ягодин, Ходжайов, 1970, с. 43], Джанпык-кала [Манылов, Ходжайов, 1972, с. 73], позднекочевнических курганах Устюрта [Ягодин, 1990, с. 132]. Своеобразны и другие детали. В некрополе Миздахкана в отдельных погребальных оградах обнаружены остатки одежды (ткани коричневого и зеленого цветов с шитыми аппликациями растительного характера); сердоликовые бусы; амулеты и кольца; сероглиняные кувшины с яйцами, покрытые арабской надписью [Кдырниязов,

1989, рис. 30, 1-3; Хожаниязов и др., 1989, с. 66-67]. Перечисленные факты совершенно не свойственны мусульманским могильникам домонгольского Хорезма. Вся совокупность материала - своеобразный погребальный ритуал - позволяет отнести часть захоронений на бугре Миздахкан к числу погребений, оставленных мигрантами-кочевниками. Однако вряд ли можно говорить о его принадлежности и монголам. Выбор места захоронения (курганообразный холм Жумарт кассаб), наличие богатого инвентаря наводит на мысль о возможности погребения представителя аристократического слоя общества тюркского Дешти-Кыпчака, перешедшего к оседлоземледельческой традиции. Следует заметить, что в XIII-XV вв. еще не наблюдается массового проникновения в оседлоземледельческую среду степных жителей.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Абулхаким Шаьрий. Тассафув талимотининг илдизлари // Мулохат. 1995. № 1-2.

Армарчук Е.А. Изучение памятников Куня-Ургенча: старые и новые гипотезы // Приаралье в древности и средневековье. М., 1998.

Ахмедов Б.А. Новые сведения о Хиве // ОНУ. 1982. № 9.

Ахмедов Б.А. Тарихдан сабоқлар. Ташкент, 1994.

Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. IV. М., 1963.

Булатова В.А, Ноткин И.И. Архитектурные памятники Хивы. Ташкент, 1975.

Веймарн В.В. Искусство Средней Азии. М., 1940.

Гулямов Я.Г. История орошения Хорезма с древнейших времен. Ташкент, 1959.

Жалалов Т. Пахлован Махмуд. Ташкент, 1962.

Засыпкин В.А. Архитектура Средней Азии. М., 1948.

Ибн Арабшах. Темур тарихи.1-жилд. Тошкент, 1992.

Ибн Вали. Море тайн. Ташкент, 1977.

Ибрагимов Н. Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М., 1988.

Искахов Я. Пахлаван Махму хакида баьзи мулохозалар // Ўзбек тили ва адабиети. 1971. №2.

Камилов Н. Наджимаддин Кубро. Ташкент, 1995.

Кдырниязов М.-Ш. Материальная культура городов Хорезма XIII-XIV вв. Нукус, 1989.

Ноткин И.И. Малоизвестные памятники Хорезмского зодчества // Искусство зодчих Узбекистана. Вып.1. Ташкент, 1962.

Маньковская Л.Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX-XIX вв.). Ташкент, 1980.

Маньковская Л.Ю, Булатова В.А. Памятники зодчества Хорезма. Ташкент, 1978.

Манылов Ю.П, Ходжайов Т.К. Средневековый мавзолей Джампык-кала // Вестник ККФАН РУ. Нукус, 1972. № 2.

Материалы по истории туркмен и Туркмении. Том. I. М.-Л., 1939.

Мендикулов М. Памятники народного зодчества западного Казахстана. Алма Ата, 1987.

Пилявский В.И. Куня-Ургенч. Л., 1974.

Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Ашхабад, 1958.

Пугаченкова Г.А. Зодчество Центральной Азии. Ташкент, 1976.

Рапопорт Ю.А. Краткий очерк истории Хорезма в древности // Приаралье в древности и средневековье. М., 1998.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том. I. СПб, 1884.

Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.: МГУ, 1948.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.

Уватов У. Сведения Ибн Арабшаха о Мавераннахре // Вопросы истории, экономики и культуры народов Средней Азии и стран зарубежнего Востока. Вып.2. Ташкент, 1975.

Филимонов В.М. Уникальный памятник гражданского зодчества дворец Мазлумхан сулу // Материалы и исследования по истории реставрации архитектурных памятников Узбекистана. Вып.1. Ташкент, 1971.

Хожаниязов К.Х, Юсупов Н.Ю., Кдырниязов М.-Ш., Туребеков М.Т, Сайпанов Б.С, Багдасарова Н. Археологические исследования в некрополе Миздахкана // Вестник ККФАН РУ. 1989. № 3.

Хожаниязов Г.Х, Юсупов Н.Ю. Новые данные о комплексе Шамун Наби // Вестник ККОАН РУз.1997. № 3.

Юсупова М.А. Архитектура хонако эпохи Темуридов (к эволюции суфийских обителей Средней Азии) // ОНУ. 1997. № 3-4.

Юсупов Х. Сердце древнего Хорезма. Ашхабад, 1993.

Юсупов Х. Выдающиеся архитектурные памятники древнего Гурганджа // Приаралье в древности и средневековье. М., 1998.

Ягодин В.Н, Ходжайов Т.К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970.

Ягодин В.Н. Стреловидные планировки Устюрта // Археология Приаралья. Вып.V. Ташкент, 1991.

Г.А. Акимниязова
Нукусский государственный педагогический институт им. Ажинияза, (Нукус)

ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ И ТОРГОВО-РЕМЕСЛЕННЫЕ ГОРОДА СЕВЕРНОГО ХОРЕЗМА

Великий Шелковый путь играл огромную роль в истории человечества. Его формирование началось в III-II тысячелетиях до н.э, с примитивной формы контактов и торговых связей между близлежащими регионами. Тогда обменным товаром был лазурит горного Бадахшана, нефрит из Хотана (верховья реки Яркенд). Со времени образования Степного пути (I тыс. до н.э.) протяженные торговые дороги охватывают новые территории. В середине II в. до н.э. ВШП начинает функционировать как основная торговая трасса в Евразии, начинаясь в Чаньани (древняя столица Китая), транзит через земли Центральной Азии выводит к восточному побережью Средиземного моря (Рим), и общая протяженность составляла около семи тысяч километров. Впоследствии с активизацией регулярной дипломатической и торговой связи между странами основная артерия торгового пути дробилась на множество ответвлений, которые соединялись городами и культурными оазисами. Однако надо отметить, что основной путь с востока на запад в течении пятнадцати веков проходил через земли Центральной Азии. Этот путь проходил и по центральным и периферийным средневекового Хорезма.

В средневековых источниках описываются караванные маршруты между населенными пунктами в Хорезме. Так, в сочинении ал Истахри «Китаб масалик ал мамалик» («Книга путей стран»), написанном в 830-833 гг., приведены следующие обьекты городской культуры низовьев Амударьи: главный город Хорезма это - Джурджания (Гургандж), затем по значимости следуют населенные пункты: Хива, Хазарасп, Хушмисан, Ардахушмисан, Нузвар, Кардаранхош, Сафардоз, Дарган, Дарджаш, Курдер, селение Баратегин, Мазминия, Маздахкан.

В сочинении Ибн Хаукаля «Китаб ал месалик ва-л мемалик», написанном в X в., мало сведений касательно исследуемого нами региона, те данные, которой он приводит в некоторой степени повторяют сведения других авторов. Однако в его описании есть информация о ранней столице Хорезма Дарджаше и Касе (Кят). В частности, Кас имеет цитадель, шахристан (внутренний город), соборную мечеть, зиндон (тюрьма) пересекающий город канал Джардур и рынок [МИТТ, с.183]. Судя по сведениям Ибн Хаукаля, город расположен на торговом пути. Как отмечает автор, «рынки его были благоустроенными, торговля обильна и оживлена». В отличие от других авторов Ибн Хаукаль приводит историко-топографические сведения и о новой столице области. Столица Хорезма Джурджан часто упоминается и в других ранних арабских источниках как «самый большой город» области [МИТТ, с.181]. Географический словарь ал Макдиси «Ахсан ат такасим фи-марифат ал-акалим» («Лучшее разделение в познании климатов») составлен в 985-100 гг. В сочинении, наряду с другими сведениями мусульманского мира, значительное место

отведено Хорезму, где дан более подробный список городов, селений (их 33) и ассортимент ввозимых и экспортируемых товаров. Помимо общего списка населенных пунктов, в работе ал Макдиси есть данные о дорогах, топографии городов, некоторые замечания о составе и образе жизни населения. В частности, он пишет, «Джурджан - главный город Хорасанской стороны», через Замахшар, Джигербент, Джаз, Джит (Пульжай) проходила «большая дорога» (караванный путь - Г.А.). Это позволило Хорезму в домонгольское время быть «местом торговли с гузами и тюрками», отдаленными регионами Евразии [МИТТ, с.186]. Именно ал Макдиси, в отличие от других авторов средневековья, составил подробный перечень торговых наименований Хорезма. Судя по его замечанию, Хорезм, являясь ключевым транзитным пунктом, торговал с Волжской Булгарией (X-XIII вв.) и получал 27 видов иноземного товара. Эта выгодная торговля осуществлялись благодаря наличию караванной дороги через северный Хорезм на Восточную Европу. В первом персидском анонимном географическом сочинении, «Худуд ал Алам» («Границы мира»), написанном в 982 г., также содержатся некоторые сведения о главных торговых городах Хорезма. В этой работе дана подробная характеристика Кас и Гурганджу, тогда они были «воротами в Туркестан гузский, местом стечения купцов». То есть эти столичные города в средневековье располагались на караванной дороге, связывавшей с тюркским миром Арало-Каспийского региона.

В целом, начиная с VI-VII вв. в течение последующих столетий через Хорезм шло большинство посольских и торговых караванов. Однако со временем в связи с политическими и иными обстоятельствами внутренние трассы Хорезма, связанные с основной артерией, претерпевали изменения. В IX-XII вв. маршрут Хорезм - Арало-Каспийское междуморье (Устюрт) - Северный Каспий - Восточная Европа - Кавказ использовался менее интенсивно. Однако, в XIII-XIV вв. он вновь оживляется. Это сыграло важную роль в развитии городской культуры этого региона (т.е. северной части Хорезма). Этот участок ВШП, если двигаться из столицы Хорезма Гурганджа на северо-запад шел через Шемаха-кала, Ай-ата, Бограхан, Пульжай, далее к караван-сараям Устюрта, Шемаха-кала, один из торгово-ремесленных центров северного Хорезма, возникает еще в раннем средневековье, упоминается в записках Ибн Фадлана. Именно здесь в 922 г. в конце зимы остановился большой караван во главе Ибн Фадланом, отправляющийся к царю болгаров Алмасу и представляющий египетского султана. О нем ибн Фадлан пишет: «отправляясь из ал-Джурджании (Ургенча - Г.А.) остановились в рабате, называемом Замджан, а это врата тюрок (баб ат-тюрок)» [МИТТ, с. 158]. Урбаноним Замджан по мнению исследователей соответствует городищу Шемаха-кала [Толстов, 1948 б, с. 311; Манылов, 1978, с. 279]. Шемаха-кала расположен в 60 км от современного города Куня-Ургенч на выступающем пологом отроге плато Устюрт, отсюда и удобный подъем на чинк. Археологические исследования памятника наряду с другими находками выявили образцы торгово-ремесленных изделий. Среди них обертки березовой коры (Русь), люстра (Иран), селадон (Китай) и монеты Токта (1291-1313), Узбека (13123-1340) и Джанибек хана (1340-1357). Приметными признаками памятника являются и следы ремесленного производства. Таким образом, Шемаха калу можно считать одним из основных памятников Хорезма на ВШП.

Из Шемаха-кала через рабаты Ай-ата, Куланлы дорога на чинке приводила в крупнейший город северного Хорезма Пульжай. Его также называет ибн Фадлан (Гит, Джит). Это основной пункт Хорезма, расположенный близко к кочевому ми-

ру Арало-Каспия, он послужил форпостом взаимосвязей со степными племенами. Пульжай имеет своеобразную планировку. Обитатели этого открытого поселения свои дома не строили по определенному плану. Здесь не наблюдается цепочки жилых кварталов и улиц. В планировке поселения господствуют развалины небольших построек, состоявших из одного, реже двух-трех помещений, без садово-огородных участков и дворовых оград [Кдырниязов, Искендерова, Турганов, 2006, с. 130]. Отсутствует общегородская стена. Такая хаотичная планировка, нерегулярные застройки типичны для этих мест особенно хорезмшахского и золотоордынского времени. Археологические работы, проводимые в 70-х годах XX в. вдоль этого маршрута открыли десятки башен, караван-сараев и городищ IX – XIII вв. Среди них караван-сараи и башни Куланлы, городище Большой Айбуйир-кала, Калалык, Топрак-кала Кунградская и Бограхан. Отмеченные башни и караван-сараи, в основном, расположены вблизи спуска или подъема на плато Устюрт. На одном из подъемов на Устюрт вблизи современного г. Кунграда расположено городище Топрак-кала. Городище исследовали В.Н. Ягодин и М.Т. Туребеков. Памятник локализуется с древним населенным пунктом Куджаг упоминаемым у арабского географа ал Истахри [МИТТ, с.179]. По результатам исследований, Топрак-кала был центром средневекового рустака (IX-XIV вв.). Вокруг городища до недавнего времени сохранились следы древних полей, магистрального канала и его ответвления [Ягодин, 1963, с. 80-83]. Другим памятником городской культуры северного Хорезма является городище Бограхан. Сведение о памятнике опубликовано в материалах Хорезмской археологической экспедиции, в статье В.Н. Ягодина [Толстов, Жданко, Итина, 1963, с. 27; Ягодин, 1963, с. 86-90]. Следующие значительные работы на Бограхане произвел М.Т. Туребеков. Памятник состоит из цитадели, шахристана и неукрепленного рабада. Такой признак, как «триада» обычно имеют более развитые города Центральной Азии. Действительно, в ходе новых археологических работ на городище выявлены соборные, летняя и зимняя мечети, минарет и другие монументальные сооружения [Туребеков, 2003, с. 184]. Эти характерные признаки среднеазиатского города, вкупе с огромной ирригационной сетью («Ак каичи» - дамба и каналы) позволяют считать, что Бограхан в средние века связывая торговлю Хорезма с внешним миром. Об этом также свидетельствует комплекс образцов материальной культуры, среди которых золотоордынские монеты, изделия из талькохлорита, архитектурный декор (майолика) и набор кашинной керамики. Городище Бограхан локализуется с населенным пунктом Мазминия, о котором упоминают ал Истахри, ал Макдиси и автор «Худуд ал Алем» [МИТТ, с.178, 187, 216]. В целом, урбанонимы Замджан («баб ат-тюрк»), Куджаг (Топрак-кала), Гит-Джит (Пульжай) и Мазминия (Бограхан) часто упоминаются в описаниях торговых маршрутов, по ним ведется сравнительный ориентир движения караванов.

Возникновение этих памятников средневекового Хорезма над и под чинком Устюрта хронологически совпадает с усилением политической и культурной «экспансии» хорезмийцев. Хорезмшахи второй династии в лице Мамунидов установили активные культурно-политические связи с Хазарией, Волжской Булгарией. Ал-Макдиси указывает, что «городами Хазарии иногда завладевает владетель Джурджании (Ургенч)». Продолжали хорезмшахи – Ануштегиниды. «Великие Хорезмшахи» наряду с другими регионами Центральной Азии активно наступали на Мангышлак и низовье Сырдарьи. В целом, активизация хорезмийцев в средние века усилили интеграционные процессы в Арало-Каспийском регионе. Этому также спо-

собствовало усиление торговых интересов Хорезма. Этот интерес особенно усилился после распространения ислама на Восточную Европу (Булгария) и кочевую среду. По этому поводу востоковед, академик В.В. Бартольд пишет: «Хорезм был обязан своим богатством исключительно торговле с кочевниками, по-видимому, получивший при исламе значительное развитие, эта торговля сосредоточивалась в северной части Хорезма» [Бартольд, 1922, с.14].

Таким образом, средневековые города, торгово-ремесленные центры северного Хорезма, удобно располагаясь на межрегиональной караванной дороге, участвовали в международной торговле или посещались караванами ВШП.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бартольд В.В. История Туркестана // Труды Туркестанского государственного университета. Вып.2. Ташкент, 1922.

Кдырниязов М.-Ш., Искендерова А., Турганов Б. Археологические работы на городище Пульжай // АИУ-2004-2005 гг. Ташкент, «ФАН», 2006.

Толстов С.П., Жданко Т.А, Итина М.А. Работы Хорезмской археологическо-этнографической экспедиции АН СССР в 1958-1960 гг. // МХЭ. Вып. 6. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Туребеков М.Т. Работы археологического отряда Каракалпакского госуниверситета // АИУ -2002 г. Вып.3. Ташкент, Абдулла Кодирий нашриёти, 2003.

Материалы по истории туркмен и Туркмении. Том. I. М.-Л., 1939.

Ягодин В.Н. Маршрутные археологические исследования в левобережной части Приаральской дельты Амударьи // МХЭ. Вып.7. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Т.П. Абдуллаев
Ал Хоразмий номидаги
Урганч давлат университети, (Урганч)

ЎРТА АСРДАГИ ХОРАЗМНИНГ КУЛОЛЧИЛИК ХУНАРМАНДЧИЛИГИ (XII-XIV асрлар)

Кулолчилик ҳунармандчилиги одамзот жамияти тарихида қадимдан шаклланган тармоқлардан бири. Ўрта Осиё шароитида ўзининг оммавийлиги, яхши сақланиши ва тарихий маълумотни ўзида мужассамлаштириши билан сополнинг олдига тушадиган хунармандчилик маҳсулотлари кам. Хоразмдаги кулолчиликнинг ривожланишининг янги босқичи илк ва ривожланган ўрта асрларга тўғри келади. Бу давр кулолчилик хунармандчилиги маҳсулотлари тури XX-асрнинг 50-60 йиллари Е.Е. Неразик ва Н.Н. Вактурская томонидан ўрганилган [Неразик, 1959, с. 221-260; Вактурская, 1959, с. 261-342]. Лекин бу тадқиқотлар ўтган асрнинг биринчи ярмида тўпланган археологик маълумотларга асосланади ва кўпчилик жиҳатдан материалларнинг камлиги туфайли ўрта асрдаги вилоят кулолчилик тарихи мукаммал ёритилмади. XX асрнинг иккинчи ярми ва XXI аср бошида Ўзбекистон Республикаси Фанлар Академиясининг Қорақалпоғистон Бўлими (1959 й.), Музейлар, Хоразм Маъмун академиясининг ташкил топиши билан кулолчилик тарихига оид янги тадқиқотлар илмий жамоатчиликка тақдим этилди. Хоразмнинг урбанизация марказлари Куҳна-Урганч, Хива, Миздахкан, Жампиқ қалъа, Ҳозарасп, Кердер каби шаҳар ёдгорликларидан янги археологик ашёлар олинди. Бу изланишлар натижасида тўпланган ва олинаётган янги маълумотларни умумлаштириш, тарихга йўналтириш орқали XII-XIV аср Хоразм кулолчилик хунармандчилигининг ўзига хос хусусиятларини, маданий алоқалардаги ўзаро таъсирини таҳлил қилишни ушбу мақоламизда мақсад қилдик.

Хоразмшоҳлар-Ануштегинлар (1097-1231) ва Хоразмнинг Чиғатой, Жўжилар давлати қурамида (Олтин Ўрда-1241-1388) кулолчилик ҳунармандчилиги моддий маданият тарихида ўз тараққиётининг энг юқори нуқтасига чиқади. Бу давр кулолчилиги комплекси ўзининг характерли белгилари билан Ўрта Осиё ва қўшни этномаданият марказларида топилган сополлардан асосий хусусиятлари билан ажралиб туради. XII-XIV асрларда Хоразм кулолчилигида уй шароитида, қўлда ясалган идишлар жуда камаяди ва асосан кулолчилик чархида ясалган оммавий маҳсулотлар ва махсус қолипларда шакллантирилган кошон (кашин) буюмлар - идиш тавоқ, меъморий безаш тахтачалари, тақинчоқлар кенг фойдаланилади. Умуман араблар давридан сўнг бошланган маҳаллий аҳолининг дунёқараши ишлаб чиқариш жараёнларида ҳам ўз йўналишларини ўзгартирди. Кулолчиликда асосан икки хил йўналишда таёрланган сополлар шаклланди. Махсулотлар сирланган ва сирланмаган идишларга бўлинди.

Кулолчилик маҳсулотлари асосан кулрангда, ташқи юзаси қора рангда ангобланган. Дастлабки кулранг идишларнинг Хоразмда қўлланилиши антик маданиятига тааллуқли бўлиб, кейин бу каби сопол идишлар анъанавий тарзда

хоразмшоҳлар-африғлар маданиятидан сўнгги давр ёдгорликларида ҳам кўплаб учратилади. Кулранг лойга арзимас миқдорда органик (дресва) ёки қум моддаси қўшилиб тобида пиширилган, бу юпқа танали, енгил чиройли буюмлар тайёрлашда қулай бўлган. Сополларга кўпроқ қора ангоб берилиб, усти махсус кулоллар асбобларида силлиқланиб йилтироқ сайқал (лощение) берила бошланади. Бу каби нақшлаш услубини Хоразм худудидаги қатор ёдгорликлардаги топилмалар билан қиёсий солиштириб уларнинг технологик ишланиши жиҳатдан кушонлар даври сайқаллаш анъаналарига ўхшашлигини кўрамиз [Воробьева, 1959, с.155, 165]. Бу ўхшашлик идишлардаги сайқал нақшларнинг кесишган, доира, радиал чизиклар шаклида солиниш анъаналари кўпроқ қадимги замонларга қайтиш ҳолатини эслатади. Лекин XII-XIV аср Хоразм воҳаси кулолчилигида ўзига хослиги билан фарқ қилинган жараёнлар бор. Буни кулолчилик буюмларини қўшни минтақалар билан солиштириб кўрганимизда маҳаллий буюмлар шакли ва безаш услуби жиҳатдан бошқа регионлардан фарқ қилганини кўрамиз.

XII-XIVасрлар сопол турлари асосан хўжалик ва ошхона идишларидан иборат. Аммо махсус ишланган мосламалар ҳам мавжуд. Ошхона идишларига хум, кўзалар, ғулча, тоғора, коса, пиёла, тарелка, қозон каби идишлар тегишли.

Хумлар тўмтоқ гардиши ташқарига қайрилган ҳолда бўлиб чўзинчоқ «тухумсимон» танали ва текис тагли. Бўйин қисмида бармоқ билан босилган ёки чизма безаклар учрайди, ташқи юзасига қора ангоб суртилган. Босма безаклар илк бор африғлар даврида (VII-VIIIаср) мавжуд бўлиб, Хоразмшоҳлар-Ануштегинлар, Олтин Ўрда даври сополлари мажмуасида ҳам учрайди.

Кўзалар калта кенг ёки узун, тор бўйинли, гардиши кесимда учбурчак, тўмтоқ овалсимон ва ташқарига қайрилган, кесимда думалоқ дастали чўзинчоқ - ноксимон, таги текис. Бу кабилари Хоразмшоҳлар даври ёдгорликларида кўплаб кузатилади, қора рангда ангобланган. Танасининг ташқи юзасида ўртадаги қаварик (дўмбоқ) жойгача йилтироқ ва чизма геометрик (учбурчакли, радиал) чизиқлар излари кузатилади. Таькидлаш жоизки, кўзалар фақат ташқи томондан ялтиратилган. Кўзаларнинг сиртқи томондан ялтиратилиб безаш юқорида таъкидлагандек, Хоразм воҳаси ёдгорликларида антик даврдан маълум. Махсус қуролларда ялтироқ сайқал бериш олимларнинг фикрича бу каби идишларни сирти ялтироқ темир буюмларга тақлид килиш сабаби бўлган [Вактурская, 1959; Шишкина, 1979]. Чунки темир идишлар анча қиммат бўлган, уни маълум тоифадаги аҳоли сотиб олишга қурби етган. Босма-штамп услубда нақшланган нусхалари ҳам мавжуд. Булардан ташқари айрим шарсимон кўзаларда тўқ қора рангда бўйнидан пастка қараб айланма «қўчқор шохи» шаклида нақш берилган. Бу усулда айланма нақшлар солиш Хоразм кулолчилиги учун янгилик эмас. Чунки идишнинг буйин қисмидан пастга қараб айланма «қўчқор шохи» нақш солиш тадқиқотчиларга илк кангюй давридан (мил.авв. IV-IIаср) маълум [Воробьева, 1959, с. 93, рис. 9, 5, 7, 8, 10]. Шу ҳолат асосан хоразмшоҳлар (XI-XIIIаср боши) ва муғуллар даври (XIII-XIVаср) ёдгорликларида мавжуд. Умуман кўзалар барчаси шаклан бир-бирига ўхшаш булгани билан уларнинг гардиши ичкарига ёки ташқарига қайрилганлиги, тарновсимон безалган оғзи (слив) ёки қўшимча ишланган қисми билан (қумғонларга хос жўмрак) фарқ қилади. Бу давр Хоразм кўзаларидаги янги, XIII- асрдан эътиборан шаклланган, олдинги даврларга хос бўлмаган «офтоба» номи билан Ўрта Осиёда XIIасрдан қўлланилган жўмракли, думалоқ дастали кўзалар ясаш одат тусига киради. Сўнги даврларда бу каби чўян ва мис идишлар Хоразмда «қумғон» номи билан маълум. Кўзалар шакли-

даги ўзгарувчанликни Миздахкан шаҳрини қазиш жараёнида топилган, бўйни йўқ, устки юзаси берк, гардиш ўрнига кесимда айланма даста ўрнатилган жумракли «мургаби» туридаги кўзада ҳам кўришимиз мумкин. Бундай идишлар қадимги юнонларда «аск, аскос» номи билан кўп тарқалган. Марказий Осиёда «аскос»-«мурғоби» шаклидаги идишлар Бақтрия (Поёнқурғон, мил.авв. IIаср), Фарғона (Қува, XIIаср) ва бошқа жойларда Юнон-Бақтрия давридан маълум [Ширинов и др., 1998, б. 61.-18-19, расмлар; Абдуллаев, 2001, с. 78-80]. Миздахкан кулоллари таёрлаган «мурғоби» идишида ҳам Ўрта Осиёга эллинлар маданияти таъсири билинади. Афросиёбни қазиш жараёнида топилган «кратер» шакл жиҳатидан «аск»ка яқин. Тадқиқотчилар М. Исамиддинов ва К. Абдуллаев юнонларнинг «фиала» (ўзбекча «пиала»), «лекан» (ўзбекча «ляган») номларининг Марказий Осиё археологик топилмаларида қайд қилинишини қадимги анъаналарга тақлид-таъсир этиш деб таъкидлайди [Исамиддинов, 1993, б. 29; Абдуллаев, 2001, с. 80]. Кўзаларни таёрлашдаги яна бир янгилик-идиш-лар-нинг сиртига штамп - қолипда бўртма нақшлар бериш одат тусига айланади. Буртма нақшли кўзаларда геометрик, ўсимлик ва зооморфли безаклар мавжуд. Зооморфли тасвирларда балиқлар, қуёнлар ва қушлар аниқ берилган. Бу каби безакларни шакллантириш жуда сермеҳнат ва сермашаққат усул ҳисобланади. Ушбу кўзаларни ясаш жараёнида кетма-кет келувчи технологик жараён такрорланган. Идишнинг остки ва устки қисми олдиндан танланган маълум идишсимон штамп-қолип ичига солиниб бир формага келтирилган ва ундан керакли шакл-нусха олинган. Кейин идишнинг устки ва остки қисми қўлда ёпиштирилган. Ушбу технологик жараён ёрдамида тайёрланган идишлар Хоразмдан ташқари XII-XIIIасрлардаги Марв воҳасидаги ёдгорликлардан чиққан. Шунга асосланиб С.Б. Лунина бу бўртма нақшли кўзалар Жанубий Туркманистон (Марв) маҳсулоти ва бошқа жойларга кейин ўтган (Самарқанд, Хоразм) деган фикрни билдирган [Лунина, 1977, с. 128-129]. Аммо бу фикр бир тарафлама, уни Хоразм шароитига қабул этиш мумкин эмас. Чунки янги археологик тадқиқотлар туфайли Замахшар, Даудан калъа, Яр-бекир, Миздахкан, Жампиқ қалъа ёдгорликларида (XII-XIVаср) бўртма нақшли штамп-қолип ёрдамида таёрланган маҳсулот турлари ва қолипларнинг ўзлари аниқланган [Вактурская, 1959, с. 264-265, 306; Кдырниязов, 1993, б. 93; Туребеков, 2003, с. 77]. Бошқа кўринишдаги, янги шаклдаги кўзаларнинг бири оғзи кенг, бўйин гардишида кесимда думалоқ дастаси бор челаксимон идишлар. Қора рангда ангоб берилган ва тобида пиширилган. Улар нақшсиз, фақат горизонтал шаклидаги бармоқ излари бор. Бу шаклдаги кўзалар Жампиқ қалъа, Миздахкан ва XIII-XIVасрдаги Кўҳна Уаз воҳаси қишлоқ жойларида қайд қилиниб XIII-XIVасрлар билан саналади [Манылов, Кдирниязов, 1984, с. 75; Кдирниязов, 1989, с. 144, рис. 6, 6].

Ғулчалар (горшки) биконик, думалоқ ва цилиндрсимон шаклларда, гардишлари ташқарига қайрилган. Қора ангоб берилган ва ялтиратилган. Ғулчалар таглиги билан ҳам фарқланиб, улар кенг халқасимон ва текис тайёрланган, уларнинг ташқи юзаси горизонтал айлана ва тўр шаклида ялтиратилган сайқал билан безатилади**.** Миздахкан усталлари маҳсулоти ғулчоларида буйин пастида ёки тагининг юқорироғида «янтоқгули» шаклида безак мавжуд. Бу каби идишлар шаклан ва ишланиш технологияси жиҳатдан махсус кулоллар маҳсулоти хисобланади ва Миздахкан сополи мажмуаларида етарли даражада учрайди. Хоразмнинг ялтиратилган сирсиз маҳсулотлари ичида **тоғоралардан** ҳам кўп фойдаланилган. Улар шаклан кесимда кесик конус шаклида булиб, ташқарига қайрилган учбурчак ва айланма

тумтоқ кесимдаги гардишли. Тоғоралар асосан йирик, катта лаган хизматини бажариб дон ва

суюқ маҳсулотлар билан ишлашда қўлланилган. Бу идишлар ҳам ички томонидан горизонтал ва радиал кесишган тўрсимон йилтироқ чизиқлар билан безатилган. Қазув ишларида кўп учрашадиган яна бир топилма **косалардир** (пиёла). XII-XIVаср косалари асосан ярим сферик шаклда бўлиб, гардиш кесими ва халқасимон оёқ-таглиги билан ажралади. Ўхшаш шаклдаги косалар фақат уларнинг гардиши ичкарига, ташқарига қайрилганлиги ёки тўғрилиги билан фарқ қилади. Улар ҳам кулранг лойдан кулол дастгоҳида юқори сифатли қилиб ишланиб, хумдонларда меьёрида пиширилган. Таъкидлаш жоизки, косалар ҳам тоғоралар каби фақат ички томонидан ялтиратма сайқалланган, нақшлар асосан горизонтал ва радиал шаклда. Буларнинг бари маҳаллий нақкош кулолчиларнинг севимли безаклари хисобланади. XIII-XIVасрларга келиб Хоразм худудидаги айрим шаҳар ёдгорликларида сирсиз коса каби идишларга зооморф (балиқ, илон) ва ўсимлик характеридаги («лола гули») тасвирларини тушириш расм бўлган. Бу сополлар Хоразм худудидаги қатор ёдгорликларда учрайди, уларнинг ҳам шакл, ҳам технологик жиҳатдан бир-бирига ўхшашлиги аниқланади. Қўлда ишланган идишлар туркумига **қозонлар** киритилади. Қозонлар одатда думалоқ ва чўзиноқ, пастка қараб анча кенгайган (кесма пирамидал) шаклга эга. Уларни ўтга чидамли қилиш мақсадида лойи таркибига майдаланган эски сопол (шамот) қўшилган. Қозонлар асосан қулда тайёрланган, шу боис қўполроқ кўринишдаги жойлари пичоқ билан махсус ишлов берилиб кесилган. Қозонлар кўпчилик жиҳатда лойи қизғиш рангда, юзасида қават-қават кўйган излар кўзатилади. Бу каби қозонлар XII-XIVасрда воҳада тарқалган тош қозонларни шаклан такрорлайди. Бу эса сопол қозонларни тайёрлаш қиммат баҳоли тош махсулотлари ўрнини тўлғазиш учун ишланган деган фикр туғдиради. Сирланмаган сопол махсулотлар мажмуасини **дигирь**-чиғир кўзалари, қозон ва кўзалар қопқоғи, чироқлар ва бошқа стандартланмаганлекин, асосан дастгоҳда ишланган буюмлар тўлдиради. Улар ҳам кулранг лойдан ишланган, юзасига бежирим ялтироқ сайқал берилган.

XII-XIVасрлардаги Хоразм кулолчилари тайёрлаган маҳсулотларнинг иккинчи туркумини **сирланган буюмлар** ташкил қилади. Бу даврда воҳа кулоллари ўз махсулотларини сариқ, кўк, яшил (феруза), қўрғошиндан тайёрланган рангсиз қоришма (глазурь), кобальт туридаги сирлар билан қопладилар. Хоразмшоҳлар давлатининг сиёсий ва иқтисодий жиҳатдан қудрати ҳунармандчилик салоҳиятининг ўсишига таъсир этди. Бу даврда ўзига хос маданиятга эга булган Эрон, Миср ва Сурия, Узоқ Шарқ (Хитой, Корея) анъаналарига мос сирли сополлар - кошин, люстра, минаи, гран де ри ва фарфор, селадон Хоразмга тарқалади. Воҳа аҳолисининг юқори сифатда чиқарилган маҳсулотга талабининг ортиши янги хилдаги сопол буюмларин бунёд этган. Бу даврда олдин, араблар истилосидан кейин (VIIIаср) кулолчиликда пайдо бўлган идишлар асосан қизил лойдан ишланиб, қизил ёки оқ ангоблар билан сир остига ранг берилган. Сир остидаги юзага геометрик, ўсимлик ва зооморфли (асосан қуш), шаклсиз оққан буёқ ва игна ёки учкир қиррали металл қалам билан битилган (гравировка) нақш солинган. Кейин эпиграфик нақш- арабча куфи, насхи услубидаги битиклар пайдо бўлди. Уларнинг мазмуни «барака», «икбол» маъноларин билдирган. XII-XIVасрга келиб Хоразмда кулолчилик хунармандчилиги тараққиёт нуқтасига етди. Кулоллар сирли сопол ишлаб чиқаришнинг янги, мураккаб йўналишларига тинимсиз меҳнат туфайли

эришган. Жумладан XIIасрдан Хоразм кулочилигида кошинсозлик шаклланди. Кошин асосида уй-рўзғор идишларидан тортиб меъморий безаклар ва тақинчоқлар тайёрланди. Бу янги маҳсулот турларин кўпайган. Маҳаллий кулоллар сирли сополлар ишлаб чиқаришнинг янги технологиясини қабул қилган. Сирли сопол ишлаб чиқариш учун қўлланиладиган моддаларнинг кимёвий таркибини ўзгартириш орқали турли ранглар олишган. Натижада фируза (бирюза), ултрамарин (сиёҳ-кўк-қирмизи), кобальт (мовий кўк), олтин тусли, қизил рангларни олишга эришилган. Бу ранглар асосан кошин маҳсулотларида кўпроқ қўлланилди. Бунга албатта, Ўрта Шарқдаги кулолчилик марказлари (Рай, Кошон, Султонобод, Нишопур) Самарқанд ва Марв каби цивилизация ўчоқлари билан ҳам маданий алоқалар туфайли эришилди. Лекин айтиш жоиз, бу давр Хоразм кулолчилиги ўзининг асл хусусиятларига эга бўлиб қўшни этномаданият таъсирида бир оз ўзгарди. Аксинча маҳаллий кулолчилик олис худудлардан олиб келинган маҳсулотларнинг яхши хусусиятларини ўзида акс эттира олди. Буни биз диққатни жалб этадиган, санъат асарлари даражасига кўтарилган люстра, минай, гран де ри ва селадон топилмалари ва уларга тақлид тайёрланган маҳаллий «псевдолюстра», «псевдоминай», «псевдо селадон» каби сополларни тайёрлаш бошқа юртлар кулолчилик технологиясига ўхшаб кетади. Люстрани олиш мураккаб бўлиб махсус куйдириш технологиясин талаб қилади. Люстра маҳсулотлари маркази Эрон, Ироқ, Жанубий Туркманистон (Марв, XIIаср), Самарқанд ва Бухора бўлиб (XII-XIIIаср боши) XII-XIVасрларда Хоразмда ҳам учратиш мумкин эди [Пугаченкова, 1960, с. 84-86; Шишкина, 1979, с. 23, 36; Мирзаахмедов, 1999, с. 301-306]. Бу даврдаги кенг ва маданий алоқалар туфайли Орол буйи минтақаларида ҳам люстра сополлари тарқалганлигини кўриш мумкин (Қават қалъа, Ербурун -Терсек, Шах-Санем, Миздахкан, Қизил қалъа, Дарьялик кўл ва ҳоказа) [Хожаниязов, Кдырниязов, 1989, с. 91-101; Кдырниязов, 2003, с. 75-76]. XIVасрда Хоразмда люстра идишларининг мавжудлигиг сайёҳ Ибн Баттута (1333 й.) ҳам ёзади [Тизенгаузен, 1984, с. 310.]. Люстра маҳсулотларида олис юртларнинг (Эрон, Ироқ) безаш услубларига хос бўлган кетма-кет келаётган қушлар тасвири, отлиқ одам (Қават қалъа), мусиқачи аёл (Миздакхан), шер, эпиграфик, ўсимликсимон, геометрик ва медальон-халқалар, сарлавҳларни (Қизил қалъа) битиклаш жамланган. Умуман Буюк Хоразмшоҳлар давлати ташкил қилингандан кейин Ўрта Осиёнинг катта худудлари битта маданий дунёга кирганлиги сабабли люстра, минай, грандери каби буюмларни урбанизация марказларида кўплаб учратиш мумкин эди. Лекин бу каби кулолчилик маҳсулотлари қиммат бўлиб, уларни куп микдорда олис юртларга олиб бориб сотишнинг иложи кам, шу туфайли ноёб буюмларни ривожланган кулолчилик марказларида ташкил қилиш мумкин. Бу фикримиз Хоразм меъморий ёдгорликларидаги безаклар (Текеш мақбараси-Гурганж, Жомарт кассоб-Миздахкан), жойлардаги бир хил шакл ва расмлардаги идишларнинг пайдо бўлиши ҳам таъкидлайди. XII-XIVасрларда сирли керамика рангдор буёқлар, чизма-босма усулда бир неча ўнлаб нақш мотивларида орнаментлар битилган. Қиммат баҳоли маҳсулотларнинг шакл ва нақшлари маҳаллий сополларда тақлид қилиниб такрорлангандай туюлади, шунинг учун ҳам «псевдо» (тақлид) туридаги технологик жараён, безашлар Хоразм кулоллар мактабининг вакиллари ишлаб чиқаришнинг мураккаб йўлларини излаганин кўрсатади. Бу фикрга биз ўрта аср воҳа кулолчилигидаги кенг тарқалган нақшларнинг турли хилларин ўрганишда амин бўламиз. XII-XIVасрларга келиб, олдинги асрларда (IX-XIаср) асосан

сирланган идишлардаги қуш тасвири ўрнига ҳайвонлар (қуён, ҳукиз, товус, ўрдак, балиқ) тасвири туширилган идишлар анча кўпайди. Ўсимлик (гул, барг) ва геометрик (чамбарак-вихрь, халқа, параллел чизиқлар, ромб) нақшлар реаллашди. Эпиграфик нақшлар буртма (рельеф) шаклида битила бошлади. Энди очиқ идишларнинг ички юзаси ва ташқи томонига сир ости ва сир устига нақшлари билан битилди. Бу нақшлар мажмуаси археологик, санъатшунослик, меъморчилик ва чизма-графика йўналишларида кенг таҳлил этиш мумкин. Лекин бу йўналиш бизнинг тадқиқот ишимизнинг вазифасига кирмайди. Лекин XII-XIVасрларда, жумладан XIII-XIVаср воҳа ёдгорликларида орнамент турларининг тарқалишида характерли хусусиятлардан бири бу сирланган буюм (асосан коса ва ғулча) ичига «ўтирган» ёки «парвоздаги» ўрдак, «товус кўзи» тасвирлари бўлиб, уларнинг юзага келишин А.Ю. Якубовский, Н.Н. Вактурскаялар Хоразм анъаналари билан боғлайди [Якубовский, 1931, с. 33-37;Вактурская, 1959, с. 318, рис. 29, 1, 5]. Бу тасвирлар мўғуллар истилосидан кейингина Волга бўйи (Сарой), Шимолий Кавказ (Маджар), Молдова (Эски Орхей), Буюк Новгород (Рус) ёдгорликлари моддий маданиятига хоразмли усталарнинг таъсири натижасида етиб борган [Монгайт, 1948, с. 70-73; Булатов, 1968, с. 100-101; Гражданкина, Ртвеладзе, 1971, с. 128; Абызова, 1981, с. 196-298.]. Сабаби бу худудлар Хоразм каби Олтин Ўрда давлати таъсирида эди. Хоразм ва Евроосиё худудларидаги идиш шаклларининг (коса, пиёла), ҳатто нақш-безакларининг (ўрдак, «товус кўзи») ўхшашлиги юқорида таъкидлаганимиздек шу жойдаги халқлар билан хоразмликларнинг маданий ва иқтисодий алоқалари кучли бўлганини кўрсатади.

Шундай қилиб, ўрта аср Хоразмда ўзига хос маҳаллий кулолчилик ҳунар-мандчилиги ривожланганини кўрамиз. Бу даврда воҳада сирли ва сирсиз сопол буюмлари билан қатор олис юртлардан олиб келинган қиммат баҳо маҳсулотлар ҳам мавжуд эди. Кейин улар асосида янги маҳсулот («псевдо»-тақлид) туридаги буюмлар кенг тарқалган. Бу аниқланган, Узоқ ва Ўрта Шарқ, Мовароуаннаҳр материалларига ўхшаш кулолчилик махсулотлари Хоразмда ўрта асрларда маданий-иқтисодий алоқаларнинг янада ривожланганини, маданият ва санъатнинг юксалганини кўрсатади. Хоразм ўрта асрларда халқаро транзит савдо йўли буйидаги ҳунармандчилик маданияти ривожланган элат эди. Бу жойда ғарбдан, шарқдан ва жанубдан келаётган савдо карвон йўллари туташган. Шунинг учун ҳам маҳаллий кулолчилик маҳсулотларида ташқаридан олиб келинган молларга ўхшаш томонлари бор. Лекин таъкидлаш жоизки, ўрта аср Хоразм антик даврдаги сопол буюмлар ишлаб чиқаришда ажралиб туради. Буни тадқиқотлар натижасида аниқланган кулолчилик буюмлари йиғими исботлайди. Бу материаллар сопол ишлаб чиқариш билан боғлик устахона-хумдонлар ва кулолчилар маҳаллаларининг Шемаха қалъа, Пулжой, Шехрлик, Садвар, Жигербент, Миздахкан ва қишлоқ жойларида мавжудлиги билан ҳам тасдиқланади [Неразик, 1976, с.73, 130]. Воҳа кулол – ҳунармандларининг маҳаллий шароитда кашф этган мозаика ва майолика санъати XIVасрнинг сўнги чорагидан Ўрта Осиё меъморчилигида қурилишларини безашда кенг фойдаланила бошланди. Хоразмда тайёрланган кашин буюмлари қимёвий таркиби билан ҳам ажралади. Н.С. Гражданкина, А.А. Абдураззақовларнинг таъкидлашича Хоразмнинг сирли кошонлари таркиби жиҳат-дан қўшни этномаданий худудлардан анча фарқ қилар экан. Жумладан, Хоразм меъморчилигида фойдаланилган кошин безакларида сополчиликнинг асосий хом ашёси хисобланмиш кремнезем (SiO_2) 89-93%, шиша маҳсулотларида 68,37% ташкил қилган [Абдураззаков, 1966, с. 85, 108.]. Бу кремне-

зём курсаткичлари Самарқанд кошинида 80-90%, Эронда 80-85%, Озарбойжан кошинида 72-86% ни қайд этган [Гражданкина, 1998, с. 80, 85]. Бу ўрта арларда (XII-XVаср) кулолчилик соҳасида Хоразм кошинпаз ҳунармандларининг ўрни катта бўлганини таъкидлайди. Амир Темур томонидан (1372-1388) Хоразм хунармандлари Самарқанд ва Шахрисабзга олиб келиниб Мовароуннахрнинг бетакрор дурдоналари сайқалларини (Оқ Сарой, Доруссиодат, Бибихоним, Туман оға, Мухаммад Султон) яратишда иштирок этганлиги кулолчиликнинг кошинкорлик соҳасида ҳам тасдиқланади. Хоразмшоҳлар-Ануштегинлар ва Олтин Ўрда даврида воҳанинг кучли давлатлар таркибида бўлиши, элатларнинг қўшни минтақалар ва халқлар билан кенг алоқада булганлиги туфайли хунармандчилик тармоқлари янги илғор маданий янгиликлар билан танишишига олиб келди. Сопол ишлаб чиқаришда катта ўзгаришлар кулочилик махсулотларининг янги шаклларида кўринади.

Археологик тадқиқотлар оқибатида Миздахкан ёдгорлигида хунарманд кулоллар маҳалласи ва кулранг, қора ангобли идишлар таёрлашга ихтисослашган бир нечта хумдонлар ўрганилди [Турабеков, 2003, с. 69-72; Кдырниязов и др., 2004, с. 103-106]. Кулоллар маҳалласи доирасида 20 та жойдан ишлаб чиқариш билан боғлик бўлган устахоналарнинг ахлатхона, ташландиқлари мавжуд. Хумдонлардан чиқариб ташланган куллар орасида кўп микдорда брак (сифатсиз, яроқсиз маҳсулот) сопол идишлар ва уларнинг бир неча минглаб парчалари майда, катта (хум), қопқоқ сополларга тегишли. Бу ўшаXIII-XIVасрда Миздахкан кулоллари маълум бир идишларни ишлаб чиқариш буйича мутахассислар гуруҳларида бўлганини таъкидлайди. Бундай кулранг, қора ангобли идишлар Жанубий Туркманистон (Шехр Ислам), Шимолий Қора денгиз (Азов), Шарқий Каспий денгизи атрофларида (Сарайчик), Волга бўйи (Сарой) XIII-XIVаср ёдгорликларида топилган [Атагаррыев, 1973, с. 35, 54; Панина и др., 2000, с. 91; Федоров-Давыдов, 2001, с. 210-213; Кдырниязов, 2000, с. 25-31]. Идиш шакллари, унинг буёқ, нақшларининг бошқа минтақалардан чиққан сополларга ўхшашлиги ўша жойдаги халқлар билан маданий ва иқтисодий алоқаларнинг ривожланганини кўрсатади. Бундай яқин алоқалар бир давлат худудидаги элатлар учун ҳам хос бўлиши мумкин. Лекин Волга бўйи, Қора денгиз атрофларидаги шаҳарларнинг маҳаллий сополлари шакл жиҳатдан ҳам, технологик ишланиш жиҳатидан ҳам Хоразм маҳсулотларидан кескин фарқ қилади. Улар асосан қизил лойдан қизил ангоб бериб ясалган ва ялтироқ сайқалланган сополлардир. Олис ҳудудларда учраган хоразмча кулранг қора ангобли кўза ва косалар савдо-сотиқ ва маданий алоқалар туфайли, балки хоразмлик усталарнинг ёт минтақалар шаҳарларига бориши сабабли пайдо бўлгандир.

Хоразмнинг чеккахудудидаги Шемаха қалъа, Пулжойдан тортиб марказий худудлардаги Миздахкан, Жампиқ қалъа, воҳа жанубидаги Қават қалъа кулранг, қора ангобли ялтиратилган нақшли сополлари шакл жиҳатидан ҳам, технологик ишланиш ва безаклари жиҳатидан ҳам бир-бирига яқин. Лекин жануб ёдгорликларида сирсиз сопол буюмлари эса бирмунча фарқ қилади, улар кўпроқ локал-маълум бир жойга хос белгиларга эга. Жумладан Қават қалъа ва Жампиқ қалъа сополлари стандартсиз, ўзига хос идиш шаклларида мавжуд. «Тарелка» - лаган шаклидаги идишлар таглиги учта оёқчаларда туради ва «илон» кўринишидаги чизма безак, унинг изи каби ялтиратма усулда нақшланган. Бундай идишлар умуман жанубий Хоразмнинг ўрта аср ёдгорликларида тарқалган. Жигарбент (IX-XIIIаср) ёдгорлигида уч оёқли кўза ва ғулча уйма-кесма нақшлар билан безалган [Вишневская, 2001, с. 144, рис.15, 6; с. 146, рис. 16, 3]. Жампиқ қалъа (XIII-XIVаср) қазувларида эса юқорида

таъкидлаган «илон» тасвирли оёқчаларда турган тарелкалар мавжуд.

Умуман XII-XIVасрларда Хорам воҳасида ўзига хос, бир-бирига ўхшаш сирланмаган идишлар чиқарила бошлаган, яъни маҳаллий кулолчилик хунармандчилиги ўзининг маълум анъанасига, мактабига эга бўлди. Лекин бу ўхшашлик Амударёнинг ўнг ва чап қирғогида маълум пайтгача давом этган. Воҳа ичида ишлаб чиқаришнинг умумий белгиларини сақлаган ҳолда айрим кичик воҳачаларда ўша минтақага хос кулоллар мактаби шаклланди. Шундай кулолчилар маркази Замахшар, Жигербент, Қават қалъа, Жампиқ қалъа, Миздахкан ва Шемаха қалъада мавжуд эди, деб таъкидлаш мумкин. Жанубий Хоразмда жойлашган Жигербент ва Садвар шаҳарлари (Амударёнинг чап қирғоги) хунармандчилик марказларидан бўлиб, улардаги сопол топилмалари кўпроқ Мовароннахр (Бухора Суғди) ва Шимолий Хуросон кулолчилигига хос белгиларни сақлаган. Аксинча ўнг қирғоқда жойлашган Қават қалъа (XII-XIIIаср) ва Жампиқ қалъа сополлари Хоразм воҳасидаги умумийлик белгилари билан қатор ўзига хос идишлар мажмуасига эга. Қават қалъа Хоразмшоҳ-Ануштегинлар давридаги Амударёнинг ўнг қирғогидаги катта деҳкончилик маркази. Бу жойда Гавхарэ канали 130 000 га майдондаги ерларни оби -ҳаёт билан таъминлаб, иқтисодиётнинг ривожига катта таъсир қилган [Толстов, 1962, с. 320]. Дехқончилик билан қатор ҳунармандчилик соҳалари мавжуд эди. Жумладан шу даргача тўпланган топилмалар йиғими ичида энг кўп турдаги буюмлар Қават қалъа ёдгорлиги атрофларидан топилган. Шулар жумласига турли хилдаги (сирли ва сирсиз) сополлар, темирчилик, шишасозлик ва тоштарошлик маҳсулотлари хос [Манылов, 1982, с. 53-57]. Ёдгорликдаги тўртта ховлидан (№ 5, 9, 41, 45) жами 1554 дона археологик бутун шаклдаги кулолчилик, темирсозлик, шишасозлик ва сангтарошлик ҳунармандчилиги маҳсулотлари топилган. Уларнинг кўпчилиги ноёб топилмалардир [Вактурская, 1959, с. 193-197; Манылов, 1979, с. 86 -88]. Миздахкан ёдгорлиги ҳам антик ва ўрта асрлардан Хоразмнинг шимол худудидаги урбанизация нуқталаридан ҳисобланади. Ўрта асрда (X-XVаср) шаҳар қишлоқ хўжалиги, хунармандчилик ва савдо маркази [Кдырниязов, 1999 а, с.82-86; Кдырниязов, 1999 б, с.101-102; Кдырниязов и др., 2003, с.80-86]. XII-XIVасрларда бу ёдгорликда сирсиз кулоллик идишларини ишлаб чиқишда ўзининг кулоллар маҳалласига эга бўлган. Бу жойда сопол ишлаб чиқариш бошқа қўшни воҳаларга қараганда анча тараққий этган.

ФОЙДАЛАНИЛГАН АДАБИЕТЛАР

Абдуллаев К. Аск из Паенкургана. К вопросу о греческих формах в керамике Бактрии // ИМКУ. Вып.32. Ташкент, 2001.

Абдураззаков А.А., Безбородов М.А. Средневековое стекло Средней Азии. Ташкент, 1966.

Абызова Е.Н. Кашинный сосуд из Старого Орхея // СА. № 2. 1981.

Атагаррыев Е. Материальная культура Шехр-Ислама. Ашхабад, 1973.

Булатов Н.М. Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов // СА. № 4. 1968.

Вактурская Н.Н. Медные сосуды из средневекового замка Кават калы // МХЭ. Вып.1. М., 1959.

Вактурская Н.Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX-XVIIвв.) // ТХАЭЭ. Т.IV. М, 1959.

Вишневская Н.Ю. Ремесленные изделия Джигербента (IVв до н.э—нач. XIIIв.). Москва, 2001.

Воробьева М.Г. Керамика Хорезма античного периода // ТХАЭЭ. Т.IV. М, 1959.

Государственный музей искусств Каракалпакской АССР. Альбом. М.,1976.

Гражданкина Н.С. Архитектурно-строительные материалы Средней Азии. Ташкент, 1998.

Гражданкина Н.С., Ртвеладзе Э.В. Влияние Хорезма на керамическое производство золотоордынского города Маджара // СА. № 1. 1971.

Исомиддинов М. Сополга битилган тарих. Тошкент, 1993.
Кдырниязов М.-Ш. Алтын Орда дауириндеги Туслик Арал бойы мәдениеты. Нокис, 1993.
Кдырниязов М.-Ш. Люстровый кувшин из Миздахкана // Вестник ККО АН РУз. № 1-2. 2003.
Кдырниязов М.-Ш. Материальная культура городов Хорезма. Нукус, 1989.
Кдырниязов М.-Ш. Об аграрном характере производительной деятельности населения Миздахкана // ОНУ. № 4-5. 1999 а.
Кдырниязов М.-Ш. Мастерские винодельни золотоордынского Миздахкана // Вестник ККО АН РУз. № 3. 1999 б.
Кдырниязов М.-Ш. О роли Хорезма в Евразийской торговле (XIII-XVвв.) // ОНУ. 2000. № 1.
Кдырниязов М.-Ш., Бауетдинов Р. Торговые связи средневекового Миздахкана // АП. Вып.VI. Нукус, 2003.
Кдырниязов М.-Ш., Искандерова А.Ж., Саипов С.Т. Гончарные печи средневекового Миздахкана // Вестник ККО АН РУз. № 1. 2004.
Лунина С.Б. О культурных связях средневекового Мерва // Средняя Азия в древности и средневековье. М.,1977.
Манылов Ю.П. Бронзовая накладка со сценой охоты из Хорезма // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.
Манылов Ю.П. Археологические материалы в фондах государственного музея искусства Каракалпакской АССР // Вестник ККФ АН РУз. № 2 Нукус, 1982.
Манылов Ю.П., Кдырниязов М.-Ш. Городище Джампық кала // АП. Вып.2. Ташкент, 1984.
Мирзахмедов Ж.К. Новые находки люстровой керамики из Бухары // ИМКУ. Вып.30. Самарканд, 1999.
Монгайт А.Л. Золотоордынская чаша из Новгорода Великого // КСИИМК. Вып.19. 1948.
Неразик Е.Е. Керамика Хорезма афригидского периода // ТХАЭЭ. Т.IV. М., 1959.
Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме (I-XIVвв.). М., 1976.
Панина Э., Волков В. Штампованная керамика золотоордынских городов // Средняя Азия. Археология. История. Культура. Материалы международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г.В.Шишкиной. ГМВ. г. Москва. Россия. 14-16 декабря 2000 г.
Пугаченкова Г.А. К открытию люстровой керамики в Мерве в XIIв. // Известия АН Туркменской ССР. Серия общ.наук. Ашхабад, 1960. № 5.
Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПБ., 1884.
Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
Турабеков М.Т. Раскопки жилого массива гончаров средневекового Миздахкана // АП. Вып.VI. Нукус, 2003.
Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. Керамика. Торговля. Быт. М., 2001.
Хожаниязов Г., Кдырниязов М.-Ш. Коллекция поливных чаш из Кзыл-калы // Изобразительное и прикладное искусство. Культура Среднего Востока. Ташкент, 1989
Ширинов Т.Ш., Матбобаев Б.Х., Иванов Г.П. Аҳмад ал Фарғоний даврида Қубо шаҳри. Тошкент, 1998.
Шишкина Г.В. Глазурованная керамика Согда. Ташкент, 1979
Якубовский А.Ю. К вопросу ремесленной промышленности Сарая - Берке // ИГАИМК. VIII, Вып.2-3. М., 1931.

М. Туребеков
Каракалпакский Государственный университет им. Бердаха, (Нукус)

ИССЛЕДОВАНИЕ КВАРТАЛА №3 ГОРОДИЩА МИЗДАХКАН

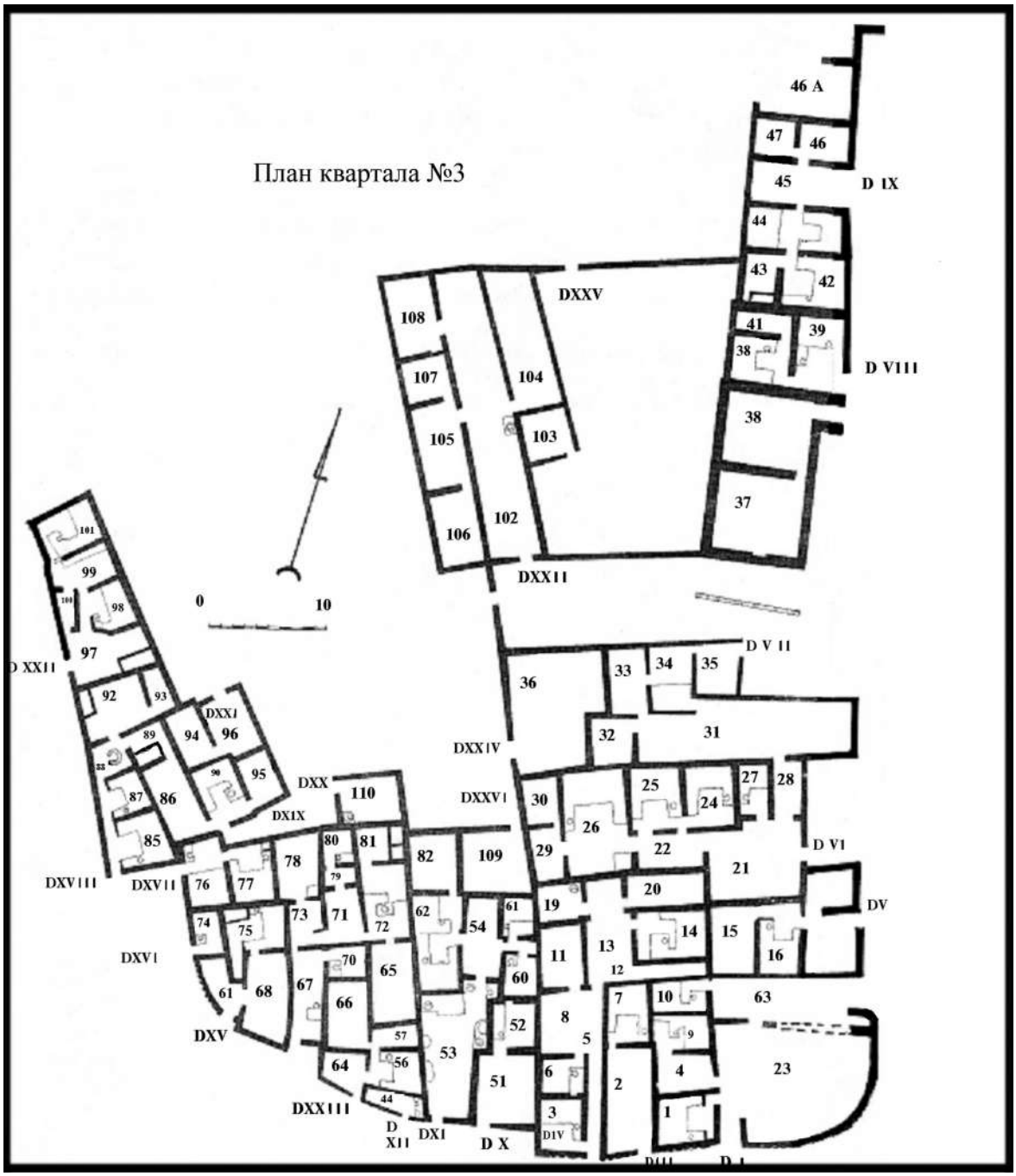
Городище Миздахкан представляет собой два больших холма: развалины города золотоордынского времени, пригородные и городские оросительные системы и развалины пригородных усадеб. Общая площадь Миздахкана более 200 га. Золотоордынский город расположен между северо-западным некрополем и Гяур-калой. Он имеет до 2,5 м высоты от окружающей поверхности земли. Квартал №3 расположен на северной стороне раскопанного квартала №1 и в северо-западной стороне Восточного квартала.

В результате раскопок отрядом Каракалпакского Государственного университета им. Бердаха в 1989-1994 годах был почти полностью вскрыт квартал №3 [Туребеков, 2007]. В юго-восточном углу квартала расположен дом I. Он состоит из двора и трех помещений. Размер двора 11х20 м^2. Юго-восточный угол двора имеет округлые очертания. Вход расположен рядом с юго-западным углом. Ширина его 1,7 м. В середине его вскрыта нижняя часть тандыра очага. В северной стене расположен вход шириной 1,3 м. В западной стене двора находится вход в помещение №1. Ширина его 95 см. Размеры его 4,8 -3,8 м. Вначале западные и южные участки помещений занимала Г-образная суфа. Позднее было построено северное крыло и в результате образовалось П-образная суфа. В южном участке суфы расположен очаг кана, каналы которого подведены к суфе до моры (дымоход), установленный в юго-западном углу. Между входом и суфой построено ташнау. Яма ташнау размером 1,3 м и диаметром 60 см. Стенки ямы выложены жжеными кирпичами. На северной стороне помещения №1 вскрыта секция, состоящая из двух помещений. Из них первая (4) размером 4,5х2,9х4,8х3,4 м. Рядом с западной стеной находится очаг камина. В левом от входа расположен сам очаг.

В северной стене рядом с северо-западным углом помещения №4 находится вход шириной 1,1 м в помещение №9. Размеры его 5х3 м. В восточной и северной стороне помещения находится Г-образная суфа. Очаг открыт спереди со стороны востока. От очага отведены каналы до моры (дымоход), устроенного в северной стене. Между очагом и западной стеной расположено ташнау размером 1,3х1,15 м. Размеры жженых кирпичей 22–23х22, 23х4 см.

Дом III включает два помещения, расположенные цепочкой в глубине квартала. Вход находится в южной стене рядом с восточным углом. Размеры его 8,3х3,8 м. В западном конце северной стены помещения №2 находится вход шириной 0,7 м и высотой 1,45 см. Западная, северная и восточная участки помещения заняты суфой. В восточной суфе находится очаг кана. Размеры помещения №7 - 3,3х4,7 м.

Дом IV имеет Г-образную планировку. Главный вход в дом со стороны южной улицы, ширина которой 1,1 м. Помещение №5 имеет ширину 1,2 м и длину 8,5 м. Вход в помещение №3 находится в западной стене. Размеры его 4,3х3,1 м. Северная



и восточная половины заняты Г-образной суфой. Очаг кана находится в восточной суфе. Вертикальный дымоход размером 13х15 см находится в северной стене рядом с углом. Северный конец коридора ведет в помещение №8, размеры которого 5,2х5 м. В западной половине помещения раскопана суфа. В южной стене имеется вход шириной 84 см в помещение №6. Напротив него расположена Г-образная суфа, примыкающая к восточной и южной стене. В северной её стороне находится очаг кана. В середине северной стены помещения №8 расположен вход в помещение №11. Размеры его 5х3,7 м. Северная половина его занята Х-образной суфой. Очаг кана—на западном участке суфы. Моры (дымоход) расположен на расстоянии 1 м от северо-западного угла.

В северной стене рядом с северо-восточным углом помещения №8 находится вход в помещение размером 8,5х3,7 м. К середине западной стены пристроена суфа с двумя очагами. В западной стене помещения №13 находится вход в помещение №19. Перекрытие входа из пахсы устроено сводчатым способом. Высота 1,2 м и ширина 1 м. Размеры помещения 3,9х2,8 м. При входе с правой стороны устроен керамический тандыр, который построен с уклоном 45^0. Остальная часть занята П-образной суфой. На северном участке суфы устроен очаг кана. Северо-восточный угол дома занимает помещение №20. Вход находится в западной стене рядом с южной стеной, шириной 0,8 м и высотой 1,2 см. Размеры его 6,5х2,5 м. Восточная половина занята суфой шириной 1,8 см. В середине восточной стены помещения №13 находится вход в жилое помещение №14. Размеры его 5,9х3,8 м. Оно имеет П-образную суфу с очагом кана. Южнее от этого помещения находятся кладовые помещения №12, размерами 5,8х1,1 м.

Дом IV включает в себя 10 помещений пяти семей. Из них три помещения прихожие (№№ 5, 8, 13), №12 и №20 кладовая и пять жилые. Также нужно отметить, что прихожая помещения №13 использовалась и для приготовления пищи.

Дом X примыкает к западной стороне дома IV. Вход расположен в западном конце южной стены. Ширина его 1,2 м. Размеры помещения №51 5,5х5,2 м. В середине суфы, примыкающей к восточной стене, построена тумба с двумя овальными по форме ямами, размерами 1,6х1,0 м. Высота её 20 см. Передняя южная часть ямы опускается ниже на 10 см и в результате образуется канал для стока жидкости. В середине помещения на полу сохранилось основание колонны. В ее северной стене находится вход в жилое помещение №52. Перед входом вдоль западной стены построена суфа. Ширина его 1 м. На южном участке ее устроен очаг кана. Вертикальный дымоход расположен в северо-западном углу помещения. Размеры помещения 3,6х3,6 м. При входе справа построено четырехугольное сооружение размером 1,6х1 м, высотой 70 см. Высота северной стороны 12 см. Она сооружена из сырцовых и жженых кирпичей размером 23х23х4 см. Внутри отштукатурена ганчем. Дом двухкомнатный, одна жилая, другая подсобная.

Дом XI находится западнее и севернее дома X. Вход шириной 1 м в южной стене. В западной стене устроены два отсека закромов глубиной 85 см. Размеры его 1,0х65 см и 1,8х0,8 м. В северо-западном и юго-восточном углу построен керамический тандыр.

Восточнее от западного коридора находится суфа размером 2,0х1,3 м. Севернее от восточного тандыра пристроены закрома размером 1х0,7м. В дальнем северо-западном углу расположена нижняя часть хума и в северо-восточном углу устроена тумба с очагом. Общая площадь помещения 50 $м^2$.

В середине северной стены помещения имеется проход в помещение №59. Размеры его 8,8х3,2 $м^2$. Северная половина помещения имеет суфу. В юго-западном углу на суфе отмечен временный напольный очаг, сооруженный из камней.

В середине восточной стены находится проход 6х0,8 м. Размеры его 4,7х2,5 м. Справа от входа построена перегородка, разделяющая помещение на две части: прихожую и жилую половины. В середине перегородки оставлен проход шириной 0,75 м. Справа от прохода в углу устроен очаг в тумбе.

В северной стене расположен вход в помещение №61. Размеры его 3,1х2,5 м. В западной части его устроен очаг кана. Дымоход устроен в северо-западном углу. В середине западной стены помещения №59 находится вход в другую секцию. Шири-

на его 1 м и высота 158 см. Размеры помещения 5х3,5 м. П-образная суфа занимает всю площадку, кроме небольшого участка перед входом, где находится ташнау. Очаг кана устроен в западной стене, вертикальный дымоход находится в северной стене.

В северо-восточном углу помещения №58 располагался дверной проем, ведущий в помещение №62. Размеры его 4х2,8 м. Слева от входа расположена Г- образная суфа. На восточном участке суфы устроен очаг кана, вертикальный дымоход находится в юго-западном углу. В северо-восточном углу помещения находится вход, ведущий в амбарное помещение №82. Слева от входа расположены закрома (3,2х1,2 м). Размеры помещения 4,5х3,9 м.

Таким образом, в доме XI помещения 53 и 59 использовали для домашнего хозяйства, прихожую №№58, 60 – 62 как жилое помещение, №82—как амбар.

С западной стороны помещения 53 расположен однокомнатный дом XII. Размеры его 5х1,4 м. Вход шириной 0,8 м с южной стороны. В восточном конце помещения расположена тумба с двумя очагами.

К западу от дома XI находится дом XIII. Прихожее помещение №64 находится в южной стороне, проход 0,8 м— со стороны южной улицы. В северо-восточном углу помещения установлен очаг в специальной тумбе. Размеры его 3,6х2,7 м. В середине восточной стены помещения проход шириной 0,9 м ведет в помещение №56. Он в плане размером 4,4х3 м. Слева от входа, ниже уровня пола найдены остатки ташнау. Остальная часть помещения занята П-образной суфой. Очаг кана устроен в северо-западном углу суфы, моры же расположены в северо-восточном углу. В северной и западной сторонах его находятся два помещения №57 и №66. Данный дом XIII состоит из прихожей (68), жилой (56) и двух (3,9х1,8 и 5,6х3,6 м) подсобных помещений.

Дом XIV находится с западной стороны предыдущего дома. Он в плане Г- образной формы. В прихожее помещение вход со стороны южной улицы (67), в плане 7,5х2,6 м. Справа от входа находится очаг. В восточной стене на дальнем конце расположен проход шириной 0,8 м. Размеры его 2,5х3,1 м. Справа от входа сооружен очаг в тумбе высотой 40 см и размером 1,3х1,3 м.

В северной стене рядом с северо-западным углом помещения №67 находится проход 0,8 м в помещение №73. Размеры помещения 4,6х3 м. Перед входом расположен целый хум, вкопанный в пол для хранения продуктов питания. Вдоль восточной стены расположены закрома 2,4х1 м.

В середине северной стены находится вход в помещение №70. Размеры их 3,8х5,2 м. В юго-восточном углу расположено ташнау, а в середине помещения очаг в площадке размером 85х85 см и высотой 25 см.

С восточной стороны помещения №73 и №70 вскрыты помещения №№ 71,79 и 80 расположенные на одной оси. Размеры их 4,5х3; 2,8х1,4 и 2,6х2,8 м соответственно. В юго-восточном углу помещения №80 расположена столообразная площадка с очагом.

В восточной стене рядом с юго-восточным углом помещения №71 находится проход (0,9) в помещение №72. Размеры его 6,2х3,7 м. Северная часть занята Г-образной суфой с очагом. В северной стене рядом с северо-западным углом расположен вход в складское помещение №81. Размеры помещения 4х2,8 м. Вдоль восточной стены пристроены закрома размером 1,6х1,1х 1,3 м. Помещение №65 расположено на южной стороне помещения №72. Размеры его 64х3,6 м. В северо-

восточном углу находятся закрома размером 2х 0,9 м. Оно в середине северной стены соединяется проходом с помещением №72.

Судя по планировке и внутреннему интерьеру в данном доме жили четыре семьи.

Дом XV расположен на западной стороне дома XIV. Помещение №61, прихожее L-образное в плане, площадью 10 м^{2,} в середине восточной стены его находится проход шириной 1,2 м в помещение №68. Помещение размером 7,5х3,5 м. В северной стене имеется проход шириной 0,7 м и высотой 1,2 м в жилое помещение №75. Оно в плане Г-образной формы 20 м^2. В северо-западном углу помещения имеются закрома 2х0,9 м. Затем идет П-образная суфа. Очаг кана расположен в середине и моры— в северо-восточном углу помещения. В данном доме одно жилое помещение и два подсобного характера.

Дом XVI однокомнатный расположен на западной стороне помещения №75. Вход шириной 80 см на южном конце западной стены. Размеры его 3,8 х 2,2 м. Слева от входа находится столообразная тумба (1 х 0,8 м) с очагом.

По улице в 6 м севернее от входа вышеуказанного дома располагается вход в дом XVII. Размеры помещения 5,3х3,2 м. От входа южная половина помещения занята суфой высотой 30 см. Слева от входа в северо-западном углу построен очаг в тумбе (1,6х0,9 м). В середине восточной стены находится проход в следующее помещение №77. Ширина его 85 см. В северо-восточном углу построены закрома (0,9х0,9 м), начиная от которых южную часть помещения занимает П-образная суфа. Перед входом расположено ташнау. Перед суфой пол аккуратно выложен жженым кирпичом. При связке их использован гипс. Очаг кана устроен в восточном участке и моры на юго-восточном углу помещения. Площадь помещения 4,7х3,5 м. В доме два жилых помещения.

Вход в дом XVIII расположен на улице на 5 м сзади от входа дома XVII, вход на улицу шириной 1 м расположен в южной стене юго-западного угла. Перед входом расположено ташнау. Справа от входа находится П-образная суфа с очагом на южной ее стороне, моры расположены в юго-восточном углу. В западных концах суфы имеются стенки толщиной 15 см. Длина северной стенки 1 м и южной 0,7 м. Размеры помещения 5х4 м. В северной стене рядом с северо-западным углом находится проход шириной 0,9 м в помещение №87. Размеры их 4х3,2 м. Внутренний интерьер аналогичен вышеописанному помещению №85. Рядом с северо-западным углом помещения №87 находится проход (0,8 м) в помещение №88. Размеры его 3х2,7 м. В середине ее построена кругообразная подставка для ручной мельницы, диаметром 1,2 м. В северной стене рядом с северо-восточной стеной расположен проход в помещение 92. Размеры его 5,5х4,2 м. В северо-западном углу пристроены закрома размером 2х1,2 м. В восточной стене рядом с юго-восточным углом находится вход в помещение 93. Он в плане 5,7х1,8 м.

Таким образом, в данном доме два помещения жилого характера, хозяйственного (№88) и хозяйственно-складского характера (№№92,93.)

Вход в дом XXII с западной стороны данного квартала. Он ведет помещение №90. В юго-восточном углу расположены закрома размером 2,7х1 м. Помещение пятиугольное размером 6,7х3,2х2,6х3,7х4,7 м. Вход шириной 1 м на северной стене в помещение №98. От правой линии входа в восточной стороне помещений находится П-образная суфа. Очаг в юго-западной стороне. Моры расположены в северо-восточным углу. Размеры помещений 4,3х4 м. В северной стене рядом с северо-

западным углом находится проход в помещение №99. Размеры его 4,7х2,4 м. В северо-восточном углу вдоль северной стены расположена суфа высотой 0,4 м и при ширине 95 см. В юго-восточном углу находится проход в помещение №100. Размеры его 3,5х2 м. На западном конце северной стены находится проход шириной 1 м в помещение №101. От линии входа в правой стороне расположена Г – образная суфа. Очаг кана в юго-западной стороне. Размеры помещения 5,2х3,5 м.

Таким образом, дом XXII состоит из пяти помещений. Из них два (№№98,101) жилые и три хозяйственного характера.

Дом II состоит из двух помещений, размерами 11х3,7 м. Вход в дом со стороны восточной улицы. Ширина его 2,2 м. В середине помещений имеется яма глубиной 0,4 м и размером 2,2х1,5 м. Западнее от него к примыкающей северной стене построена суфа, размером 2,3х1 м. В юго-западном углу находится тандыр. Восточнее от него расположен очаг. На северном конце западной стены расположен вход в помещение №10. Размеры его 4,7 х 2,5 м. Западная и южная половины занята Г–образной суфой. В восточной стороне находится очаг.

Дом V расположен на северной стороне дома II. Вход в помещение №17 шириной 1 м расположен в восточной стороне. Размеры его 5,2х3 м. В восточной стороне находятся два амбара шириной 1 м и длиной 1,8 и 1 м. В северной стене рядом с северо-западным углом проход ведет в помещение № 18. Размеры его 3,2х3 м. На северо-восточной стороне построены двое закромов размером 1,1х0,7 м, шириной 1 м и высотой 0,7 м. В западной стене они выступают на юг 1,5 м. В углу его расположен колодец, диаметром 0,8 м. Углублена из-за уровня подземной воды только лишь на 1,5 м. К западу от помещения №17 находится жилое помещение №16, размером 5,9х3,4 м. При входе справа устроено ташнау размером 1,4х0,9 м из жженых кирпичей. От прохода слева построена П-образная суфа высотой 0,4 м. На западной стороне ее построен очаг кана и в 2,2 м от него на западной стене расположены моры размером 20х15 см. На северном конце западного участка суфы построена перегородка высотой 0,8 м, длиной 85 см и толщиной 20 см. Вход в помещение №15 шириной 1 м находится на северном конце западной стены помещения №16. Перед входом построены закрома размером 3х1м. Толщина стены ее 15 см и высота 70 см. Вход отштукатурен глиной с примесью самана. В западной стене в 0,9 м от южного угла и от пола находится плита 0,3х0,3х0,3 м. Размеры помещения 5,5х3,7 м.

В данном доме одно жилое помещение №16, остальные подсобного характера.

Дом VI состоит из 9 помещений. Вход шириной 1 м со стороны восточной улицы, шестиугольный размерами 7,7х5,6х6х3х0,9х5 м. При входе справа находится вход в помещение №28, в северной стороне от него расположен еще выход в соседний дом VII. Размеры его 4,5х2,4 м. Западнее от помещения №28 имеется вход в помещение №27. Оно имеет Г-образную суфу с очагом кана в западном крыле. Моры находится в северо-западном углу. В западной стене помещения №21 расположен проход в помещение №22. Размеры его 5,5х2,6 м. В юго-восточном углу построены закрома размером 0,8х0,8 м, высотой 1. На западном и восточном концах северной стены имеются проходы в помещение №25. Ширина западного прохода 1,3 м, восточного 0,6 м, высота 1,3 м. В северной части имеется П–образная суфа. Очаг кана расположен на восточном участке суфы. Моры находятся в середине северной стены. Разрушенный ташнау сохранился в южной части помещения.

В южном конце восточной стены помещения №25 имеется проход в помещение №24. Начиная от линии входа, с левой стороны построена П-образная суфа. Очаг

его находится в восточной части суфы. Моры устроены в ее северо-восточном углу. На северном конце западной стены расположен вход шириной 1,3 м в большое помещение №26. Размеры его 5,4х8,3 м. На центральном участке на полу прослеживаются места базы колонны высотой в 10 см. В юго-восточном углу помещения построен тандыр. Северная половина помещения занята П-образной суфой. На западной части устроен очаг кана и в западном конце северной стене построены моры. На северном конце и в 1,5 м справа западной стены расположены проходы в западные помещения №29 и №30, которые тоже связаны проходом.

Таким образом, дом VI имеет 4 жилых, 2 складских и 3 (21, 22, 28) прихожих помещения.

Следующий дом VII находится в северной стороне дома VI. В восточной стороне шириной 1,2 м расположен вход в дом. На его юго-западном участке вскрыт очаг. Размеры помещения 4,2х3,6 м. В северном конце имеется вход в помещение №33. Его северная половина занята суфой высотой 30 см. В середине восточной части стены на полу поставлен хум и на суфе вскрыты два очага. На южной половине помещения ближе к западной стене обнаружен очаг. В середине западной и южной, в конце восточной стены имеются ходы. На западной стороне расположено помещение №33. Очаг находится на северо-западном участке его.

На южной стороне вышеописанных помещений находится большое помещение №31 размером 17х5 м. В его западной части имеется вход в помещение №32. Размеры его 3,5х3,7 м.

Судя, по внутреннему интерьеру люди в данном доме не проживали постоянно . Его занимали лишь служащие квартальный мечети и то временно.

В 6 м севернее находится квартальная мечеть, состоящая из двух помещений размером 18х5 м. Ширина северной и восточной стены 0,8 и 1 м. В северной стороне дома VII, западнее в 24 м, имеется вход дома XXIII. Размеры входа 1,1 м. Размеры помещения 24х4 м. В середине помещения ближе к восточной стене расположен тандыр. Рядом с ним расположен вход в восточное помещение №104 размером 11х3,8 м. В середине западной стены помещения №102 находится проход 1 м в помещение №105. Размеры его 6,9х3,8 м. В его восточном конце южной стены имеется вход в помещение №106 размерами 6х3,8 м. В восточном конце северной стены помещения №106 расположен проход шириной 0,9 м в помещение №107. Размеры его 3,8х3,3 м. В нем имеется Г-образная суфа с очагом кана. Дымоход расположен в западной стене. В северном конце западной стены помещения №102 обнаружен вход в помещение №108. Размеры его 6,2х3,8 м. Ближе к северо-западной стене сооружен керамический очаг.

При раскопках данного дома вскрыты 6 помещений. Одно из них жилое, а остальные подсобного характера. Мечеть, ориентирована главной осью на юг. Вход в северном конце восточной стены оформлен в виде выступающего за линию стены на 2 м портала с прямоугольными в плане пилонами. Вход, возможно, имел арочное перекрытие. Перед входом поставлены два камня. Размеры их 50х47х16 см. Поверхность их на 29 см выше уровня поверхности улицы. Северное помещение имеет размеры 6х4,8 м. В восточном конце южной стены находится вход в южное помещение мечети. Размеры его 7,5х6,5 м. В середине южной стены расположен михраб, шириной 1,2 м, при глубине 40 см. В середине помещения вскрыты две базы колонны из жженых кирпичей. Размеры баз 45х45 см. Все стены мечети построены

из пахсы. Материалов по изучению мечети - типа намазгох на территории южного Приаралья до настоящего времени неизвестно.

Между мечетью и домом VII расположены 9 канализационных труб по направлению восток-запад. Размеры труб 1 м длиной, шириной 25-27 см.

Дом VIII расположен на западной стороне мечети. Вход шириной 1,2 м находится в южном конце восточной стены. Размеры помещения №39 6х3,8 м. Северную сторону занимает П-образная суфа. В её внутреннем северо-восточном углу находится очаг кана. Моры устроены в северо-восточном помещении. Очаг имеется также в юго-западном крыле суфы. В южном конце западной стены имеется вход шириной 0,85 м в помещение №40. Справа от входа на полу устроено ташнау (1х1 м). От западной линии ташнау находится П-образная суфа, очаг на северной ее стороне и моры—в западном конце северной стены. Размеры помещения 4,8х3,8 м. В южном конце северной стены расположен вход в помещение №41. Размеры его 6,5х4,8 м. Все стены дома VIII построены из сырцовых кирпичей. В данном доме два жилых и одно подсобное помещение.

Дом IX находится на северной стороне дома VIII. Вход расположен на восточной стороне помещения №45. Восточная его стена отсутствует. Размеры его 8,5х3,3 м. В середине южной стены имеется вход. По линии входа с левой стороны помещения имеется П–образная суфа. Очаг кана—на южной стороне суфы и моры—на юго -восточном его углу.

В западной стороне помещения находится суфа. Общий размер помещения 44,8х3,3 м. В середине южной стены помещения №44 имеется вход в помещение №43, который имеет П-образную суфу. Очаг кана расположен во внутреннем юго-восточном углу суфы и моры находятся в юго-восточном углу помещения. Ташнау устроено в середине, ближе к западной стене. Пол перед суфой застлан жжеными кирпичами. Размеры помещения 5,3х4,2 м. В северном конце западной стены находится вход шириной 1,1 м в помещение №43. В юго-восточном углу его расположены закрома 2х0,7 м. Размеры помещения 4х2,6 м. В середине северной стены помещение 45 имеется вход шириной 0,9 м в помещение 46. Размеры его 4,3х3,1 м. В южном конце его в западной стене находится вход шириной 83 см в помещение №47. К южной стене его пристроено ташнау из жженых кирпичей. Размеры помещения 3,3х3 м.

В целом, данный дом X имеет по два жилых, хозяйственных и подсобных помещений.

В северной стороне сохранилось помещение №46. Восточная часть помещения №46 а, при ширине 4,5 м. В 1,7 м севернее от помещения № 46 а перпендикулярно к западной стене вдоль улицы построена стена длиной 20,6 м. От восточной стены квартала в 9 м в середине улицы расположен проход шириной 1,7 м.

В северной стороне квартала на западной стороне мечети и дома XIII находится двор. Вход шириной 1 м в него в 1,3 м от западной стены дома XIII. Размеры двора 24х18х14х7х4,5х14 м. В середине западной стороны двора с юга имеется вход в дом XXVI размером 4х3,8м. Возможно, это кладовое помещение.

В северной стороне помещения №81 находится однокомнатный дом XX размером 5х3,6 м. Вход его расположен в северном конце западной стены. В юго-западном углу находится тандыр. В центральной части помещения и северо-восточном углу находится очаг.

В северной стороне помещения №77 находится вход шириной 0,8 м в четырехкомнатный дом XIX. При входе расположено помещение №90. Справа от входа находится ташнау, остальная часть помещения занята П-образной суфой. Очаг кана расположен в восточной части суфы и моры на 2 м далее в восточной стене. На южном конце восточной стены расположен проход в кладовые помещения №95. На его юго-восточном углу построены двое закромов шириной 1,4 м, длиной 1 и 0,9 м. Размеры помещения 4х2,7 м. В южном конце западной стены помещения №90 находится вход в помещение №86. На юго-западном углу имеются закрома 3х1 м. Размеры помещения 6,7х3,2 м.

В восточном конце северной стены имеется вход в помещение №89. При входе слева расположены закрома размером 2х1,2 м, размеры помещения 3,2х2,6 м. В данном доме одно жилое помещение , остальные - подсобные, склады.

В настоящее время расположены северные помещения №90 и №95, два помещения дома XXI. Вход шириной 1 м в помещение №96 на северной стене. Размеры его 5х3,5 м. В южном конце западной стены помещения №96 расположен вход шириной 0,9 м в помещение №94. В его северо-западном углу построены закрома размером 1,3х 0,6 м. Размеры помещения 4,7х2,6 м.

Дом XXIV расположен на западной стороне помещений №32 и №33. Он Г-образный в плане, размером 10х8,7х5,1х2х4,4х5,7 м. Вход шириной 1,3 м находится в восточной стене. Следовательно, дом не был перекрыт. Служил подсобным сооружением.

Таким образом, в южной части квартала имеются 9 домов (I, III, IV, X, XV), западной – 4 дома (XVI, XVIII, XXII), восточной 7 домов (II, V-IX , XXIII), квартальная мечеть и северной – 6 домов (XIX-XXI, XXIV - XXVI). Северные стороны квартала не имеют прямых улиц.

Самый маленький дом однокомнатный. Большой дом состоит из 10 помещений. Из них 4 – жилые. Он строился в основном из пахсы, для внутреннего интерьера использованы пахса, сырцовые кирпичи и местами бутовые камни. Местами полы и ташнау построены из жженых кирпичей. Размеры кирпичей 20-24х20-24х4-5 см.

В некоторых местах использованы кирпичи 30-32х30-32х4-5см. Стены помещения имеют толщину 0,3-0,5 м. Суфа, иногда и полы помещений отштукатурены глиной с примесью самана. Двери были деревянные при ширине 80-70 см и высоте 1,2-1,45 см. Оконные рамы – панджара были сделаны из ганча, 6 оконные с глазками диаметром 18-22 см, аналогичные оконные рамы известны в восточном квартале [Кдырниязов, 1993, рис. 7]. Для очага использована верхняя часть хумчи. В редких случаях использовался керамический очаг.

В одном помещений №88 найдена подставка ручной круговой мельницы, которая использовалась в быту. В доме II, IV, XI, XX, XIII пекли лепешки для дома и, возможно, на продажу.

В ходе раскопок были найдены многочисленные фрагменты археологических находок, аналогичные найденым во время раскопок соседних кварталов № 1, № 3 [Туребеков, 2003, с. 75-78; 2006, с. 64-66; Кдырниязов, 2006] и других памятников региона [Вактурская, 1959, с. 300-328]. Все они, в основном, характерны для второй половины XIII-XIV вв.

В данном квартале зафиксировано более 25 домовладений и ни один дом не имеет открытого участка земли. Они были ремесленно-торгового характера, где в основном пекли лепешки на продажу и обрабатывали зерно. Домовладения по коли-

честву жилых и подсобных помещений отличались друг от друга. В единственном случае дом состоит из одной комнаты, а остальные, в основном, состоят из двух и до 10 помещений. Здесь жили, начиная от одной и до пяти семей, которые были связаны родственными отношениями.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Вактурская Н.Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX-XVII вв.) // ТХАЭЭ, IV. М., 1959.

Кдырниязов М.-Ш. Алтын Орда дәўириндеги Түслик Арал бойы мәденияты. Нөкис, 1993.

Қдырниязов М.-Ш. Кашинная керамика Хорезма // История и материальная культура Каракалпакстана. Нукус, 2006.

Туребеков М. Раскопки жилого массива гончаров Средневекового Миздахкана // Археология Приаралья. Вып.VI. Нукус, 2003.

Туребеков М. Раскопки жилого массива №1 Средневекового Миздахкана // История и материальная культура Каракалпакстана. Нукус 2006.

Туребеков М. С.П. Толстов и некоторые результаты исследования городища Миздахкан // ТД Международного симпозиума «Приаралье на перекрестке культур» II второго полевого семинара «Археология древнего Ташкырманского оазиса», посвященные 100-летию со дня рождения выдающегося исследователя Центральной Азии С.П. Толстова. Нукус, 2007.

Н.Ю. Юсупов
Каракалпакский научно-исследовательский институт гуманитарных наук ККО АН РУз (Нукус)

ИСТОРИЯ ГОРНОГО ДЕЛА ХОРЕЗМА В ТРУДАХ М.Е. МАССОНА

Один из старейших исследователей истории народов Средней Азии профессор, доктор археологии, известный нумизмат М.Е. Массон в своих исследованиях горного дела Узбекистана дает некоторые сведения о полезных ископаемых средневекового Хорезма, почерпнутый, в основном, из средневековых арабоязычных письменных источников.

Наиболее ранние источники о полезных ископаемых Хорезма приводятся в сочинениях греческих и римских письменных источников и в строительной надписи Дария (552-486 гг. до н.э.) о возведении дворца в Сузах. В числе многих материалов для его отделки, поступавших из разных сатрапий ахеменидского государства, упоминается камень “ахшайна” из Хорезма. В.И. Авдиев подразумевает под этим камнем бирюзу [Всемирная история, Т. 2, с. 190.]. В другой работе М.М. Дьяков предполагает под камнем, поступившим из Хорезма, «гематит или бирюзу» [Дьяков, 1961, с. 108], а некоторые другие исследователи считают, что это мрамор. По мнению М.Е. Массона, под “ахшайна” поступавшем из Хорезма, вероятнее, всего подразумевалась тальковая порода, которая разрабатывалась многие сотни лет в хребте Султан-Уиздага и высоко ценилась в раннем средневековье за огнеустойчивости. Главное месторождение на горе Казан-тау отмечено наличием древних разработок. Это порода могла идти на отделку дворца, так как прекрасно поддается скульптурной обработке или на изготовление специальной каменной дворцовой утвари, вплоть до котлов для кипячения воды [Массон, 1953, с.10].

О разработке камня в горах Султан-Уиздага, около которых был расположен город Баратегин, писал в конце X в. Макдиси [МИТТ, 1939, с. 201]. Приписываемое М.Е. Массоном сообщение Макдиси о разработке камня в горах Султан-Уиздага, около которых расположен город Баратегин [Массон, 1953, с.18], основано на неточном использовании источников. Ал-Истахри пишет в своем географическом сочинении: от Кердера до появления Баратегин 2 дня пути [МИТТ, 1939, с.181]. М.Е. Массон сообщает еще об одном интересном средневековом письменном источнике, относящимся к XIII в. и принадлежащем Закарая Казвини, который говорит об особом “еврейском камне”, добываемым в Аральском море. Он имел размеры небольшого ореха и бывал двух видов: округлый, как плод маслины, и продолговатый, как дыня. Оба были в восточной средневековой медицине весьма популярным лечебным средством, употреблявшимся при слабости желудка, но особенно при наличии камней в почках и мочевом пузыре, причем мужчины пользовались одной разновидностью, а женщины - другой. При лечении “еврейский камень” просто клали в воду и затем ее пили, по словам Медина Муваффана в толченом виде принимали в вине или молоке. Исходя из приведенного у Закарая Казвини названия, считали, что этот камень принадлежал к той категории пегматитов, которые позднее в еврейской

(мифологии) минералоги и именовались письменным гранитом за сходство поверхностной структуры с буквами древнееврейского алфавита. Но такое объяснение трудно согласовать с подробностями, приводимыми мусульманскими авторами. Пегматитовые породы встречаются в горах Султан-Уиздага, и в виде мелких галек, но не добываются у Аральского моря. Трудно представить, в высшей степени твердый пегматит был пригоден для внутреннего употребления. Этот “еврейский камень” из Аральского моря, по мнению М.Е. Массона, принадлежит даже не минералам, а органическим образованиям [Массон, 1953, с. 18-19]. Из числа неметаллических ископаемых Хорезма в средние века шла добыча квасцов и талька. Главное месторождение первых (квасцов - Н.Ю.) находится недалеко от Амударьи, ниже Турткуля, в урочище Зумакан (рудник каменных квасцов), где столетиями размалывался рыхлый красный загипсованный песчаник, пропитанный солями квасцов. Главный рудник давно уже представляет собой обширную пещеру “Гар”, достигающую 5-9 метров высоты и тянущуюся вглубь на десятки метров. Судя по фрагментам керамики и глиняным чирагам-светильникам, оставленным здесь горняками, месторождение разрабатывалось до последнего времени. Пещера Гар считалась священной, это подтверждают находящаяся внутри крупный шест-туг с конским хвостом и разноцветными лоскутами от одежды почитателей добытчиков, и бесчисленные низкие колышка, вбитые у входа в пещеру и перевязанные разноцветными лоскутками. Предположение, будто добытые здесь квасцы генуэзцы вывозили в Европу под названием “восточного камня”, пока подтверждения не получило. Как уже выше нами было указано, информация месторождении неметаллических полезных ископаемых так называемых квасцов, полученная М.Е. Массоном была неправильной. Как было сообщено, местность Зумакан, где добывались квасцы, находится ниже города Турткуля. На самом деле названная местность Зумакан расположена на левом берегу Амударьи, где в настоящее время находится водохранилище Туямуюнского ГРОСса. По легенде Султан Санджар перекрыл Амударью, чтобы оставить Хорезм без воды. Еще эту местность называют «соленое озеро Султан Санджара».

Благодаря работам М.Е. Массона нам стало известно о так называемых полезных ископаемых Приаралья, т.е. о “еврейском камне” и о добыче квасцов.

Дальнейшее археологическое изучение пещеры Зумакан связано с деятельностью сотрудников Хорезмской археологической экспедиции в начале 70 годов XX. Была обследована пещера Зумакан, которая располагалась на уровне обнажений песчаника, расширяясь до высоты 10 м. Перед входом была небольшая площадка, вытянутая с северо-запада на юго-восток. Протяженность пещеры 125 м [Дзенс-Литовский, 1939, с. 518], в восточной части она достигает 250 м. Геологи, посетившие пещеру в разные годы, отметили, что она имеет искусственное происхождение и является древним рудником, в котором добывали квасцовый камень, употребляемый для изготовления краски [Щербаков, 1930].

Значительный объем разработок указывает на длительное функционирование рудника. С пещерой Зумакан связан ряд поверий, и в прошлом она служила местом паломничества местного населения. Шурфовка пещеры выявила 14 условных горизонтов. В IX (сверху) горизонте появляется античный материал: обломки стенок ремесленного красноглиняного с красным ангобом сосуда. Немногочисленные фрагменты сосудов античной эпохи продолжаются до самого нижнего (XIV) гори-

зонта. В горизонтах с I до VIII найден и современный и средневековый материалы [Итина, 1991, с. 28].

Таким образом, исследования маршрутного отряда дают нам еще одну категорию памятников, освоенных в античное время. К тому же вспомним, что путь в Хазарасп, судя по данным источников, мог идти с юга и через Питняк и через озеро Султансанджар. Тогда не исключена возможность того, что соль озера Султансанджар вывозилась уже в эпоху античности не только для использования ее в Хорезмском оазисе, но и продавались купцам, шедшим на юг по караванному пути [Итина, 1991, с. 29].

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Авдиев В.И. История древнего Востока М., 1953.

Ал-Макдиси. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. М.-Л., 1939

Всемирная история. Т. 2. М., 1979

Дьяков М.М. Очерки истории древнего Ирана М., 1961.

Масон М.Е. К истории горного дела на территории Узбекистана. Ташкент, 1953.

Дзенс-Литовский А.И. Озера Султансанджар и его окрестности // Изв. ВГО, 1939, №4

Щербаков Д.И. Автопробег через центральные Кара-Кумы. Каракумы. Вып.20. Л., 1930.

Георгиевский Б.М. Южный Хорезм, геологические и гидрогеологические исследования 1925-1935 гг. 2. 1. Ташкент, 1937.

Итина М.А. Археологические памятники на древних торговых путях вдоль берегов Амударьи // ТХАЭЭ, XVI. Древности южного Хорезма. М., 1991.

А.Д. Искандерова
Каракалпакский научно-исследовательский институт гуманитарных наук ККО АН РУз (Нукус)

ВИДЫ ОРНАМЕНТАЛЬНЫХ МОТИВОВ НА ГЛАЗУРОВАННОЙ КЕРАМИКЕ ХОРЕЗМА XII-XIII ВВ. И ИХ АРХИТЕКТУРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

В XII-начале XIII вв. Хорезм продолжал оставаться крупным торговым и экономическим центром оазиса. Хорезмшахи проводили широкую завоевательную политику и к началу XIII века расширили свою территорию от Сырдарьи на севере до Персидского залива на юге, от Азербайджана на западе до Инда на востоке.

Средневековые источники сообщают, что Гургандж (Джурджания) и другие города были благоустроенными населенными пунктами и торгово-ремесленными центрами, связанными транзитными торговыми путями с различными центрами Восточной Руси, Кавказа, Мавераннахра и Ближнего Востока. Важную роль посредника в международной торговле играл сам Хорезм. Наряду с предметами роскоши для феодальной верхушки сюда ввозилась и поливная посуда: селадон, люстр, минаи и «гран-де-ри». Широкое развитие городской культуры способствовало появлению новой технологии производства. Зачастую шло подражание более высоким и развитым в технологии керамического производства образцам посуды импортного производства. Как мы знаем, городские центры Мавераннахра (Бухара, Самарканд) [Мирзаахмедов, 1999, с. 298-304] и Южной Туркмении (Мерв) [Пугаченкова, 1960, с. 84-86] выпускали в этот период люстровую керамику. Изделия, выполненные в данной технике, но с явными признаками брака, найдены и на памятниках Западного Хорезма [Кдырниязов, 1989, с. 75].

В столицу империи Гургандж свозились огромные материальные ценности, здесь строились монументальные сооружения, орнаментально оформленные архитектурно-облицовочной керамикой. К XII-XIII вв. развитие облицовочной резной керамики вытесняет предыдущие формы декора, керамическое искусство достигает высокого совершенства в различных вариантах облицовки. Большим достижением керамической технологии декора является применение облицовочных поливных плиток. Исследователь древнего Хорезма С.П. Толстов отмечает отличительные особенности хорезмийского стиля XII-XIII вв.: «На смену суровому конструктивизму афригидской эпохи …приходит утонченный, изысканный и пышный декоративизм эпохи хорезмшахов» [Толстов, 1948, с. 162].

В ходе археологических работ на территории Хорезма выявлены архитектурные памятники с богатым орнаментированным декором. Средневековый архитектурный декор представляет большой интерес для изучения орнаментальных мотивов и его параллелей в сопоставлении с орнаментикой глазурованной посуды. Многообразие мотивов глазурованных кирпичных узоров находит аналогии в декорировании глазурованных изделий хорезмшахского периода.

На хорезмских памятниках XII-XIII вв. глазурованная керамика отмечается массовостью, высоким качеством исполнения и многообразием орнаментальных мути-

вов, наличием часто встречающихся образцов импортной посуды. В этот период появляется кашинная керамика с новыми орнаментальными композициями, намного отличающимися от декора глиняной глазурованной керамики. Кашин в среднеазиатском регионе появляется с XII в. и состоит из высококремнезистой массы (SiO3) разного состава и характера. Н.С. Гражданкина, исследовавшая химико-технологические свойства глазури Хорезма, отмечает, что хорезмийский кашин «высокосиликатный, кремнезем в нем содержится в количестве 89-93 %… Этот состав устойчиво удерживается в последующие времена (XIV в.) и передается в те районы Мавераннахра, где сырьевые ресурсы подобны хорезмийским" [Гражданкина, 1989, с. 72].

Все разнообразие орнаментальных мотивов, применявшихся в декорировании различного типа керамики с глазурью, можно подразделить на растительно-геометрические, эпиграфические, реже - зооморфные.

Глазурованная керамика очень разнообразна по орнаментации и качеству поливы, которой покрывались изделия. Посуда внутри и по внешнему краю покрыта бесцветной, желтоватого или зеленоватого оттенка поливой поверх светлого или кремового ангоба. Внутренняя сторона поливных сосудов орнаментирована тонкой подглазурной гравировкой (“граффито”) и росписью, состоящей из комбинаций растительно-геометрических и абстрактных орнаментов-завитков, потеков [Вактурская, 1959, с. 316]. Гравировка тонкой линией, получившая название «граффито», относится к наиболее ранней технике орнаментации. На чашах, блюдах IX-XII вв. очень тонкой беглой линией наносили растительно-геометрические рисунки, чаще всего с концентрической композицией. В XII-XIII вв. в керамике с орнаментом «граффито» появляются рисунки, выполненные толстой линией. Из раскопок последних лет в Миздахкане происходят фрагменты чаш, блюд украшенные этим видом орнамента [Фонд КГУ, МО-2002, ЮП, п.10/30-38]. Однако орнамент, выполненный толстой гравированной линией, был более распространился в XIII-XIV веках.

Появление керамики, украшенной гравировкой, было вызвано необходимостью замены более дорогой посуды из благородных металлов. Гравировка часто наносилась на посуду зеленой и яркой лимонно-желтой глазурью. Она на белом ангобе давала блестящий прозрачный цвет. Глазурью сосуд покрывали изнутри и снаружи до поддона. Исследователи такой посуды угадывают в ней подражание чеканным изделиям из металла с желтым и холодным темно-зеленым оттенком. Они склонны утверждать, что появление «граффито» связано с подражанием гравировке по металлу, переданному в технике живописи для того, чтобы оттенить основной рисунок, нанесенный линейным контуром [Кверфельдт, 1947, с. 49; Шишкина, 1979, с. 56; Атагаррыев, 1986, с. 124-125].

Анализ некоторых устойчивых геометрических орнаментов показывает, что среди них чаще всего использовались треугольники, ромбы, концентрические круги, точки, косые линии, сетчатые квадраты и радиальные полосы (Таблица I, рис. 21-34). Все виды геометрического декора в той или иной степени тематически связаны с мотивами декоративно-прикладного искусства Средней Азии, Закавказья и Дальнего Востока.

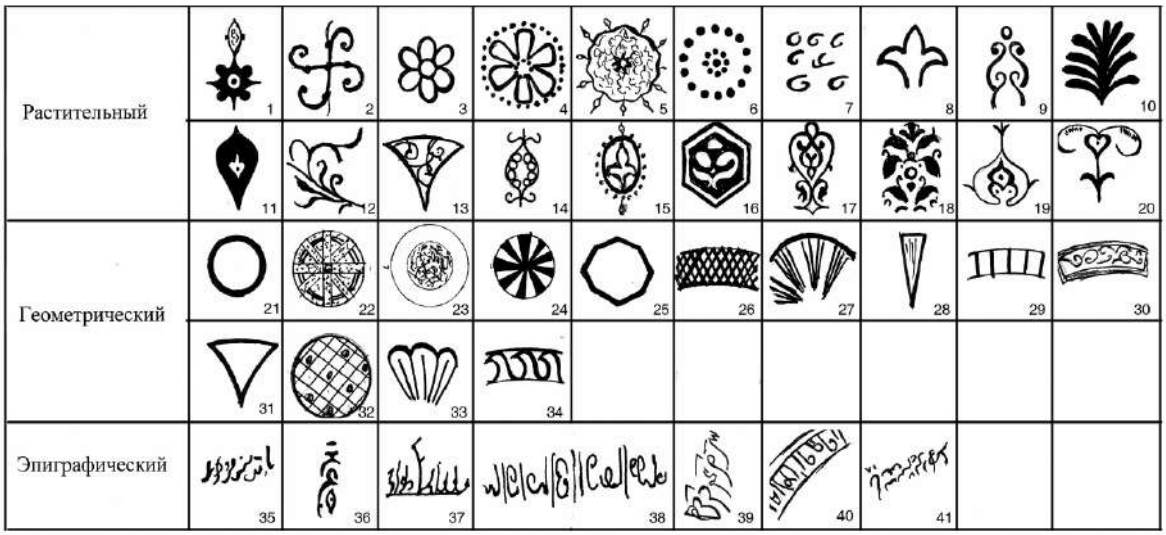
Наиболее распространенными орнаментами являлись гравированные «завитки», «спирали» и «сетки». В декоре керамики «сетка» встречается в различной форме, центрической и концентрической композициях. Иногда мастер для усиления деко-

ративности делал в розетке зеленое пятно-точку [Фонд КГУ, МО-2001, ЮП, п. 12/41]. Кроме того, многолепестковая розетка занимала центральную часть чаши, являлась главной композицией и подчиняла себе остальные орнаментальные элементы. На стенке чаши в узкой кайме жирной линией нанесен растительный орнамент в виде побегов стебля. Композицию завершает бордюр из волнистой линии с точками-крапинами или треугольниками, нанесенными однотонной краской. Лепестки цветка хорезмской керамики XII-XIII вв. имеют овальную форму.

Необходимо отметить, что средневековые керамисты умело использовали комбинацию не только из реалистичных цветов, но и стилизованно-реалистичных орнаментов. Среди миздахканских находок интересна придонная часть чаши на красноглиняной основе [Фонд КГУ, МО-2002, ЮП, п. 4/33]. Полива односторонняя, желтая, роспись нанесена темно-коричневой краской по ангобу. Центр дна чаши свободен от узора. От центра вверх радиально расходятся четыре узкие ветки со стилизованными побегами коричневого цвета. Между ними помещены выполненные также коричневой краской удлиненные ромбики с рельефными белыми точками-крапинами.

При изготовлении сосудов открытой формы основное внимание уделялось украшению центра, поэтому центрическая композиция являлась самой распространенной в Хорезме, начиная с XII-XIII вв. Типичной для этой группы является сетчатый круг, обрамленный параллельной полосой белого и коричневого цвета и образующий дисковидное пространство. Внутри круг окрашивался пятнышками-точками красной, коричневой и белой красками, после чего сосуд покрывался бесцветной глазурью. Аналогичная орнаментальная сетка нам известна по Афрасиабу [Шишкина, 1979, табл. XLI, 2-3], Эски-Ахси [Ильясова, 1986, илл. 3] и Шаш-Илака [Буряков, 1961, табл. IV; Брусенко, 1986, табл. 34, 15]. Исследователи относят зарождение сетчатого мотива к середине XI в. (Шаш) и XII-XIII вв. (Согд). На другом варианте сетчатый орнамент нанесен в виде гравированной сетки из комбинации простых линий и завитков. Край чаши, найденной в Наринджане в доме XII в., украшен двойными параллельными гравированными полосами, от которых спускаются заштрихованные треугольники (Таблица I, рис. 27-28). Обрамляющая зеленая

Таблица 1. Виды орнаментальных мотивов на керамике XII-начало XIII вв.



полоса по венчику расцвечена крупными темно-зелеными точками. Не менее характерен сетчатый гравированный орнамент чаши из Замахшара (Таблица I, рис. 26). На стенке сосуда нанесены гравированные орнаментальные полосы концентрической композиции. На первой орнаментальной полосе тонкой линией процарапаны сетчатые ромбики, вертикальными штрихами разделенные на секторы. Во втором поясе, на бордюре венчика вырезаны гравировкой тонкие вертикальные линии радиального направления, которые также расцвечены точками зеленого, красного цветов [Вактурская, 1959, рис. 27, 3, 6]. Наиболее распространенным орнаментом являлись штрихи, зубчатые треугольники, плетеные ленты. Они часто встречаются на монохромных изделиях, украшенных гравировкой. Одно из блюд по бортику украшено гравировкой в виде парных горизонтальных линий, зигзагообразно сомкнутых треугольников. Она как бы создает эффект бегунка. Между зубчатых треугольников тонкой врезной линией нанесены косые гравированные штрихи. Другая нижняя полоса вертикальной врезной линией разделена на квадраты, в каждой ячейке которого чередуются узоры зеленого и желтого цветов [Фонд КГУ, МО-2002, ЮП, п. 12/34.].

Одним из наиболее часто встречающихся элементов орнаментального декора в поливной посуде Хорезма XII-XIII вв. является растительный орнамент в различных вариантах. В центре, для украшения чаши широко используется многолепестковая розетка, занимающая почти всю центральную часть сосуда. Своеобразна по своей орнаментальной композиции чаша, обнаруженная в южном поселении Миздахкана (п. № 12), где свастикообразной формы орнаментальная розетка в круге образована коричневыми стеблями, концы которых скручены в виде вихревых завитков (Таблица I, рис. 2). Свободное поле между стеблями занято небрежно нанесенными крупными точками зеленого цвета. Построение рисунка центрическое, одна сторона (конец) вытянута-скручена вправо в виде четырехлистника, она как бы символизирует эффект бесконечного движения. Как самостоятельный орнамент в поливной керамике рисунок появился в IX в. [Жураев, 1997, с. 162-167]. В IX-XI вв. аналогичные мотивы росписи имеют широкое распространение по всей Средней Азии [Лунина, 1962, с. 270; Шишкина, 1979, с. 58; Брусенко, 1986, с. 56-57]. Как центрическая композиция она была известна и в хорезмской керамике X-XI вв. [Вактурская, 1959, с. 289, рис. 11, 2, 3]. Тогда вихревая розетка была выполненная с высоким художественным мастерством, изображалась на светлом фоне в виде цветущего многолепесткового цветка, создавая зрительное восприятие бесконечного движения по кругу. В XII - начале XIII вв. вихревая розетка, по нашим материалам, теряет былое очертание в ходе эволюции растительного орнамента. Она представлена схематично, лепестки и стебли нанесены тщательно, их концы изогнуты в виде пальметтообразных завитков. Не менее стилизованы элементы растительного орнамента типа “ислими”, побеги и листья (Таблица I, рис. 12, 13, 14, 15, 20).

Данный вариант имеет узор в виде тонких побегов, от которых в разные стороны от центра отходят завитки узких стеблей. Они связаны в центре розеткой, напоминающей сердце. Между ними композиция в виде луковичного медальона, сохраняющая симметрию относительно друг друга. Стиль этой росписи придает узору ориентацию "верх-низ". Внутренняя поверхность также украшена растительным побегом. Орнамент выполнен на подглазурном темно-желтом фоне (Таблица I, рис. 17).

Среди орнаментальных мотивов глазурованной керамики очень часто встречается декор с концентрическим поясом узора. В центре имеется орнамент в виде розеток в овале или прямоугольнике. В поле сосуда концентрический пояс, нанесенный темно-коричневой краской по светлому ангобу под прозрачной лимонно-желтой глазурью. Чаши украшались по стенкам параллельными линиями, пересеченными вертикальными и горизонтальными полосками с крапинами коричневого цвета. Зубчатая полоса с крупными точками также выполнена коричневой краской. На бортах другой чаши проходит орнаментальный пояс, расписанный темно-коричневой и красной краской. Широкая полоса украшена узором в виде редко пересекающихся полос радиального направления и одиночных завитков-галочек. Венчик чаши, борта с наружной стороны расписаны красной краской с изображением полуовалов-фестонов.

Интересны орнаменты на кзылкалинских чашах с медальонной композицией. Орнамент чаши состоит из фестончатой розетки, заполненной изображением шестиконечной звезды, цветками и растительными завитками (Таблица I, рис. 5). Далее следует пояс с эпиграфическим орнаментом по кругу придонной части чаши, содержащий куфическую надпись. Затем следует пояс с шестью медальонами овальной формы, внутри которых имеются трехлепестковые цветки, между медальонами идут продолговатые полосы с растительными побегами стеблей (Таблица I, рис. 15). На другой чаше медальоны с изображениями птиц, фон которых заполнен цветками и завитками.

Одним из излюбленных мотивов в керамике XII-XIII вв. является изображение бутонов и побегов стебля. Как известно, бутоны, соединенные между собой тонкими нитями стеблей олицетворяли цветущую молодость и весну. В искусстве ислама и вероисповеданиях правоверных зеленый цвет ассоциируется с раем.

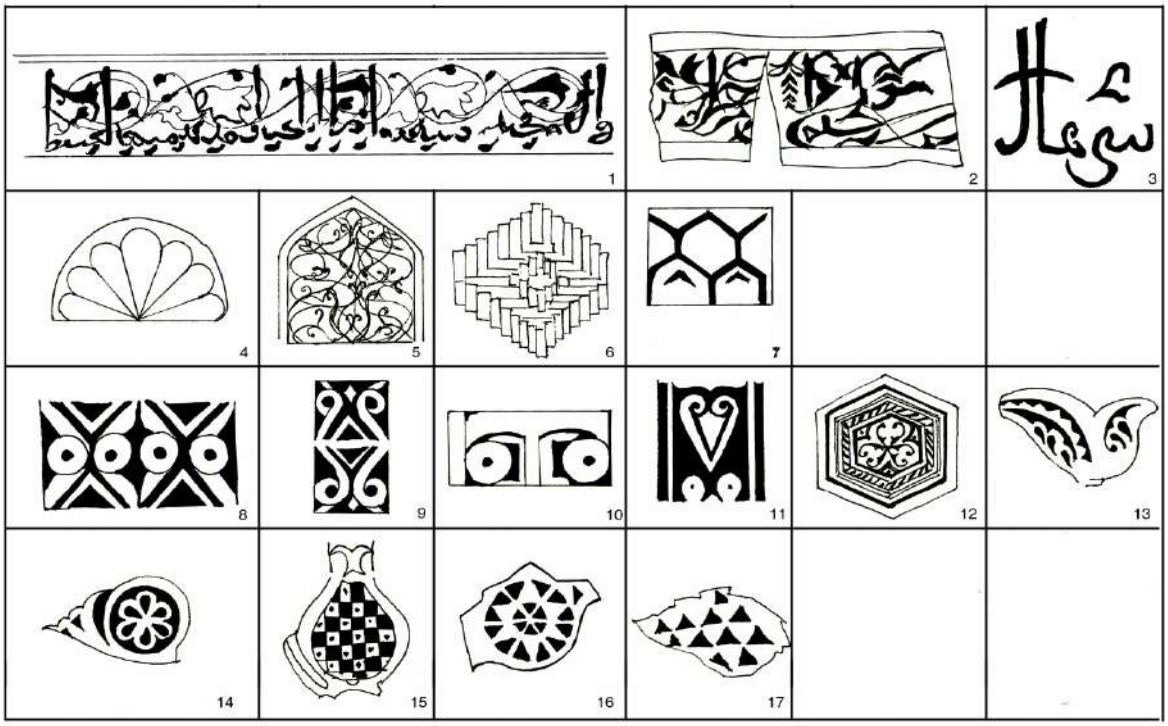
Интересной находкой является фрагмент блюда с гравированным узором. Выгравированный орнамент в виде «плетеной тесьмы» дополнен изображением косых штрихов на белом фоне. Куфическая надпись на краю блюда с наружной стороны, выполненная темно-коричневым (черным) цветом по белому фону, нанесена четко и изысканно, тем не менее, имеет стилизованный, псевдоэпиграфический характер. Здесь эпиграфический орнамент - двойные «алифы» формируются в двулистники-бутоны между заглавными буквами арабского письма. Трансформация вертикальных «алифов» и других букв по материалам Согда [Шишкина, 1979, с. 54-55] и Чача [Брусенко, 1986, с. 54] происходила с XI века. Исследователь арабских надписей на поливной керамике Средней Азии О.Г. Большаков отмечает, что «в X-XII вв. стволы букв, которые ставятся друг к другу, переходя в эпиграфический орнамент, или, быть может, являются уже орнаментом» [Большаков, 1963, с. 82, рис. 10]. По этим материалам можно судить, что в XII в. выработалась устойчивая форма написания арабского благопожелания. В эти благопожелания трансформируются предельно стилизованные ряды непрерывно повторяющегося неполного слова из считанных букв типа “мим”, “алиф”, выполненные способом курсивного насха [Вактурская, 1959, с. 316-318]. С XII в. этому устойчивому способу орнаментации перешли гончары всей Средней Азии [Шишкина, 1979, с. 56, табл. LII, 2], что можно объяснить некоторыми причинами. В XII-XIII вв. широкое распространение получает люстровая керамика на кашинной основе. В сосудах этой группы наряду с растительными, зооморфными, антропоморфными узорами встречаются арабские и персидские надписи, которые широко распространены на привозных изделиях

(Таблица I, 35-38). Многочисленные образцы привозной посуды с эпиграфическим орнаментом известны по материалам Шемаха-калы, Замахшара, Кават-калы [Вактурская, 1959, с. 324, 326], Кызыл-калы [Ходжаниязов, Кдырниязов, 1989, с. 91 -112] и сельских поселений Западного Хорезма [Неразик, 1976, с. 99, 190; Кдырниязов, 1989, с. 75-76]. В них надписи, эпиграфические орнаменты в основном состояли из изречений, стихов, выполненных грамотно, каллиграфическим почерком.

Повсеместное утверждение ислама приводит к широкому использованию арабской письменности и в архитектурной орнаментику Хорезма. Надписи содержат благопожелания, изречения из Корана, имя заказчика, по воле которого построено здание и иногда мастера – строителя. Сюжеты растительно-геометрических орнаментов и арабские надписи почерка «насхи» и «цветущего куфи» вводятся в оформлении облицовки главных фасадов и порталов.

Аналогичные сюжеты арабской письменности и растительно-геометрических орнаментальных мотивов можно увидеть на главных фасадах мавзолеев хорезмшахского периода Фахр-ад-дина Рази и Текеша (Таблица 2, 1-3). По обводу фасада мавзолея Фахр-ад-дин Рази идет рельефная надпись религиозного содержания в переплетении с тонким растительным орнаментом. Под ним, над тремя арочными нишами, кладка образует сложный переплетающийся растительный орнамент [Прибыткова, 1961, с.190, рис. 1]. Шатер украшен геометрическим ромбовидным орнаментом по всем граням, выполненным из глазурованных кирпичиков бирюзового цвета [Памятники архитектуры Туркменистана, 1974, с. 175]. В оформлении мавзолея Текеша под карнизом конического шатра сохранился сплошной голубой фриз с выпуклой арабской надписью. Конусовидный шатер мавзолея в нижней части оформлен по кругу орнаментальной полосой голубых ромбов, выше этого пояса шатер выложен голубым изразцовым кирпичом в «елочку» [Памятники архитектуры Туркменистана, 1974, с. 182, рис.].

Таблица 2. Виды архитектурных орнаментов



Сравнительный анализ орнаментальных мотивов Хорезма с материалами соседних регионов показывает, определенную общность. В различных композициях использованы одни и те же элементы декора, в частности многолучевая звезда, зубчатая полоса по краю, треугольники, ромбы, квадраты, плетеные ленты, волнообразный бегунок и другие. Такие элементы встречаются в глазурованной керамике Дехистана, Самарканда, Бухары и Ташкента (Чач). Но вместе с тем хорезмская керамика по технике декорирования, по орнаментальным мотивам, построению композиции и выбору цвета отличается от продукции других керамических центров. В частности, элементы гравировки типа «зигзагов», косых штрихов, спирали, сетки на фоне расчеканены и заштрихованы. В других вариантах декор «граффито» обогащен мелкими точками, выполненный белой или красной краской по светлому ангобу. Большинство вышеназванных орнаментов воспринимается среди населения Хорезма как оберег и каждый из них имеет свою семантику.

Аналогичные сюжеты находят отражение в архитектурном оформлении богатых усадеб Кават-калы, в частности, такие элементы декора, как треугольники, шестилучевая звезда, цветочные розетки, плетенка, зубчатая полоса, квадраты с точками, медальоны с растительным орнаментом (Таблица 2, рис.8-17) [Толстов, 1948, рис. 99]. Эти орнаментальные мотивы были использованы в архитектурном убранстве каваткалинского дворца; помещения имели пышную внутреннюю отделку: их стены украшала полихромная роспись, потолки и двери были отделаны искусной резьбой [Вактурская, Вишневская, 1959, с. 151].

В целом, различные виды орнаментальных мотивов на глазурованных изделиях и архитектурном декоре памятников Хорезма XII-начала XIII вв. свидетельствуют о высоком уровне гончарного ремесла и архитектурной школы в эпоху Великих Хорезмшахов.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Атагаррыев Е. Средневековый Дехистан. Л., 1986.

Большаков О.Г. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX-XII вв. // ЭВ. Вып.XV. Л., 1963.

Брусенко Л.Г. Глазурованная керамика Чача IX-XII вв. Ташкент, 1986.

Буряков Ю.Ф. Художественная керамика городища Тункет // Научные труды и сообщения АН УзССР. Отделение общественных наук. Книга II. Ташкент, 1961.

Вактурская Н.Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX–XVII вв.) // ТХАЭЭ. Т.IV. М., 1959.

Вактурская Н.Н., Вишневская О.А. Памятники Хорезма эпохи Великих Хорезмшахов (XII–начало XIII вв.) // МХЭ. №1. М., 1959.

Гражданкина Н.С. Архитектурно-строительные материалы Средней Азии. Ташкент, 1989.

Жураев Ш. Бухоро вохаси IX –XI асрлар кулолчилиги «Чамбарак» накшлари хакида // ИМКУ. №28. Самарканд, 1997.

Ильясова С. Глазурованная керамика из верхних слоев городища Эски-Ахси // ИМКУ. №20. Ташкент, 1986.

Кверфельдт Э.К. Керамика Ближнего Востока. Л., 1947.

Кдырниязов М-Ш. Материальная культура городов Хорезма в XIII-XIV вв. Нукус, 1989.

Лунина С.Б. Гончарное производство в Мерве X-начала XIII вв. // ТЮТАКЭ. Т.XI. Ашхабад, 1962.

Мирзаахмедов Д.К. Новые находки люстровой керамики из Бухары // ИМКУ. № 30. Самарканд, 1999.

Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме (I-XIV вв.). М., 1976.

Памятники архитектуры Туркменистана. Л., 1974.

Прибыткова А.М. Мавзолей Фахр-ад-дин-Рази в Куня-Ургенче // Архитектурное наследие. М., 1961, Вып.13

Пугаченкова Г.А. К открытию люстровой керамики в Мерве // Известия Туркменской ССР. Серия общественных наук. №5. Ашхабад, 1960.

Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948.

Фонд Каракалпакского Государственного университета. Миздахканский отряд - 2001, Южное поселение, помещение 12/41.

Фонд Каракалпакского Государственного университета**.** МО-2002, ЮП, п. 12/34; п.10/30-38; п. 4/33; п. 12/11.

Ходжаниязов Г., Кдырниязов М-Ш. Коллекция поливных чаш из Кзыл-калы // Изобразительное и прикладное искусство. Культура Среднего Востока. Ташкент, 1989.

Шишкина Г.В. Глазурованная керамика Согда (вторая половина VIII-начало XIII вв.). Ташкент, 1979.

Б.Қ. Турганов
Ажинияз номидаги Нукус давлат педагогика институти, (Нукус)

ХОРАЗМНИНГ ЎРТА АСРЛАР ДУРАДГОРЛИК АСБОБЛАРИ (VIII-XIV асрлар)

Ижтимоий ҳаёт учун зарур бўлган буюмлар, меҳнат қуроллари ва бошқада кўплаб соҳалар учун асбоб-ускуналар ишлаб чиқариш ишлари металлсозликка, айниқса темирчилик тармоғига бевосита алоқадордир. Хоразмнинг ўрта асрлар ёдгорликларидан кўплаб темирчилик устахоналари аниқланган, ушбу устахоналарда хўжалик ва рўзғор учун зарурли темирчилик маҳсулотлари билан бир қаторда болта-теша, болта, теша, арра, қачов, ранда, омбир ва бошқада кўплаб дурадгорлик асбоблари ҳам ишлаб чиқарилган. Таъкидлаш жоизки, ўрта асрларда халқ хўжалиги маҳ-сулотлари, қурилиш ишлари ва ишлаб чиқариш муносабатларининг ривож-ланишида дурадгорлик асбобларининг такомилашуви ва кўплаб ишлаб чиқарилиши ҳам муҳим аҳамият касб этган. Бу даврларда халқ хўжалигида ва қурилишда ёғоч қурилмалар, буюмлар ишлаб чиқариш асосий ўринни эгаллашган. Шаҳар деворлари синчли, иморатлар асосан ёғочдан (дарвоза, устун, тўсин, шифт, эшик, дераза) бўлган, шунингдек омоч, чиғир, арава, эгар, қайиқ, идиш-товоқ, хон-тахта, сўри, сандиқ, бешик ва бошқада кўплаб хўжалик ва рўзғор буюмлари ёғочдан ясалган. Ўрта асрларда дурадгорлик асли қурилиш ишлари билан бевосита боғлиқ касб бўлган. Бу даврлардаги уйларнинг ташқи кўриниши оддийгина бўлсада, кўпчилик уйларнинг дарвоза ва эшикларига ўйма нақш берилган, даҳлиз ва айвонлари ихчам ва пештоқли бўлган, ҳовли эшикларига жез ёки темирдан ясалган болғасимон болдоқ осилган. Маҳаллий уйларда турар жойларни чиройли қилиб безаш ва жиҳозлаш қадимдан одат бўлган. Синчли уйларнинг деворлари бўйлаб тўғри бурчакли ёки пештоқ (гумбаз) шаклидаги бир нечта токчалар ўрнатилган бўлиб, уларда ҳар хил уй-рўзғор буюмлари, идиш-товоқ, кўрпа-тўшаклар жойлаштирилган.

Хоразм воҳасидаги уй-жой қурилиши, безатилиши тўғрисидаги бу каби маълумотлар ёзма манбаларда батафсил акс этган. XIII аср бошидаги муаллифлардан Закарийа Ал-Казвини Урганч шаҳридаги уй-жойлар қурилишида ёғочнинг кенг ишлатилиши, иморатларнинг аксарияти ёғочдан қурилганлигини таъкидлайди. Шунингдек, муаллиф шаҳардаги дурадгор ва темирчиларни замонасидаги моҳир ҳунармандлар дея таърифлайди [Ал-Казвини Закарийа, 1960, с. 520; Буниятов, 1986, с. 102].

Саёҳ ибн Баттута (1333 й) Урганч шаҳри ҳикоясида «Бу-туркларнинг катта, муҳим, чиройли ва улуғвор шаҳри бўлиб, ажойиб бозорлари, кенг кўчалари, жуда кўп иморатлари ва жозибадор, кўркам жойлари бор» дея ифодалайди. Шаҳардаги иморатлардан Урганч қозиси Абу Ҳафс Умар уйининг безатилиши тўғрисида «Бу-гўзал ва кенг хона бўлиб,… қатор токчаларнинг ҳар бирига олтин суви юритилган

кумуш идишлар ва ироқий кўзалар қўйилган эди. Одатда мамлакат фуқаролари ўз уйларини ана шундай тарзда безатадилар». Шунингдек, сайёҳ Хоразм ҳокими Қутлуғ Темур уйи ҳақида: «Биз унинг уйига етиб келиб кенг бир қабулхонага ўтдик, ундаги хоналарнинг аксарияти ёғочдан ишланган эди. Кейин эса гумбази уймакор ёғочдан ишланган кичикроқ хонага кирдик» деб маълумот беради [Иброҳимов, 1993, бб. 58- 60].

Воҳада ўрта асрларда ҳар хил катталикдаги кемаларни ишлаб чиқариш ҳам йўлга қўйилган. Бу тўғрисида X аср саёҳатчиси ал-Муқаддаси «...Хоразмда кемалар қурилади ва жиҳозланади» деб маълумот беради [МИТТ, 1939, с. 202]. Саёҳ ибн Баттута (1333 йил) «Хоразм ёнида Жайҳун дарёси оқиб ўтади. Ёз кунлари кемаларда дарё буйлаб Термизгача сузиб бориб, у ердан буғдой ва сули олиб келишади» деб ушбу маълумотларни тўлдиради [Иброҳимов, 1993, б. 58]. Хоразмда кемаларни ясаш ўрта асрлардан кейинги даврларда ҳам давом этган. XIX аср охирларида Амударёда 330 та йирик ва юзлаб ўртача ва кичик кемалар сузиб юрган [Жабборов, 1994, б. 120]. Катта кемалар 500 дан 2000 пудгача, ўртачаси 100 дан 500 пудгача ва кичиклари 100 пудгача юк кўтаришган. Кемасоз усталар ҳам бошқа ёғоч усталари каби дурадгорлик асбобларидан кенг фойдаланишган.

Шунингдек, ёзма манбаларда воҳада эгар ясовчилик касби ҳам тараққий қилганлиги, олтин ва кумуш сувларида ишлов берилган эгар-жабдуқлар ясалиши, ҳаттоки XIII-XIV асрларда ташқи савдога чиқарилиши таъкидланади [Тизенгаузен, 1884, с. 60, 100, 152]. Демак, ажойиб эгар-жабдуқларнинг Хоразмда тайёрланиши металл ва ёғочга ишлов бериш соҳалари ҳунармандларининг моҳирлигидан далолат беради.

Воҳа ёдгорликларидаги археологик материаллар ёзма манбалардаги маълумотларни тасдиқлайди, ёғоч буюмлар зах ва намгарчилик сабабли узоқ вақт сақланиши имконияти кам бўлишига қарамасдан ёдгорликлардаги қазув ишлари давомида кўплаб аниқланган. Ўймакорлик услубида безатилган ёғоч устун, тўсик бўлаклари XII-XIII асрлар боши Қават-қалъа, XIII-XIV асрлар Кўҳна-Урганч, Жанпиқ-қалъа, Миздакхон ва қишлоқ маконлари ёдгорликларидан топилган [Вактурская и др., 1959, с. 152, 162; Неразик, 1976, с. 143; Кдирниязов, 1989, с. 123]. Хива шаҳридаги жума мачит ва бошқада иморатларда бундай ёғоч устун, тўсинлар сақланган ва ёғоч ўймакорлигининг анъанавий услублари давом этиб келмоқда [Денике, 1939, с. 120; Булатова и др., 1972, с. 73].

Хоразмнинг ўрта асрлар ёдгорликлардан топилган болта-теша, болта, тешалар, арра, қачов, ранда, омбир каби асбобларни тавсифлаш ва таснифлаш асосида ўрганиш темирчилик ва дурадгорлик соҳалари тўғрисидаги маълумотларни янада бойитади.

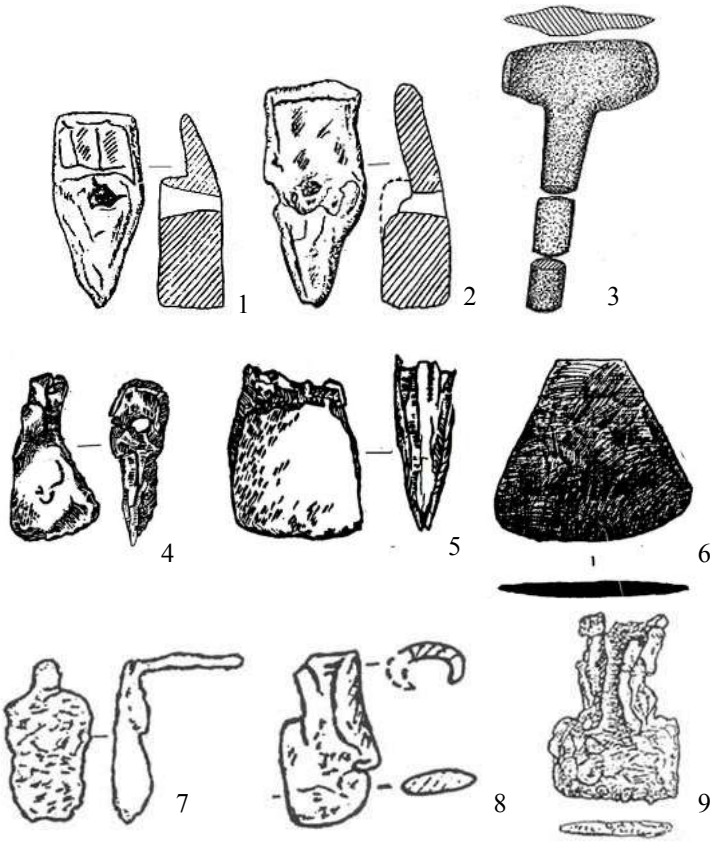
Хўжаликда ва дурадгорлик ишларида кенг қўлланиладиган асбоблардан бири темир болталар Ўрта Осиёда мил.ав. I минг йиллик ўрталаридан тарқала бошлаган [Литвинский, 1978, с. 29]. Илк ўрта асрлардан фойдаланиш мақсадларига кўра ўзгачаликларга эга ва такомиллашган болталар пайдо бўлган, айримларининг тиғи пўлатдан ясалган [Папахристу и др., 1998, с. 148-149]. Ёзма манбаларда болта номлари Махмуд Қошғарий «Девону Луғат-ит турк» асарида (XI аср) «baldu», «Тафсирда» (XII аср) «болта», «Муқаддимат ул-адаб», «Қиссасул-анбиё» (XIII-XIV аср), «Бобурнома»да (XV-XVI аср) «baltu» тарзида берилган [Ўзбек классик адабиёти асарлари учун қисқача луғат, 1953, б. 52; Иброҳимов, 1959, б. 237].

Этнографик материалларда болталар фойдаланиши ва шаклига қараб тўртта тоифага бўлинади: катта болта, ўртача, кичик болта ва ой болта [Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2004, 142 б].

Хоразмнинг ўрта аср ёдгорликларидаги болталар ҳам фойдаланиш мақсади ва тузилишига кўра 4 та шаклга ажратилади.

I шакл (расм - 1, 1, 2). Болта-теша. Иккала меҳнат қуролини бирлаштиришдан шаклланган. Битта томони болта, иккинчиси теша тарзли ясалган. Болта қисми теша қисмига нисбатан мукаммал, марказий қисми думбоқсимон бўлиб, даста учун зўғота ясалган. Тўк қалъанинг VIII аср бошига оид қатламлардан топилган [ҚДЎМ, Тўк қалъа, кп. 8635, инв. 334/335; Гудкова, 1964, с. 53-55, рис.12, 1-2]. Биринчиси, баландлиги 28 см, иккинчиси 32 см, тиғи энига 11-12 см га тенг. Ушбу меҳнат қуролининг болта қисмидан ёғочга дастлабки ишлов беришда, тўнка, ходаларни айиришда ва бошқада мақсадларда фойдаланишган бўлса, иккинчи қисми этнографик материаллардаги каби теша вазифасини бажарган. Шунингдек, меҳнат қуролидан янги экин майдонларини очиш жараёнида тўнка, дарахт илдизларидан тозалаш ишларида ишлатилган бўлиши мумкин. Албатта меҳнат қуролини фақат ёғочга ишлов бериш ишлари билан боғлиқ деб таърифлаш қийин. Чунки, унинг катталигини, йўғонлигини ҳисобга олганимизда тигирмон тошларини тайёрлашда, кончилик ишларида ҳам ишлатилган бўлиши мумкин.

Этнографик материалларда ўхшаш болта-тешалар Ўзбекистон халқлари тарихи музейи фондларида сақланмоқда [Каталог, 1974, с.19, рис. 22]. Умуман олганимизда, болта-тешалар универсал хусусиятга эга дурадгорлик қуроли ҳисобланади [Джаббаров, 1971, с. 82,93; Этнография каракалпаков, с. 155]. Буни халқ достонларидаги маълумотлар ҳам тасдиқлайди. Мўллалар ўқийди зери забарди. Усталар чопади теша-табарди (Фозил бахши, Алпомиш).



1-расм. 1,2,-болта-тешалар; 3,4,5,6-болталар; 7,8,9 - қошиқ тешалар.
1-2, 8 - Тўк-қалъа.VIII аср. (ҚДЎМ фонларида сақланмоқда); 3 - Гулдурсин. XII-XIII асрлар боши; 4-5 - Дарёлиқ кўл макони. XI-XIII асрлар боши (Неразик Е.Е., 1976); 6 - Миздахкон. XIII-XIV асрлар (Қдырниязов М-Ш., 2005.); 7 - Ажигелди карвон саройи. XIII-XIV асрлар (Манылов Ю.П., 1982); 9-Жанпиқ қалъа. XIII-XIV асрлар (3, 9-ҚРСМ фондларида сақланмоқда);

II шакл(расм - 1, 4). Дурадгорлик болталари. Трапеция тарзли, тиғи бир оз кенг, даста учун махсус тешик зўғота ясалган. XII-XIII асрлар боши Дарёлик-кўл макони ва № 707 археo-топографик нуқталаридан топилган [ҚРСМ.Кп. 40076/11. инв. 701; Неразик, 1976, с.110, рис. 82, 1]. Баландлиги 12 см, тиғи энига 7 см га тенг. Ҳозирги замон дурадгорлик болталарига ўхшаш. Ҳажми кичик қулайли бўлганлигидан дурадгорлик ишларида ёғочни кесиш, чопиш ишларида ишлатилган.

III шакл (расм - 1, 5, 6). Ёрғу болта. Тиғи қалин понасимон тарзли болталар. XII-XIII аср боши Дарёлик кўл макони (расм - 2, 1, 5, 6) ва XIII-XIV асрлар Миздакхон, Жанпиқ қалъа ёдгорликларидан аниқланган [Неразик, 1976, с. 110, рис. 82, 1-3; Кдирниязов, 2005, рис. 112]. Махсус адабиётларда «топор-колун» деб ҳам номланади. Фойдаланиш хизмати ўтинни айириш, пона қоқиш каби қўпол ишларида қўлланилган.

Ўхшаш болталар (II-III шакл) Панжикент (VIII аср), Қорабулоқ (IX-XII аср), Ўтрор (XIII-XV аср) ва Олтин Ўрда шаҳарларидан қайд қилинган [Распопова, 1980, рис. 36, 19; Брыкина, 1974, с. 87, рис. 58, 4; Акишев и др., с. 72, рис. 27, 3; Федоров-Давыдов и др., 1970, с. 166, табл.V, 8].

IV шакл (расм - 1, 3). Икки тиғли темир дастали болта. Гулдурсин қалъанинг XII -XIII асрлардаги қатламларидан қайд қилинган [ҚРСМ. кп. 42866. инв. 1526]. Баландлиги 8,8 см, тиғи энига 4 см, зўғотаси 2,5 см, тиғлари қалинлиги 0,5 см, темир дастаси узунлиги 37 см, диаметри 2,5 см. Асосан ҳарбий ишларда ва айрим вақтларда хўжаликда ҳам фойдаланилган бўлиши мумкин. Ўхшаш болталар Россиянинг кичик Анникова қишлоғидан топилган кумуш лагандаги (VI-VII аср) суворийларнинг қасрни ишғол қилиш манзарасида тасвирланган.

Демак, воҳа ёдгорликларидаги болта-теша, болталар қўшни худудларда ва этнографик материалларда учрайди, анъанавий турлари сақланган.

Т е ш а – бир қўл билан ушлаб хода, шох, новда кабиларни кесадиган ёки ёғочни чопиб ундан буюм ясайдиган асбоб.

Хоразмда дастлабки металл тешалар Тозабоғёп маданияти (мил.ав. II минг йиллик 2-ярми) Кўкча-Жанбос маконидан топилган [Итина, 1977, с. 130-131, рис. 67, 14]. Теша тўғри тўртбурчак тарзли тиғи бир оз эгилган тарзда ясалган. Бронза даврдаги тешалар асрлар давомида бир қанча таккомиллашган ва ўрта асрлар ёдгорликларидаги тешалар ўзгачаликлари асосида 2 та шаклга ажралади.

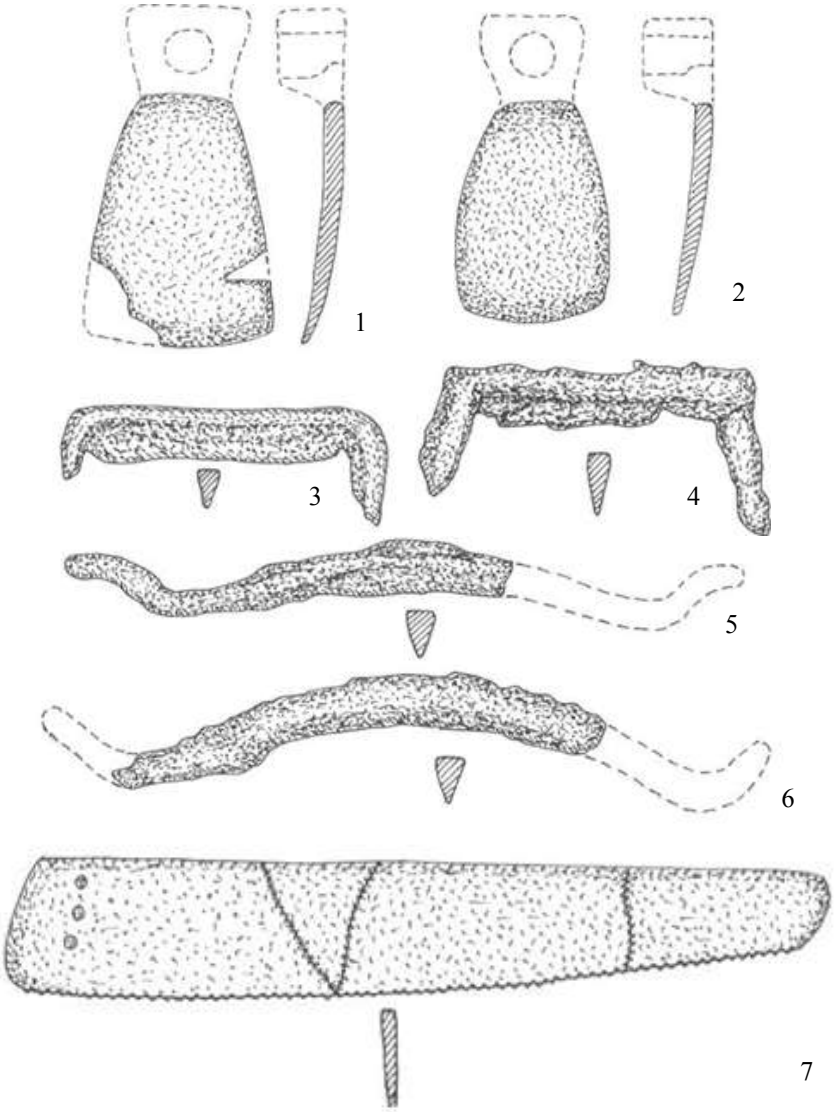
I шакл. Қошиқ теша (расм - 1, 7, 8, 9)**.** Тиғи тўғрибурчаксимон, зўғота қисми юқори томонга қаратилган. Юқорги иккала чеккаси бир оз эгилган ҳолатда махсус тешик зўғота ҳосил қилинган ва ёғочдан «Г» тарзли даста ўрнатилади. Хоразмнинг VIII аср боши Тўк қалъа, XIII-XIV асрлар Қўшбулоқ карвон саройлари, Жанпиқ қалъа ёдгорликларидан аниқланган [ҚРСМ. Жанпиққалъа. Кп. 40028/5. инв 320; Гудкова, 1964, с. 54, рис. 12, 3; Манылов, 1962, с. 83; Манылов, 1982, с. 116, рис. 8, 1]. Жанпиқ-қалъадаги теша баландлиги 14 см, тиғи 9,5 см, зўғотаси дм 5х4 см га тенг (расм - 1, 9). Шаклли ва ҳажми этнографик материаллардаги қошиқ тешаларга ўхшаш [Каталог, 1974, с. 25-26, рис.32]. Ушбу тешалардан қайиқ, мусиқа асбоблари ва бошқада предметларнинг ярим доира тарзли қисмларини чопишда фойдаланилган.

Ўхшаш тешалар Жуантепа (Қозоғистон), Олтой, Тува ва Минусин қўлтиғи худудларидаги VI-VIII асрлар ёдгорликларида ҳам кенг тарқалган [Археологическая карта Казахстана, 1960, табл. 7, 180; Нестеров, 1981, с. 168-172, рис. 2, 1, 2].

И. Кожамбердиев таъкидлашича, Кетмен-тепа воҳаси III-V асрлар Акчий-Қарасу қабрларидаги бундай тешалар қабр қазиш ишларида ҳам ишлатилган [Кожамбердиев, 1960, с. 119, рис. 5, 2; Грязнов, 1956, с. 131, табл. 52, рис.17].

II шакл. Тешалар (расм - 2, 1, 2)**.** Трапеция тарзли тиғи дастасига перпендикуляр жойлашган, теша орқасига бир оз эгилган ва даста учун зўғота ясалган. XIII-XIV асрлар Ажигелди карвон саройи ва Миздакхон маҳаллаларидан топилган [ҚДЎМ. Миздакхон.Кп. 6945/1-20, инв. 6/1; Кп. 2845/6, инв. 54; Манылов, 1982, с. 116, рис. 8, 39]. Ажигелди карвон-саройидаги теша баландлиги 10,6 см, тиғи 5,3 см. Миздакхон тешаларнинг зўғота қисми сақланмасдан, фақат ишчи қисми сақланган. Биринчи теша баландлиги 11,5 см, юқорги (елка) қисми 6,5 см, тиғи 3 см, иккинчиси баландлиги 10 см, юқорги қисми 7 см, тиғи 3 см га тенг. Дурадгорлик ишларида хода, тахта чопишда ва бошқада мақсадларда ишлатилган.

Ўхшаш тешалар VII-VIII асрлар Панжикент, XIII-XIV асрлар Янги Сарой (Царевское городище), Ўтрор ва бошқада ёдгорликларда учрайди [Распопова, 1980, рис. 36,19; Федоров-Давыдов и др., 1970, с. 166, табл. V, 7-8; Акишев и др., с. 193].



2 - расм.
1, 2 - теша;
3, 4 - тахта ранда;
5, 6 - ўроқ ранда;
7 - қўл арра.
1, 2, 4, 6 - Миздахкон. XIII-XIV асрлар (ҚДЎМ фондларида сақланмоқда; Қдырниязов М-Ш., 2005);
3, 5 - Дарёлиқ қўл макони. XI-XIII асрлар. боши (Неразик Е.Е., 1976);
7 - Қават қалъа. XII-XIII асрлар боши. (ҚРСМ фондларида сақланмокда)

Этнографик материалларда тешалар ишлатилиши бўйича қўйидаги турларга ажралади: уйтеша-рўзғорда ўтин-чўп чопишда; устатеша-дурадгорлар ишлатади; шохтеша-пичоқчилар шох ва суяк чопади; жувозкаш теша-ёғ-жувоз кундаси ўйиладиган қайрилма теша; пойтеша-дурадгорликда ишлатилади; қошиқтеша-ёғоч ўйишда, айланасимон буюмлар ясашда ишлатилади [Иброҳимов, 1959, б. 358; Каталог, 1974, б. 26, рис. 32]. Хоразм этнографик материалларида катта ва кичик тешалар мавжуд [Джаббаров, 1971, с. 93]. Бундай тешалар Ўрта Осиёда қорақалпоқ, қозоқ, қирғиз халқларида ҳам кенг тарқалган бўлиб, шўт ёки чўт деб атайдилар [Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина», 1950, с. 65, 79; Утемисов, 1991, б. 41-42, расм 3]. Хоразмнинг ўрта аср тешалари Ўрта Осиё ёдгорликларидаги ва этнографик материаллардаги тешаларга ўхшаш ва бир хиллигини кўрсатади.

Қўл арра (расм - 2, 7). Ёғоч, тахта, шох, суяк, сим ва шу кабиларни кесиш ва қирқиш учун ишлатиладиган темир ёки пўлатдан ясалган асбоб.

Марказий Осиёдаги дастлабки темир арра синиқлари Хоразмнинг Дингилжа ёдгорлигидаги мил.ав. I минг йиллик ўрталарига оид маданий қатламларидан қайд этилган [Воробъева, 1973, с. 156-157, рис. 45/8]. Тўлиқ шаклли сақланган қўл арра XII-XIII аср бошидаги Қават қалъа воҳаси № 41 уйдан топилган [ҚРСМ. Қават қалъа. Кп 3772/698. инв. 1588]. Узунлиги 36 см, темир полотна қалинлиги 0,4 см, энг баланд қисми 7,5 см, қисқа қисми 3,2 см. Темир полотнага махсус майда тишлар ишланган ва даста учун охирги қисмига учта мих ковширланиб беркитилган.

Ўхшаш қўл арра XIII-XIV асрлар Сарой Берка шаҳридан топилган [Якубовский и др., 1956, расм 3]. Шунингдек, Ўзбекистон халқлари тарихи музейи этнография фондида сақланаётган арралар Қават қалъадаги арра билан деярли бир хил [Каталог, 1974, с. 7, рис. 1, 2 а, б].

Этнографик материалларда арраларнинг бир неча турлари учрайди: дастарра (қўларра)- бир киши ишлатиладиган арра; ғўлабур арра- икки киши ишлатадиган арра; Тахтабур арра – ёғочдан нозик буюмларни таёрлашда ишлатиладиган арра; Бекашак шадабур арра-тиғи тахтадан рамка шаклида ишланган шадага ўрнатилади, ёғочни арралашда икки киши тортади. Шу сабабли арранинг устки зеҳига кашак (мағиз) ўрнатилмайди. Шунингдек, арранинг буруш арра, йирикбур арра, йириктишли бурушарра, паргор арра, пуштакли арра, пўлат арра, шох арра ва бошқада турлари мавжуд [Иброҳимов, 1959, б. 223; Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2000, б. 422].

Хоразмда икки киши ишлатадиган арра «ёрғи» деб аталади. Ёрғидан катта, энли ёғочларни кесишда фойдаланади. Майда ишларни бажаришда бир киши ишлатадиган арра «пичқи» деб номланади. XX аср бошига қадар бундай арраларни маҳаллий темирчилар тайёрлашган [Джаббаров, 1971, с. 93]. Ёғоч, суяк, шохлардан ясаладиган буюмларнинг хиллари ва ишлаб чиқариш процессларининг талабига мувофиқ турли касб эгалари арранинг бир қанча турларини ишлатганлар. Археологик материалларда ҳозирча фақатгина бир турдаги арра учрашига қарамасдан, Марказий Осиёдаги ҳунармандчилик соҳалари тараққий қилган воҳаларнинг бири сифатида таъкидлаш мумкинки, ўрта асрларда Хоразмда этнографик материаллардаги каби бир нечта турлардаги арралардан фойдаланишган.

Рандалар (расм - 2, 3-6). Хоразмнинг XII-XIII асрлар боши Дарёликкўл макони ва XIII-XIV асрлар Миздакхон маҳаллаларидан топилган [ҚРСМ.Кп. 40075/4. инв. 643; Неразик, 1976, рис. 66, 12, 14; Кдырниязов, 2005, рис. 109, 1-2]. Этнографик

манбаларда ўроқ ранда, муж ранда, тахта ранда каби турлари мавжуд [Жаббаров, 2003, б. 193]. Ёдгорликлардаги рандаларни этнографик номлари билан атадик.

I шакл. Ўроқ ранда (расм - 2, 5, 6). «Ёйсимон» тарзли, тиғнинг кесими энлироқ, дастаси нисбатан ингичка ясалган. Ходаларни қобиғидан тозалашда, юзини силлиқлашда ва васса ясаш учун фойдаланилади. Маздакхон маҳаллаларидаги синган ўроқ ранда узунлиги 18см, тиғи энига 1,6см, орқа томони қалинлиги 0,8см га тенг, дастаси синган (расм - 2, 6).

Ўрта Осиёда ўхшаш ранда VIII аср Панжикентдан топилган [Распопова, 1980, с. 58, рис. 36, 17].

II шакл. Тахта ранда. Тиғнинг кесими учбурчаксимон, елка қисмлари тўғрибурчак тарзли ясалган. Узунлиги 11,5 см, энига 2,5 см, қалинлиги 1 см, дастаси 2,5 см га тенг [ҚРСМ кп. 40075/4. инв. 643] (расм - 2, 3). Миздакхон маҳаллаларидаги ранда узунлиги 24 см, энига 2 см, қалинлиги 0,9 см га тенг [Кдырниязов и др., 2007, с. 82-85] (расм - 2, 4). Эшик, дераза ромларини ва тахталар юзини силлиқлашда ишлатилган.

Иккала шаклдаги рандаларнинг ҳам иккита дастаси бўлиб, ундан бир киши қўл билан ушлаб, олдинга тортиб ишлатади.

Ўрта асрларда Хоразм дурадгорлари ясаладиган буюмларнинг хил ва иш процессларига кўра этнографик материаллардаги каби бир нечта турлардаги асбобускуналардан фойдаланишган бўлиши керак.

Археологик объектларда дурадгорлик асбоблари ва қурилиш ишларига боғлиқ темир буюмларнинг кўплаб учрашиши унга эҳтиёжнинг зарурлигидан Хоразмда ўрта асрга хос бўлган қурилиш ишлари ва маиший талаблар асосида темирчиликда айрим ихтисослашган гуруҳларнинг вужудга келишига олиб келган. Таъкидлаш жоизки, темирчиликда ривожланган ўрта асрлардан (XI-XII асрлар) дурадгорлик асбоблари ва қурилиш учун зарур бўлган темир маҳсулотларни (мих, исканжалар, бурчак пластиналари, занжир, халқа ва эшик зулфлари) ишлаб чиқарувчи ихтисослашган соҳалар шакллана бошлаган. Шундай қилиб дурадгорлик асбобларининг ихтисослашуви ва кенг тарқалиши ўрта асрларда шаҳарлар, работлар ва қишлоқ маконларидаги қурилиш ишлари равнақида ва Хоразм дурадгорларнинг ажойиб маҳсулотлар тайёрлашига ва қурилиш маданиятининг юқорги чўққига кўтарилишга имконият яратган асосий мезонлардан бири бўлди.

ФОЙДАЛАНИЛГАН АДАБИЕТЛАР

Ал-Казвини Закарийа. Асар ал-билад ва ахбар алибад. Бейрут. 1960.
Археологическая карта Казахстана. Алма Ата, 1960.
Буниятов З.М. Государство Хоразмшахов – Ануштегинидов. М., 1986.
Брыкина Г.А. Карабулак. М., 1974.
Булатова В.А. Ноткин И.И. Архитектурные памятники Хивы. Ташкент, 1972.
Вактурская Н.Н, Вишневская О.А. Памятники Хорезма эпохи Великих Хорезмшахов (XII-XIII вв.) // МХЭ. Вып.1. М.,1959.
Воробъева М.Г. Дингильдже. Усадьба I тысячелетия до н.э. в древнем Хорезме. М., 1973.
Гулямов Я.Г. Памятники города Хивы // Труды УЗФАН ССР, сер I, Вып.3.
Грязнов М.П. История древних племен верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. 1956. № 48.
Гудкова А.В. Ток кала. Ташкент, 1964.
Джаббаров И.М. Ремесло узбеков южного Хорезма в конце XIX- начале XX в. // Занятия и быт народов Средней Азии. Среднеазиатский этнографический сборник. Т.III. Л., 1971.
Денике Б.П. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.-Л., 1939.
Жабборов И. Ўзбек халқи этнографияси. Тошкент, 1994.

Жаббаров И. Ўзбеклар: турмуш тарзи ва маданияти. Тошкент, 2003.

Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья: (II начало I тысячелетия до н.э.) М., 1977.

Иброҳимов Н. Ибн Баттута ва унинг Ўрта Осиёга саёҳати. Тошкент, 1993.

Иброҳимов С. Фарғона шеваларининг касб-ҳунар лексикаси. Тошкент, 1959.

Кожамбердиев И. Могильник Акчий-Карасу в долине Кетмень-Тюбе // Известия АН Киргизской ССР. Серия общест. Наук. Т.II. Вып.3. Фрунзе, 1960.

Кдырниязов М-Ш. Материальная культура городов Хорезма XIII-XIV вв. Нукус, 1989.

Кдырниязов М.-Ш. Культура Хорезма XIII-XIV вв. // Дисс…. докт. ист. наук. Самарканд, 2005.

Кдырниязов М-Ш, Турганов Б. Железные изделия из средневекового Миздакхана // Вестник ККО АН РУз, Нукус, 2007. №3.

Каталог коллекции слесарно-кузнечных изделий (конец XIX-начало XX вв.). Составитель Г.З. Темиргалиева. Ташкент, 1974.

Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М., 1978.

Манылов Ю.П. Железные орудия труда VIII в. с городища Ток кала // Вестник ККФ АН Узб. ССР.- Нукус, 1962. № 3.

Манылов Ю.П. Археологические исследования караван-сараев Центрального Устюрта // АП. Вып.1. Ташкент, 1982.

Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т.1. М.- Л., 1939.

Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме (I-XIV вв.). М., 1976.

Нестеров С.П. Тесла древнетюркского времени в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981.

Папахристу О.А., Терехова Н.Н., Тихонин М.Р. Клад железных предметов из Шахджувара // ИМКУ. Вып.29. Самарканд, 1998.

Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб. 1884. Том. I.

Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина» // МИА. Вып.14. М., 1950.

Утемисов А. Қарақалпақлардың өнер-кәсиплери. Нөкис, 1991.

Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Мухамадиев А.Г. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959-1966 гг. // Поволжье в средние века. М., 1970.

Якубовский А.Ю., Греков Б.Д. Олтин ўрда ва унинг қулаши. Тошкент, 1956.

Қорақалпоқ давлат ўлкашунослик музейи фондлари. Тўк қалъа, кп. 8635, инв. 334/335; Миздакхон. кп. 6945/1-20, инв. 6/1; кп. 2845/6, инв. 54.

Қорақалпоқ Республикаси Саънат музейи фондлари. Қишлоқ маконлари. кп. 40076/11. инв. 701; кп. 40075/4. Инв. 643. Гулдурсунқалъа. кп. 42866. инв. 1526. Жанпиққалъа. кп. 40028/5. Инв. 320. Қават қалъа. кп 3772/698. Инв. 1588.

Ш.Х. Юсупов
Ал Хоразмий номидаги Урганч давлат университети, (Урганч)

ТЕМУРИЙЛАР ДАВРИДА ЖАНУБИЙ ХОРАЗМ

Хоразм тарихида кам ва урганилмай келган мавзуларнинг бири воҳанинг Амир Темур ва Темурийлар давридаги (XIV- аср 70-й ва XVаср) ижтимоий, сиёсий ва маданий ҳаётидир. Тоталитар тузим даврида Амир Темурнинг Урта Осиё ҳудудларидаги бошқаруви турлича талқин қилинди. Тарихий ҳақиқатлик, Амир Темур даврида тузилган кучли марказлашган давлат тарикибига кирган Хоразм тарихи ўрганилмай келинди. Амир Темур даврида четки ўлкалар қаторида бўлган Хоразм шаҳарлари ўз замонига мос маданий ривожланишда бўлган.

Амир Темур ва Темурийлар давридаги ёзма манбалар, жумладан араб ва форси муаллифлари маьлумотлари Хоразмдаги XIV-XVасрдаги сиёсий, ижтимоий ва иқтисодий ҳаётни ўрганишга манба ҳисобланади. Бу даврга оид муҳим манбаларнинг яна бири - шу даврда барпо этилган археологик ва меьморий обидалардир. Амир Темур ва Темурийларнинг Хоразмдаги сиёсатини англаш учун шу давр тарихига назар ташлаш керак. Лекин, бунда тарихийлик мукаммал ўрганилиши шарт. Чингисхон юришларидан сўнг (1219-1221) Хоразм давлати мажбуран икки қисмга: жануби Чиғатой улусига (Хива, Қат), шимолий-ғарбий қисми Жўжи улусига (Олтин Ўрда давлати) ажратилди. Хон ворислик тартибига кўра ҳатто давлат пойтахти Гурганжнинг бир қисми Чиғатойларга тегишли булган. Бу кейинчалик Амир Темур ва ярим мустақил Хоразм давлатини ташкил қилган Қўнғирот Сўфилари орасида низоларни келтириб чиқарган. Лекин бу ҳолат Олтин Ўрда давлатидаги сиёсий инқирозларга ҳам таълуқли бўлди. XIVасрнинг 60-йилларида Жўчи улусида (Олтин Ўрда) ҳар хил сиёсий гуруҳлар орасида кескин курашлар авж олди. Бу ҳолат хон Жонибекнинг (1357 й.) ва Бердибекнинг (1359 й.) сирли ўлимидан сўнг анча авжга чиқди. Олтин Ўрда давлати бу даврдан бошлаб сиёсий жиҳатдан анча заифлашади. Шундан фойдаланган маҳаллий ҳокимлардан ярим мустақил Қўнғирот Сўфилари сиёсий тарихда ўз мавқеига эга бўла бошлади. Шу вақтдан Хоразмда Олтин Ўрда хонлари номидан тангаларни зарб қилиш тўхтади ва аноним чақа, пуллар чиқарилди [Федоров-Давыдов, 1965, с.179]. Сўнги марта Гурганжда олтинўрдаликлар номидан танга 1361 -й. Хизрхон номидан чиқарилади. Кейин шу каби аноним тамғаланган тангалар 1380 йилда Тўхтамиш номидан Хоразмда зарб қилинади.

1360-1370 йилларда янги типдаги (шаклдаги) аноним тангалар зарб қилиниб, улардаги ёзувларда хонлар исми туширилиб, ўрнига аввалги тўртта халифалар номи зикр қилинган ва «подшолик худодан» деган легенда ёзилган. Бу каби тангаларнинг илк тури, нусхаси ҳижрийнинг 762, 772 йилларда (1360-1361 йй. ва 1370-1371 йй.) зарб қилинган. Бу ҳолатни қадимшунос олим М.Е. Массон Хоразмда Олтин Ўрда хонларидан ярим мустақил ажралиб чиққан Қўнғирот Сўфилари сулоласи вакилларининг маҳаллий ҳокимиятга ўтириш ишлари билан боғлайди [Массон, 1929].

Кейин унинг фикрини Россиялик қадимшунослар, тангашунос Г.А.Федоров-Давыдов [Федоров-Давыдов, 1965, с.184] ва Б.И.Вайнберг таькидлайди [Вайнберг, 1960, с. 104.]. Улар ҳам бу сулола вакилларини «ярим мустақил» ноиблар (подшо) қаторига қўшади.

Қўнғирот Сўфилари сулоласининг биринчи вакили Ҳусайн Сўфи эди. Унинг 1372 йилги ўлимидан сўнгра укаси Юсуф Сўфи ворис бўлди. Улар Олтин Ўрдада кучли амирларнинг бири қунғирот Нангудай (Янгудай) ўғиллари эди. У эса Сарой-даги тўнтаришларнинг бирида Келдибек тарафидан ўлдирилди (1361 й.) [Тизенгаузен, 1941, с.129]. Нангудайлар уруғи Ўзбекхон билан яқин қариндош бўлиб, Нангудай ўғилларининг бири Оқ Сўфи Саройхон қизига уйланган. Оқибатида қўнғиротлар Олтин Ўрданинг сиёсий ҳаётида ўз мавқеига эга бўлади. Шу вазиятда айрим амирлар шаҳар зодоганларидан мадад кутди, бу эса Ҳусайн Сўфининг Хоразмни бошқаришга олиб келган.

XIVасрнинг 60-йилларида Мовароуннаҳрда ҳам турли сиёсий кучларнинг ку-рашлари авж олди. Ўзаро низолардан сўнг Амир Темур ҳокимият бошига келди (1370 й). Лекин, Хоразмда Қўнғирот Суфиларининг ноўрин ҳаракатлари Амир Те-мурга кўп ташвишлар келтирди. Ҳижрийнинг 768 й. (1367 й.) Ҳусайн Сўфи чинги-зийлар тарафидан шимоли-ғарбий Хоразмдан бўлинган, Чиғотой улусига тегишли Қат ва Хива шаҳарларини забт этади.

Муаллиф Низомиддин Шомийнинг ёзишича, Амир Темур Хоразм ҳокимини тинч йўл билан бўйсиндиришга уриниб кўрди ва 1371 йилнинг март ойида Гур-ганжга Алафа Тавочи бошчилигида элчилар юборди. У билан Хоразм ҳокими Ху-сайн Суфига дўстлик ва бардамлик муносабатлари ўрнатишга даьват этувчи нома ҳам юборади. Бироқ Хусайн Сўфи Амир Темурга ижобий жавоб бермай «Бу вило-ятни (Жанубий Хоразм - Қат, Хива шаҳарлари) мен қилич ёрдамида қўлга кирит-дим, шунинг учун уни фақат қурол ёрдамида тортиб олишлари мумкин»,- каби рад жавоб беради [МИТТ, 1939, с. 516]. Амир Темурнинг бу одилона ишини Шарафуд-дин Али Йаздий ҳам атрофлича ёзган. Муаллифнинг «Зафарнома» асарида «Хевак ва Қот (закоти) Чиғотой улусуға тааллуқ турур ва эйаси йўқ жиҳатдан сен олур эр-динг. Дахл қилмағайсан ва бизга таалуқ кишига топшурғайсанким, дўстлуғ орамиз-да бўлғай»,- деб ёзади муаррих [Шарафуддин Али Йаздий, 1997, 72 б.]. Лекин, шун-дан кейин ҳам юборилган иккинчи элчи Шайхулислом Жамолиддин Кешийни Қунғирот Суфийлари «қаьлада солди» (зиндонга) ташлади. Бу Амир Темурнинг Хо-размга устига юриш қилишига сабаб бўлади. Тарихдан маълумки, Амир Темур қўллаган сиёсий ва ҳарбий тадбирлар туфайли Хоразмнинг жануби-шарқий қисми Амир Темур давлати таркибига киради.

Бу даврдаги Жанубий Хоразмнинг маданияти тарихини археологик ва этногра-фик тадқиқотлар маълумоти тўлдиради. Ёзма манбаларда (Али Йазди) Чингисхон тарафидан бўлинган Хоразм шаҳарлар қаторида Чиғатайга берилган Қат билан Хи-ва ва Каан маҳалласи (Гурганж) ҳақида сўз юритилади. Археологик тадқиқотлар якуни Жанубий Хоразм Темурийлар даврида вайронагарчилик ҳолатида эмас, ак-синча «чиғатойлар мероси» сифатида шаҳарсозлик, ҳунармандчилик ва савдо алоқалари замонасига мос ривожланганини таъкидлайди. Жумладан, 1984-1990 йиллари т.ф.д, профессор М.М. Мамбетуллаев ва Г.Х. Хўжаниязовлар Хива олим-лари билан (профессор Ш. Матрасулов, Р. Абдураимов) ҳамкорликда Хива шаҳридаги археологик қазиш ишлари бу қадим шаҳарнинг шаклланиш тарихининг хронологик босқичида, Темурийлар даврини аниқлашга муваффақ бўлди

[Мамбетуллаев, Ягодин, 1986. с. 47-52; Мамбетуллаев и др., 1984, 1985, с. 83; Мамбетуллаев, 1989. с. 69-72; Мамбетуллаев и др., 1997. с. 3-9]. Олимларнинг изланишлари натижасида бу шаҳарнинг ўрта асрлардаги иқтисодий-маданий ҳаёти асосан Амир Темур ва Темурийлар даврида янгидан барпо этилган ҳар жиҳатдан мустаҳкам-лан-ган, ривожланганлиги, бунинг натижасида унинг ички қурилишлари -маҳаллалар ўсиб, кенг ҳажмидаги қурилиш ишлари амалга оширилиб, янги иншоотлар бунёд этилганлиги маълум бўлди [Ртвеладзе и др., 1997. с. 29-30].

Хивадаги мунтазам олиб борилган қазишма ишлари натижасида кўпгина сопол топилмалар, жумладан нақшли, сирланган буюмлар ва меьморий безаклар топилган. Улар орасида Темурийлар даврига мансуб ашёлар эьтиборга лойиқ. Булар орасида кулолчилик маҳсулотлари, XIV-XVасрларда Хоразмда «темурийлар керамикаси» деб ном олган сирли идишлар мажмуаси бор [Кдырниязов, 1989. с. 69-70; Кдырниязов, 2005. с. 119]. Хива топилмалари Темурийлар даврида ҳам маҳаллий кулолчиликнинг юксак тараққиёти тамойилларини кўрсатувчи жиҳатларидан ҳисобланади. Бу ажойиб намуналарни синчиклаб таҳлил қилиш келажакда мавзу ишимизнинг асосий вазифаларидан бири ҳисобланади.

Ёзма манбаларда Темурийлар давридаги жанубий Хоразм шаҳарлардан Ҳазарасп, Хонқа ва Гурлан курсатилган. Жумладан Али Йаздий, Мирхонд асарларида бу элатлар Соҳибқироннинг ва Темурийларнинг низолар вақтидаги ҳарбий юришлари, урушларида тилга олинади. Ҳазарасп ёдгорлиги Хоразм вилоятидаги туман марказида жойлашган. Бу жойда Хоразм археологик экспедицияси (1958-1960 йй.) ва Тошкентлик қадимшунослар (2003 й.) тадқиқот ишларини олиб борганлар [Воробьева и др., 1963. с. 157-200; Баратов, 2004. с. 46-50]. Тадқиқотлар вақтида антик давр топилмалари билан, Хоразмшохлар, Олтин Ўрда ва Темурийлар даврига оид иншоотлар ва моддий маданият излари аниқланди.

Гурлан, Ҳонқа шаҳарлари атрофининг (масалан Хос жилғаси, Хос кечуви, Хос минора, ханаҳгох) Темурийлар даврида мавжудлигини ёзма манбалар ҳам тасдиқлайди [Гулямов, 1957. с. 176]. Лекин, улар жойлашган масканларда археологик тадқиқотлар олиб борилмаган. Бу шаҳарларга тегишли маьлумотларни мукаммал ўрганиш, мавзу матнида фойдаланиш Амир Темур ва Темурийлар даври ёдгорликлари ва моддий маданият тарихини тадбиқ қилишда қўшимча манба бўлади.

Юқоридаги маълумотлар асосида айтиш мумкинки, Жанубий Хоразм Темурийлар тарихида 130 йилга якин Мовароуннаҳр билан сиёсий, иқтисодий ва маданий алоқаларда бўлди, иқтисодий ва маданий жиҳатдан замонасига хос ривож топди. Бунинг бир асосий сабаби, бу марказлашган давлатнинг бирлаштириш сиёсати эди. Бошқа сабабларидан Хоразм Ғарб ва Шарқни туташтирадиган қитьалараро карвон йўлидаги диёр бўлган. Олисдан келган савдо карвонлари йўлга чиқиш олдидан Хоразмда қўним топар эди. Темурийлар давридаги Хоразм - Бухорога савдо йулидаги нуқталарнинг бири Се-пея (Уч ўчоғ) деб номланган жой. Мўғиллар истилоси давридаги мағриблик саёҳ Ибн Батутанинг «Тухфат ан-нуззар фи гараиб ал-амсар ва аджаиб ал-асфар» (қисқача «Саёҳат») асарида 1333 й Хоразмдан Бухорога чиққан карвон «…кичик ва сулув Қат шаҳридан сўнг Сибайя (Сепоя) йулидан Вабкентга етган…» [Ибрагимов, 1988. с. 79-80]. Амир Темур тарихчиларидан бири Низомиддин Шомий «Зафарнома» («Темур зафарномаси») китобида Амир Темурнинг Хоразмга юришлари ҳақида ёзиб Мовароуннахр – Хоразм йўлидаги жойларнинг бирини Қат чегараларидаги Се - пайе деб номлайди [МИТТ, 1939. с. 515, 517].

Шундан маълумки, мўғиллар (аниқроғи Чиғотойлар) давридаги Хоразм - Мовороуннаҳр савдо йўли Амир Темур ва Темурийлар даврида ҳам ҳаракатда бўлган. Бошқача айтганда, Амир Темур юришлари ва Темурийлар даврида Хоразм халқаро савдо буйидаги йирик вилоятлардан ҳисобланди. Савдо алоқалари янада авж олди. Чунки, Хоразм шаҳарлари Шарқ билан Ғарбни боғлаб турган Буюк Ипак йўлида жойлашган элатлардан эди. Амир Темурнинг Хоразмга юришлари Олтин Ўрда хонларининг вилоятга бўлган даьвосини сусайтирди. Хоразм авваллaридек Марказий Осиёдаги кучли иқтисодий, сиёсий ва маданий мавқеини йўқотмади. Жанубий Хоразмнинг Чиғатой улусига мансуб шаҳарларига (Қат ва Хива) Қўнғирот Сўфиларининг ноўрин даьвогарлиги, босиб олиши Амир Темур юришларига олиб келган. Соҳибқирон ҳужумлари натижасида «Хоразм маданияти ер билан яксон қилинди» деган аввалги, мустамлакачилик даври адабиётларидаги фикрлар ҳақиқатликка тўғри келмайди.

Фойдаланилган адабиетлар

Баратов С.Р. Археологические работы в Южном Хорезме // АИУ-2003 год. Ташкент, 2004.
Вайнберг Б.И. К истории Кунградских Суфи // МХЭ. Вып.4. М, 1960.
Воробьева М.Г, Лапиров-Скобло М.С, Неразик Е.Е. Археологические раскопки в Хазараспе в 1958-1960 гг. // МХЭ. Вып.6. М., 1963.
Гулямов Я.Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957.
Ибрагимов Н. Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М., 1988
Кдырниязов М.-Ш. Материальная культура городов Хорезма XIII-XIV вв. Нукус, 1989
Кдырниязов М.-Ш. Темуридская керамика Хорезма // Вестник ККО АН РУз. № 1. 2005
Мамбетуллаев М.М, Ягодин В.Н. К оценке хронологии и исторической динамики культурного слоя Хивы // ОНУ. 1986. №8.
Мамбетуллаев М., Хожаниязов Г., Матрасулов Ш. Хива по итогам исследований 1984 г. // Вестник ККФ АН УзССР. 1985
Мамбетуллаев М.М. Разрез крепостной стены Ичан-калы // Вестник ККФ АН УзССР. 1989. № 4.
Мамбетуллаев М.М, Абдиримов Р. Основные этапы развития города Хивы // ОНУ. № 7-8. 1997
Массон М.Е. Монетный клад из Термеза // Бюллетенъ САГУ. Вып.18. № 17. Ташкент, 1929.
Материалы по истории туркмен и Туркмении. Том.1. М.-Л, 1939.
Ртвеладзе Э.В., Мамбетуллаев М.М. Кадимги ва урта асрлардаги Хива // Хива минг кумбаз шахри. Ташкент, 1997.
Темур ва Улуғбек даври тарихи. Тошкент, 1996.
Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.II. Л.-М., 1941.
Феодоров-Давыдов Г.А. Нумизматика Хорезма Золотоордынского периода // НЭ. Вып.V. М, 1965.
Шарафуддин Али Йаздий. Зафарнома. Тошкент, 1997.

G.F.M. Fray, A.D. Iskanderova
Restauratrice indépendante de peintures murales, France (Paris)
Institut Karakalpake de recherches de Science Humaine,
Filiale Karakalpake de l'Académie des Sciences d'Ouzbékistan, (Nukus)

PRELEVEMENT ET RESTAURATION DES PEINTURES ANTIQUES DU KHOREZM ANCIEN DE KAZAKL'I YATKAN / AKCHA-KHAN KALA. DU TRAVAIL SUR FOUILLE A LA PRESENTATION MUSEOGRAPHIQUE

La restauration des peintures murales archéologiques revêt différents aspects allant du prélèvement sur fouille, jusqu'à leur présentation muséographique.

Le site antique de Kazakl'i Yatkan / Akcha-Khan Kala est fouillé depuis 1995 par une mission associant l'Université de Sydney, représentée par Alison Betts et l'Institut d'archéologie de Nukus, dirigé par Makset A. Karlibaev[1], La fouille délivre de nombreuses peintures depuis 2001, mais principalement depuis 2004. Le nettoyage et le prélèvement des peintures sur la fouille sont réalisés par les restaurateurs, en collaboration étroite avec les archéologues, afin de mieux répondre aux exigences de chacun.

Nous présentons ici les préconisations concernant le travail sur fouille, mais aussi pour les étapes suivantes de la restauration, jusqu'à la présentation muséographique des peintures.

LE TRAVAIL SUR FOUILLE : PRÉLÈVEMENT DES PEINTURES SUR LE SITE DE KAZAKL'I YATKAN / AKCHA-KHAN KALA

Contexte de la découverte

Le site de Kazakl'i Yatkan / Akcha-Khan Kala s'étend sur environ 50 hectares et comporte deux grandes enceintes fortifiées[2]. La fouille, ne pouvant couvrir toute l'étendue du terrain, s'est concentrée sur la partie nord-ouest où se trouve un grand complexe architectural, construit autour d'un espace central, bordé d'un long corridor avec des tours circulaires aux entrées et aux angles.

Dès 2001, mais principalement depuis 2004, de nombreuses peintures ont été découvertes. Les plus importantes proviennent du corridor d'enceinte ouest, où certaines étaient encore in situ sur le mur. Elles représentaient, dans la partie nord, une galerie de portraits de profil se présentant dans des cadres, sur trois niveaux[3] (photo 1), et au sud une procession d'animaux, sûrement des chevaux, avec des cavaliers à pied à leurs côtés. D'autres peintures ont également été retrouvées dans d'autres zones du complexe. Elles ornaient la plupart des murs et peut être aussi les plafonds et avaient sûrement, outre leur volonté décorative, une portée symbolique forte (photo 2).

Des analyses au carbone 14 ont permis de dater ces peintures entre la fin du IIème siècle av. JC et le début du Ier siècle ap. JC, mais l'analyse stylistique et le contexte pourraient resserrer cette datation vers la fin du IIème sc. av. J.C. et le début du Ier sc. av. JC.[4]

Photo 1. Kazakl'i Yatkan, portrait en cours de fouille dans le corridor

Les enjeux du travail des restaurateurs sur le terrain

Sur la fouille, la présence de nombreuses peintures rend nécessaire le travail des restaurateurs, en collaboration étroite avec les archéologues. Dès leur découverte, les vestiges peints sont nettoyés et consolidés en place, avant d'être documentés, relevés, photographiés, et enfin prélevés.

La plupart des peintures sont trouvées au sol, face ou revers visible selon les cas, avec toutefois une majorité de fragments face contre terre, ce qui est plus évident à nettoyer et à prélever. Peu de peintures sont encore in situ sur les murs, mais quelques cas ont toutefois été retrouvés dans ce contexte, dont la procession de chevaux.

Photo 2. Kazakl'i Yatkan, fragment de peinture présentant une tête humaine aux côtés d'une feuille et d'une grappe de vigne

Nettoyage des peintures

Le travail de nettoyage est long et fastidieux en raison de la fragilité des peintures, exécutées à la détrempe sur une fine couche de plâtre par dessus un enduit de terre. De plus, la conservation des peintures dans le sol a souvent conduit à une dégradation complète du liant et la sensibilité de la couche picturale n'autorise alors qu'un nettoyage mécanique minutieux, à l'aide de scalpels ou d'outils plus fins et tendres

comme des bâtonnets de bambou (photo 3). Lorsque l'adhésion de la couche picturale avec son support est plus faible que l'adhésion des résidus terreux en surface de la peinture, la couche de terre est amincie au maximum, puis l'ensemble est consolidé tel quel afin de pouvoir poursuivre le nettoyage ultérieurement en atelier.

Lorsque les peintures se présentent face contre terre, le torchis au dos des peintures est éliminé, et seule la couche de *ganch* est conservée. Dans le cas des peintures de Kazakl'i Yatkan, le torchis original se distingue rarement de la terre de remblai, raison supplémentaire pour le retirer, outre une plus grande facilité de conservation et de restauration si seule la couche de *ganch* est conservée.

Afin de faciliter l'étape du nettoyage, il est nécessaire de travailler systématiquement et donc d'ouvrir progressivement les zones de travail, sans quoi la terre, devenue trop sèche, rend encore plus difficile le nettoyage. Pour contrer ce problème, les zones de travail peuvent aussi être couvertes avec des couvertures de survie qui permettent de maintenir l'humidité du sol et limitent les variations climatiques très importantes entre le jour et la nuit (parfois plus de 20 à 30°C de différence).

Consolidation

La plupart des peintures, après nettoyage et documentation, doivent être consolidées et renforcées afin de pouvoir les prélever. Les fragments, qu'ils soient face ou revers contre terre, sont consolidés avec une résine acrylique, le PBMA NV, à faible viscosité, (Polybutylmétacrylate), couramment employé par les restaurateurs de l'Ermitage à Saint Pétersbourg[5]. Du Paraloid B72 a également été employé les années précédentes sur la fouille, mais il est moins adapté en raison des fortes chaleurs qui le ramollissent en journée[6]. En cas d'utilisation de Paraloid, il est alors recommandé d'utiliser le Paraloid B44, qui, avec une température de fusion plus élevée, est moins sensible aux fortes températures[7]. Du BMK5[8] a également été ponctuellement utilisé sur la fouille, mais sa faible réversibilité rend le nettoyage plus difficile par la suite[9]. De plus, il est préférable de ne pas mélanger les méthodes et de n'employer qu'un seul type de polymère.

Les peintures se trouvant face contre terre ne nécessitent généralement pas de consolidation en profondeur, au contraire des peintures se présentant face visible. En effet, après une longue période en terre, le liant original des pigments a presque entièrement disparu et les peintures sont très fragiles. Les premières couches de PBMA sont alors appliquées à faible concentration, d'abord 2 puis 5% et ensuite à 15% dans un mélange de solvant R646[10]. Lorsque des consolidations plus en profondeur sont nécessaires, le PBMA peut alors être dissout dans du xylène, solvant aromatique à plus forte rétention donc plus pénétrant. Le PBMA peut être appliqué à l'aide de brosses douces sur les revers des peintures, mais pour la face, il est appliqué à l'aide de pipettes, afin d'éviter tout frottement qui causerait des pertes de matière.

La consolidation provoque un assombrissement inévitable de la matière. Pour éviter cet inconvénient, des tests sont en cours pour utiliser une couche de protection temporaire, à base de cyclododécane, sorte de cire volatile. Appliqué en surface des peintures, le cyclododécane forme une couche de protection temporaire, empêchant la pénétration des adhésifs employés pour le collage de la gaze, et après retrait de cette dernière, il se sublime[11] tout seul, laissant ainsi la peinture vierge de tout polymère, ce qui permet par la suite de poursuivre plus facilement le nettoyage et de conserver les couleurs intactes[12].

La consolidation est une étape cruciale, qui doit s'effectuer juste avant le prélèvement des peintures. En raison des teneurs en sels importantes contenues dans les sols, les

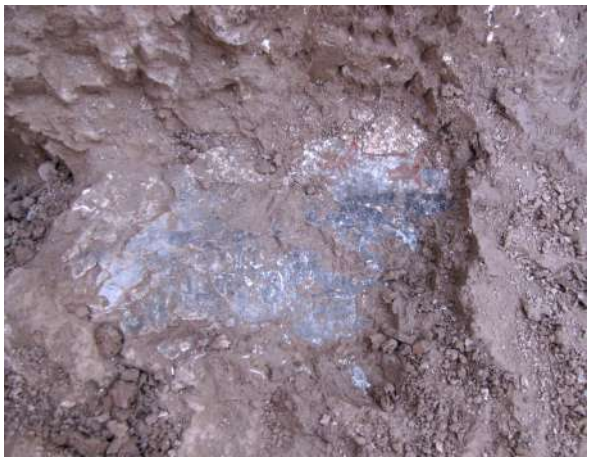


Photo 3. Fragment en cours de nettoyage

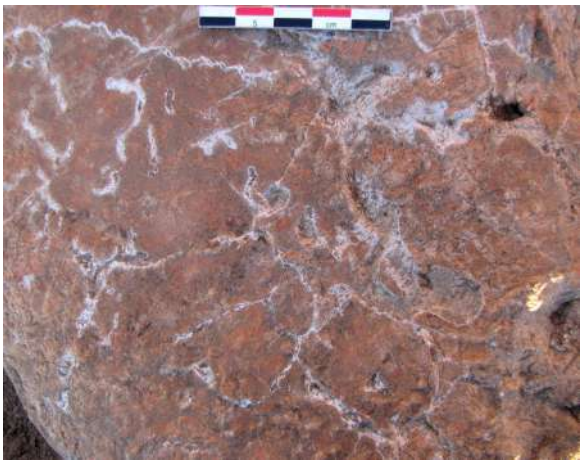


photo 4 : détail de cristallisations de sels en surface d'une peinture après consolidation

peintures à l'air libre sont directement exposées aux phénomènes de cristallisation et ne peuvent donc rester longtemps en l'état. Les sels (chlorures, sulfates et carbonates principalement), provenant des remontées d'eau de la nappe phréatique, cristallisent et se solubilisent en fonction des cycles d'humidité relative, très fluctuants, qui oscillent entre 90% la nuit, et 10% la journée[13]. Lorsqu'une pellicule de consolidant recouvre la surface, les sels cristallisent juste sous cette couche imperméable, préférentiellement au niveau des fissures, et créent d'importantes altérations et modifications optiques (photo 4).

Il est donc nécessaire d'organiser méthodiquement les fouilles, afin que les peintures exposées à l'air libre le restent le moins longtemps possible. Le nettoyage, suivi de la documentation puis de la consolidation et du prélèvement des peintures, doivent s'enchaîner rapidement afin de minimiser les risques pour les peintures. Il est donc important que les restaurateurs et les archéologues travaillent de pair, afin de veiller au bon déroulement de ces étapes selon des délais réduits au maximum.

Le prélèvement des peintures

Après consolidation, la majorité des fragments, face ou revers visible, sont renforcés par application d'une gaze de coton, collée avec la même résine acrylique (PBMA). Ces *facings* permettent de maintenir les différents morceaux ensembles lors du prélèvement et forment ainsi un renfort provisoire pour les peintures. Dans le cas des fragments de taille importante, ne pouvant être prélevées en un seul fragment, les lignes de découpe doivent être préalablement tracées et soulignées en incisant profondément la terre. Ces découpes se situent au niveau des fissures importantes, afin de ne pas causer de dommages supplémentaires.

Les peintures sont ensuite prélevées à l'aide de longues spatules, passées juste au dessous des fragments, en prenant garde de conserver une épaisseur suffisante de terre sous les peintures pour ne pas provoquer de perte de matière (photo 5). Dans le cas des peintures encore in situ sur le mur, la même méthode est appliquée, mais une planche en bois de renfort est maintenue à la face et les protections de surface dépassent sur les bords afin de les maintenir en partie haute du mur pour éviter toute chute malencontreuse.

Dans tous les cas, juste après prélèvement, la terre étant encore humide au revers du fragment, que celui soit face ou revers visible, le maximum de terre au revers est retiré sur

fouille. Dès que celle-ci est sèche, l'opération est arrêtée et le nettoyage sera poursuivi en atelier.

Les fragments de dimensions réduites, principalement ceux conservés face visible, peuvent être prélevés en motte, afin d'éviter l'encollage de la surface. Un bloc de terre est alors réservé autour de la peinture et l'ensemble est consolidé en appliquant une bande de gaze plâtrée sur le pourtour, ce qui permet d'éviter la fissuration du morceau lors du prélèvement, effectué en coupant le bloc à la base (photo 6). Cette technique présente l'avantage d'éviter la pose de gaze de renfort en surface donc les couleurs restent vierges de tout polymère et sont donc ensuite beaucoup plus faciles à nettoyer en atelier.

Dans certains cas, les peintures présentent des angles ou des reliefs originaux, provenant de la structure architecturale (cadres de porte, niches…). Ces types de fragments nécessitent alors une consolidation particulière avec une structure de renfort pouvant être réalisée avec du polyuréthane expansé. L'ensemble est alors prélevé en bloc, en découpant l'ensemble formé par la peinture, la terre et le polyuréthane. Il est à noter que la surface des peintures doit toujours être isolée du polyuréthane et les fragments ne peuvent ensuite pas être conservés en l'état en raison des différents produits nocifs engendrés par la dégradation du polyuréthane. Si besoin, la structure peut encore être renforcée avec une gangue de gypse, isolée de l'originale avec du film étirable ou du papier d'aluminium. (photo 7).

Dans tous les cas, chaque peinture est numérotée et inventoriée sur fouille, puis rangée dans des sacs plastiques (minigrips) ou sur des bacs en bois pour les plus grandes. Elles sont ensuite temporairement stockées à la base de fouille où sont exécutées les premières étapes de la restauration, avant d'être ramenées à l'Institut de Nukus où elles sont ensuite stockées et traitées progressivement.

LES DIFFERENTES ETAPES DE RESTAURATION EN LABORATOIRE

La mission dispose d'un atelier à la base de fouille où peuvent être réalisées les premières étapes de restauration et de nettoyage. Seuls les fragments trouvés face contre terre ou prélevés en bloc sont traités sur place, car les peintures encollées par la face nécessitent plus de temps. Elles sont donc traitées préférentiellement à l'atelier de Nukus.

Photo 5. Fragment en cours de prélèvement

Photo 6. Fragment prélevé en motte

Photo 7. Fragment présentant un angle à 90°, prélevé en bloc avec renfort en polyuréthane

La méthode de restauration employée basée sur l'usage du PBMA, est inspirée de la technique mise au point par les restaurateurs du musée de l'Ermitage à Saint Pétersbourg[14]. Cette méthode, développée dès les années 1950 par Kostrov[15] lors de la fouille des peintures de Pendjikent (Tadjikistan) se retrouve dans toute l'ancienne sphère soviétique et elle est actuellement employée dans toute l'Asie Centrale[16].

Nettoyage

Le nettoyage permet d'accéder à l'information délivrée par les peintures, non visible en raison des résidus terreux. Le retrait de ces derniers permet également d'éviter les altérations pouvant être provoquées par les sels solubles contenus dans cette terre.

Le nettoyage est effectué mécaniquement, à l'aide de scalpels ou de bâtonnets de bambou. Dans le cas des peintures non consolidées par la face sur fouille, les résidus terreux sont préalablement ramollis avec un mélange d'eau et d'éthanol, afin de pouvoir ensuite plus facilement les éliminer (photo 8). Lorsque la couche picturale a déjà été consolidée sur fouille, le surplus de polymère en surface est allégé en plaçant les peintures dans une atmosphère saturée en vapeurs de solvants aromatiques, qui permet de ramollir le polymère et le conduit ainsi à l'intérieur de la matière. Des compresses ou gels de solvant peuvent aussi être appliquées en surface à travers un papier japon qui retiendra l'excès de polymère ainsi dissout. Dans le cas des peintures placées dans une atmosphère saturée en xylène, le séchage sera effectué avec la face de la peinture retournée, afin que l'évaporation, donc la conduction du polymère, s'effectue par le revers. Les résidus terreux sont ensuite retirés en les ramollissant ponctuellement avec de l'acétone, parfois additionné de 1 ou 2% de PBMA pour consolider la peinture en même temps que le nettoyage.

Lors de ces interventions, les fragments sont toujours maintenus par une gaze de coton appliquée lors de la fouille, avec du PBMA, dissout à 15-20 % dans l'acétone. Lorsque la gaze a été collée sur la face, il est nécessaire d'en appliquer une autre au revers après

nettoyage de ce dernier, afin de pouvoir retirer la protection à la face à l'aide de compresses de solvant.

Dessalement

Le dessalement ne peut être effectué que par le revers des peintures, après consolidation de la face. Des compresses de pulpe de papier humidifiée avec de l'eau déminéralisée, additionnée de gypse, sont appliquées au revers et renouvelées jusqu'à ce que le taux de sels soit acceptable[17]. L'ajout de gypse dans la solution permet que les compresses ne dissolvent pas le support original, puisque la solution est ainsi déjà saturée.

Photo 8. Nettoyage d'un fragment en cours à la base de fouille

Reprise des déformations

Après nettoyage, les déformations des peintures sont aplanies en les ramollissant légèrement avec des compresses d'eau / éthanol posées avec de la pulpe de papier à travers un papier japon, puis en plaçant ensuite les fragments sous presse. Les fragments déplacés peuvent également être décollés et recollés à leur place d'origine sur la gaze. Dans le cas de déformations plus importantes, les fragments sont découpés avec la gaze au revers, replacés correctement, puis une nouvelle gaze est recollée pour maintenir l'ensemble (photo 9).

Pose d'un mastic de renfort au revers

Une fois aplanies, les peintures sont consolidées par application d'un mastic au revers. Ce dernier permet de former un support rigide pour les peintures. Il est constitué d'un mélange de craie et de loess préalablement dessalé[18], mélangé avec une émulsion acrylique (Acril 33) diluée à 50% dans l'eau. Dans certains cas, des mastics à base de PBMA peuvent également être employés selon la méthode traditionnelle élaborée au sein des ateliers du musée de l'Ermitage à Saint Pétersbourg. Des fibres de nylon sont ajoutées au mélange afin d'éviter tout phénomène de fissuration. Le séchage s'effectue sous presse.

Bouchage des lacunes à la face

Les lacunes et les fissures à la face sont ensuite bouchées avec le même type de mastic que pour le revers, c'est-à-dire avec du loess dessalé, lié avec de l'Acril 33 à 50%. De la poudre de marbre est ajoutée afin d'ajuster la teinte (photo 10 : comblement des lacunes en cours).

Après cette opération, les peintures sont stabilisées et manipulables, et peuvent alors être replacées sur un nouveau support pour pouvoir les exposer.

Remise sur support et présentation des peintures

Après ces opérations, les peintures sont replacées sur un nouveau support afin de permettre leur présentation. Traditionnellement, selon la technique employée au musée de l'Ermitage, les peintures sont collées sur des plaques de polystyrène, peu pratiques pour l'installation muséographique et instables en raison du mauvais vieillissement du matériau qui se dégrade dans le temps. Des planches de bois ont également été employées, mais elles sont inadaptées en raison de leur dégagement de gaz acides et en raison de leur instabilité aux variations hygrométriques.

Photo 9. Ajustement de fragments déplacés

Depuis 2008-2009, ces problèmes de présentation des peintures ont été abordés en priorité. Une nouvelle technique de remise sur support d'aluminium alvéolé a alors été mise en place afin de conserver les peintures à long terme et pour pouvoir les exposer aisément, tout en les conservant amovibles et transportables.

Les plaques d'aluminium employées sont habituellement utilisées dans le domaine aéronautique, mais elles ont été adoptées en restauration de peintures murales depuis une vingtaine d'années[19]. Elles sont composées d'une âme en nid d'abeille d'aluminium, prise en sandwich entre deux couches de fibre de verre collées avec une résine époxyde. Elles sont à la fois résistantes et très légères et peuvent se découper ou se mettre en forme. Il est en revanche impossible de se fournir en Ouzbékistan, les plaques doivent donc être importées.

Photo 10. Comblement des lacunes en cours

Les fragments de taille réduite, isolés, sont remis sur des plaques d'aluminium découpées selon leurs contours, ce qui est le cas des portraits (Photo 11 et 12). Ils pourront ainsi être assemblés lors de la présentation muséographique, tout en restant indépendants et amovibles. En revanche, les scènes qui ont pu être reconstituées en assemblant plusieurs

Photo 11 et 12. Fragments présentant des portraits remontés sur plaques d'aluminium

fragments sont remises sur des supports plus grands, permettant de présenter l'ensemble de la scène. La grande procession de chevaux pourrait ainsi être remontée. En outre, les plaques peuvent être pliées ou arrondies selon les besoins pour épouser la forme de certains fragments particuliers (corniches, angles de pièce, etc.).

Chaque plaque est munie de pas de vis, insérées dans l'épaisseur de la plaque afin de pouvoir assurer ensuite aisément sa présentation muséographique. Le pourtour des plaques est ensuite habillé d'un mastic, constitué de poudre de marbre avec un peu de lœss, mêlés à de l'Acril 33 dilué à 50% dans l'eau.

Les peintures ainsi remontées pourront être facilement exposées, grâce notamment à des systèmes de fixation installés au dos et la mise en place de cette technique permettra la conservation des peintures à plus long terme.

Note ausbase de page

1. La mission australo-karakalpake est codirigée par Alison Betts (Université de Sydney) et Vadim N. Yagodin (Institut d'histoire d'archéologie et d'ethnographie de Nukus)
2. Helms et al., 2002. Kidd, 2006.

3. Kidd, en cours de publication.
4. Kidd, en cours de publication, p.1.
5. L'utilisation du PBMA découle des méthodes employées au musée de l'Ermitage à Saint Pétersbourg et mises au point dans les années 50 - 60 par Kostrov, alors restaurateur en chef de l'Ermiatge, pour la restauration des peintures de Pendjikent (Tadjikistan).
6. La température de transition vitreuse (Tg) du Paraloid B72 est d'environ 40°C.
7. La température de transition vitreuse (Tg) du Paraloid B44 est de 60°C
8. Copolymère de butylmétacrylate et d'acide méthyl propenoic.
9. Kovaleva N. A, 2006, p. 14-23 : description de la technique développée à Moscou, à base de BMK5.
10. Ne pouvant nous fournir sur place en acétone, nous utilisons un mélange de solvants "R 646" contenant à la fois des cétones, de l'alcool et des aromatiques, à raison d'environ 1/3 chacun.
11. La sublimation est un phénomène physique qui permet le passage de l'état solide à l'état gazeux sans passer par l'état liquide.
12. Mémoire de fin d'études de Méliné Miguirditchian. Tests de cyclododécane pour la protection temporaire d'une peinture murale éthiopienne devant être transposée sur un nouveau support.
13. Ces fluctuations hygrométriques sont d'autant plus importantes en été, lors de la période de fouille.
14. Sejnina E., Vinokurova M., 2002 : description détaillée de la technique employée au sein des ateliers du musée de l'Ermitage à Saint Pétersbourg.
15. Kostrov, 1954.
16. Lapierre, 1990.
17. Bliakher A., Forminykh V., 2007, p. 152 – 156.
18. Le loess est prélevé sur le site de fouille et nécessite environ 25 bains successifs d'eau déminéralisée afin d'obtenir un taux de sels acceptable.
19. La remise sur aluminium des enduits peints fragmentaires a été largement développée au CEPMR (Centre de Restauration des Peintures Murales) de Soissons. Plusieurs épaisseurs de plaques d'aluminium sont disponibles, mais d'un point de vue pratique et en raison du poids peu élevé des peintures, nous utilisons la plus fine, de 13,6 mm, Hexlite 600 de chez Hexcel Composites.

BIBLIOGRAPHIE

Baker Brite Elisabeth. Social Process in the Production of Wall Paintings at Kazakl'I Yatkan, a thesis submitted in partial satisfaction of the requirements for the degree Master of Arts in Anthropology. University of California, Los Angeles, 2006. (non publié).

Birstein V. On the Technology of Central Asia Wall Painting : the problem of binding media // Studies in Conservation, vol. XX, n°1, février 1975.

Bliakher Adelia, Fominykh Vera. Conservation and restoration of monumental painting from archaeological excavations // Mural Paintings of the Silk Road : Cultural Exchanges Between East and West, Proceedings of the 29th Annual International Symposium on the Conservation and Restoration of Cultural Property, National Research Institute for Cultural Properties, Tokyo, (January 2006), 2007, p. 152 – 156..

Daly Cathy. Conservation of Finds from the 2004 – 2005 and 2007 Excavation Season at Kazakly Yatkan, University of Sydney Central Asia Programm, 2005, 2006 et 2008, (non publié).

Helms Svend, Yagodin Vadim N. Excavations at Kazakl'I Yatkan in the Tash Ki'rman Oasis of Ancient Chorasmia: a preliminary report // Iran XXXV, The Bristish Institute of Persian Studies, 1997.

Helms S., Yagodin V.N., Betts A.V.G., Khozhaniyazov G., Kidd F. Five seasons of excavations in the Tash K'irman Oasis of Ancient Chorasmia, 1996-2000 // Iran 39, 2001, p.119-144.

Helms S., Yagodin V.N., Betts A.V.G., Khozhaniyazov G., Negus M. The Karakalpak Australian excavations in Ancient Chorasmia: the northern frontier of the civilised ancient world // Ancient Near Eastern Studies 38, 2002, p.4-43.

Hanna S.B., Dinsmore J.K. Conservation of Central Asian Wall Painting Fragments from the Stein Collection in the British Museum // The Conservation of Wall Paintings. Proceedings of a Symposium organized by the Courtauld Institute of Art and the Getty Conservation Institute (Londres, 13-16 Juillet 1987), J. P. Getty, Trust, 1991, p.77-86.

Joseph Françoise et Vasquez-Urzua Jorge. Sauvetage et restauration d'enduits peints sur torchis de Karadong (Xinjiang, république populaire de Chine) // Conservation – Restauration des Biens Culturels, n°7, décembre 1995, p.27-32.

Kidd Fiona. Preliminary observations on the wall paintings from Kazakly-Yatkan / Akchankhan-Kala, Chorasmia (Uzbekistan) // Великий шелковый путь, культура и традиции, прошлое и настоящее. Материалы научно теоретической конференции, Ташкент, Юнеско, 2006, p. 127-132. (Silk Road Conference).

Kidd Fiona. Steppe elements in the art of Ancient Chorasmia: the spiral torques on the Kazakly Yatkan Akcha-Khan Kala portraits // Department of Archaeology, University of Sydney, Australie. (en cours de publication).

Kim Y.M. et Kang H.T. Conservation treatment for the wall paintings of Central Asia possessed by the National Museum of Korea // Mural Paintings of the Silk Road: Cultural Exchanges Between East and West. Proceedings of the 29th Annual International Symposium on the Conservation and Restoration of Cultural Property. National Research Institute for Cultural Properties, Tokyo, (January 2006), 2007.

Kossolapov A.J., Marshak B.I. Murals along the Silk Road. Saint Pétersbourg, Formika, 1999.

Kostrov P.I. Thenika zivopisi i konservacii rospisej drevnego Pendzikenta // Zivopis Drevnego Pjandzikenta. M., 1954, p. 159 - 203.

Kovaleva Natalya A. The methodology of field conservation and restoration of monumental archeological décor using BMK-5 solutions // Mural Paintings Central Asia – Practical guide on conservation, Academy of Arts of Uzbekistan, Tashkent, 2006 (Restorers Without Borders – Republic of Tadjikistan / UNESCO), p.14-23.

Lapierre N. La peinture monumentale de l'Asie centrale soviétique: observations techniques // Arts Asiatiques, Annales du musée national des Arts asiatiques - Guimet et du musée Cernuschi, Tome XLV, 1990, p.28 - 39.

Miguirditchian Méliné. Les peintures murales de l'église Abba Antonios, région de Gondär, Ethiopie, XVIIème siècle (Paris, Musée du Quai Branly). Restauration et proposition de présentation d'un fragment test (Saint Théodore l'oriental)", mémoire de fin d'études à l'Institut national du patrimoine, 2008, http://mediatheque-numerique.inp.fr/index.php/travaux_scientifiques_des_eleves/memoires_des_restaurateurs/(location)/6870

Miller Eric G., Nicholas J. Lee, Diane R. Ellam. Remounting and Conservation of Archaeological Wall Paintings at the British Museum // Recent Advances in the Conservation and Analysis of Artefacts, Institute of Archaeology Jubilee Conference, London, Summer School Press, 1987, p.289-295.

Vasilenko T.S. Examen technique de deux peintures murales de Pendzikent au cours du travail de restauration // Arts Asiatiques, annales du musée national des Arts asiatiques - Guimet et du musée Cernuschi, tome XLV, 1990, p.41-47.

Westlake Polly. Lifting fallen painted plaster from archaeological excavations: an investigation of the intervention criteria and assessment of available materials and methods, Undertaken in partial fulfilment of the requirements for a Master's Degree in Conservation of wall painting, Courtauld Institute of Arts, 2007.

Шейнина Е.Г., Винокурова М.П. Методика реставрации монументальной живописи из археологических раскопок. Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2002.

The Conservation of Decorated Surfaces on Earthen Architecture // Proceedings from the International Colloqium Organized by the Getty Conservation Institute and the National Park Service, (Mesa Verde National Park, Colorado, USA, 22-25 Septembre 2004), Singapour, J. P. Getty Trust, 2006.

Ш. Амиров
Каракалпакский научно-исследовательский институт
гуманитарных наук ККО АН РУ (Нукус)

О ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ САПР AUTOCAD В ОПРЕДЕЛЕНИИ ОБЪЕМА СОСУДОВ

Древние сосуды, найденные при изучении археологических памятников, имели определенное назначение, являлись контейнерами для различных целей, например, хранения жидких и сыпучих продуктов питания или приготовления пищи. В этом контексте определение объема сосудов при изучении керамических комплексов может дать весьма интересную информацию, потому как объем сосуда выступает важным признаком, связывающим использование и функцию, выполнявшуюся посудой (Senior, Birnie, 1995, p. 319).

Как показывает опыт археологических исследований, анализ объемов сосудов может привести к открытиям в самых различных областях изучения древних обществ. Например, результаты измерения объема сосудов могут быть интерпретированы как отражение размеров домохозяйств, что в свою очередь позволяет использовать результаты измерения объемов сосудов в построении моделей региональных поселений и/или в палеодемографических исследованиях (Senior, Birnie, 1995, p. 320).

Анализ объемов тарной посуды может дать приблизительное представление о масштабах производства, как это было сделано Б.И. Вайнберг и С.Б. Болеловым при исследовании древнехорезмийских винодельческих мастерских первых веков нашей эры в Нурумском оазисе (Тузгырское поселение) и анализе материалов из поселения у городища Аяз-кала 3 (Вайнберг, Болелов, 1999, с. 56).

Кроме того, изучение объема сосудов позволяет реконструировать или дополнить наши знания о метрологии и системе стандартов древних и средневековых обществ.

Большинство методов, использовавшихся для определения объема сосудов, зависело от того, какой сохранности сосуды измерялись: целые или восстановленные из фрагментов. Наиболее простым методом измерения объема является наполнение сосуда жидкостью с последующим измерением объема помещенной в сосуд жидкости. Однако у этого метода есть свои недостатки. Жидкостью можно наполнить лишь абсолютно целый сосуд. Объем восстановленных сосудов (склеенных) таким методом измерить не удастся. Кроме того, если сосуды являются музейными экспонатами, где особый режим хранения, проводить подобного рода исследования не представляется возможным. Другим недостатком является то, что этим методом невозможно вычислить объем сосудов по чертежам или опубликованным иллюстрациям. В случаях, когда приходится иметь дело с чертежами или иллюстрациями в археологической практике широкое распространение получили методы, в основе которых лежит использование геометрических тел. Профиль сосуда разбивается на геометрические тела (цилиндры, полусферы, усеченные конусы), а затем вычисля-

ются объемы геометрических тел, которыми представлена форма сосуда. В результате определяется объем сосуда.

Одними из наиболее распространенных методов является «Метод суммированных цилиндров». Он основан на разбиении профиля сосуда на цилиндры (рис. 1, А) с последующим вычислением объема каждого из них и суммированием результатов. Вычисление производится по формуле:

$$\pi r^2 h$$

где π – число Пи, r – радиус цилиндра, h – высота цилиндра (Nelson, 1981, pp. 312-313).

Усовершенствованием этого метода является, предложение L. Senior и D. Birnie использовать не цилиндры, а усеченные конусы,[1] (рис. 1, Б) с дальнейшим вычислением их объема и суммированием результатов (Senior, Birnie, 1995, p. 324 и далее). Авторами разработана компьютерная программа, работающая в среде DOS, которая позволяет автоматизировать работу.

Этот же метод, но под другим названием («the 'Slices' Method» – Метод ломтей) предлагают использовать для определения объема сосудов по фотографиям и чертежам J.R. Thomas и C. Wheeler.[2] Ими также предложена автоматизированная система вычисления, созданная в приложении MS Excel.

Однако у методов, где определение объема сосудов производится с использованием геометрических тел, в некоторых ситуациях обнаруживается один существенный недостаток, суть которого заключается в самой методике вычисления. Как было сказано выше, профиль сосуда разбивается на цилиндры или усеченные конусы, для вычисления которых берется замер радиуса. Использование радиуса в вычислении предполагает, что одна из линий профиля сосуда экстраполируется на 360° (рис. 2), что приводит к изменению формы сосуда – к идеализации, в результате чего производится расчет объема не реального сосуда, а смоделированного или идеализированного (Рис. 3). Если сосуд симметричен, то погрешности не будет, но при

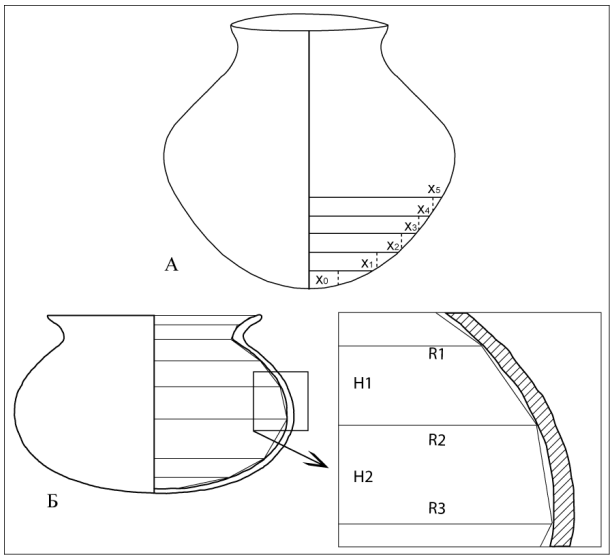


Рис. 1. А - обмеры для вычисления объема сосудов по методу суммированных цилиндров (по Nelson, 1981); Б – обмеры для вычисления объема сосудов по методу усеченных конусов (по Senior, Birnie, 1995)

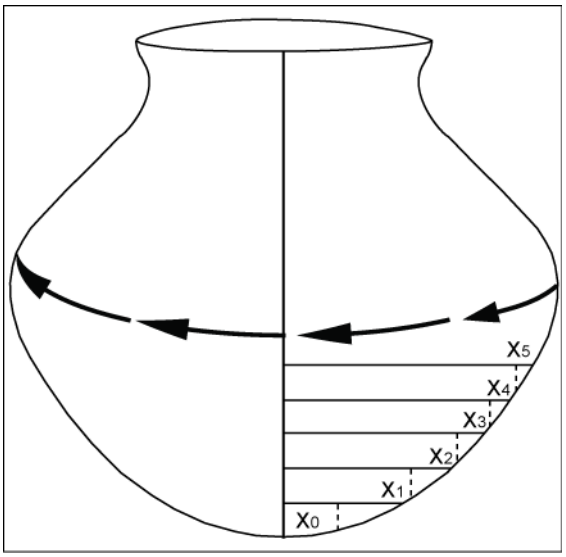


Рис. 2.

вычислении объема несимметричного сосуда погрешность будет возрастать с увеличением абсолютного размера сосуда. В основном такая проблема становится актуальной при вычислении сосудов, сформованных от руки. На рисунке 3 демонстрируется степень расхождения в абсолютных размерах и профилировке сосуда, если отразить противоположенные профили зеркально - один на другой, что, собственно, и происходит при вычислении объема с помощью геометрических тел.

Что же делать, если необходимо определить объем сосуда, обладающего несимметричной формой? Эту проблему можно решить с помощью приложений Системы автоматического проектирования (САПР-CAD).

Одной из распространенных САПР является приложение AutoCAD компании Autodesk. Определения объема сосуда в AutoCAD предполагает оцифровывание чертежа профилей сосудов с дальнейшей их обработкой в приложении. Однако, во избежание идеализации формы сосуда необходимо использование двух профилей (рис. 4).

Далее проводятся операции по созданию трехмерной модели резервуара сосуда. Для этого внешний контур сосуда удаляется, после чего остается внутренний контур резервуара, который готов к созданию трехмерной модели (рис. 5).

Следующий шаг - по двум профилям создаются две трехмерные модели половинок сосуда. Трехмерная модель создается экстраполяцией профилей, но в отличие от методов с применением геометрического тела, не на 360°, а на 180° (рис. 6). Этим и достигается большая точность вычисления объема. Объем вычисляется программой автоматически. Далее остается лишь суммировать результат автоматического вычисления объемов двух половинок.

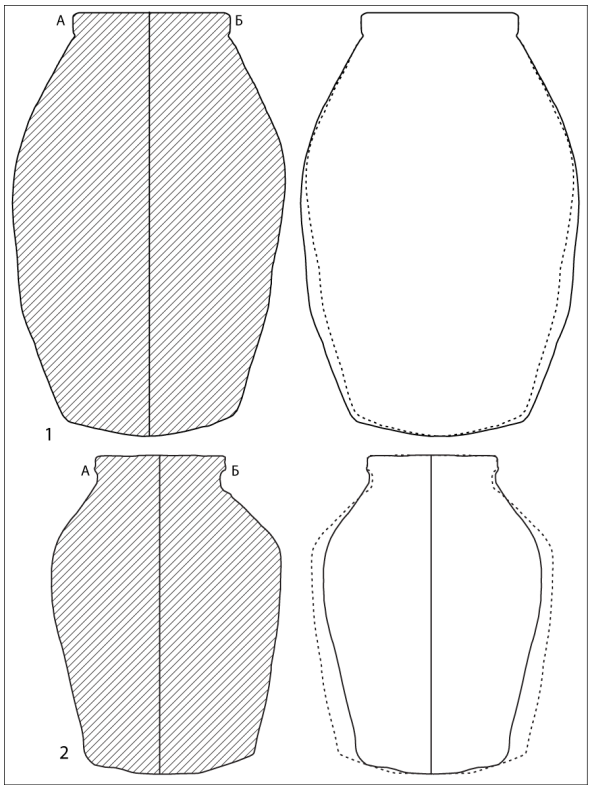


Рис. 3. Сплошная линия - контур по профилю А; пунктирная линия - контур по профилю Б

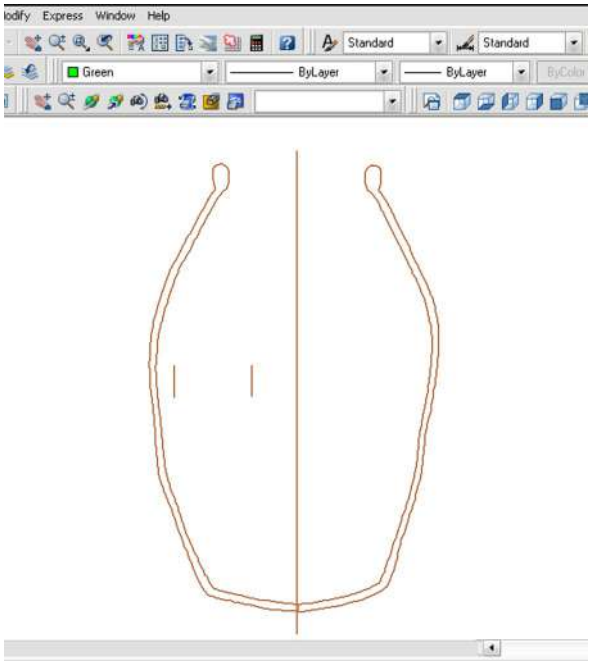


Рис. 4. Во избежание идеализации формы сосуда вычерчиваются два профиля сосуда

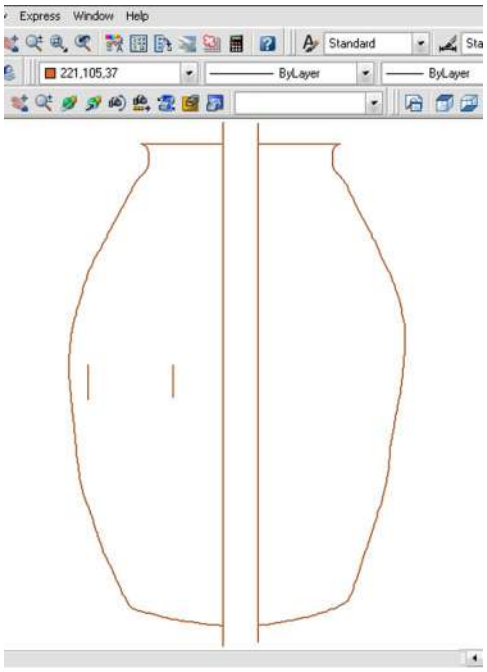


Рис. 5. Профили сосуда по внутренней поверхности резервуара сосуда

Конечно, нельзя утверждать, что применение AutoCAD позволяет определять абсолютно точный объем сосудов. Точность расчетов зависит от качества выполнения чертежей, их аккуратности. Также на результат определения объема может оказать влияние степень точности прорисовки профилей сосудов в программе или погрешности масштабирования сосудов при создании таблиц керамики для публикаций (в случае, если используются опубликованные рисунки). Однако как показывает наш опыт, определение объема сосудов с применением САПР AutoCAD намного точнее, чем методы, где для вычисления объема применяются геометрические тела. Из представленной ниже таблицы видно, насколько бывают несимметричны сосуды, насколько расходятся объемы двух половинок одного сосуда (столбцы 2-4), какова степень расхождения результатов вычисления сосудов по различным профилям при игнорировании проблемы идеализации (столбцы 8-9) и насколько разнятся результаты определения объема в AutoCAD с учетом проблемы идеализации (столбец 5) и без учета последней (столбцы 6-7).

Опыт применения трехмерных моделей известен мировой практике. Из доступных публикаций можно упомянуть работу исследователей Тель-Авивского универ-

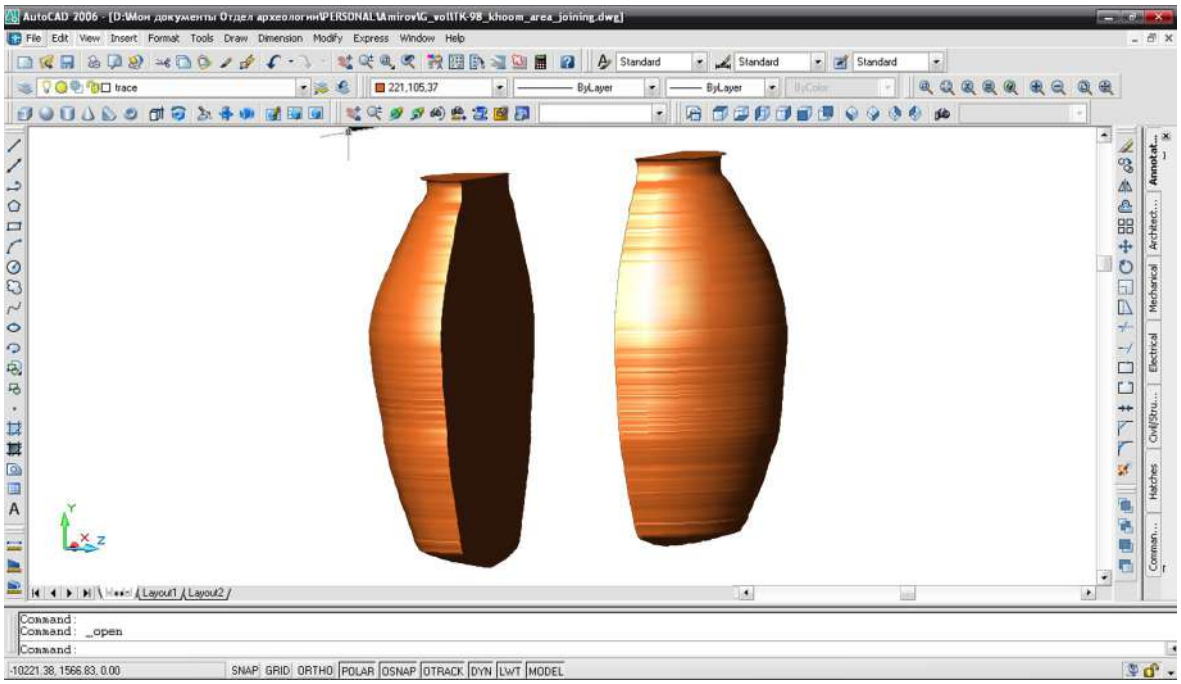


Рис. 6. Трехмерные модели половинок сосуда, созданные по двум профилям

Сосуды	Ссылка на местонахождение или публикацию	Объем половины сосуда по левому профилю	Объем половины сосуда по правому профилю	Объем по сумме профилей	Идеализированный объем по левому профилю	Идеализированный объем по правому профилю	Расхождение идеализированного объема по левому профилю	Расхождение идеализированного объема по правому профилю
Хум из Айбугир-кала Большая*	Мамбетуллаев М. Городище Большая Айбуийр-кала (раскопки 1976-1977 и 1981 гг.) // Археология Приаралья, вып. IV, Ташкент, 1990, рис. 5, 3, с. 99.	150,7	146,1	296,8	301,4	292,2	-4,6	4,6
Хум из крепости Капарас	Воробьева М.Г. Крепость Капарас. // Древности Южного Хорезма. ТХАЭЭ, т. XVI, М., "Наука", 1991, с. 206, рис. 75, 4.	239,5	208,8	448,3	479	417,6	-30,7	30,7
Хум из Ташкырман-тепе	Не опубликован, хранится в отделе археологии ИИАЭ ККО АН РУз.	316,1	279,7	595,8	632,2	559,4	-36,4	36,4
Хум из Топрак-калы	Воробьева М.Г. Керамика Хорезма античного периода // Керамика Хорезма. ТХАЭЭ, т. IV, М., 1959, с. 158, рис. 35, *29.*	168,7	156,6	325,3	337,4	313,2	-12,1	12,1
Хум из Кой-крылган-калы	Воробьева М.Г. Керамика Хорезма античного периода // Керамика Хорезма. ТХАЭЭ, т. IV, с. 93, рис. 9, 19.	139,5	147,5	287	279	295	8	-8
Хум из городища Хазарасп	Воробьева М.Г., Лапиров-Скобло М.С., Неразик Е.Е. Археологические работы в Хазараспе в 1958-1960 гг. // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958-1961 гг. МХЭ, вып., 6, Москва, 1963, с. 178, рис. 13, 38.	176,0	147,5	323,5	352	295	-28,5	28,5

ситета, использовавших 3D модели для вычисления объема крупных тарных сосудов VII в. до н.э. (Zapassky E., Finkelstein I., Benenson I., 2009, pp. 51-67).

В итоге можно заключить, что применение AutoCAD для вычисления объема сосудов оправдывает себя и может быть весьма полезно в изучении вопросов, связанных с производством керамики и ее стандартизации в древности и средневековье.

В заключение, используя возможность, хотелось бы выразить благодарность аспиранту Сиднейского университета Мишель Негас-Клири (Michelle Negus-Cleary) за помощь в освоении основ САПР AutoCAD.

Примечания

1. В публикации этот метод называется «bevel-walled cylinders». В переводе это означает цилиндры со скошенными стенками. Цилиндр со скошенными стенками – это и есть усеченный конус.
2. Работа доступна по веб. адресу: http://potweb.ashmolean.org/NewBodleian/11-Calculating.html

* В публикации М. Мамбетуллаева (см. таблицу) объем сосуда 195,5 л. Автор не указывает каким образом был вычислен объем, но указанный объем, безусловно, неверный. Наши измерения по методу суммированных цилиндров дали идеализированный объем 288 л. Объем, определенный с применением AutoCAD, по двум профилям составил 297 л (см. таблицу).

Использованная литература

Вайнберг Б.И., Болелов С.Б. Нурумский оазис на западе Хорезма // Biblioteca Turkmenica. Культурные ценности. Международный ежегодник – 1997-1998. Санкт-Петербург, 1999.

Воробьева М.Г. Керамика Хорезма античного периода // ТХАЭЭ, т. IV, М., 1959.

Воробьева М.Г., Лапиров-Скобло М.С., Неразик Е.Е. Археологические работы в Хазараспе в 1958-1960 гг. // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958-1961 гг. МХЭ, Вып.6, Москва, 1963

Воробьева М.Г. Крепость Капарас // Древности Южного Хорезма. ТХАЭЭ, т. XVI, М., 1991.

Мамбетуллаев М. Городище Большая Айбуийр-кала (раскопки 1976-1977 и 1981 гг.) // Археология Приаралья. Вып.IV, рис. 5, 3, с. 99.

Senior L.M., Birnie D.P. III. Accurately estimating vessel volume from profile illustrations // American Antiquity. Society for American archaeology. Vol. 60, N° 2, 1995.

Nelson B.A. Reconstructing ceramic vessels and their systematic contexts // Decoding prehistoric ceramics. Southern Illinois University Press, 1985.

Thomas J.R., Wheeler C. Methods of Calculating the Capacity of Pottery Vessels // Вебсайт Asmolean Museum. http://potweb.ashmolean.org/NewBodleian/11-Calculating. html.

Zapassky E., Finkelstein I., Benenson I. Computing Abilities in Antiquity: The Royal Judahite Storage Jars as a Case-study // Archaeol Method Theory, 2009. Vol.16, pp. 51-67. на сайте Университета Тель-Авива http://www.tau.ac.il/~bennya/publications/JAMT2009ZapasskyFinkelstein Benenson.pdf Адрес DOI 10.1007/s10816-008-9059-3.

Г.Х. Хожаниязов в Крымской археологической экспедиции МГУ: Херсонес (Севастополь) 1975 г.

Г.Х. Хожаниязов во время раскопок в городе Хиве. 1984 г.

М.М. Мамбетуллаев, Н.Ю. Юсупов, Г.Х. Хожаниязов за работой в отделе археологии 1987 г.

Участники международного симпозиума в Акшахан кале, 2000 г. М.М. Мамбетуллаев, Пьер Лериш, Г.И. Богомолов, Ю.Ф. Буряков, Т.Ш. Ширинов, Ш.Б. Шайдуллаев, М.И. Исхаков, К.С. Сапаров, Г.Х. Хожаниязов, Г.М. Машарипова

Археологи Каракалпакстана. Ж.Х. Хакимниязов, М.Т. Торебеков, М.Ш. Кдырниязов, Г.Х. Ходжаниязов, Б.С. Сайпанов, Е.Б. Бижанов, В.Н. Ягодин. 2005 г.

М.-Ш. Кдырниязов, А.Д. Искандерова, М.Т. Торебеков, Ж.Х. Хакимниязов, Б.С. Сайпанов, Г.Х. Хожаниязов, В.Н. Ягодин, Е.Б. Бижанов, А. Авизова. 2005 г.

Академик А.А. Аскаров, Г.Х. Хожаниязов. Акшахан-кала. 2006 г.

С. Хелмс, Г.Х. Хожаниязов. Акшахан-кала. 2006 г.

В.Н.Ягодин, А.В.Г. Беттс (Австралия) и Г.Х.Ходжаниязов на Кара-тепе. 2009 г.

С внуками и внучками. Арзайым, Бекзат, Дауранбек, Перизат, Айгул

Список сокращений

АИУ	– Археологические исследования в Узбекистане.
АКД	– Автореферат кандидатской диссертации.
АП	– Археология Приаралья.
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
АО	– Археологические открытия.
ВДИ	– Вестник древней истории.
ВККО АН РУз	– Вестник Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан.
ВККФ АН	– Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР
ГАИМК	– Государственная Академия истории материальной культуры.
ГМВ	– Государственный музей Востока
ЗВОРАО	– Записки Восточного отдела Русского археологического общества.
ЗКВ	– Записки коллегии востоковедов.
ИМКУ	– История материальной культуры Узбекистана.
ИИАЭ	– Институт истории, археологии и этнографии
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
КСИИМК	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР .
МОН РК	– Министерство образования и науки Республики Казахстан
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР.
МИТТ	– Материалы по истории туркмен и Туркмении.
МХЭ	– Материалы Хорезмской экспедиции.
НАН РК	– Национальная академия наук Республики Казахстан
НГПИ	– Нукусский государственный педагогический институт им. Ажинияза.
НЭ	– Нумизматика и эпиграфика.
ОНУ	– Общественные науки Узбекистана.
СА	– Советская археология.
САГУ	– Среднеазиатский государственный университет.
СМИЗО	– Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды.
СЭ	– Советская этнография.
ТД	– Тезисы докладов.
ТКАЭЭ	– Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции.
ТОВЭ	– Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа.
ТХАЭЭ	– Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции.
ЭВ	– Эпиграфика Востока
ЮТАКЭ	– Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции

Академия наук Республики Узбекистан
Институт археологии им. Я. Гулямова

Каракалпакский научно-исследовательский институт гуманитарных наук

Каракалпакский государственный университет им. Бердаха

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ ТУРАНА
№1

Редакторы:
М.В. Кондрикова,
А.Д. Искандерова

Компьютерная верстка:
Т.Х. Очилов

Составитель:
А.Д. Искандерова

Сдано в набор 14.05.2012. Подписано в печать 15.07.2013.
Формат 60x84 $^{1}/_{8}$. Гарнитура Times. Усл.печ.л. 25,5.
Тираж 200 экз. Заказ 339.

Отпечатано в типографии Институте археологии АН РУз.
140151, Самарканд, ул. В. Абдуллаева, 3.
Телефон: (366) 232-12-90

ISBN 978-9943-11-207-0

9 789943 112070